

Введение
в германскую
филологию

М.Г. Арсеньева, С.П. Балашова,
В.П. Берков, Л.Н. Соловьева

Введение в германскую филологию

Издание третье, исправленное и дополненное

Москва
Издательство "ГИС"
2000

Допущено Министерством высшего и среднего
специального образования РФ в качестве учебника для филологических
факультетов университетов

Рецензенты:

кафедра английской филологии Тартуского государственного
университета; доктор филологических наук С.А. Мионов.

В 24   Введение в германскую филологию: Учебник для фи-
лологических факультетов./Арсеньева М. Г., Балашо-
ва С. П., Берков В. П., Соловьева Л. Н. — М.: ГИС,
2000. — 314 с.

Предметом и задачей учебника является ознакомление студентов филологических факультетов с особенностями германских языков, основными этапами сложения каждого из них и краткой их историей. Лингвистический материал дается на фоне исторического обзора общественно-политической, экономической и культурной жизни народов, говорящих на германских языках.

ББК 81

Настоящий учебник создан на основе лекционных курсов, читаемых авторами в Ленинградском университете, и построен в соответствии с программой, утвержденной Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР.

Задачей учебника является ознакомление студентов с характерными чертами группы германских языков в составе индоевропейской языковой семьи, с основными этапами развития и с отличительными особенностями каждого из германских языков. По своей проблематике это один из основных и самых широких курсов, которые читаются на филологических факультетах университетов для студентов-германистов.

Учебник делится на три части. Первая часть посвящена истории древних германцев — носителей племенных германских языков. Здесь излагаются сведения о расселении германцев на территории Европы, их основных племенных группировках, о возникновении племенных объединений и формировании первых варварских королевств. Во второй части излагается история германской филологии и освещаются положения сравнительно-исторического метода, на основе которого были установлены особенности германских языков, определяющие их своеобразие и их отношение к другим группам индоевропейских языков. Специальные разделы посвящены характерным особенностям фонологической системы, грамматического строя (морфологии) и лексики германских языков. В третьей части дается краткое изложение истории каждого из германских языков от первых дошедших до нас памятников до современного состояния, выявляются общие и особые закономерности их развития, обусловленные взаимодействием внутренних и внешних факторов. Эти краткие исторические очерки подготавливают студентов к более детальному изучению истории отдельных германских языков.

Разделы книги «Введение», «Древние германцы», «Основные этапы развития германских языков», «Английский язык» написаны Л. Н. Соловьевой, разделы «Исто-

рия германской письменности», «Древнесаксонский язык», «Немецкий язык» — М. Г. Арсеньевой, разделы «История германской филологии», «Общеиндоевропейские черты германских языков», «Общие особенности германского языкового ареала», «Восточногерманские языки» — С. П. Балашовой, разделы «Скандинавские языки», «Фризский язык», «Нидерландский язык», «Язык африкаанс», «Заключение» — В. П. Берковым.

Авторы считают своим долгом выразить благодарность докторам филологических наук И. П. Ивановой, Т. В. Строевой, кандидату филологических наук Л. П. Чахоян, а также рецензентам рукописи доктору филологических наук С. А. Миронову и кандидату филологических наук О. В. Мутту за ценные критические замечания. Глубокую признательность авторы выражают специальному научному редактору доктору филологических наук В. М. Павлову за огромную помощь в работе над рукописью.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ

Изданный в 1980 г. учебник «Введение в германскую филологию» сегодня, 18 лет спустя, стал библиографической редкостью. Объединив в пределах одного учебника в сжатой форме основные сведения об истории древнегерманских племен и их языков, об общих особенностях германских языков как языковой группы и важнейших чертах отдельных германских языков, о письменных памятниках на этих языках и их дальнейшем развитии, учебник сумел найти свою нишу среди учебных и научных трудов по германской филологии. Предназначавшийся в первую очередь для студентов-германистов филологических факультетов университетов, он широко используется также аспирантами и преподавателями.

Все сказанное выше послужило основанием для решения о переиздании учебника. Второе издание выходит с довольно многочисленными более или менее мелкими поправками; была учтена также изменившаяся после 1991 г. политическая и в какой-то мере и языковая ситуация в Федеративной Республике Германии.

апрель 1998 г.

АВТОРЫ

§ 1. Современные германские языки и их распространение на земном шаре. Среди индоевропейских языков германские языки занимают первое место по числу говорящих на них людей (свыше 400 миллионов человек из 1600 миллионов говорящих на различных индоевропейских языках).

К современным германским языкам относятся:

1. Английский язык, на котором говорят в Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии. В этих странах он является национальным языком, языком подавляющего большинства населения. В Канаде английский язык — один из двух государственных языков, наряду с французским, причем англо-канадцы составляют свыше 40% населения. В Южно-Африканской Республике английский язык также является одним из государственных языков, наряду с африкаанс (бурским). Английский язык насильственно внедрялся как язык колониального господства и был государственным языком в бывших колониях и доминионах Англии, где наряду с ним существовали местные языки основного населения этих стран. С освобождением их из-под власти Великобритании английский язык утрачивает свое господствующее положение и постепенно вытесняется местными языками. На английском языке говорят около 400 миллионов человек.

2. Немецкий язык распространен в Германии, Австрии, в северной и центральной Швейцарии, в Люксембурге, на территории Франции — в Эльзасе и в Лотарингии. Он распространен также в некоторых других районах на территории Европы и США. На немецком языке говорят около 100 миллионов человек.

3. Нидерландский (голландский) язык — язык населения Нидерландов и Фландрии, объединяющей северные провинции Бельгии; нидерландский язык имеет некоторое распространение в США, в Вест-Индии. На нидерландском языке говорят более 19 миллионов человек.

4. Африкаанс (бурский) — язык потомков нидерландских колонистов, один из двух государственных языков ЮАР (второй государственный язык ЮАР — английский). На нем говорят около 3,5 миллионов человек.

5. Идиш — современный еврейский язык. Распространен в различных странах среди еврейского населения.

6. Фризский не является самостоятельным национальным языком; на нем говорит население Фризских островов, северного побережья Нидерландов и небольшого округа на северо-западе Германии. На фризском языке говорят свыше 400 тысяч человек.

Перечисленные выше языки относятся к западногерманской подгруппе.

К северогерманской (скандинавской) подгруппе относятся следующие языки:

1. Исландский — язык населения Исландии (около 270 тысяч человек).

2. Норвежский — язык населения Норвегии (около 4,2 миллионов человек).

3. Фарерский — язык населения Фарерских островов (около 50 тысяч человек).

4. Шведский — язык населения Швеции (около 8 миллионов человек) и части населения Финляндии (около 300 тысяч человек).

5. Датский — язык населения Дании (свыше 5 миллионов человек); датский язык распространен также в Гренландии и на Фарерских островах.

Скандинавские языки — шведский, норвежский, а также датский — распространены в некоторых штатах США и в Канаде среди эмигрантов из скандинавских стран; находясь в иноязычном окружении, эти языки претерпевают значительные изменения.

§ 2. Теория «германской расы» и ее несостоятельность. В ряде работ зарубежных авторов (Э. Прокоша, Т. Е. Карстена и др.) германские языки рассматриваются как языки, в которых индоевропейский элемент сохранился в большей «чистоте» по сравнению с другими языками индоевропейской семьи. В этих рассуждениях можно видеть отражение реакционной «нордической» теории, сторонники которой считали германцев («арийцев») высшей расой, развивавшейся обособленно от других народов. Эта теория получила широкое распространение и легла в основу официальной идеологии в Германии в период господства фашизма. Не говоря уже о том, что сама постановка вопроса об «исключительности» и «превосходстве» той или иной расы не выдерживает критики, факты науки опровергают «нордическую» теорию. Древние германцы в своем развитии проходили те же стадии, какие были характерны для развития других племен и народов. О том, что германцы отнюдь не составляют какой-либо расы, отличающейся особым, «чистым», «несмешанным» характером, убедительно свидетельствуют как результаты археологических раскопок, так и сведения, содержащиеся в трудах античных авторов, в частности в высказываниях Цезаря и Тацита о смешанных браках германцев с представителями других племен, а также бесспорно установленные исторической наукой факты романизации и кельтизации отдельных германских племен.

Нельзя согласиться с теми учеными, которые считают, что в германских языках наиболее полно сохранились исконные индоевропейские черты. В процессе развития под влиянием многих причин в германских языках появился целый ряд новых элементов, которых не было в эпоху индоевропейской общности, и нет никаких оснований противопоставлять германские языки другим индоевропейским языкам по признаку якобы присущей им большей «исконности».

Глава I. История древних германцев

§ 3. Первые сведения о германцах. Заселение севера Европы индоевропейскими племенами происходило приблизительно за 3000—2500 лет до н. э., как об этом позволяют судить данные археологии. До этого побережья Северного и Балтийского морей были заселены племенами, по-видимому, иной этнической группы. От смешения с ними индоевропейских пришельцев и произошли племена, давшие начало германцам. Их язык, обособившийся от других индоевропейских языков, явился германским языком-основой, из которого в процессе последующего дробления племен возникли новые племенные языки германцев.

О доисторическом периоде существования германских племен можно судить лишь по данным археологии и этнографии, а также по некоторым заимствованиям в языках тех племен, которые в древности кочевали по соседству с ними — финнов, лапландцев (см. § 11).

Германцы обитали на севере центральной Европы между Эльбой и Одером и на юге Скандинавии, включая и полуостров Ютландию. Данные археологии позволяют предполагать, что эти территории были заселены германскими племенами с начала неолита, то есть с третьего тысячелетия до н. э.

Первые сведения о древних германцах встречаются в трудах греческих и римских авторов. Самое раннее упоминание о них было сделано купцом Пифеем из Массилии (Марсель), жившим во второй половине 4 в. до н. э. Пифей путешествовал морем вдоль западного побережья Европы, затем по южному побережью Северного моря. Он упоминает племена гуттонов и тевтонов, с которыми ему пришлось встречаться во время его плавания. Описание путешествия Пифея до нас не дошло, но им пользовались более поздние историки и географы, греческие авторы Полибий, Посидоний (2 в. до н. э.), римский историк

Тит Ливий (1 в. до н. э. — нач. 1 в. н. э.). Они приводят извлечения из сочинения Пифея, а также упоминают о набегах германских племен на эллинистические государства юго-восточной Европы и на южную Галлию и северную Италию в конце 2 в. до н. э.

С первых веков новой эры сведения о германцах становятся несколько более подробными. Греческий историк Страбон (умер в 20 г. н. э.) пишет о том, что германцы (свевы) кочуют в лесах, строят хижины и занимаются скотоводством. Греческий писатель Плутарх (46—127 гг. н. э.) описывает германцев как диких кочевников, которым чужды всякие мирные занятия, такие, как земледелие и скотоводство; их единственное призвание — войны. По свидетельству Плутарха, германские племена служили наемниками в войсках македонского царя Персея в начале 2 в. до н. э.

К концу 2 в. до н. э. германские племена кимвров появляются у северо-восточных окраин Аппенинского полуострова. По описаниям античных авторов, это были рослые, светловолосые, сильные люди, часто одетые в шкуры или кожи животных, с дощатыми щитами, вооруженные обожженными кольями и стрелами с каменными наконечниками. Они разбили римские войска и после этого двинулись на запад, соединившись с тевтонами. На протяжении нескольких лет они одерживали победы над римскими армиями, пока их не разгромил римский полководец Марий (102—101 гг. до н. э.).

В дальнейшем германцы не прекращают набегов на Рим и все больше и больше угрожают Римской империи.

§ 4. Германцы эпохи Цезаря и Тацита. Когда в середине 1 в. до н. э. Юлий Цезарь (100—44 гг. до н. э.) столкнулся в Галлии с германскими племенами, они обитали на большом пространстве центральной Европы; на западе территория, занимаемая германскими племенами, доходила до Рейна, на юге — до Дуная, на востоке — до Вислы, а на севере — до Северного и Балтийского морей, захватывая и южную часть Скандинавского полуострова. В своих «Записках о галльской войне» Цезарь более подробно, чем его предшественники, описывает германцев. Он пишет об общественном строе, хозяйственном укладе и быте древних германцев, а также излагает ход военных событий и столкновений с отдельными германскими племенами. Будучи наместником Галлии в 58—51 гг., Цезарь совершил оттуда две экспедиции против германцев, которые пытались захватить области на левом берегу Рейна. Одна экспедиция была организована им против свевов, которые перешли на левый берег Рейна. В сражении со свевами римляне одержали победу; Ариовист, вождь свевов, спасся бегством, переправившись на правый берег Рейна. В результате другой экспедиции Цезарь изгнал германские племена узипетов и тенктеров с севера Галлии. Рассказывая о столкновениях с германскими отрядами во время этих экспедиций, Цезарь подробно описывает их военную тактику, способы нападения и обороны. Германцы строились для наступления фалангами, по племенам. Они пользовались прикрытием леса для внезапности нападения. Основной способ защиты от врагов состоял в отгораживании лесными массивами. Этот естественный способ защиты

знали не только германцы, но и другие племена, жившие в лесистых местностях (ср. название *Бранденбург* от славянского *Бранибор*; чеш. *бранити* — 'защищать').

Надежным источником сведений о древних германцах являются сочинения Плиния Старшего (23—79 гг.). Плиний провел много лет в римских провинциях Нижняя и Верхняя Германия, будучи на военной службе. В своей «Естественной истории» и в других трудах, дошедших до нас далеко не полностью, Плиний описал не только военные действия, но и физико-географические особенности большой территории, занятой германскими племенами, перечислил и первый дал классификацию германских племен, исходя, в основном, из собственного опыта.

Наиболее полные сведения о древних германцах дает Корнелий Тацит (ок. 55 — ок. 120 гг.). В своем труде «Германия» он повествует об образе жизни, быте, обычаях и верованиях германцев; в «Историях» и «Анналах» он излагает подробности римско-германских военных столкновений. Тацит был одним из крупнейших римских историков. Сам он никогда не был в Германии и пользовался сведениями, которые он мог как римский сенатор получать от полководцев, из тайных и официальных донесений, от путешественников и участников военных походов; он широко использовал также сведения о германцах в трудах своих предшественников и, в первую очередь, в сочинениях Плиния Старшего.

Эпоха Тацита, как и последующие века, заполнена военными столкновениями римлян с германцами. Многочисленные попытки римских полководцев покорить германцев терпели неудачи. Чтобы воспрепятствовать их продвижению на территории, отвоеванные римлянами у кельтов, император Адриан (правивший в 117—138 гг.) возводит мощные оборонительные сооружения по Рейну и верхнему течению Дуная, на границе между римскими и германскими владениями. Многочисленные военные лагеря-поселения становятся опорными пунктами римлян на этой территории; впоследствии на их месте возникли города, в современных названиях которых хранятся отголоски их прежней истории¹.

Во второй половине 2 в., после непродолжительного затишья, германцы вновь активизируют наступательные действия. В 167 г. маркоманны в союзе с другими германскими племенами прорывают укрепления на Дунае и занимают римскую территорию на севере Италии. Лишь в 180 г. римлянам удастся отеснить их вновь на северный берег Дуная. До начала 3 в. между германцами и римлянами устанавливаются относительно мирные отношения, которые способствовали зна-

---

¹ Так, название города *Кёльн* восходит к *Colonia Agrippinensis*; здесь было поселение германского племени убиев, колонизованное в 55 г. по приказу Агриппины, матери императора Нерона. Название города *Трир* восходит к *Augusta Trevirorum*, важному опорному пункту римлян на Мозеле, временной резиденции римских императоров, *Аугсбург* — к *Augusta Vindelicorum*, бывшему центру римской провинции Реции в предгорьях Альп, *Бонн* — к *Castra Bonnensia*, *Кобленц* — к *ad confluentes*, букв. 'у слияния', у впадения Мозеля в Рейн. Латинские слова *castra* и *colonia* сохранились в названиях ряда городов Европы и на Британских островах.

чительным изменениям в экономической и общественной жизни германцев.

§ 5. Общественный строй и быт древних германцев. До эпохи Великого переселения народов у германцев был родовой строй. Цезарь пишет, что германцы селились родами и родственными группами, т. е. племенными общинами. Некоторые современные географические названия сохранили свидетельства такого расселения. Имя главы рода, оформленное так называемым патронимическим суффиксом (суффиксом «отчества») *-ing/-ung*, как правило, закреплялось за названием всего рода или племени, например: Валисунги — люди конунга Валиса. Названия мест поселения племен образовывались от этих родовых имен в форме дательного падежа множественного числа. Так, в Германии есть город Эппинген (первоначальное значение «у людей Эппо»), город Зигмаринген («у людей Зигмара»), Майнинген и др. Превратившись в топонимический суффикс, морфема *-ingen/-ungen* пережила распад общинно-родового строя и продолжала служить средством образования названий городов в более поздние исторические эпохи; так возникли названия Геттинген, Золинген, Штралунген на территории Германии. В Англии к суффиксу *-ing* прибавлялась основа *hām* (да. *hām* 'жилище, поместье', ср. на. *hōpe* 'дом, жилище'); из их слияния образовался топонимический суффикс *-ингем*: Бирмингем, Ноттингем и т. п. На территории Франции, где были поселения франков, сохранились подобные географические названия: Карлинг, Эппинг. Позднее суффикс подвергается романизации и выступает во французской форме *-анге*: Бруланж, Вольмеранж и т. п. (Топонимы с патронимическими суффиксами встречаются и в славянских языках, например, Боровичи, Думиничи в России, Климовичи, Маневичи в Белоруссии и т. д.)

Во главе германских племен стояли старейшины — кунинги (двн. *kuning* букв. 'родоначальник', ср. гот. *kuni*, да. *супп*, двн. *kunpi*, дск. *куп*, лат. *genus*, гр. *γενος* 'род'). Высшая власть принадлежала народному собранию, на которое являлись все мужчины племени в боевом вооружении. Повседневные дела решались советом старейшин. В военное время избирался военачальник (двн. *herizogo*, да. *heretoga*, дисл. *hertogi*; ср. нем. *Herzog* 'герцог'). Он собирал вокруг себя дружину. Ф. Энгельс писал, что «это была наиболее развитая организация управления, какая вообще могла развиться при родовом устройстве»¹.

В эту эпоху у германцев господствуют патриархально-родовые отношения. Вместе с тем, у Тацита и в некоторых других источниках, которые приводит Ф. Энгельс, имеются сведения о наличии у германцев пережитков матриархата. Так, например, у некоторых германцев более тесные узы родства признаются между дядей и племянником по сестре, чем между отцом и сыном, хотя наследником является сын. В качестве заложника племянник по сестре более желателен для врага. Наиболее же верную гарантию в заложничестве представляли девушки-

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 144.

ки — дочери или племянницы из рода вождя племени. Пережитком матриархата является и то, что в женщине древние германцы видели особую пророческую силу, советовались с ней в важнейших делах. Женщины не только воодушевляли воинов перед сражениями, но и во время сражений могли повлиять на их исход, идя навстречу обратившимся в бегство мужчинам и этим останавливая их и побуждая сражаться до победы, так как для германцев-воинов была страшна мысль о том, что женщины их племени могут попасть в плен. Некоторые пережитки матриархата прослеживаются в более поздних источниках, например в скандинавской поэзии.

О кровной мести, характерной для родового строя, имеются упоминания у Тацита, в древнегерманских сагах и песнях. Тацит отмечает, что месть за убийство может заменяться выкупом (скотом). Этот выкуп — «вира» — поступает в пользование всего рода.

Рабство у древних германцев носило иной характер, чем в рабовладельческом Риме. Рабами являлись военнопленные. Свободный член рода тоже мог стать рабом, проиграв себя в кости или в другую азартную игру. Раба можно было продать и безнаказанно убить. Но в других отношениях раб — это младший член рода. Он имеет собственное хозяйство, но обязан отдавать своему господину часть скота и урожая. Его дети растут вместе с детьми свободных германцев, и те и другие в суровых условиях.

Наличие рабов у древних германцев указывает на начавшийся процесс социальной дифференциации. Высший слой германского общества был представлен старейшинами рода, военными вождями и их дружинами. Дружина вождя становилась привилегированной прослойкой, «знатью» древнегерманского племени. Тацит неоднократно связывает два понятия — «военную доблесть» и «знатность», которые выступают как неотъемлемые качества дружинников. Дружинники сопровождают своего вождя в набегах, получают свою долю военной добычи и нередко вместе с вождем идут на службу к иноземным правителям. Основную же массу воинов составляли все взрослые мужчины германского племени.

Свободные члены племени доставляют вождю часть продуктов своего труда. Тацит отмечает, что вожди «особенно радуются дарам соседних племен, присылаемым не от отдельных лиц, а от имени всего племени и состоящим из отборных коней, ценного оружия, фалер (т. е. украшений для конской сбруи — *Авт.*) и ожерелий; мы научили их принимать также деньги»¹.

Переход к оседлости совершался у германцев в течение первых веков новой эры, хотя непрерывные военные походы эпохи Великого переселения народов вынуждали их к частой смене местожительства. В описаниях Цезаря германцы еще кочевники, занимающиеся в основном скотоводством, а также охотой и военными набегами. Земледелие играет у них незначительную роль, но все же Цезарь неоднократно упоминает в своих «Записках о галльской войне» о земледельческих ра-

¹ Тацит. Германия, гл. XV, цит. по хрестоматии «Древние германцы» под ред. А. Д. Удальцова, с. 64.

ботах германцев. Описывая в книге IV племя свевов, он отмечает, что каждый округ ежегодно высылает на войну по тысяче воинов, тогда как прочие остаются, занимаясь земледелием и «кормя себя и их; через год эти последние в свою очередь отправляются на войну, а те остаются дома. Благодаря этому не прерываются ни земледельческие работы, ни военное дело»¹. В той же главе Цезарь пишет о том, как он сжег все поселки и хутора германского племени сигамбров и «сжал хлеб». Землей они владеют сообща, применяя примитивную залежную систему земледелия, периодически, через два-три года, меняя землю для посевов. Техника обработки земли еще низка, однако Плиний отмечает случаи удобрения почвы мергелем и известью², а археологические находки говорят о том, что земля обрабатывалась не только примитивной мотыгой, но и сохой, и даже плугом.

По описанию быта германцев у Тацита уже можно судить о переходе германцев к оседлости и о возросшей у них роли земледелия. В главе XVIII Тацит пишет, что в приданое, которое по их обычаю не жена приносит мужу, а муж жене, входит упряжка волов; волы же использовались в качестве тягловой силы при обработке земли. Основными злаками были овес, ячмень, рожь, пшеница, выращивались также лен и конопля, из которых выделывались ткани.

Цезарь пишет о том, что питание германцев состоит в основном из молока, сыра, мяса, в меньшей мере из хлеба. Плиний упоминает в качестве их пищи овсяную кашу.

Древние германцы одевались, по свидетельству Цезаря, в звериные шкуры, а Плиний пишет о том, что германцы носят льняные ткани и что они занимаются прядением в «подземных помещениях». Тацит же, кроме одежды из звериных шкур, упоминает кожаные плащи с нашитыми украшениями из меха, а у женщин — одежду из холста, окрашенного в красный цвет.

Цезарь пишет о суровом образе жизни германцев, об их бедности, о том, что они закаляются с детства, приучая себя к лишениям. Об этом же пишет и Тацит, который приводит пример некоторых развлечений германских юношей, развивающих у них силу и ловкость. Одно из таких развлечений состоит в том, чтобы прыгать обнаженными между мечами, воткнутыми в землю остриями вверх.

По описанию Тацита, селения германцев состояли из бревенчатых хижин, которые отстояли друг от друга на значительном расстоянии и были окружены земельными участками. Возможно, в этих жилищах размещались не отдельные семьи, а целые родовые группы. О внешнем украшении своих жилищ германцы, по-видимому, не заботились, хотя части строений обмазывали цветной глиной, что улучшало их вид. Германцы выкапывали также помещения в земле и утепляли их сверху, там они хранили припасы и спасались от зимних холодов. О таких «подземных» помещениях и упоминает Плиний.

Германцам были известны различные ремесла. Кроме ткачества, они знали производство мыла и красителей для тканей; некоторым

¹ Цезарь. Записки о галльской войне, там же, с. 19.

² Плиний Старший. Естественная история, там же, с. 52.

племенам были известны гончарное дело, добыча и обработка металлов, а те, которые жили по побережью Балтийского и Северного морей, занимались также судостроением и рыболовством. Торговые сношения существовали между отдельными племенами, но интенсивнее торговля развивалась в местах, пограничных с римскими владениями, и римские купцы проникали в германские земли не только в мирное, но даже и в военное время. Германцы предпочитали меновую торговлю, хотя деньги были им известны уже во времена Цезаря. У римлян германцы покупали металлические изделия, оружие, домашнюю утварь, украшения и разные принадлежности туалета, а также вино и фрукты. Римлянам они продавали скот, шкуры, меха, янтарь с побережья Балтийского моря. Плиний пишет о гусином пухе из Германии и о некоторых овощах, которые вывозились оттуда римлянами. Энгельс считает, что германцы продавали римлянам рабов, в которых они обращали пленных, захваченных во время военных походов.

Торговые сношения с Римом стимулировали развитие ремесел у германских племен. К 5 в. можно наблюдать значительный прогресс в различных областях производства — в судостроении, обработке металлов, чеканке монет, изготовлении украшений и т. д.

§ 6. Обычаи, нравы и верования древних германцев. Об обычаях и нравах древних германцев, об их верованиях сохранились свидетельства античных авторов, многое также нашло отражение в литературных памятниках германских народов, созданных в более поздние эпохи. Тацит пишет о строгости нравов древних германцев, о крепости семейных уз. Германцы гостеприимны, во время пиров неумеренны в вине; в играх азартны, вплоть до того, что могут проиграть все, даже свою свободу. Все важнейшие события в жизни — рождение ребенка, посвящение в мужчины, бракосочетание, похороны и другие — сопровождались соответствующими обрядами и пением. Своих покойников германцы сжигали; хороня воина, сжигали также его доспехи, а иногда и коня. Богатое устное творчество германцев существовало в разных стихотворно-песенных жанрах. Широко бытовали обрядовые песни, магические формулы и заклинания, загадки, сказания, а также песни, сопровождавшие трудовые процессы. Из ранних языческих памятников сохранились записанные в 10 в. на древневерхненемецком языке «Мерзбургские заклинания» (см. § 153), в более поздней записи на древнеанглийском — заговоры, написанные метрическим стихом (11 в.). По-видимому, памятники языческой культуры уничтожались в средние века во время насаждения христианства. Дохристианские верования и мифы отражаются в древнескандинавских сагах и в эпосе (см. § 89).

Религия древних германцев уходит своими корнями в общее индоевропейское прошлое, но в ней развиваются и собственно германские черты. Тацит пишет о культе Геркулеса, которого воины прославляли песнями, отправляясь в бой. Этот бог — бог грома — назывался у германцев Донар (сканд. Тор); его изображали с мощным молотом, которым он производил гром и сокрушал врагов. Германцы верили, что в сражениях с врагами боги помогают им, и они брали с собой в

битвы изображения богов как боевые знамена. Вместе с боевыми песнями у них существовал особый напев без слов, так называемый «бардит» (*barditus*), который исполнялся в виде сильного прерывистого гула для устрашения врагов.

Особо почитаемыми божествами были также Водан и Тиу, которых Тацит называет Меркурием и Марсом. Водан (сканд. *Ódin*) был верховным божеством, он господствовал как над людьми, так и в Валгалле (сканд. *valhöll* от *valg* 'трупы убитых в битве' и *höll* 'чертог'), где после смерти продолжали жить воины, павшие в боях.

Наряду с этими главными и древнейшими богами — «асами» — у германцев были также «ваны», которые, как можно предполагать, были восприняты индоевропейскими племенами от побежденных ими племен другой этнической группы. Германские мифы рассказывают о долгой борьбе асов с ванами. Не исключено, что в этих мифах отразилась реальная история борьбы индоевропейских пришельцев с племенами, населявшими до них север Европы, в результате смешения с которыми и произошли германцы (см. § 3).

В мифах говорится о том, что германцы ведут свое начало от богов. Земля породила бога Туиско, а его сын Манн стал прародителем рода германцев. Богов германцы наделяли человеческими качествами и считали, что люди уступают им в силе, мудрости, знаниях, но боги смертны, и, как всему на земле, им суждено погибнуть в последней мировой катастрофе, в последнем столкновении всех противоборствующих сил природы.

Вселенную древние германцы представляли себе как некое исполинское дерево-ясень, на ярусах которого расположены владения богов и людей. В самой середине обитают люди и все, что их непосредственно окружает и доступно их восприятию. Это понятие сохранилось в древнегерманских языках в названии земного мира: дивн. *mittilgart*, дс. *middilgard*, дисл. *midgarðr*, да. *middanzæard*, гот. *midjungards* (букв. «среднее жилище»). Главные боги — асы — обитают на самом верху, в самом же низу помещается мир духов тьмы и зла — преисподняя. Вокруг мира людей были миры разных сил: на юге — мир огня, на севере — мир холода и туманов, на востоке — мир великанов, на западе — мир ванов.

Каждое племенное объединение древних германцев являлось также и культовым союзом. Первоначально богослужения совершал старейшина рода или племени, позднее возникло сословие жрецов.

Свои культовые обряды, которые иногда сопровождалось жертвоприношениями людей или животных, германцы совершали в священных рощах. Там хранились изображения богов, а также содержались специально предназначенные для отправления культа белоснежные лошади, которых в определенные дни впрягали в освященные повозки; жрецы слушали их ржание и фырканье и толковали его, как некое пророчество. Гадали также и по полету птиц. Античные авторы упоминают о распространении среди германцев различных гаданий. Цезарь пишет о жеребьевых палочках, гадание по которым спасло от смерти пленного римлянина; таким же способом женщины племени га-

дали о сроках наступления на врага. Страбон рассказывает о жрицах-предсказательницах, гадавших на крови и внутренностях убитых ими пленных. Руническое письмо, которое появилось у германцев в первые века нашей эры и было доступно сначала только жрецам, служило для гаданий и заклинаний.

Германцы обожествляли своих героев. Они чтили в сказаниях «великого освободителя Германии» Арминия, победившего римского главнокомандующего Вара в битве в Тевтобургском лесу. Этот эпизод относится к началу 1 в. н. э. Римляне вторглись на территорию германских племен между реками Эмсом и Везером. Они пытались навязать германцам свои законы, вымогали у них налоги и всячески притесняли их. Арминий, принадлежавший к родовой знати племени херусков, провел юность на римской военной службе и был в доверии у Вара. Он организовал заговор, сумев вовлечь в него вождей других германских племен, также служивших у римлян. Германцы нанесли сильный удар Римской империи, уничтожив три римских легиона.

Отголоски древнегерманского религиозного культа дошли до нас в некоторых географических названиях. Название столицы Норвегии Осло восходит к дисл. áss 'бог' и lo 'прогалина'. Столица Фарерских островов — Торсхавн 'гавань Тора'. Название города Оденсе, в котором родился Г. Х. Андерсен, происходит от имени верховного бога Одина; название другого датского города — Виборг восходит к ддат. wi 'святилище'. Шведский город Лунд возник, по-видимому, на месте священной рощи, насколько об этом можно судить по древнешведскому значению слова lund (в современном шведском lund 'роща'). Бальдурсхеймур — название хутора в Исландии — хранит память о юном боге Бальдре, сыне Одина. На территории Германии имеется немало небольших городов, сохраняющих имя Водана (с изменением начального w и g): Бад-Годесберг около Бонна (в 947 г. упоминается его первоначальное название Вуоденсберг), Гутенсвенген, Гуденсберг и др.

§ 7. Великое переселение народов. Усиление имущественного неравенства у германцев и процесс разложения родо-племенных отношений сопровождались значительными изменениями в общественно-политическом строе германских племен. В 3 в. формируются племенные союзы германцев, представляющие собой зачатки государств (см. § 68). Низкий уровень развития производительных сил, потребность в расширении земельных владений, стремление к захвату рабов и к грабежу богатств, накопленных соседними народами, многие из которых далеко опережали германские племена по уровню развития производства и материальной культуры, образование больших племенных союзов, представлявших собою грозную военную силу, — все это в условиях начавшегося разложения родового строя способствовало массовым миграциям германских племен, которые охватили громадные территории Европы и продолжались на протяжении нескольких столетий (4—7 вв.), получивших в истории название эпохи Великого переселения народов. Прологом Великого переселения народов явилось пере-

движение восточногерманских ¹ племен — готов — из области нижнего течения Вислы и с побережья Балтийского моря в причерноморские степи в 3 в., откуда готы, объединившиеся в два крупных племенных союза, позднее продвигаются на запад в пределы Римской империи. Массовые вторжения как восточногерманских, так и западногерманских племен в римские провинции и на территорию самой Италии приобрели особый размах с середины 4 в., толчком к этому явился натиск гуннов — тюрко-монгольских кочевников, надвигавшихся на Европу с востока, из азиатских степей.

Римская империя была к этому времени сильно ослаблена непрерывными войнами, а также внутренними волнениями, восстаниями рабов и колонов и не могла устоять против нарастающего натиска варваров. Падение Римской империи означало и крушение рабовладельческого общества.

Картину Великого переселения народов Ф. Энгельс описывает следующими словами:

«Целые народности, или, по крайней мере, значительные их части отправлялись в дорогу с женами и детьми, со всем своим имуществом. Повозки, прикрытые кожами животных, служили им для жилья и для перевозки женщин, детей и скудной домашней утвари; скот они также вели с собой. Мужчины, вооруженные и в боевом порядке, были готовы преодолеть всякое сопротивление и защищаться от нападений; военный поход днем, ночью военный лагерь в укреплении, сооруженном из повозок. Потери людьми в непрерывных боях, от усталости, голода и болезней во время этих переходов должны были быть огромными. Это была ставка не на жизнь, а на смерть. Если поход удавался, то оставшаяся в живых часть племени селилась на новой земле; в случае же неудачи переселявшееся племя исчезало с лица земли. Кто не пал в бою, погибал в рабстве» ².

Эпоха Великого переселения народов, главными участниками которого на территории Европы были германские племена, завершается в 6—7 вв. формированием германских варварских королевств.

Эпоха Великого переселения народов и сложения варварских королевств нашла отражение в трудах современников, бывших очевидцами происходивших событий.

Римский историк Аммиан Марцеллин (4 в.) в своей истории Рима описывает алеманнские войны и эпизоды из истории готов. Византийский историк Прокопий из Кесарии (6 в.), участвовавший в походах полководца Велизария, пишет о судьбе остготского королевства в Италии, участником разгрома которого он был. О готах же, их происхождении и ранней истории пишет готский историк Иордан (6 в.). Богослов и историк Григорий Турский (6 в.) из племени франков оставил описание Франкского государства при первых Меровингах. Расселение германских племен англов, саксов и ютов на территории Британии и сложение первых англосаксонских королевств описывает в

¹ На основании языковых и этнических данных германские племена объединяют в три подгруппы: западную, восточную и северную. См. § 10.

² Энгельс Ф. К истории древних германцев. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 448.

своей «Церковной истории английского народа» англосаксонский монах-летописец Беда Достопочтенный (8 в.). Ценный труд по истории лангобардов оставил летописец из лангобардов Павел Диакон (8 в.). Все эти, как и многие другие произведения той эпохи, создавались на латинском языке.

Разложение родового строя сопровождается выделением наследственной родовой аристократии. Она складывается из племенных вождей, военачальников и их дружинников, которые сосредоточивают в своих руках значительные материальные богатства. Общинное землепользование постепенно сменяется разделом земель, при котором решающую роль играет наследственно закрепляемое социальное и имущественное неравенство.

Разложение родового строя завершается после падения Рима. При завоевании римских владений надо было вместо римских органов управления создать свои. Так возникает королевская власть. Ф. Энгельс следующим образом описывает этот исторический процесс: «Органы родовой организации управления должны были. . . превратиться в государственные органы, и, притом, под давлением обстоятельств, весьма быстро. Но ближайшим представителем народа-завоевателя был военачальник. Защита завоеванной области внутри и вовне требовала усиления его власти. Наступил момент для превращения власти военачальника в королевскую власть, и это превращение совершилось»¹.

§ 8. Формирование варварских королевств. Процесс сложения германских королевств начинается в 5 в. и идет сложным путем, у разных племен по-разному, в зависимости от конкретной исторической обстановки. Восточные германцы, раньше других пришедшие в непосредственное столкновение с римлянами на территории Римской империи, организовались в государства: остготское в Италии, вестготское в Испании, бургундское на среднем Рейне и вандалское в северной Африке. В середине 6 в. войсками византийского императора Юстиниана были уничтожены королевства вандалов и остготов. В 534 г. королевство бургундов было присоединено к государству Меровингов. Франки, вестготы, бургунды смешались с ранее романизированным населением Галлии и Испании, стоявшим на более высоком уровне общественного и культурного развития, и восприняли язык побежденных ими народов. Та же судьба постигла лангобардов (их королевство в северной Италии было завоевано Карлом Великим во второй половине 8 в.). Названия германских племен франков, бургундов и лангобардов сохранились в географических названиях — Франция, Бургундия, Ломбардия.

Западногерманские племена англов, саксов и ютов на протяжении почти полутора веков (с середины 5 в. до конца 6 в.) переселяются в Британию. Сломив сопротивление живших там кельтов, они основывают свои королевства на большей части территории Британии.

Название западногерманского племени, вернее, целой группы племен «франков» встречается впервые в середине 3 в. Множество мелких племен франков объединились в два больших союза — салических и

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи... Маркс К и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 151.

рипуарских франков. В 5 в. салические франки занимали северо-восточную часть Галлии от Рейна до Соммы. Конунги из рода Меровингов в середине 5 в. основали первую франкскую королевскую династию, объединившую впоследствии салиев и рипуариев. Королевство Меровингов при Хлодвиге (481—511) было уже достаточно обширным; в результате победоносных войн Хлодвиг присоединил к нему остатки римских владений между Соммой и Луарой, прирейнские земли алеманнов и вестготов в южной Галлии. Позднее к Франкскому королевству была присоединена большая часть территории к востоку от Рейна, т. е. старые германские земли. Могуществу франков способствовал союз с римской церковью, которая после падения Римской империи продолжала играть большую роль в Западной Европе и оказывала значительное влияние на судьбы формирующихся варварских королевств через распространение христианства.

Зарождающиеся при Меровингах феодальные отношения ведут к обособлению и возвышению отдельных княжеств; при несовершенстве государственного аппарата, при отсутствии централизованного управления королевская власть приходит в упадок. Управление страной сосредоточивается в руках майордомов из представителей знатных родов. Наибольшим влиянием при королевском дворе пользовались майордомы — родоначальники династии Каролингов. Их возвышению способствовали победоносные войны с арабами на юге Галлии, и в 8 в. на франкском престоле появляется новая династия Каролингов. Каролинги еще больше расширяют территорию Франкского королевства, присоединяют к нему области на северо-западе Германии, населенные фризами. При Карле Великом (768—814) были покорены и подвергнуты насильственной христианизации племена саксов, жившие в лесистой местности между нижним Рейном и Эльбой. Он присоединил к своему королевству также большую часть Испании, королевство лангобардов в Италии, Баварию и почти полностью истребил жившие на среднем Дунае племена аваров. Чтобы окончательно утвердиться в своем господстве над огромным пространством романских и германских земель, Карл в 800 г. венчается императором Римской империи. Папа Лев III, который сам лишь благодаря поддержке Карла удержался на папском престоле, возложил на него в Риме императорскую корону.

Деятельность Карла была направлена на укрепление государства. При нем издавались капитулярии — акты каролингского законодательства, были проведены земельные реформы, способствовавшие феодализации франкского общества. Образовав пограничные области — так называемые марки, — он усилил обороноспособность государства. Эпоха Карла вошла в историю как эпоха «каролингского Возрождения». В преданиях и летописях сохранились воспоминания о Карле как о короле-просветителе. При его дворе собирались ученые и поэты, он способствовал распространению культуры и грамотности через монастырские школы и через деятельность монахов-просветителей. Большой подъем переживает архитектурное искусство, строятся многочисленные дворцы и храмы, монументальный облик которых был характерен для раннего романского стиля. Следует отметить, однако,

что термин «Возрождение» можно применять здесь только условно, поскольку деятельность Карла протекала в эпоху распространения религиозно-аскетических догм, ставших на несколько веков препятствием развитию гуманистических идей и подлинному возрождению культурных ценностей, созданных в античную эпоху.

После смерти Карла Великого империя Каролингов стала распадаться на части. Она не представляла собой этнического и языкового целого и не имела прочной экономической базы. При внуках Карла произошел раздел его империи по Верденскому договору (843 г.) на три части. Ему предшествовал договор (842 г.) между Карлом Лысым и Людовиком Немецким о союзе против их брата Лотаря, известный как «Страсбургские клятвы». Он был составлен на двух языках — древневерхненемецком и старофранцузском, что соответствовало объединению населения по более близким языковым связям внутри государства Каролингов. «Как только произошло разграничение на группы по языку..., стало естественно, что эти группы начали служить основой образования государств»¹.

По Верденскому договору западная часть империи — будущая Франция — отошла к Карлу Лысому, восточная часть — будущая Германия — к Людовику Немецкому, а Италию и узкую полосу земли между владениями Карла и Людовика получил Лотарь. С этого времени три государства начинают самостоятельное существование.

Глава II. Древнегерманские племена и их языки

§ 9. Классификация древнегерманских племен. Вопрос о древнегерманских языках и их классификации неразрывно связан с вопросом о племенах — носителях этих языков, с вопросом о классификации этих племен с точки зрения исторической науки.

Первую классификацию германских племен дал Плиний Старший. Он делит все многочисленные германские племена на шесть основных групп:

1. **В и н д и л ы**, включающие в себя племена бургундов, каринов, варинов, гуттонов. Они обитали в восточной части территории, на которой жили германские племена.

2. **И н г в е о н ы** (или **и н г е в о н ы**), включающие в себя племена кимвров, тевтонов, хавков. К ним относились также англы, саксы, юты, фризы и многие другие. Они обитали в северо-западной части германской территории, на побережье Северного моря, и на полуострове Ютландия.

3. **И с т в е о н ы** (или **и с к е в о н ы**), прирейнские германские племена — бруктеры, хамавы, салии и другие, позднее слившиеся в племенные союзы франков.

¹ *Энгельс Ф.* Из рукописного наследия Ф. Энгельса. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 410.

4. Певкины, бастарны, жившие на востоке, на территории, «граничащей с даками».

5. Герминоны (или эрмины). К ним относятся маркоманны, квады, лангобарды, алеманны и некоторые мелкие племена, обитавшие на юге германских земель.

6. Гиллевионы — скандинавские племена. Плиний упоминает их в другой главе своей «Естественной истории», поскольку они были территориально изолированы от других германских племен.

Упоминания об ингевонах, искевонах и герминонах есть и у Тацита. Он говорит о них в связи с мифом, в котором рассказывалось о происхождении германцев от трех сыновей бога Манна: Инге, Иске, Эрмине, которые и дали названия этим трем этническим группам. Тацит перечисляет и племена, входившие в эти группы, упоминая отдельно свефов, «вандилиев» и других, и высказывает предположение, что у бога Туискона, отца Манна, было больше сыновей, от которых пошли названия других племен.

В своем труде «К истории древних германцев» Ф. Энгельс с небольшими поправками принимает классификацию Плиния, считая, что она отражает действительную картину расселения германских племенных группировок и в основном согласуется с той языковой классификацией, которая была установлена много веков спустя при изучении памятников древнегерманской письменности. Его поправка к этой классификации состоит в том, что он не выделяет певкинов и бастарнов в отдельную племенную группу, а объединяет их с готами и другими племенами в группу виндилов, поскольку, по всей вероятности, они были, как он считает, соплеменниками готов и вошли впоследствии в готское королевство.

§ 10. Классификация древнегерманских племенных языков. Памятники древнегерманской письменности, изучение которых дало возможность произвести классификацию германских языков, создавались в эпоху формирования варварских королевств, в эпоху христианизации германцев и распространения у них латинского письма и латинского алфавита (см. § 12). Различные народности приобщаются к культуре буквенного письма не одновременно, и этим объясняется то, что в первых письменных памятниках германцев зафиксировано состояние языков на разных ступенях их развития.

На основании изучения памятников древнегерманской письменности выделяются следующие языковые группы:

1. Восточная, представленная памятниками готского языка, относящимися к 4—6 вв. С разрушением королевства остготов письменность на готском языке исчезла (см. § 67).

2. Северная (скандинавская) группа, до 10 в. представленная памятниками рунической письменности; позднее в ней различают древнедатский, древнешведский, древненорвежский и древнеисландский языки.

3. Западная группа, представленная (начиная с 7 в.) памятниками на древнеанглийском, древнефризском, древнесаксонском, древненижнефранкском и древневерхнемецком языках.

Германские языки северной и западной групп сохранились до нашего времени. Они развились в национальные языки или стали диалектами национальных языков (см. § 1).

Если сопоставить две классификации — этническую (Плиния — Энгельса) и языковую, получается следующая картина:

В и н д и л ы — готы, бургунды и др. были носителями восточногерманских языков.

И н г в е о н ы — тевтоны, хавки, фризы, англыв, саксы, юты и др., и с т в е о н ы — франкские племена, г е р м и н о н ы — алеманны, баварцы, лангобарды и др. были носителями западногерманских языков.

Г и л л е в и о н ы — скандинавские племена говорили на северогерманских языках.

Глава III. История германской письменности

§ 11. Свидетельства о германских языках в дописьменный период.

Письменность — самое достоверное свидетельство о языке, самый надежный и непосредственный источник сведений о нем. Чтобы составить себе представление о лексике и грамматическом строе языка в эпоху его бесписьменного существования, ученые-филологи привлекают различные косвенные данные о характере изучаемого языка (часто, правда, отрывочные и не всегда достоверные) или же «реконструируют» отсутствующий языковой материал методом сравнительно-исторического анализа. Так, компаративисты в первой половине 19 в. занимались реконструкцией германского языка-основы и индоевропейского праязыка, на котором немецкий компаративист А. Шлейхер в 1868 г. даже сочинил басню (см. § 16).

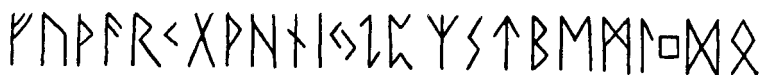
Древние германцы появились на исторической арене за многие века до проникновения к ним письменности. В разное время они вступали в соприкосновение с другими народами. За несколько веков до нашей эры древние германцы сталкивались на севере и востоке Европы с финнами, с балтийскими и славянскими племенами, на юге — с древними греками и римлянами. Эти контакты германцев с другими народами нашли отражение в языках некоторых из них в виде германских заимствований. Особенно большой интерес представляют германские заимствования в финском языке, в большинстве своем относящиеся к началу нашей эры. Это, например, *tengas* 'кольцо' (ср. гот. *hrings*, двн. *ring*), *kuningas* 'король' (ср. двн. *kuning*), *kulta* 'золото' (ср. гот. *gulþ*, двн. *gold*), *rikas* 'богатый' (ср. гот. *reiks*, двн. *riich*), *kaunis* 'красивый' (ср. гот. *skauns*, двн. *skõpi*), *kansa* 'народ' (ср. гот. *hansa* 'толпа'), *juko* 'иго' (ср. гот. *juk*, двн. *joh*), *saippja* 'мыло' (ср. да. *sāpe*). Попав в финский язык, эти заимствования как бы окаменели, сохраняя тот древний тип морфологической структуры слова, который лишь очень редко засвидетельствован в формах слов, встречающихся даже в самых ранних памятниках древнегерманской письменности, а именно: наибо-

лее полный вид суффиксов и окончаний, испытывших к моменту появления у германцев письменности (3—4 вв. н. э.) более или менее значительную редукцию.

Начиная с 4 в. до н. э. знакомство античного мира с его северными соседями — германскими племенами — все расширялось и углублялось. В сочинениях римских авторов от Юлия Цезаря и до позднеримских авторов (6 в. н. э.) встречаются — наряду с многочисленными германскими собственными именами — отдельные германские заимствования (как правило, в латинизированной форме), обозначающие предметы культуры, быта и вооружения германцев, а также германские названия некоторых животных. У Цезаря встречаются слова *igus* 'зубр', *alces* (мн. ч.) 'лоси', у Плиния Старшего — *sapo* 'краска-мазь для волос', у Тацита — *glesum* 'янтарь', *framea* '(германское) копье', *barditus* 'боевая песня', у более поздних авторов — *medus* 'мед' (*напиток*), *flado* 'лепешка', *hagra* 'арфа', *gupa* 'руна', 'рунический знак' и некоторые другие.

Многочисленные германские собственные имена и некоторые другие слова встречаются в памятниках на латинском языке, возникших у германцев в период, непосредственно предшествовавший появлению письменности на самих германских языках. Самый ценный с лексической точки зрения материал содержат так называемые «варварские правды», т. е. своды законов, записи обычного права германских народов — вестготов, бургундов, франков, алеманнов, лангобардов, тюрингов, баваров (5—9 вв.). Записанные на латинском языке, эти «правды» содержат — в виде вкраплений в латинский текст — германскую терминологию, отражающую правовые отношения германцев в период разложения военной демократии и зарождения феодальных отношений. Особенный интерес представляют «правды» бургундов и лангобардов — германских народов, не оставивших никаких письменных памятников на своих родных языках.

§ 12. Руническое письмо. Древнейшим видом письменности у германцев было руническое письмо. Тацит в своей «Германии» писал, что германцы придавали особое значение гаданью-жеребьевке: разбросав на куске ткани палочки с вырезанными на них знаками и прочитав молитву, жрец брал навгал три палочки и гадал, читая знаки на них. Эти считавшиеся магическими знаками стали буквами рунического письма, алфавитом первого связного письма у древних германцев. Название букв — «руны» — образовано от основы, имевшей значение 'тайна' (ср. гот. *gūpa* 'тайна' и немецкий глагол *gaipen* 'тайнственно, украдкой шептать'). Рунический алфавит германцев, так называемые «старшие руны», насчитывал 24 знака. По первым шести буквам он получил название «футарк» (*futhark*). Эти знаки представляют собою комбинации вертикальных и наклонных линий.

Рунический алфавит (старшие руны)

Руны использовались преимущественно в магических, культовых целях. Знание рун было профессиональной тайной жрецов и передавалось из поколения в поколение. Назначение рунических надписей — ограждать владельца предмета от злых сил и от врагов, охранять покойников и удерживать их в могиле и т. д. Писались (вырезались) руны на дереве, кости, камне (надгробиях), металле, в частности на изделиях из золота. Рунических надписей дошло до нас очень немного, особенно мало их в Германии и Англии, несколько больше в Скандинавии. Всего обнаружено около 150 предметов с руническими надписями, относящимися к 3—8 вв. Это предметы или детали вооружения (копье, рукоятка меча, насадка на щит), украшения и амулеты (кольцо, браслет, медаль-брактеат¹), надгробные камни и т. д.

Большинство надписей представляют собою отдельные слова (часто собственные имена). Каждая руна сама по себе тоже могла иметь магическое значение, поэтому нередко выписывался весь алфавит или его часть, что должно было приносить, по верованиям древних германцев, удачу в разных видах деятельности и ограждать от несчастий.

Краткость, фрагментарность многих рунических надписей, их плохая сохранность и магический смысл — причины того, что значительную их часть (около трети) не удается расшифровать. К этому следует добавить, что и во многих надписях, считающихся расшифрованными, есть спорные части.

Рунические памятники континентальных германцев относятся главным образом к эпохе Меровингов (6—8 вв.). Это в основном амулеты и фибулы (застежки для одежды) с нанесенным на них руническим алфавитом, краткими надписями магического содержания или рядами рун, не поддающимися истолкованию. Последняя по времени находка, сделанная в 1945 г., — запись футарка в рукописи из монастыря Фульда (8—9 вв.).

Из рунических памятников в Англии наибольший интерес представляют надпись на шкатулке из Нортумбрии и стихотворение религиозного содержания на каменном Рутвельском кресте в Шотландии. В соответствии с фонетическими особенностями ингвеонских диалектов число рун у англосаксов было увеличено сначала до 28. Такое количество рун засвидетельствовано, в частности, в рукописи 7 в., так называемом «Зальцбургском кодексе» («Codex Salisburgiensis» № 140). А древнеанглийская «Руническая песня» 9—10 вв. содержит уже 33 руны. Древнеанглийский футарк (да. fuþork) является, таким образом, расширенным вариантом континентального с его 24 рунами.

Язык древнейших рунических надписей — промежуточное звено между германским языком-основой, формы которого можно только реконструировать, и языками древнейших письменных памятников различных германских народностей. Древнерунический архаичнее готского, в нем сохранились более древние грамматические явления, чем в языке всех других древнегерманских памятников, в частности основообразующие гласные (см. § 84).

¹ Украшение в виде пластинки с чеканкой.

Специфика применения рунического письма нашла отражение в лексике германских языков. Так, нем. Buchstabe (Buche+Stab) 'буква' первоначально значило 'буковая палочка' (ср. гот. boka 'буква', мн. ч. bokos 'книга', да. bocstæf). Немецкий глагол lesen 'читать', первоначально значивший 'выбирать, подбирать' (*разбросанные буквовые палочки*), сохранил это значение как менее употребительное наряду с новым 'читать', старое же лучше всего сохранилось в глаголе auflesen 'подбирать' и в ряде сложных существительных, например, Weinlese 'сбор винограда'. Английский глагол (to) read 'читать' первоначально значил 'угадывать, отгадывать' (ср. нем. raten 'отгадывать'), а глагол (to) write 'писать' имел раньше значение 'царапать, выцарапывать' (ср. нем. ritzen 'царапать' и reiben в значении 'чертить', а также нем. Reißfeder 'рейсфедер').

О развитии рунической письменности в Скандинавии в 9 в. и позднее см. § 85.

В процессе христианизации (4—12 вв.) германцы знакомятся с латинским письмом (готы — с греческим), в результате чего к 9 в. руническое письмо на территории Франкского государства, а к 11 в. на Британских островах полностью вытесняется латинским. В Скандинавии, где руническая письменная традиция оказалась более устойчивой, руническое письмо не исчезло полностью, а было перенесено на пергамент и использовалось не только в культовых целях, но и (как, например, в Дании в 13 в.) для записи законов вплоть до 16 в. В Швеции рунами в частных записях пользовались еще в 16—17 вв. Предприимавшиеся в Швеции попытки возродить руническое письмо потерпели неудачу: руны не смогли конкурировать ни с латинским, ни с так называемым «готическим» шрифтом.

Рунология как самостоятельная научная дисциплина зародилась в 70-е гг. 19 в. Ее основоположником был датский ученый Людвиг Виммер. Очень большой вклад в развитие рунологии внесли норвежские ученые Суфюс Бугге и Магнус Ульсен, шведские ученые Отто фон Фрисен, Элиас Вессен и ряд других исследователей. И если, несмотря на усилия рунологов, ряд надписей до сих пор не расшифрован, а интерпретация многих спорна, это объясняется сложностью материала и его фрагментарностью. Для расшифровки надписей необходимо привлекать данные смежных наук. Как сформулировал это рунолог Карл Марстрандер, «рунология — это палеография, лингвистика, археология и мифология»¹. Действительно, нередко лексическое значение слова какой-либо рунической надписи понятно, но какую функцию выполнял этот текст, остается загадкой.

Не вполне ясно и происхождение рунического алфавита. Некоторые руны обнаруживают явное сходство с буквами латинского алфавита, другие — греческого (см. рис. на с. 22). Поэтому одни ученые пытались вывести рунический алфавит из латинского, другие — из греческого. В конце 19 в. была впервые высказана мысль о происхождении рун из одного из североиталийских алфавитов. Согласно этой гипотезе, руны, возникнув на севере Италии во 2—3 вв., были затем переняты

¹ Макаев Э. А. Язык древнейших рунических надписей. М., 1965, с. 5.

самыми южными из западногерманских племен и постепенно распространились на север, переходя от одного германского племени к другому. Эта гипотеза имеет в настоящее время наибольшее число сторонников. Правда, некоторые руны не имеют прототипов ни в одном из североиталийских алфавитов; загадкой остается и алфавитный порядок рун. Руническое письмо было одним из важнейших культурных завоеваний германских племен на заре эпохи Великого переселения народов. Однако в силу своего преимущественно культового назначения оно не могло получить и не получило значительного распространения.

§ 13. Латинское письмо. Широкое развитие письменности на древнегерманских языках относится к эпохе раннего средневековья (6—11 вв.) и связано с процессом христианизации германцев и усвоением элементов греко-римской образованности господствующим классом раннефеодального общества, формировавшегося в рамках варварских германских государств. Все важнейшие социальные и культурные функции будущих национальных языков в этих государствах выполняла латынь, единственный письменный и литературный язык того времени. Латынь была и языком церкви; монастыри и возникавшие при них монастырские школы были не только рассадниками клерикального просвещения, но и главными очагами культуры, а монахи и клирики — почти единственными образованными и просто грамотными людьми своего времени. Образование и письменность носили в эту пору почти исключительно клерикальный — религиозно-церковный и богословский — характер. Так как латынь была языком непонятным и недоступным широким массам, да и большинству представителей верхушки раннефеодального общества, первые связные записи на своем, родном языке появлялись у германцев как подсобное средство при обучении латыни, а также в целях церковной пропаганды. Для записей на своих до того практически бесписьменных языках западные и северные германцы обратились к латинскому алфавиту (восточногерманское племя готов создало свою письменность на основе греческого алфавита, см. § 76). При этом они столкнулись со значительными трудностями. В латинском алфавите не было букв для целого ряда звуков в различных германских языках, для передачи различий гласных по признаку долготы и краткости, закрытости и открытости и т. д. Монастырские школы по-своему, кустарно приспособляли латинский алфавит к нуждам родного языка, а наличие в этот период различных вполне равноправных диалектов еще более увеличивало разноречивость в написании одних и тех же слов, в передаче одних и тех же звуков, и без того очень значительный из-за отсутствия общепринятых орфографических правил и норм. В латинский алфавит вносились различные изменения, главным образом дополнения в виде новых букв и сочетаний букв (например, буква *w* в алфавитах западно-германских языков, сочетание букв *sh* для обозначения глухого заднеязычного щелевого согласного [x] и др.) или диакритических знаков (например, знак *·* для обозначения умлаута). В настоящее время алфавиты германских языков, в основе которых лежит латинский алфавит, и по количеству, и по составу букв несколько отличаются друг от друга и от алфавита латинского языка.

Одни и те же буквы могут в разных языках служить для обозначения разных звуков, а один звук может обозначаться разными буквами.

Традиционные орфографии германских языков складывались на протяжении многих веков, они отличаются непоследовательностью и обнаруживают немало противоречий, в частности наличие в словах непроизносимых букв и не обозначааемых отдельными буквами звуков. Особенно много непроизносимых букв в написании английских слов. И вообще в английской орфографии наблюдается глубокий разрыв между архаичным написанием очень многих слов и их изменившимся произношением — разрыв, доставляющий немало неприятностей самим англичанам, не говоря уже об иностранцах, и вызвавший к жизни понятие *spelling* в его специфическом смысле.

На рубеже 8—9 вв. во Франкском государстве был выработан на основе существовавших до этого вариантов латинского алфавита новый, небольшие по размеру буквы которого получили название «каролингские минускулы» (ср. лат. *minusculus* 'меньший'). Этот алфавит отличался от своих предшественников большей четкостью и упорядоченностью письма, им пользовались в Западной Европе вплоть до 12 в. (когда он был вытеснен «готическим» шрифтом).

В конце 15 в., в эпоху Возрождения, в Италии был создан шрифт для печатных прессов, получивший название «антиква». Это был вариант латинского шрифта, округлые формы букв которого представляли собою сознательный возврат (в знак протеста против «варварского» готического шрифта) к каролингским минускулам, которые в то время считались образцом классических латинских букв (лат. *littera antiqua*). Начиная с 16 в. антиква получила широкое распространение в странах Западной Европы, и со временем были созданы разные варианты антиквы. В Германии ею пользовались преимущественно при печатании иностранных текстов, а до 18 в. — и иностранных слов, оказавшихся «вкраплениями» в немецком тексте. И в настоящее время латинский шрифт, распространившийся вместе с германскими и романскими языками далеко за пределы Западной Европы, представлен в виде различных вариантов антиквы.

§ 14. Готическое письмо. Приблизительно в 11 в. в Италии на базе латинского алфавита возник новый тип письма — остроконечное монашеское письмо, с конца 11 в. распространившееся и в других странах Европы. В средние же века, в 13—14 вв., в Западной Европе возник новый, пришедший на смену романскому, стиль архитектуры. Он возник как стиль культовых строений — католических соборов и церквей. Его назначением было выразить средствами архитектуры христианскую идею отрешения от всего земного, обращения всех помыслов и надежд ввысь, к небесам, обиталищу бога. Этот стиль дал мировой культуре такие шедевры архитектуры, как собор Нотр-Дам в Париже и св. Стефана в Вене, Вестминстерское аббатство в Лондоне, соборы в Страсбурге, Кельне, Наумбурге, Милане, Руане, Праге и многие другие.

Сменившая средневековую эпоху Возрождения, противопоставив свое новое, светское, гуманистическое мироощущение безраздельному

владычеству церкви в области идеологии, культуры и искусства, отрицательно и даже враждебно относилась ко всему, что было связано с христианской идеологией, с находившимся под ее влиянием искусством, в том числе и архитектурой. А так как символом варварства для гуманистов Возрождения были германские племена (готы, вандалы и др.), то стиль средневековой церковной архитектуры гуманисты 15 в. стали презрительно называть «готическим», т. е. «готским» (ср. нем. *gotisch*, англ. *gothic* 'готический' и 'готский'). То же название получило угловатое, остроконечное письмо. Название привилось и со временем утратило свою оценочную окраску. Ни готический стиль в архитектуре, ни готический шрифт, разумеется, никакого отношения к готам не имеют.

Дальнейшим развитием готического шрифта в 15 в. явилась так называемая «фрактур» (нем. *Fraktur* от лат. *fractus* 'ломаный'). Зародки фрактуры обнаруживаются уже в 14 в. в рукописных документах имперской канцелярии в Праге. Как печатный шрифт фрактура была введена в начале 16 в. при непосредственном участии А. Дюрера, выдающегося художника немецкого Возрождения.

В большинстве европейских государств, где готический шрифт (фрактур) нашел более или менее широкое применение в средние века (Германия, Англия, Франция и др.), он со временем был вытеснен латинским. Только в Германии он обосновался прочно и надолго, существенно потеснив латинский. Ему обучали в школе, на нем печатали книги и периодические издания, им пользовались в частной переписке. С 18 в. неоднократно возникали тенденции к отказу от готического шрифта (Ф. Шиллер, братья Гримм), но до 1945 г. он оставался в Германии основным шрифтом. В период господства фашистской диктатуры готический шрифт был объявлен «исконно немецким». После второй мировой войны готический шрифт постепенно уступил латинскому почти все свои позиции. Основная причина — стремление сделать немецкую печатную продукцию более доступной для иностранного читателя. Готический шрифт используется и в наше время в разных странах — частично по традиции, частично ради его декоративности — при оформлении заголовков, объявлений, вывесок и т. д.

Глава I. История германской филологии

§ 15. Начало изучения германских языков. В 16—17 вв., в эпоху формирования наций и национальных языков, в европейских странах возник большой интерес к родным языкам. Создаются первые описательные грамматики родных языков, в том числе германских — английского, нидерландского, немецкого, датского и шведского. Среди грамматистов-нормализаторов и в общественных кругах усиленно обсуждаются вопросы орфографии, вопросы кодификации норм в области произношения, грамматики и лексики, выдвигаются требования очищения родного языка от иноязычных заимствований. Выходят в свет первые словари германских языков.

В 16 в. в Англии появляются словари «трудных» слов, а в 1755 г. — толковый словарь С. Джонсона (S. Johnson). В 1599 г. был опубликован этимологический словарь нидерландского языка Килиана (Kilianus). В 1691 г. в Германии выходит в свет толковый словарь немецкого языка, составленный К. Штилером, а в 1774—1786 гг. — много-томный словарь И. Аделунга. Шведская лексикография в этот начальный период представлена словарем шведского языка Э. Шродеруса (E. Schroderus) и вышедшим в 1712 г. «Свео-гётским словарем» Х. Спегеля (H. Spegel). В Дании был составлен, но остался в рукописи толковый словарь датского языка М. Мота (M. Moth, 1647—1719).

Рост национального самосознания, сопровождавший развитие капиталистических отношений, пробудил интерес к национальным ценностям, в том числе и к памятникам письменности на родных языках. В этот период собираются и издаются ценнейшие рукописи на древне- и среднегерманских языках. В Англии создаются Бодлеанское (Bodleian) и Коттоннианское (Cottonian) собрания рукописей, в Германии появляется базельское издание древневерхнегерманского евангелия мона-

ха Отфрида, в Швеции пробуждается интерес к руническим надписям. Голландец Ф. Юний (F. Junius) в 1665 г. издает с комментарием текст древнейшего памятника на германских языках — «Серебряного кодекса» («Codex Argenteus»), содержащего значительную часть текста готской библии. В скандинавских странах возникли важнейшие собрания исландских рукописей, в том числе арнамагнеанское собрание, хранящееся в университетской библиотеке в Копенгагене, и королевское собрание, в которое входит рукопись старшей, или поэтической Эдды. Во многих странах издаются народные песни, в частности в Дании — языковедом Педером Сювом (Peder Syv) во второй половине 17 в., в Германии в 1778—1779 гг. — выдающимся немецким просветителем И. Гердером (J. Herder).

Теоретическая лингвистическая мысль этого периода находилась под сильным влиянием основных философских направлений того времени — рационализма и эмпиризма. Под влиянием идей рационалистов, главным образом Р. Декарта (1596—1650), предпринимались попытки построения рациональной, логической грамматики языков. Ярким представителем этого течения был выдающийся немецкий философ и математик Г. В. Лейбниц (G. W. Leibniz, 1646—1716). Последователи философии Ф. Бэкона (1561—1626), Г. Гоббса (1588—1679), Д. Локка (1632—1704) придавали большое значение эмпирическим исследованиям и ориентировались на живое употребление языка, на естественную живую речь. В защиту образного, эмоционального народного языка в Германии в середине 18 в. выступали И. Бодмер (J. Bodmer) и И. Брейтингер (J. Breitinger). С позиций господствующих двух направлений составлялись грамматики германских языков.

Изучение отдельных германских языков навело ученых на мысль о наличии значительного сходства между ними. Так, в конце 17 в. англичанин Дж. Хикс (G. Hickes) первым издает сопоставительную грамматику некоторых древних германских языков — готского, англосаксонского, франкско-немецкого. В 1710 г. голландец тен Кате (L. ten Kate) создал первую грамматику готского языка, а в 1723 г. описал общие закономерности сильных глаголов в германских языках и указал на соответствия в вокализме этих языков.

Среди ученых 18 в., которые высказывали предположение о генетической связи языков и об их исторической изменчивости, в противоположность долго господствовавшему до этого мнению о неизменяемости языков, были такие выдающиеся представители научной мысли, как Г. В. Лейбниц и великий русский ученый М. В. Ломоносов (1711—1765). Знакомство с санскритом — классическим древнеиндийским письменным языком — во второй половине 18 в. еще больше приблизило языковедов к величайшему событию в истории языкознания — созданию сравнительно-исторического метода. Санскрит обнаружил такие черты сходства с европейскими языками и так полно объяснял их формы, что у лингвистов складывалось убеждение, что эта материальная близость языков могла возникнуть только в результате их происхождения из общего источника. Об этом писал в конце 18 в. В. Джонс (W. Jones), а также Ф. Шлегель (F. Schlegel) в работе «О языке и мудрости индийцев» («Über die Sprache und Weisheit der Indier», 1808).

В. Джоунз и Ф. Шлегель отметили сходные черты в словарном составе и морфологии санскрита, латинского, греческого, персидского и германских языков, но их наблюдения в то время еще не получили систематизации и научного обоснования.

§ 16. Возникновение сравнительно-исторического метода. Только в 19 в., с созданием сравнительно-исторического метода, в котором сравнение стало средством, а исторический подход к языку главным принципом исследования, удалось научно объяснить многие соответствия индоевропейских языков и воссоздать процесс их развития.

Основателями сравнительно-исторического метода были немецкий лингвист Франц Бопп (Franz Bopp) и датчанин Расмус Раск (Rasmus Rask). В 1816 г. Франц Бопп впервые описал систему спряжения санскрита в сравнении с греческим, латинским, персидским и германскими языками¹. Он убедительно показал, что системное сходство в спряжении глаголов в изучаемых языках могло быть объяснено только одной причиной — общностью их происхождения. В своей работе «Исследование происхождения древнесеверного, или исландского языка» («Undersøgelse om det gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse», 1818) Расмус Раск доказал общность германских языков и наметил некоторые важные звуковые соответствия между ними и другими индоевропейскими языками.

Большое значение в разработке сравнительно-исторического метода имела «Немецкая грамматика» Якоба Гримма (Jacob Grimm «Deutsche Grammatik», 1819—1837), первый том которой вышел в первом издании в 1819 г., во втором — в 1822 г. В этой работе Я. Гримм применил в описании грамматики немецкого языка метод сравнения с другими германскими языками.

Генетическим связям славянских языков была посвящена вышедшая в 1820 г. работа А. Х. Востокова «Рассуждения о славянском языке, служащие введением к грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам».

Создатели сравнительно-исторического метода не только обосновали положение о родстве языков, но и заложили основы научных приемов сравнительно-исторического анализа фактов родственных языков.

§ 17. Понятия родства языков и языка-основы. Предпосылкой применения сравнительно-исторического метода является возможность распада языков, возможность происхождения группы родственных языков из одного источника. Распад языкового единства, в результате которого возникла индоевропейская семья родственных языков, относится предположительно к третьему тысячелетию до н. э.

Общий язык, из которого развились родственные языки, получил в

¹ Bopp F. Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache, in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache, nebst Episoden des Ramajan und Mahabharat in genauen metrischen Übersetzungen aus den Originaltexten und einigen Abschnitten aus den Veda's («О системе спряжения санскритского языка в сравнении с системой спряжения греческого, латинского, персидского и германского языка, с приложением эпизодов из Рамаяны и Махабхараты в точном стихотворном переводе с подлинника и некоторых отрывков из Вед»).

теории сравнительно-исторического языкознания название языка-основы, или праязыка (нем. *Ursprache*, англ. *parent language*). В отдельных случаях язык-основа известен (например, так называемая «народная латынь» для романской группы языков), но чаще язык-основа представляет собою гипотетически восстанавливаемую языковую модель, систему научных фактов, полученных с помощью сравнительно-исторического метода. Восстановление праязыковых форм не является самоцелью, а служит для выяснения того, что в каждом исторически засвидетельствованном языке сохраняется от древнейшего языкового состояния или возникает как результат действия общих тенденций, свойственных родственным языкам, а что является результатом самостоятельного развития каждого отдельного языка. Ибо «материя и форма родного языка становятся понятными лишь тогда, когда прослеживается его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если не уделять внимания, во-первых, его собственным отмершим формам и, во-вторых, родственным живым и мертвым языкам»¹.

Процесс распада языка-основы нельзя представить как прямолинейное расчленение существовавшего некогда единого целого. Предполагают, что уже и общеиндоевропейский, и общегерманский делились на диалекты. Дифференциация племенных диалектов при их территориальном расхождении могла сменяться сближением в определенных исторических условиях, смешением с неродственными языками, получившими в сравнительно-историческом языкознании название с у б с т р а т а (подслоя²). Установление исторических связей между родственными языками или диалектами одного языка на основе материальных соответствий между ними дополняется методикой и з о г л о с с, т. е. установлением границ общих фонетических, грамматических и лексических признаков. Область распространения этих признаков называется а р е а л о м.

Восстанавливаемые с помощью сравнительно-исторического метода гипотетические праязыковые формы — а р х е т и п ы, или п р а ф о р м ы — отличаются большой точностью, что было подтверждено данными сравнительно недавно открытых древних индоевропейских языков — хеттского и тохарского.

На основании сравнительно-исторического метода выделяются следующие индоевропейские языки и языковые группы: 1) хеттский язык, 2) тохарский язык, 3) индийская группа, 4) иранская группа, 5) греческая группа, 6) кельтская группа, 7) италийская группа (ее главный представитель — латинский язык), 8) романская группа, 9) германская группа, 10) балтийская группа, 11) славянская группа, 12) албанский язык, 13) армянский язык.

Данная классификация индоевропейских языков является генетической, так как она основана на признаке их происхождения из общеиндоевропейского³ языка-основы. В сравнительном языкознании вы-

¹ *Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 333.*

² лат. *sub* — 'под', *stratum* — 'слой'.

³ В значении «общиндоевропейский язык-основа» в лингвистической литературе употребляются также термины «праиндоевропейский» и «индоевропейский», а в значении «общегерманский» — также «прагерманский» и «германский».

двигалось несколько теорий распада языка-основы. В 1861 г. А. Шлейхер, выражая натуралистический подход к языку как к живому организму, выдвинул теорию «родословного древа». Согласно этой теории, индоевропейский праязык в доисторический период распался на славяно-германский и арио¹-греко-итало-кельтский, а последний — на греко-итало-кельтский и арийский. Основной недостаток этой теории заключается в том, что она слишком схематична и не отражает всей сложности языковых взаимоотношений. Иначе трактует связь родственных языков «волновая теория» И. Шмидта (J. Schmidt), выдвинутая им в 1872 г. По теории Шмидта, каждый индоевропейский язык представляет собою органическое звено в цепи переходов от одного языка к другому, а отдельные языковые черты могут распространяться в смежных языках, проникая на большие расстояния. На этом основании И. Шмидт отрицал существование промежуточных праязыков (прагерманского, праславянского и т. д.) и выводил близость языков только из их территориальных контактов. (Теория И. Шмидта стимулировала возникновение лингво-географических исследований.) При таком освещении исторической связи между родственными языками не получает объяснения вопрос, как могли возникнуть столь значительные различия между языковыми группами и столь существенные и многочисленные однородные явления внутри одной группы на разных уровнях языка — в фонологии, морфологии, лексике, — связанные внутренними закономерностями и придающие специфические черты каждой из групп родственных языков.

Но хотя и первая, и вторая теории в какой-то мере уязвимы, они, по-видимому, правильно представляют разные возможные пути развития близкородственных языков и до сих пор продолжают обсуждаться в языкознании.

Уже в начальный период применения сравнительно-исторического метода был собран обширный фактический материал. В 1833—1852 гг. Ф. Бопп издал первую сравнительную грамматику индоевропейских языков («*Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen*»), в 1861—1862 гг. вышла в свет книга А. Шлейхера «Компендиум сравнительной грамматики индоевропейских языков» («*Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen*»). Начиная с 20-х годов 19 в. разворачивается большая работа по изучению германских языков в историческом плане. Здесь в первую очередь следует отметить труды Якоба Гримма. Я. Гримм создал первую сравнительную грамматику германских языков — «Немецкую грамматику» (1819—1837) и «Историю немецкого языка» (1848). С 1852 г. Я. Гримм совместно с братом Вильгельмом издавал много томный исторический «Немецкий словарь». Эти работы установили основные черты германских языков и послужили фундаментом для

---

¹ В индоевропеистике термин «арийский» употреблялся для обозначения индоиранских языков (от скр. *ārya*). Этот термин не имеет ничего общего с расистскими построениями фашистских теоретиков о чистоте «арийской расы».

широкого сравнительного изучения, не только немецкого, но и других германских языков, развернувшегося в 19 в.

§ 18. Дальнейшее развитие сравнительно-исторического метода. Во второй половине 19 в. филологи-компаративисты сосредоточили внимание на исследовании конкретных фонетических, грамматических и лексических явлений и существенно усовершенствовали методику сравнительно-исторического анализа.

Младограмматики выдвинули положение о том, что всякое фонетическое изменение совершается по законам, не знающим исключений, а если отклонения все же наблюдаются, то они вызваны действием какого-то другого закона. В поисках объяснения исключений из фонетических законов младограмматики обратились к влиянию аналогии в развитии языков, а также к проблеме иноязычных заимствований. Эти принципы были изложены в 1880 г. в книге Г. Пауля «Принципы истории языка» («Prinzipien der Sprachgeschichte»). В последней трети 19 в. исследователи начинают уделять особое внимание вопросам синтаксиса и лексической семантики (преимущественно в историческом плане).

Начиная с 1871 г. Б. Дельбрюк выпускает сборник под названием «Синтаксические исследования» («Syntaktische Forschungen»), а Бреаль в 1897 г. издает «Опыт семантики» («Essai de sémantique»). В 1879 г. вышла работа выдающегося швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра (F. de Saussure) «Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках», в которой характерное для младограмматической школы описание отдельных фактов языка уступает место исследованию их системных связей и взаимодействий.

Выдвинутые младограмматиками принципы были приложены к исследованию системы гласных, к действию аналогии и др., и открытия, полученные в результате применения этих принципов, заставили пересмотреть многие существенные положения сравнительной грамматики индоевропейских, в том числе и германских языков. В этот период был создан ряд фундаментальных исследований германских языков: книга В. Штрейтберга «Прагерманская грамматика» (W. Streitberg «Urgermanische Grammatik»), труд К. Бругмана и Б. Дельбрюка «Сравнительная грамматика индоевропейских языков» в пяти томах (K. Brugmann, B. Delbrück «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen», 1892—1900), книги К. Бругмана «Краткая сравнительная грамматика индоевропейских языков» («Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen», 1902), А. Норена «Очерк фонетики прагерманского языка» (A. Noreen «Abriß der urgermanischen Lautlehre», 1894) и др.

С новых позиций была написана вышедшая в 1916 г. работа А. Мейе «Основные особенности германской группы языков» (A. Meillet «Caractères généraux des langues germaniques»). А. Мейе стремился восстановить реальную динамику языкового развития и показать, в чем состоит своеобразие германских языков. Он писал: «Правда, каждый из языков индоевропейской группы имеет свои черты, свойственные моменту его вступления в историю. Но в германском лучше, чем где

бы то ни было, видно, насколько новым созданием является каждый индоевропейский язык и насколько он этим самым интересен»¹.

Несколько десятилетий практического применения сравнительно-исторического метода выявили и некоторые его слабые стороны: 1) сравнительно-историческим методом можно исследовать сходства, но он малоэффективен при исследовании различий между языками; 2) при сравнении фактов родственных языков часто на одну плоскость праязыка проецируются факты различных периодов; 3) некоторые особенности, наблюдаемые в нескольких родственных языках и являющиеся, возможно, инновациями, могут ошибочно быть приняты за унаследованные от общего источника; 4) не все уровни языковой системы одинаково поддаются анализу с помощью сравнительно-исторического метода. Материальное (генетическое) родство языковых единиц можно с наибольшим основанием доказать тогда, когда связь между звучанием и значением не мотивирована, т. е. условна. Это свойство характерно для единиц фонемного и морфологического уровня. Синтаксические формы, как наиболее мотивированные, не могут быть убедительно возведены к единому генетическому источнику.

С момента возникновения сравнительно-исторического метода германские языки постоянно находились в центре внимания компаративистов. В результате сравнительных изысканий были получены ценные сведения о фонемном составе, морфологическом строе, лексике германских языков, а также установлены многие общие особенности, которые могут быть отнесены к прагерманскому и к праиндоевропейскому языковому состоянию.

В 20 в. в германистике сравнительно-исторический метод тесно взаимодействует с другими направлениями, прежде всего с лингвистической географией и с историко-типологическими² исследованиями. Оба направления опираются на факты, открытые сравнительно-историческими изысканиями; в свою очередь компаративисты корректируют свои выводы, используя результаты ареальной лингвистики и типологических исследований.

Ареальные обследования германских языков, главным образом немецкого, имеют более чем вековую традицию. В 1876 г. Г. Венкер (G. Wenker, 1852—1911), учитель из Дюссельдорфа, разослал анкеты с целью изучения немецких диалектов и создания языкового атласа («Немецкий языковой атлас», 1876—1926). Эта работа была продолжена школой Ф. Вредэ (F. Wrede, 1863—1934). Многие новые направления лингвистической географии были развиты в трудах Т. Фрингса (Th. Frings, 1886—1968). Традиция картографического исследования продолжена в новейших работах Ф. Маурера (F. Maurer) и Э. Шварца (A. Schwarz). Широкую известность в германистике получила книга акад. В. М. Жирмунского «Немецкая диалектология» (М.-Л., 1956). Диалектологические обследования были предприняты и в других ареалах германских языков. В результате были созданы диалектологичес-

¹ *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков. М., 1952, с. 34.

² Типологические исследования языковых фактов основываются на структурном сходстве явлений в разных языках, независимо от их происхождения.

кие атласы нидерландского и скандинавских языков. Изучение диалектов, ценное само по себе, позволило также уточнить в свете исторической диалектологии и такие важнейшие вопросы сравнительно-исторического изучения германских языков, как классификация древнегерманских диалектов, взаимодействия между диалектами, различная значимость изоглосс для характеристики диалекта, распределение явлений второго передвижения согласных¹ в Рейнской области. Методы исследования, проверенные на материале современных диалектов, применяются при изучении диалектов в историческом плане.

Результаты сравнительно-исторического изучения германских языков создают условия для широкого развертывания типологического исследования германских языков на различных этапах их развития и для создания историко-типологических описаний германских языков. «Исходными данными могут быть либо архетипы, которые историко-типологические исследования «получают в готовом виде» от сравнительной грамматики, либо, в тех случаях, когда эксплицитное использование реконструируемых архетипов отсутствует или невозможно, точкой отсчета служит система того языка, который предположительно обладает наиболее архаичными или исконными признаками»². Типологические исследования, выявляющие сходство языковых явлений, могут послужить основанием для новых реконструкций и проверки надежности старых.

Получившие широкое развитие в 20 в. методы фонологических и фономорфологических исследований также плодотворно сказываются на сравнительно-исторических изысканиях. Взаимодействие этих методик позволило выдвинуть ряд важных гипотез.

Таким образом, сравнительно-исторический метод продолжает совершенствоваться и развиваться.

§ 19. Методика сравнительно-исторического анализа. Рассмотрим некоторые приемы сравнительно-исторического метода.

1. Доказательство материального родства языковых фактов. Для доказательства материального родства языковых фактов решающее значение имеет регулярность и системность соответствий: «...этимологические сближения имеют значение лишь тогда, когда они основаны не на звуковом сходстве, а исключительно на закономерных звуковых соответствиях»³. Это положение можно проиллюстрировать примером из сравнительной фонологии индоевропейских языков. Закон первого передвижения согласных в германских языках устанавливает соответствие: и.-е. bh || герм. b (см. § 37). Но согласный bh зафиксирован только в одном из индоевропейских языков — в санскрите, в других индоевропейских языках ему соответствуют другие согласные. Вместе с тем, эти соответствия повторяются регулярно и в одном и том же порядке, т. е. системно, в

¹ См. § 158.

² Историко-типологическая морфология германских языков. Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. М., 1977, с. 4.

³ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 35.

большом количестве языков ¹, поэтому они являются не случайными, а закономерными рефлексам (отражениями) *bh в этих языках:

скр. bhārāmi 'несу', гр. phéro, лат. ferō, рус. беру, гот. bāran
скр. bhrātār-² 'брат', гр. phrātōr, лат. frāter, рус. брат, гот. brōþar

Таким же методом устанавливается родство словоизменительных и словообразовательных морфем. В этом случае сравнительная грамматика в большой мере опирается на факты сравнительной фонологии. В качестве примера приведем сравнение парадигмы спряжения глагола в индикативе настоящего времени в нескольких индоевропейских языках.

рус.	лат.	гот.	нсм.
1. <i>верчу</i>	vertō 'верчу'	wairþa 'становлюсь'	werde 'становлюсь'
2. <i>вертишь</i>	vertis	wairþis	wirst
3. <i>вертит</i>	vertit	wairþiþ	wird
1. <i>вертим</i>	vertimus	wairþam	werden
2. <i>вертите</i>	vertitis	wairþiþ	werdet
3. <i>вертят</i>	vertunt	wairþand	werden

Эти глагольные формы относятся к разным периодам, но установленные сравнительно-историческим методом фонетические закономерности доказывают родство приведенных личных окончаний.

В то же время известны многочисленные примеры, когда полные звуковые совпадения, сопровождающиеся смысловой близостью, являются случайностью или, как пишет А. Мейе в связи со словом bad 'дурной' в английском и новоперсидском, чистой «игрой природы» ³.

2. Внешняя, или сравнительная, реконструкция и внутренняя реконструкция. Восстановление первоисточника, архетипа, производится на основании сравнения языковых единиц родственных языков (внешняя реконструкция) или разноэтапных фактов одного языка (внутренняя реконструкция). Реконструированная форма в лингвистических работах обозначается особым знаком — звездочкой (*). Восстановленные фонемы, аффиксальные и корневые морфемы трактуются в современной индоевропеистике и германистике не как реальные праязыковые формы, а как обобщения, вытекающие из существующих соответствий.

Приведем примеры внешней реконструкции. Общий принцип фонетического закона первого передвижения согласных в германских языках (см. § 37) и сравнение индоевропейских начальных согласных в скр. hamsá гусь, лебедь, фламинго, гр. khēn 'гусь', лат. (h)ap-

¹ Чем больше число точных соответствий, тем убедительнее доказательство. См.: Мейе А. Указ. соч., с. 36.

² Знак - в конце слова показывает, что в качестве примера приводится не полная форма имени или глагола, а основа.

³ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938, с. 50.

seg с германскими соответствиями — да. gōs, двн. gans, дисл. gās 'гусь', позволяет сделать предположение, что архетипом начальной согласной в общеиндоевропейском была фонема *gh.

Второй пример — из области морфологии. Древнегерманские языки имеют следующие формы именительного падежа мужского рода: гот. dags, да. dæz, дс. dag, двн. tac, tag, дисл. dagr 'день'. Как установить первоначальное окончание? В языке рунических надписей засвидетельствована форма **dagaR**. Известно, что в скандинавских языках **R** развивается из **z** (явление ротацизма¹); таким образом можно восстановить германский архетип *-az. Продолжив сравнение с индоевропейскими языками, можно восстановить индоевропейский архетип. Германское **z** закономерно соответствует индоевропейскому **s**, а германское **ā** — индоевропейскому **ō**; на этом основании восстанавливается индоевропейский архетип *-os, который подтверждается сравнением с фактами других индоевропейских языков: гр. lúkos, лат. lupus (u < o) 'волк'.

Предпосылкой применения метода внутренней реконструкции является неравномерность развития системы языка, в результате чего могут сохраняться архаизмы, которые отражают более ранние периоды развития языка. В качестве примера можно привести формы им. п. ед. ч. и мн. ч. корневого склонения в древнеанглийском: man(n) 'человек' и men(n) 'люди'. Зная условия перехода a > e под влиянием i (перегласовка на i²) в германских языках, можно сделать предположение, что и в форме множественного числа в корне когда-то был гласный **a**, а в окончании **i**. Поэтому для этой формы восстанавливается архетип *manpi.

3. Определение хронологии, главным образом относительной хронологии, т. е. последовательности или одновременности языковых фактов по отношению друг к другу. Например, из того факта, что индоевропейские глухие смычные **p, t, k** в германских языках переходили в глухие щелевые **f, þ, h** или в звонкие щелевые **b, ð, g** в зависимости от того, на какой слог падало ударение (ср. скр. bhrātār-, гр. phrātōr и гот. brōþar 'брат', с одной стороны, и скр. pitār-, гр. patēr и гот. fadar (d = {ð}), с другой), вытекало, что в тот период, когда действовала эта закономерность, ударение в германском, как и в индоевропейском, еще было свободным. Таким образом, устанавливается одновременность таких языковых явлений, как переход и.-е. **p, t, k** в герм. **f, þ, h**, а затем в **b, ð, g** и наличие подвижного ударения (см. § 39).

4. Определение ареала языковых явлений. Каждое языковое явление имеет свои границы распространения, и выяснение ареалов распространения языковых признаков представляет собой одно из важных требований сравнительно-исторического метода. Так, например, если сопоставить следующие слова в германских языках:

¹ См. § 67.

² См. § 34.

гот. *gansus, двн. gans, снид. gans || да. zōs, дфриз. gōs, дс. gās 'гусь'

гот. uns, двн. ons, нид. ons || да. ūs, дфриз. ūs, дс. ūs 'нам'

гот. fimf, двн. fimf, || да. fif, дфриз. fif, дс. fif 'пять'

гот. anþar, двн. andar, нид. ander || да. ðer, дфриз. ðther, дс. ðbar 'другой',

то можно установить ареал выпадения носового передs, f, þ и удлинения предшествующего гласного. Внутри западногерманской подгруппы языков эта изоглосса отделяет древнеанглийский, древнефризский и древнесаксонский от остальных западногерманских языков. По классификации древнегерманских языков и диалектов указанные языки входят в ингвеонскую группу, поэтому можно определить эту изоглоссу как особенность ингвеонского ареала. Во многих случаях сравнение дает не одно, а множество одинаковых явлений, пучки изоглосс. Размещение изоглосс отражает реальную историю языков. Как пишет А. Мейе, «нередко оказывается достаточным расположить имеющиеся материалы в географическом порядке, чтобы понять исторический процесс»¹.

Приведенные здесь приемы — лишь часть применяемых сравнительно-историческим методом способов исследования языков. Благодаря строгости их использования и постоянному совершенствованию сравнительно-историческое языкознание является одной из наиболее разработанных и точных областей лингвистики.

Глава II. Общеиндоевропейские черты германских языков

Германские языки возникли как результат самостоятельного развития одной из диалектных групп индоевропейского языка-основы. В фонологической системе, грамматическом строе и лексике германских языков много черт, унаследованных от общеиндоевропейского языкового состояния. Чтобы яснее представить себе, что в общегерманском, а затем и в отдельных германских языках сохранилось от общеиндоевропейского периода, а что развилось на германской почве, рассмотрим кратко эти общеиндоевропейские черты, восстанавливаемые сравнительно-историческим методом с помощью внешней и внутренней реконструкции.

1. УДАРЕНИЕ И СИСТЕМА ФОНЕМ

§ 20. Ударение. Ударение в общеиндоевропейском отличалось двумя особенностями. Первая особенность заключалась в том, что оно характеризовалось повышением голоса (тона) на одном из слогов. Такое уда-

¹ Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 61.

рение называется тоническим, или музыкальным, в противоположность динамическому, или экспираторному, связанному с силой выдоха. В письменных памятниках древних индоевропейских языков — санскрита и греческого — систематически употребляется знак, выделяющий высокотональные слоги: ср. скр. várah 'круг' — varáh 'выбор'; гр. tómos 'отрезок', 'кусочек' — tomós 'режущий', 'острый'. Высота тона была фонологически значимой, т. е. выполняла смысловозначительную функцию.

Основываясь на этих фактах, а также на данных некоторых балтийских и славянских языков, сравнительно-историческое языковедение предполагает, что тоническое ударение было характерно для общиндоевропейского периода.

Вторая особенность индоевропейского ударения состояла в том, что оно было свободным, т. е. могло падать на любой слог (см. приведенные выше примеры, а также примеры в § 19).

В общегерманском свободное ударение сменилось ударением, фиксированным на начальном (корневом) слоге. Лишь сопоставляя факты различных индоевропейских и германских языков, а также основываясь на некоторых закономерностях развития германских языков, можно сделать вывод, что в германском ударение первоначально тоже было свободным (см. § 19 и § 39). Тоническое ударение уступило место динамическому. В настоящее время тоническое ударение наблюдается в шведском и норвежском языках, а также в некоторых датских диалектах. Но вопрос о том, восходит ли тоническое ударение в скандинавских языках к следам общиндоевропейского состояния в прагерманском, остается открытым.

§ 21. Гласные. Для позднего общиндоевропейского периода может быть восстановлена система гласных фонем, состоящая из пяти кратких и пяти долгих: ĕ, ǫ, ā, ī, ū. Эти два ряда гласных могут быть представлены в виде следующей схемы, отражающей их признаки:

гласные верхнего подъема:	ī	ū
гласные среднего подъема:	eĕ	ōō
гласные нижнего подъема:	aā	

Кроме приведенных гласных, был также краткий гласный [ə], который встречался в безударных слогах и был связан чередованиями по аблауту (см. § 30) с долгими гласными. Этот гласный известен под названием «шва примум» и отражен в санскрите как i, а в остальных индоевропейских языках — как a.

Частотность и значимость (функциональная нагрузка) указанных гласных была в общиндоевропейском неодинакова. Основными краткими гласными фонемами были ĕ и ǫ, участвовавшие в чередованиях. Гласный ā был более редким. Гласные ī и ū чередовались в положении перед гласными с сонорными j и ç¹. Чистыми долгими гласными были

¹ В лингвистической литературе для обозначения рассматриваемых сонорных используются как знаки j и ç, так и j и w.

ĕ, ȝ, ā, a ī и ū так же, как и краткие ĭ и ĩ, выступали то как слоговые гласные, то как неслоговые сонорные ĭ и ĩ.

В общегерманском сохраняется различие между краткими и долгими гласными, но в их системе произошли столь значительные изменения, что это позволяет говорить о германском сдвиге гласных¹.

Наиболее значительные изменения происходят в системе кратких гласных. Из индоевропейских фонем изменения не коснулись только ā—и.-е. ā=герм. ā: ср. лат. ager 'поле' и гот. akrs. И.-е. ȝ перешло в герм. ā: ср. лат. rota 'колесо' и днв. rad. Гласные ĕ, ĭ, ū или сохранялись, или изменялись в соответствии с германскими комбинаторными явлениями². Шва примум э в одних случаях исчезает (во втором неконечном слоге): ср. скр. duhitár-, гр. thygátēr 'дочь' и гот. dauhtar, а в других отражается как ā: ср. скр. pitár-, лат. pater 'отец' и гот. fadar.

Общегерманский унаследовал неизменными и.-е. долгие гласные ō, ī, ū: и.-е. *rōd- > гр. poús 'нога' — гот. fōtus; лат. suīnus 'свинья' — гот. swain (гот. ei = [i]), лат. sūrus 'солёный' — да., днв. sūr, дисл. súrg 'кислый'. Но гласные ā и ē изменились: и.-е. ā > герм. ō: лат. stāre 'стоять' — гот. stōþ 'стоял'; и.-е. ē > герм. æ (гот. ē, да. æ, днв., дисл. ā: гр. tithēmi 'кладу' — гот. ga-dēþs, да. dæd, днв. tāt, дисл. dáð 'дело').

Сочетания основных кратких и долгих гласных ĕ, ȝ, ā с сонорными в индоевропейском рассматриваются в работах по сравнительному языкознанию как дифтонги. При этом отмечается, что долгие дифтонги были весьма неустойчивы и превращались в краткие дифтонги или долгие гласные. В позднейших исследованиях по сравнительной фонологии высказывается другое мнение, а именно, что есть основания рассматривать дифтонги как бифонемные сочетания. Относительно германских рефлексов — сочетаний ei, eu, ai, au — этот взгляд получил широкое распространение, и поэтому в восстанавливаемой общегерманской системе дифтонги как особые фонемы не выделяются³.

§ 22. Согласные. По способу артикуляции индоевропейские согласные фонемы делились на сонорные, шелевые и смычные⁴.

Шелевые были представлены одним свистящим s, который перешел в общегерманский.

Сонорные j, u, m, n, r, l в индоевропейском выполняли двойную функцию: в сочетании с гласными они выступали как согласные, а при отсутствии (выпадении) гласного в слоге превращались в слогаобразующие i, u, m, n, r, l.

¹ Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, с. 94.

² См. подробнее в § 28.

³ См.: Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962, том II, с. 77—78.

⁴ Другие названия этих типов фонем:

сонорные = сонанты

шелевые = спиранты = фрикативные

смычные = взрывные

} шумные согласные.

В общегерманском неслоговые сонорные *j*, *ɥ*, *m*, *n*, *ŋ*, *l* сохраняются без изменений (см. § 36), а слоговые *i*, *u*, *ɲ*, *ɳ*, *ʀ*, *ʁ*¹ подвергаются преобразованиям: *i* и *u* развиваются в собственно гласные, а *ɲ*, *ɳ*, *ʀ*, *ʁ*, *l* теряют слогообразующую функцию, так как перед ними развивается гласный *u*: *ɲm*, *ɳn*, *ʀg*, *ʁl*; например: слог **bɲd-* (основа мн. ч. прош. вр. глагола 'связывать') преобразуется в *bund-*.

В системе индоевропейских согласных выделяются в самом простом варианте ее реконструкции следующие ряды смычных: глухие *p*, *t*, *k*, *kʷ* и звонкие смычные, которые подразделяются на простые *b*, *d*, *g*, *gʷ* и придыхательные *bh*, *dh*, *gh*, *gʷh*².

С развитием смычных связаны наибольшие изменения в системе согласных германских языков. Эти изменения, известные под названием «первого передвижения согласных», будут рассмотрены в следующей главе (см. § 37).

2. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

§ 23. Морфологическая структура слова в общиндоевропейском. Многие черты германского морфологического строя были унаследованы от общиндоевропейского единства.

Общиндоевропейский был языком флективного строя. Он обладал развитой системой склонения и спряжения.

Имена существительные (и прилагательные) состояли из трех морфологических элементов: корень + основообразующий суффикс + окончание. Корень был носителем лексического значения и в чистом виде не функционировал. За корнем следовал суффикс, который оформлял основу и определял подкласс имени. Окончание присоединялось к основе и было показателем грамматических категорий рода, числа и падежа. Древнейшие индоевропейские языки в значительной мере сохранили трехморфемную структуру слова. Ср., например:

- скр. *asv-ā-m*, вин. п. ед. ч. (основа на *-ā-*) 'лошадь'
- гр. *zug-ó-p*, им., вин. п. ед. ч. (основа на *-o-*) 'игó'
- лат. *dom-u-s*, им. п. ед. ч. (основа на *-u-*) 'дом'
- лит. *av-i-s*, им. п. ед. ч. (основа на *-i-*) 'овца'
- ст.-сл. *влькъ-о-мь*, дат. п. мн. ч. (основа на *-o-*) 'волкам'

Первоначальное значение большинства основообразующих суффиксов не поддается даже приблизительному определению. В древнейших индоевропейских языках они уже выступают как формальные показатели именной основы. Высказывалось предположение, что основообразующие суффиксы были показателями класса предметов, объединенных по определенному признаку — «классными показателями»³. Поэтому

¹ *m*, *n*, *ŋ*, *l* в слогообразующей функции обозначаются *ɲ*, *ɳ*, *ʀ*, *ʁ*.
² *kʷ*, *gʷ*, *gʷh* обозначают лабиовелярные (лабиализованные гуттуральные, или заднеязычные) смычные.
³ Некоторые современные африканские языки сохраняют деление существительных по классам в зависимости от конкретных признаков обозначаемых предметов.

считают, что деление по основам восходит к глубокой древности и предшествует делению по родам. В период индоевропейской общности уже существовали три рода: мужской, женский и средний. Тот факт, что к одному и тому же типу основ могли относиться существительные разного грамматического рода, подтверждает это предположение.

Большинство глагольных форм также характеризовалось трехморфемной структурой: корнем, обозначающим действие или состояние, основообразующим суффиксом, который в глаголах часто имел словообразовательную или формообразовательную функцию, и личным окончанием. Примеры:

скр. сущ. áras 'дело' — aras-ya-ti 'действует'

-ya- — словообразовательный суффикс

лат. tereb 'я теплый' ('мне тепло') — tere-sc-ō 'нагреваюсь'

-sc- — словообразовательный суффикс

гр. phér-oi-s, phér-oi-te 'да несешь', 'да несете'

-oi- — суффикс желательного наклонения (опатива)

Для общиндоевропейского важно также понятие тематических и атематических основ. Именные и глагольные основы называются тематическими, если они оканчиваются на -e-, чередующееся с -o-, и атематическими, если они оканчиваются на шумный согласный или сонант или *ā*. Например:

гр. phéromen, лат. ferimus (i < *o) 'несем' — тематическая основа:

гр. phero-, *лат. fero-

гр. (гом.) phérte, лат. fert 'несет' — атематическая основа: гр.

pher-, лат. fer-

В общиндоевропейском существовало большое число слов, отличавшихся индивидуальными особенностями склонения и спряжения, а также значительное количество супплетивных образований. Парадигматическое многообразие — отличительная особенность древнейшего состояния индоевропейских языков. «Это разнообразие форм для одной и той же грамматической категории является одной из оригинальных черт индоевропейского языка»¹.

Общегерманский язык унаследовал основную морфологическую черту общиндоевропейского — флективный строй. Но даже в древнейших исторически засвидетельствованных памятниках германских языков, за исключением древнейших рунических надписей и отчасти готского, трехморфемная структура слова почти не сохранилась. По-видимому, уже в общегерманский период действовала тенденция к выделению корня как носителя лексического значения и окончания как формального показателя, т. е. тенденция развития двухморфемной структуры слова. В дальнейшем, в соответствии с германскими закономерностями, окончания подвергаются редукции. Определение типа склонения в древнегерманских языках производится методом внеш-

¹ Meie A. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, с. 85.

ней реконструкции на основании сравнения с наиболее древними германскими данными — языком рунических надписей и готским языком, а также сравнения с древнейшими индоевропейскими языками, и методом внутренней реконструкции, опирающимся на остаточные формы, индивидуальные парадигмы и т. д. внутри системы отдельных германских языков.

В общегерманском получают дальнейшее развитие тенденции, наметившиеся в общеиндоевропейском: 1) замена более архаичных атематических основ тематическими, 2) ограничение индивидуальных нерегулярных парадигм за счет распространения регулярных, 3) рост удельного веса продуктивных производных основ, т. е. в целом процесс уменьшения парадигматического разнообразия и распространения основных продуктивных моделей за счет остаточных и периферийных.

§ 24. Общеиндоевропейские черты в системе германского имени.

В зависимости от падежных окончаний в индоевропейском было три типа склонения: 1) склонение существительного и прилагательного, 2) склонение местоименного типа (система окончаний указательных, вопросительных местоимений, личных местоимений 3-го л., отчасти прилагательных), 3) склонение личных местоимений 1-го и 2-го л., а также возвратного местоимения. Прилагательные первоначально не имели особого склонения, отличного от склонения существительных, что объясняется общностью происхождения существительных и прилагательных из единой категории — категории имени. В именном склонении различались тематические основы (на -e/-o-) и атематические (на шумные согласные, сонанты или ā)

В германском ареале сохраняются все три типа склонения, выделяемые на основании характера падежных показателей. Но германский вносит существенные изменения в систему склонения прилагательных. По-видимому, еще в общегерманский период окончания местоименного типа проникают в именное склонение прилагательных, заменяя именные и создавая смешанную парадигму. В то же время германский ввел существенное новшество — он широко развил именной тип склонения прилагательных, совпадающий с так называемым «слабым»¹ склонением существительных. Таким образом, в древнегерманских языках можно выделить следующие типы склонения:

- 1) именное («сильное» и «слабое») склонение существительных и «слабое» (именное) склонение прилагательных,
- 2) тип склонения указательных местоимений (все местоимения, кроме личных 1-го и 2-го л., большинство форм в парадигме «сильного», т. е. местоименного склонения прилагательных),
- 3) тип склонения личных местоимений 1-го и 2-го л. и возвратного местоимения.

В германских именах противопоставление тематических и атема-

¹ Термины «сильное» («stark») и «слабое» («schwach») для различения типов склонения были введены Я. Гриммом. Эти же термины он использовал для обозначения двух типов германских глаголов (см. § 25).

тических основ постепенно исчезает и перекрывается делением на основы, оканчивающиеся на гласные и согласные.

Предполагают, что в общиндоевропейском было восемь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, отложительный, местный, инструментальный и звательный. Древнегерманские языки унаследовали достаточно развитую падежную систему, представленную четырьмя падежами: именительным, родительным, дательным, винительным (с остатками инструментального и звательного в некоторых языках).

Большинство падежных окончаний перешло в общегерманский из общиндоевропейского: «формы, которые мы встречаем в старых германских языках, хотя и имеют новый вид, большей частью являются продолжением индоевропейских форм» (А. Мейе)¹.

§ 25. Общиндоевропейские черты в системе германского глагола. Индоевропейский глагол имел некоторые особенности, не сохранившиеся в полном виде ни в одном из древнейших индоевропейских языков и восстанавливаемые методами внутренней и внешней реконструкции.

Индоевропейские глагольные основы выражали действие в определенном видовом протекании. Первоначальное состояние можно проиллюстрировать примерами из греческого языка, который сохранил эту особенность. Греческая основа презенса обозначала длительное действие и от нее образована форма настоящего времени — *leipō* 'я оставляю' и форма прошедшего времени — имперфекта *éleipon* 'я оставлял'; основа аориста обозначала недлительное действие, действие как таковое: *élipon* 'я оставил', основа перфекта — законченное действие с результатом в настоящем: *léloipa* 'я оставил' — результат действия, ср. *отда* 'знаю' — результат в настоящем 'я узнал и теперь знаю'.

В индоевропейском противопоставление по линии вида — длительности (презент) и недлительности (аорист) выражалось основами глагола, противопоставление во временном плане — окончаниями. Это подтверждается формами имперфекта в греческом языке (см. выше): как действие длительное имперфект имеет основу презенса — *leip-*, но как действие, относящееся к плану прошлого, — то же окончание, что и аорист: *élipon* (аорист) — *éleipon* (имперфект).

Основы презенса и аориста не имели общего, постоянного признака, а были различными у разных глаголов и поэтому многообразными. От этих основ образовывались формы наклонений.

Система наклонений представлена в общиндоевропейском изъявительным (индикатив), повелительным (императив), желательным (оптатив) и сослагательным (конъюнктив) наклонениями, залоги — действительным и средним (медiallyм). Категория числа имела архаичную трехчастную систему, состоящую из единственного, двойственного и множественного числа.

Индоевропейская система глагола подвергается в общегерманском

¹ Мейе А. Указ. соч., с. 119.

существенным преобразованиям. Нерегулярные индивидуальные парадигмы постепенно уступают место регулярным образованиям, группирующимся вокруг основы презенса (настоящего времени). Многочисленные типы первичных, непроемных глаголов, образовывавшие свои формы с помощью изменения корневого гласного — чередования по аблауту, выстраиваются в стройную систему классов так называемых сильных глаголов.

Образование слабых глаголов, преимущественно вторичных, производных, особенностью которых был дентальный суффикс *-d/-t-* в прошедшем времени, является общегерманской инновацией. С течением времени оно приобретает большой размах: ср. гот. прил. *fulls* 'полный' — *fulljan* 'наполнять', ед. ч. прош. вр. *fullida*; гот. сущ. *salbō* 'мазь' — *salbōn* 'мазать', ед. ч. прош. вр. *salbōda*.

Индоевропейские видовые основы были переосмыслены в общегерманском как временные. Функциональное различие между аористом и перфектом исчезло. В прошедшем времени (претерите) сильных глаголов обе формы образуют одну смешанную парадигму, в которой единственное число основывается, как правило, на перфекте, а множественное — на аористе.

Система личных окончаний также была унаследована от общеиндоевропейского единства, но подверглась в общегерманском и в отдельных германских языках значительному упрощению.

Из наклонений, выражающих нереальное действие, сохранилось одно, своими формами восходящее главным образом к индоевропейскому оптативу. В результате установилась система из трех наклонений — изъявительного, повелительного и сослагательного. Формы, восходящие к индоевропейскому медию, среднему залогу, отражены только в парадигме настоящего времени готского медиопассива. В спряжении глагола повсеместно, за исключением готского, исчезло двойственное число.

В отношении именных форм глагола — инфинитивов и причастий — индоевропейский ареал не обнаруживает единообразия. Но во всех индоевропейских языках инфинитивы и причастия развились из отглагольных имен, включенных впоследствии в систему глагольного формообразования.

Общегерманская форма инфинитива была образована от основы презенса при помощи суффикса, восходящего к и.-е. **-no-*: гот. *briggan*, да. *bringan*, дс. *brenjan*, двн. *bringan* 'приносить'.

Форма германского причастия I генетически тождественна активному причастию индоевропейских языков с суффиксом *-nt-*: скр. *bhāga-nt-ah*, гр. *phēro-nt-es*, лат. *ferē-nt-es* 'приносящие', ср. гот. *baiga-nd-ans*.

Суффикс германского причастия II сильных глаголов восходит к индоевропейскому суффиксу причастия **-no-*, а суффикс причастия II слабых глаголов *-p/-d/-t-* — к индоевропейскому суффиксу причастия **-to-*: скр. *lag-n-á* 'прикрепившийся' — гот. *bunda-n-s* 'связанный'; лат. *ornā-t-us* 'украшенный' — гот. *daupī-þ-s* 'убитый'.

Таковы некоторые наиболее важные общеиндоевропейские черты морфологического строя германских языков.

3. ЛЕКСИКА.

§ 26. **Общеиндоевропейская лексика.** В словарном составе германских языков выделяется древнейший слой, восходящий к общеиндоевропейской эпохе. Сравнительно-исторический метод определяет генетическое тождество этой древнейшей лексики, различая словарные изоглоссы, характерные как для всего индоевропейского ареала, так и для более ограниченных ареалов и свидетельствующие о связях германских языков с соседними языковыми группами. Например, названия родственников этимологически связаны между собой во всем индоевропейском ареале, в то время как германское слово, обозначающее 'народ', засвидетельствовано кроме германского ареала также в кельтском, балтийском, итальянском, но не встречается в славянском, индоиранском, латинском, армянском и греческом: гот. *þiuda* 'народ', дирл. *tīoth*, дпрус. *tauto* 'страна', лит. *tautà*, оск. *touto*, умбр. *totam* 'народ', 'население'.

Изучение древнейшей лексики в сравнительном плане осложнено тем, что многие индоевропейские корни получили различное значение в отдельных индоевропейских языках, а также тем, что по памятникам трудно установить реальные обстоятельства лексических схождения и расхождения.

При рассмотрении общеиндоевропейской лексики целесообразно расположить ее по лексико-грамматическим классам.

И м я с у щ е с т в и т е л ь н о е

Имена существительные общеиндоевропейского происхождения делятся на несколько тематических групп:

1) Термины родства

Большинство существительных этой группы относится к типу основ на -г-:

'отец': скр. *pitár-*, гр. *patēr*, лат. *pater*, дирл. *athir*, арм. *hayr*, гот. *fadar*

'мать': скр. *mātár-*, гр. (доп.) *mātēr*, лат. *māter*, дирл. *māthir*, ст.-сл. *матер-*, дисл. *mōbir*, да. *mōdor*

'брат': скр. *bhrātár-*, гр. *phrātōr*, лат. *frāter*, дирл. *brāthir*, ст.-сл. *братръ*, гот. *brōþar*

'сестра': скр. *svāsar-*, лат. *sorog*, дирл. *siur*, лит. *seser-*, ст.-сл. *сестра*, гот. *swistar*

Кроме приведенных примеров, к этой тематической группе относятся индоевропейские слова со значениями 'сын', 'дочь', 'сноха', 'свекор', 'свекровь', 'деверь', 'золовка', 'зять' и др.

2) Названия животных и растений

Общеиндоевропейские слова обозначают как домашних животных, так и диких зверей, птиц, насекомых и др.:

'стадо': скр. *rācuḥ*, лат. *pecus*, гот. *faihu*, двн. *fihu*

'вол' и 'корова': скр. *gāuh*, гр. *boūs*, лат. *bōs*, ирл. *bō*, авест. *gāuš*, арм. *ков*, ст.-сл. *говѣдо*, двн. *kuo*

‘баран’ и ‘овца’: скр. áviḥ, гр. oĩs, лат. ouis, лит. avis, ирл. oí, ст.-сл. овъца, двн. ouwi
‘волк’: скр. vŭkaḥ, гр. lŭkos, лат. lupus, лит. viĩkas, гот. wulfs
‘журавль’: гр. géranos, лат. grŭs, лит. gérvė, арм. kŭnpk, ст.-сл. жеравь, да. cran, свн. krane, дисл. trani

К этому же слою относятся слова со значениями: ‘жеребец’, ‘кобыла’, ‘козел’ и ‘коза’, ‘собака’, ‘медведь’, ‘мышь’, ‘олень’, ‘птица’, ‘орел’, ‘дрозд’, ‘гусь’, ‘утка’, ‘змея’, ‘муха’, ‘шершень’, ‘оса’, ‘пчела’, ‘червяк’ и др.

Названия деревьев реже имеют индоевропейскую этимологию и обычно встречаются в меньшем количестве языков:

‘дерево’ (*растение и материал*): хет. taru, скр. dāgu, гр. dógu ‘дерево’, ‘древко копья’, лит. dervà ‘еловое дерево’, ст.-сл. дрѣво, дирл. daug, гот. triu, да. trēo(w) ‘дерево’
‘бук’: гр. phēgós, лат. fāgus, дисл. bók, двн. buohha

Общеиндоевропейскими являются также обозначения березы, ольхи, ивы, дуба, вяза, тиса, названия ряда злаковых растений. Для некоторых изоглосс ареал уже, и они засвидетельствованы только в части индоевропейских языков. Например, слово для понятия ‘зерно’ — лат. grānum, дирл. grān, ст.-сл. зръно, дпрус. syrne, гот. kaun — обнаружено только в языках, имеющих корень *sē- ‘сеять’ (ст.-сл. сѣти, лит. sėti, гот. saian, дирл. sil ‘посев’, лат. sēmen ‘семя’), и не встречается в индоиранских, армянском, греческом языках.

3) Названия частей тела

Некоторые изоглоссы названий частей тела охватывают весь индоевропейский ареал (см. приведенные ниже примеры), другие характеризуют большее или меньшее число и.-е. языков, но не все:

‘сердце’: скр. hŕd-, гр. kardia, лат. cord-, лит. širdis, хет. kardi-, арм. sirt, ст.-сл. сръдце, гот. haírto
‘зуб’: скр. dán, гр. odōn, лат. dēns, лит. dantis, гот. tunþus, да. tǫǫ, двн. zand
‘нога’, ‘ступня’: скр. pāt, гр. poĩs, лат. pēs, гот. fōtus, да. fōt, двн. fuoz, дисл. fót

Слова этой тематической группы включают названия таких понятий, как ‘колено’, ‘ухо’, ‘печень’, ‘кровь’, ‘глаза’, ‘уши’, ‘голова’, ‘бровь’, ‘нос’, ‘кость’, ‘ноготь’, ‘локоть’, ‘бедро’, ‘ладонь’ и др. В некоторых случаях изоглоссы этой группы проходят по трем или даже только по двум ареалам, как, например, слова, имеющие значения ‘рот’ и ‘губа’: лат. mentum ‘подбородок’, кельт. mant ‘челюсть’, гот. munþs ‘рот’; лат. labia, labra ‘губы’, перс. lab, да. lipra ‘губа’; днид. lipre, снн. lipre, дфриз. lipra, дисл. lepor.

4) Названия географических понятий и явлений природы

'море': лат. *mare*, лит. *māgės* (мн. ч.), латыш. *mare* 'залив', ст.-сл. *more*, дирл. *muig*, гот. *mar-*, да. *mere*, днв. *meri*, дисл. *mar*

'снег': лат. *nix* (**snig^whs*), гр. *nípha*, дирл. *snechti*, ст.-сл. *сиѣгъ*, дпрус. *snaugis*, лит. *sniegas*, гот. *snaiws*, да. *snāw*, днв. *snēo*

Общеиндоевропейские слова, обозначающие явления и свойства окружающей природной среды, не всегда идентичны по своему значению:

'глина': лат. *limus* 'тина', 'ил'; да. *līm* 'клей', днв. *līm* 'известь', дс. *lēmto* 'глина'

5) Названия предметов человеческой деятельности:

В этой группе объединены названия разнородных предметов, засвидетельствованные, наряду с германскими, в некоторых других индоевропейских языках:

'колесо': лат. *gota*, дирл. *roth*, лит. *gātas*, днв. *rad*

'судно': скр. *pāuḥ*, перс. *pāv*, арм. *paw*, гр. *paūs*, лат. *pāuis*, ирл. *пау*, дисл. *póg*

'борона': лат. *осса*, кимрск. *oged*, лит. *akėčios*, латыш. *ecšas*, брет. *oguet*, да. *ezeðe*, днв. *egida*

Г л а г о л

Интересно рассмотреть примеры древнейших глагольных корней, которые служили для обозначения как самых обыденных действий, так и отвлеченных понятий. Большинство корней свидетельствует о том, что в индоевропейском ареале были общие обозначения для таких понятий, как 'жить', 'умирать', 'пить', 'есть', 'спать', 'бодрствовать', 'лизать', 'кусать', 'братъ', 'оставлять', 'видеть', 'слышать', 'думать', 'знать', 'идти', 'бежать' и др.; одинаково обозначались также некоторые виды работ и занятий:

'знать': скр. *jñāyate* 'знает', гр. *gignōskō* 'знаю', лат. *cognōscō*, хет. *kāneszi*, ст.-сл. *знати*, лит. *žinóti*, гот. *kunnan*

'спать': скр. *svápiti* 'спит', ст.-сл. *съпати*, да. *swefan*, днв. *swefan*; ср. гр. *húpnos* 'сон', лит. *sāpnas* 'сон'

'пахать': лат. *arō*, гр. *arōō*, ирл. *aigim*, лит. *afti*, ст.-сл. *орати*, гот. *arjan*

'донть': гр. *amélgein*, лат. *mulgeō*, лит. *mélzu*, ирл. *mligim*, да. *melcan*, днв. *melchan*

'шить': скр. *sīvyati* 'шьет', лат. *suere*, лит. *siúti* 'шить', ст.-сл. *шити*, гот. *siujan*, да. *siwan*, днв. *siuwen*

Имя прилагательное

Древнейшие индоевропейские прилагательные обозначают такие понятия, как 'новый', 'старый', 'молодой', 'древний', некоторые цвета:

'новый': гр. *ne(w)os*, лат. *novus*, рус. *новый*, гот. *niujis*, да. *nīwe*, днв. *niuwī*, дисл. *pýg*

‘красный’: скр. *rudhiráh*, гр. *éruthrós*, лат. *ruber*, ирл. *ráad*,
ст.-сл. *рьдръ*, укр. *рудий*, гот. *rauþs*
‘горячий’: скр. *gharmáh* ‘жар’, гр. *thermós*, лат. *formus*, гот.
warmjan ‘греть’, нем. *warm*, англ. *warm*

Числительные

Германские числительные составляют древнейший по своему происхождению класс слов и все имеют индоевропейские параллели, например:

‘восемь’: скр. (вед.) *aṣṭā*, гр. *óktō*, лат. *octō*, лит. *aštuoni*, дирл. *ocht*, ст.-сл. *осьмь*, гот. *ahtau*

‘десять’: скр. *dāśa*, гр. *déka*, лат. *decem*, лит. *dėšimt-*, ст.-сл. *десат-*, гот. *taihun*

‘сто’¹: скр. *śatám*, гр. (he)-*katón*, лат. *centum*, авест. *satəm*, лит. *šimtas*, ст.-сл. *съто*, гот. *hund*

Местоимения

Большинство основ германских личных, указательных, вопросительно-относительных и возвратного местоимений имеют общиндоевропейскую этимологию. Сравнительно-историческое изучение местоименных изоглосс позволяет установить относительную хронологию местоименных основ в индоевропейском. Показательно, что и формы, образованные супплетивно и, по-видимому, восходящие к самостоятельным местоимениям, также генетически связаны. Например:

‘я’: скр. *aḥám*, гр. *эгō(n)*, лат. *ego*, ст.-сл. *азъ*, хет. *uk*, гот. *ik*

‘меня’ (вин. п.): скр. *mām*, гр. *эмé*, лат. *mē*, ст.-сл. *ма*, хет. *amuk*, гот. *mik*

‘тот’: скр. *sa*, гр. *ō*, ст.-сл. *тъ*, гот. *sa*

‘того’ (вин. п.): скр. *tam*, гр. *tón*, ст.-сл. *тъ*, лит. *tõ*, гот. *þana*

‘кто’: скр. *kaḥ*, лат. *quis*, хет. *kwiš*, лит. *kàs*, ст.-сл. *къто*, гот. *has*

Предлоги, союзы

Большую устойчивость в процессе исторического развития германских языков проявили служебные слова, предлоги и союзы, многие из которых относятся к общиндоевропейскому фонду. Например:

‘для’: скр. *pra-*, лат. *pro*, рус. *про*, лит. *pro*, гот. *faúr*, да. *for*, двн. *foa*, дисл. *fur*

‘от’, ‘из’: скр. *ára*, гр. *арó*, лат. *ab*, гот. *af*, да. *of*, дисл. *af*

‘у’, ‘при’: лат. *ad*, гот. *at*, да. *æt*, двн. *aʒ*, дисл. *at*

Приведенные лексические изоглоссы охватывают различные ареалы индоевропейской языковой общности и объединяют германские языки почти со всеми группами индоевропейских языков. Их число весьма значительно, и они составляют древнейший слой германской лексики.

Рассмотрев основные черты индоевропейского ударения, системы фонем, морфологического строя и лексики, унаследованные общегер-

¹ О звуковых соответствиях см. примечание 1 на с. 65

манским от индоевропейского языкового состояния, переходим к изучению особенностей строя германских языков, которые сложились в результате различного рода изменений и новообразований, возникших на германской почве.

Глава III. Общие особенности германского языкового ареала

1. УДАРЕНИЕ И СИСТЕМА ФОНЕМ

§ 27. Ударение. Важнейшим общим признаком германских языков является сильное динамическое (силовое, экспираторное) ударение на первом (корневом) слого. Например: гот. 'bindan 'вязать', дисл. 'leggja 'класть', да. 'gangan 'идти', двн. 'haltan 'держатъ', гот. 'giba 'дар', да. 'spere 'копье', двн. 'kunni 'род', дс. 'giki 'власть'. Как видно из приведенных примеров, в беспривставочных глаголах и именах корневой и первый слог совпадают.

В глаголах и именах с приставками место ударения неодинаково: в приставочных именах, существительных и прилагательных, ударение падает на первый слог, т. е. на приставку, а в приставочных глаголах — на корневой слог: ср. гот. 'andahafts 'ответ' — and'hafjan 'отвечать', двн. 'urteil 'приговор' — ir'teilan 'присуждать', да. 'andsæc 'несогласие' — on'sacan 'противиться'. Одна и та же приставка, в зависимости от места ударения в слове, могла иметь разные звуковые варианты: более полный — в именных образованиях и в той или иной мере редуцированный — в глаголах.

Причину такого различия в ударении, по-видимому, нужно искать в разновременности возникновения данных образований. В период становления фиксированного ударения приставка и глагол еще не слились в едином слове, в то время как древнейшие приставочные имена воспринимались как одно целое. Это различие впоследствии было затемнено образованием отглагольных существительных от глаголов с неударными приставками и, наоборот, отыменных глаголов, созданных на базе основ с ударяемой приставкой. Например: гот. сущ. us'fulleins 'выполнение' — гл. us'fulljan 'исполнять', ср. нем. Er'füllung 'выполнение' — er'füllen 'исполнять'; гот. сущ. 'andawaurdi 'ответ' — гл. and'waurdjan 'отвечать', ср. нем. 'Antwort 'ответ' — гл. 'antworten 'отвечать'.

Закрепление сильного динамического ударения на первом слого оказало значительное влияние на развитие строя германских языков и усилило тенденции, действовавшие уже в период германской языковой общности. Фиксированное ударение выделило главный в смысловом отношении слог и, вероятно, способствовало редукции неударных слогов; в результате действия законов конца слова долгие гласные сокращались, а краткие ослаблялись и редуцировались или совсем отпадали. Первый этап редукции, по-видимому, прошел уже в общегер-

манском, в дальнейшем эта тенденция действовала с разной силой во всех германских языках.

§ 28. **Краткие гласные.** Изучая германский вокализм, необходимо рассматривать его по крайней мере в двух временных срезах — в период общегерманского единства и в эпоху отдельного существования германских языков.

Общегерманская система гласных, восстанавливаемая методом сравнительной реконструкции, состояла из кратких и долгих фонем.

Краткие гласные были представлены фонемами: *ǣ*, *ĕ*, *ĭ*, *ĭ̄*, которые образовывали следующую систему:

Гласные	верхнего	подъема	<i>ī</i>	<i>ī̄</i>
“	среднего	“	<i>ē</i>	
“	нижнего	“	<i>ǣ</i>	

Краткое герм. *ǣ* соответствует двум индоевропейским гласным — *ǣ* и *ō*, так как и.-е. *ō* > герм. *ǣ*.

и.-е. *ǣ* ||¹ герм. *ǣ*

гр. <i>ἀρόβ</i> ,	лат. <i>agō</i> ,	лит. <i>agiù</i>	гот. <i>agjan</i> ‘пахать’
‘пашу’			
лат. <i>ad</i> ‘к’			гот. <i>at</i> , двн. <i>az</i> , дс. <i>at</i> , дисл. <i>at</i>

и.-е. *ō* || герм. *ǣ*

гр. <i>hortos</i> ,	лат. <i>hortus</i> ‘сад’	гот. <i>gards</i> ‘дом’, двн. <i>gart</i> ‘круг’,
		дс. <i>gard</i> ‘дом’, дисл. <i>garđr</i>
		‘двор’
лат. <i>hostis</i> ,	ст.-сл. ‘гость’	рун. <i>gastiR</i> , гот. <i>gasts</i> , двн. <i>gast</i> ‘гость’

Германское *ǣ* отражало также шва примум — индоевропейский гласный *ə* (см. § 21), например:

скр. <i>sthitas</i> ‘поставленный’,	гот. <i>staþs</i> , двн. <i>stat</i> , дисл. <i>staðr</i>
лат. <i>status</i> ‘установленный’	‘место’

Вследствие перехода и.-е. *ō* > герм. *ǣ* в раннем общегерманском не было *ō*. Развитие новой фонемы — *ō* < *ū* в общегерманском относится к более позднему времени как результат фонологизации широкого аллофона фонемы *u*.

Индоевропейские краткие *ī*, *ē*, *ĭ*, подчиняясь свойственному германским языкам явлению уподобления гласного корня гласному суффикса или окончания (так называемое «общегерманское преломление», или перегласовка), либо сохранялись без изменений, либо изменялись под влиянием последующих гласных.

Если за корневым гласным следовали узкие гласные *i* (*j*) или *u*, а также сочетание «носовой + согласный», то в корне сохранялся уз-

¹ || — знак, имеющий значение «соответствует».

кий гласный или корневой гласный сужался; в остальных случаях в древнегерманских языках ¹ наблюдались широкие гласные ².

и.-е. ū || герм. ū

скр. sūnú-, лит. sūnūs 'сын' гот. sunus, да., двн., дс. sunц,
рун. sunuR, дисл. sunr

и.-е. ĭ || герм. ĭ

лат. piscis 'рыба' гот. fisks, да., дс., двн. fisc,
дисл. fiskr

и.-е. ě || герм. ĩ

лат. ventus 'ветер' да. wind, двн. wint, дс. wind,
дисл. vindr

и.-е. ě || герм. ě

гр. phégō, лат. ferō 'несу' двн. beran 'нести', но biru 'несу',
birit 'несет'; дс. beran, но
biru 'несу', bird 'несет'

и.-е. ū || герм. ō

скр. jugám, гр. zygón 'иго' да. zeos (<*jos), двн. joch, дс. ok

§ 29. Долгие гласные. Восстанавливаемая для общегерманского система долгих гласных состояла из четырех фонем: ō, ē, ĭ, ū:

гласные верхнего подъема ĭ ū
" среднего " ē ō

Вследствие перехода и.-е. ā > герм. ō в общегерманском отсутствовал гласный ā, и германское ō соответствовало двум индоевропейским гласным — ā и ō:

и.-е. ā || герм. ō

скр. mātar-, гр. (дор.) mātēr, да. mōdor, дс. mōdor, двн. muo-
лат. māter 'мать' ter < *mōter, дисл. móðir

¹ Исключение составляет готский язык, в котором действовала тенденция к сужению, т. е. герм. e, ĭ > гот. i; герм. o, u > гот. u.

² О чередованиях ĭ — e, u — o в отдельных германских языках см. § 66.

скр. *bhrātār-*, лат. *frāter* 'брат' гот. *brōþar*, да. *brōðor*, дисл. *brōðir*

и.-е. *ō* || герм. *ō*

лат. *flōs* 'цветок'

гот. *blōma*, да. *blōma*, дс. *blōmo*, дисл. *blóme*

гр. *plōtós* 'плавающий'

гот. *flōdus*, да. *flōd*, дс. *flōd*, дисл. *flóð* 'поток'

Индоевропейское *ē* соответствует общегерманскому *ē*, условно обозначаемому как *ē₁*. Основываясь на развитии *ē₁* в отдельных германских языках, можно предположить, что это был широкий гласный сравнительно низкого подъема, т. е. открытый гласный. Уже в общегерманский период он подвергся дальнейшему понижению: *ē₁* > *æ*, которое впоследствии переходит в *ā*. Последнее в английском языке развилось в *æ*, а во фризском — в *ē*. Только в готском языке зафиксировано собственно *ē₁*, так как в нем действовала общая тенденция к повышению, к сужению гласных. Например: лат. *sēmen* 'семя', 'посев', ср.: гот. *-sēþs*, да. *sæd*, двн. *sāt*, дс. *sād*, дфриз. *sēd*, дисл. *sāð* 'семя'; лат. *ēdimus* 'ели', ср.: гот. *ētum*, да. *ætun*, двн. *āzum*, дс. *ātum*, дфриз. *ēton*.

Но в древнегерманских языках засвидетельствован еще один долгий гласный, обозначаемый как *ē₂*. Есть основания предполагать, что этот гласный был узким и развился из других источников. Таких источников, по-видимому, было несколько:

1) в ряде случаев *ē₂* возводят к индоевропейскому дифтонгу *ēi* (см. § 21), например, в следующем слове, которое встречается во всех германских языках: гот. *hēr*, да. *hēr*, двн. *hiar* (< *hēr*), дс. *hēr*, дисл. *hér* 'здесь';

2) *ē₂* мог появиться в результате компенсирующего удлинения *i* после выпадения *z*: ср. гр. *mizdós*, ст.-сл. *мзда*, гот. *mizdō* 'мзда', 'вознаграждение' — да. *mēd*, двн. *miata* (< *mēta*), дс. *mēda*;

3) *ē₂* был уже налицо в составе слов, заимствованных из латинского языка: ср. позднелат. *me(n)sa* 'стол' — гот. *mēs*, да. *mēse*, двн. *meas*, *mias* (< *mēs*).

Индоевропейские *i* и *ū* соответствуют долгим германским *i* и *ū*: ср. лат. *suīnus* 'свинина' — гот. *sweīn*, да., двн., дс. *swīn*, дисл. *suīn* 'свинья'; греч. *mūs*, лат. *mūs* 'мышь' — да., двн. *mūs*, дисл. *mūs*.

В дальнейшем развитии отдельных германских языков общегерманская система кратких и долгих фонем значительно изменилась. Одной из основных особенностей германских гласных по сравнению с индоевропейскими была зависимость их от соседних гласных и согласных. Эти комбинаторные изменения вызывали появление позиционных вариантов фонем, а в некоторых случаях и новых фонем, что существенно меняло фонологическую систему отдельных германских языков.

Соответствия между индоевропейскими и общегерманскими гласными и гласными отдельных германских языков можно представить в следующей таблице:

И.-е	Общегерм.	Гот.	Дн.	Двн.	Дс.	Дфриз.	Дисл.
а, о э	а	а	æ	а	а	е	а
е	е(i)	е перед г, h, þ	е	е	е	е	е
і	і	і	і	і	і	і	і
u	u	u о перед г, h, þ	u o	u o	u o	u o	u o
ā, ō	ō	ō	ō	uo	ō	ō	ō
	агх > āх	ā	ō	ā	ā	ā	ā
ē	ē ₁	ē	æ	ā	ā	ē	ā
Разные источники	ē ₂		ē	ē > ia	ē	ē	ē
ī	ī	ī	ī	ī	ī	ī	ī
ū	ū	ū	ū	u	ū	ū	ū

§ 30. **Аблаут.** Аблаут (нем. Ablaut, англ. gradation) представляет собою спонтанное, т. е. не обусловленное окружением, чередование гласных, которое было унаследовано германскими языками от периода общиндоевропейского единства, но получило в германском ареале дальнейшее развитие и систематически использовалось в словообразовании и, главным образом, в словоизменении. Это древнейшее явление заключалось в чередовании гласных в корне, суффиксе или окончании (при постоянном составе согласных) в зависимости от грамматической формы или от значения слова. Такое чередование не является исключительной особенностью индоевропейских языков, а наблюдается и в других языковых семьях. Особенно широко аналогичное чередование представлено в семитских языках, ср., например, араб. qatala 'убивает', qātala 'пытается убить', āqatala 'заставляет убивать', qūtila 'убит'.

Существует два типа чередования по аблауту: качественное и количественное.

Качественный аблаут представляет собой чередование разных гласных и касается, в основном, гласных ϵ и $\bar{o}$ (кратких и долгих).

Наиболее распространенным качественным чередованием в индоевропейских языках является чередование $\epsilon - \bar{o}$, например: гр. $\acute{\lambda}\acute{\epsilon}\gamma\acute{o}$ 'говорю' — $\acute{\lambda}\acute{o}\gamma\acute{o}$ 'слово', лат. $t\acute{e}g\bar{o}$ 'покрываю' — $t\acute{o}g\bar{a}$ 'одежда'; ст.-сл. $t\acute{e}k\bar{u}$ — $t\acute{o}k\bar{u}$ (ср. рус. бреду — брод, беру — собор и др.).

При количественном аблауте чередуются различные по долготе гласные одного качества. В зависимости от долготы гласного выделяются три ступени аблаута: нормальная (полная), ступень удлинения и нулевая ступень (ступень редукции). Нормальная ступень представлена гласными ϵ и $\bar{o}$, от которых ступенью удлинения были $\epsilon\bar{}$ и $\bar{o}\bar{}$: лат. $sede\bar{o}$ 'сизжу' — $s\bar{e}d\bar{i}$ 'сел' (чередование $\epsilon - \bar{e}$); гр. (дор.) $\rho\acute{o}\delta$ 'нога' — $\rho\acute{o}\delta\acute{o}$ род. п. (чередование $\bar{o} - \bar{o}$). Нулевая ступень, или ступень редукции — это «нуль» гласного, т. е. его выпадение, или редуцированный гласный: скр. $kar\acute{o}m\bar{i}$ 'делаю' — $k\bar{r}t\bar{a}h$ 'сделанный', ст.-сл. берж — бьрати¹. Все три ступени представлены, например, в склонении греческого слова $\rho\acute{a}t\bar{e}r$ 'отец': ср. имен. п. ед. ч. $\rho\acute{a}t\bar{e}r$ — ступень удлинения, зват. п. $\rho\acute{a}t\bar{e}r$ — нормальная ступень, род. п. $\rho\acute{a}t\bar{r}\acute{o}\delta$ — нулевая ступень.

В некоторых рядах чередования участвовал и качественный и количественный аблаут, например: гр. $\rho\acute{e}l\acute{o}m\bar{a}i$ 'вращаюсь', $\rho\acute{o}l\acute{o}\delta$ 'ось', $\epsilon\bar{}$ - $\rho\acute{r}\acute{o}m\bar{e}p$ 'я повернулся'; ст.-сл. рекж — пророкъ — рьци.

Возникновение чередования по аблауту объясняют воздействием разного рода ударений. В количественном аблауте усматривают влияние динамического ударения (в безударных слогах — нулевая ступень, в ударных — нормальная или ступень удлинения). Качественный аблаут связывают с музыкальным ударением.

Чередования по аблауту в германских языках представляют собою дальнейшее развитие индоевропейских чередований. Индоевропейскому качественному чередованию $\epsilon - \bar{o}$ соответствует германское чередование $\epsilon - \bar{a}$: дисл. $bera$ 'нести', 'рожать' — $bar\bar{n}$ 'дитя'; да. $bindan$ ($i < e$) 'связывать' — $band$ 'тесма'; двн. $stelan$ 'красть' — $stal$ 'украл'.

Другим типом качественного чередования было чередование $\bar{e} - \bar{o}$, представленное, например, в готском языке рядом глаголов VII класса: гот. $l\acute{e}tan$ 'оставлять' — $lail\acute{o}t$ [$l\acute{e}l\acute{o}t$] 'оставил'; гот. $t\acute{e}kan$ 'брат' — $tait\acute{o}k$ [$t\acute{e}t\acute{o}k$] 'взял'.

Из количественных чередований самым распространенным было чередование $\epsilon, \bar{a}$ — нуль²: гот. $q\acute{i}man$ 'приходить' — $q\acute{i}m\bar{s}$ 'прибытие'; дисл. $stela$ 'красть' — $stuldr$ 'кража'; да. $fela$ 'много' — ful 'полный'; двн. $stam$, $stamal$ 'бормочущий', 'заикающийся' — $stum$ 'немой'; дисл. $kaldr$ 'холодный' — $kuldi$ 'холод'; дс. $sa\bar{l}t$ 'соль' — $sultia$ 'рассол'.

¹ В нулевой ступени слогообразующим становился сонорный (см. § 22). Полагаят, что в определенных условиях в этой ступени появлялся сверхкраткий редуцированный гласный $\bar{y}$, известный под названием «шва секундум».

² В нулевой ступени в германских языках перед сонорными m , n , l , r развивался гласный $\bar{u}$, который, как предполагают, был германским отражением и. -е. шва секундум (см. примечание выше).

Индоевропейское количественное чередование $\ddot{o} - \bar{o}$ вследствие перехода и.-е. $\ddot{o} >$ герм. $\ddot{a}$ в германских языках становится чередованием $\ddot{a} - \bar{o}$ (качественно-количественным). Оно является характерной особенностью сильных глаголов VI класса. Например: гот. *graban* 'копать' — ед. ч. прош. вр. *grōf* — мн. ч. прош. вр. *grōbum* — прич. II *grabans*; да. *scasan* 'трясти' — ед. ч. прош. вр. *scōs* — мн. ч. прош. вр. *scōson* — прич. II *scasen*; дисл. *fara* 'ехать' — ед. ч. прош. вр. *fōr* — мн. ч. прош. вр. *fōrum* — прич. II *farinn*.

Индоевропейское количественное чередование $\ddot{e} - \bar{e}$ представлено германским $\ddot{e} - \bar{e}$. Например: гот. *stilan*¹ 'красть' — *stēlum*; дисл. гл. *sitja* 'сидеть' — сущ. *sāt*¹ [sa:t].

Наиболее распространенной формулой чередования в германских языках была формула: $\ddot{e} - \ddot{a} - \text{нуль}$, в которой сочетались оба типа — и качественный и количественный аблаут. Например: днв. *beran* 'нести', 'рожать' — *barn* 'дитя' — *giburt* 'рождение'; да. *findan* ($i < e$) 'находить' — *fand* 'нашел' — *funden* 'найденный'.

В качестве внутренней флексии аблаут функционировал в древнегерманских языках и в словоизменении, и в словообразовании, но наиболее широкое и систематическое использование аблаут получил в словоизменении. Особый интерес представляют ряды чередований по аблауту в спряжении сильного глагола.

§ 31. Аблаут в древнегерманских сильных глаголах. Самой широкой сферой применения аблаута в древнегерманских языках стала словоизменяемая парадигма сильных глаголов, т. е. глаголов, в которых основные формы различаются качеством гласных и определенными степенями аблаута в корневом слого.

Первые пять классов сильных глаголов построены на чередовании $\ddot{e} - \ddot{a} - \text{нуль}$. Чередование $\ddot{a} - \bar{o}$ являлось характерной чертой VI класса (см. § 30), чередования в VII классе выпадали из общей системы аблаута и поэтому будут рассмотрены в связи с классификацией глаголов в германских языках (см. § 50).

Обратимся к первым пяти классам сильных глаголов. Ряды аблаута реализуются в четырех основах, которые считаются главными и приводятся в качестве четырех основных форм глагола; это основы 1) инфинитива и настоящего времени, 2) единственного числа прошедшего времени, 3) множественного числа прошедшего времени, 4) причастия II.

В наиболее прозрачной форме, не затемненной более поздними фонетическими изменениями и вследствие этого, как предполагают, точнее всего отражающей общегерманскую систему, чередования по аблауту сохранились в готском языке.

Основное чередование $\ddot{e} - \ddot{a} - \text{нуль}$ (гот. $i - a - \text{нуль}$) было осложнено разными неслоговыми элементами, являющимися показателями классов сильных глаголов. В I—III классах **осложнителем** был сонорный, который становился слогообразующим в нулевой ступени в 3-й и 4-й формах.

¹ См. таблицы в § 29.

I класс. В корне чередующийся гласный + неслоговое $\dot{i}$:

$\check{e} + \dot{i} + \text{шумн.}$	$\check{a} + \dot{i} + \text{шумн.}$	$i + \text{шумн.}$	$i + \text{шумн.}$
гот. <i>reisān</i> [<i>ei = i</i>] ¹ 'вставать'	<i>gais</i>	<i>risum</i>	<i>risans</i>

II класс. В корне чередующийся гласный + неслоговое $\dot{u}$:

$\check{e} + \dot{u} + \text{шумн.}$	$\check{a} + \dot{u} + \text{шумн.}$	$u + \text{шумн.}$	$u + \text{шумн.}$
гот. <i>kiusan</i> 'пробовать'	<i>kaus</i>	<i>kusum</i>	<i>kusans</i>

III класс. В корне чередующийся гласный, за ним сонорный + согласный (шумный или второй сонорный — «удвоение»):

$\check{e} + r, l, m, n + \text{согл.}$	$\check{a} + l, r, m, n + \text{согл.}$	$u + r, l, m, n + \text{согл.}$	$u + r, l, m, n + \text{согл.}$
гот. <i>bindan</i> 'связывать'	<i>band</i>	<i>bundum</i>	<i>bundans</i>
гот. <i>ginnan</i> 'бежать'	<i>gann</i>	<i>gunnum</i>	<i>gunnans</i>

Как уже отмечалось (см. § 22), сонорные g, l, m, n потеряли в германских языках слогообразующую функцию, и в нулевой ступени перед ними развился узкий гласный u .

В IV и V классах наблюдается новый тип чередования, так как в основе множественного числа прошедшего времени появляется долгая ступень $\bar{e}$:

IV класс. В корне чередующийся гласный + сонорный:

$\check{e} + l, r, m, n$	$\check{a} + l, r, m, n$	$\bar{e} + l, r, m, n$	$u + l, r, m, n$
гот. <i>nīman</i>	<i>nam</i>	<i>nēmum</i>	<i>nūmans</i>

'брать'

V класс. Корень содержит чередующийся гласный + шумный согласный:

$\check{e} + \text{шумн.}$	$\check{a} + \text{шумн.}$	$\bar{e} + \text{шумн.}$	$\check{e} + \text{шумн.}$
гот. <i>qīfan</i> 'сказать'	<i>qaf</i>	<i>qēfum</i>	<i>qīfans</i>

В IV и V классах дополнительного объяснения требуют третья и четвертая формы. Предполагают, что долгая ступень $\bar{e}$ в третьей форме восходит к долгой ступени индоевропейского перфекта: ср. лат. *sēdi* 'я сидел' (наст. вр. *sedeō*), *lēgi* 'лежал' (наст. вр. *legō*) и, возможно, аориста, ср. форму аориста среднего залога скр. *a-sād-i*. Но существуют и другие объяснения происхождения $\bar{e}$, например, как результата удлинения при стяжении индоевропейских редуцированных² форм перфекта типа **ses-dāmen, sézdāmen > *sēdāmen*. Огласовка причастия II также допускает различные толкования: а) $\bar{u}$ в IV классе рассматривается как гласный, развившийся под влиянием сонорного (ср. III класс), а $\check{e}$ (гот. i) в V классе как гласный, обусловленный аналогичным влиянием основы инфинитива и настоящего времени; б) но происхождение $\bar{u}$ в IV и $\check{e}$ в V классе можно объяснить как отражение в германском индоевропейского сверхкраткого редуцированного глас-

¹ [i] = $\check{y} + \dot{i}$.

² Редупликация = удвоение.

ного в [э], «шва секундум» (см. примечание на с. 55), который, как предполагают, перед сонорными давал *ū* (IV класс), а перед шумными *ī* (V класс).

Несмотря на некоторые отклонения¹, чередование по аблауту в системе сильных глаголов готского языка имеет очень четкий и стройный вид. В других германских языках чередования подверглись дальнейшим преобразованиям под влиянием фонетических особенностей каждого из германских языков.

§ 32. Другие случаи аблаута в словоизменении. Чередование по аблауту имело место в древнегерманских языках и в отдельных суффиксальных морфемах, ср., например, чередование гласных в суффиксах *-ing* и *-ung*: двн. *Merowingi* — *Nibelungi*, дисл. *Voļsungar* 'Вельсунги' — *Ylfingar* 'Ильвинги'.

В некоторых типах склонения и спряжения наблюдается чередование по аблауту основообразующего суффикса. Например:

гот. осн. на *-ū-* (чередование *iū* — *au* — *u*):

Ед. ч. Им. п.	<i>sunus</i>	Мн. ч. Им. п.	<i>sunjus</i>
Род. п.	<i>sunaus</i>	Род. п.	<i>sunīwe</i>
Дат. п.	<i>sunau</i>	Дат. п.	<i>sunum</i>
Вин. п.	<i>supu</i>	Вин. п.	<i>sununs</i>

гот. наст. вр. инд. (чередование *ē*, гот. *ī* — *ā*):

Ед. ч. 1 л.	<i>nīma</i>	Мн. ч. 1 л.	<i>nīmat</i>
2 л.	<i>nīmīš</i>	2 л.	<i>nīmīþ</i>
3 л.	<i>nīmīþ</i>	3 л.	<i>nīmand</i>

Предполагают, что чередование по аблауту когда-то имело место и в окончаниях, но вследствие редукции неударных слогов не сохранилось.

§ 33. Аблаут в словообразовании. В словообразовании наблюдаются те же ряды чередований по аблауту, что и в сильных глаголах. Например:

гот. *drigkan* 'пить' — *dragk* 'питье' (чередование *ē* — *ā*)
 да *sinzan* 'петь' — *sanz* 'пение'
 дисл. *skagi* 'мыс' — *skógr* 'лес' (чередование *ā* — *ō*)
 двн. *springan* 'прыгать' — *sprung* 'прыжок' (чередование *ē* — нуль)

Встречаются и более сложные ряды чередований, сочетающие различные его типы, например формулу *ē* — *ā* — нуль: дисл. *bera* 'рожать' — *bagr* 'дитя' — *bugr* 'сын' — *bugr* 'рождение'. Выполняя словообразовательную функцию, аблаут наряду с другими средствами служил различению словоформ, имеющих разные лексические значения.

Таким образом, чередования по аблауту получили в германских языках системный характер и широко представлены как внутренняя флексия в словообразовательной и, особенно, в словоизменительной системе.

¹ См. § 36.

§ 34. Умлаут. Как отмечалось выше, в германских языках действовала тенденция фонетической ассимиляции гласного корня гласному окончанию. Эта тенденция осуществлялась во всех древнегерманских языках. Широкое распространение получил один из видов частичной регрессивной ассимиляции, которому Я. Гримм дал название «умлаут», что значит «перегласовка» (нем. Umlaut, англ. mutation). Это явление стало развиваться, по-видимому, начиная с 5—6 веков: в языке готской библии (4 в.) его еще нет, но оно отражено в более поздних собственных именах вестготов (7 в.). Распространенность и хронология умлаута в разных германских языках неодинакова.

Различают несколько видов перегласовок, но сущность их тождественна: это частичное изменение гласного корня под влиянием гласного последующего слога. Возникавшие в результате этой ассимиляции звуки были первоначально только вариантами фонем — аллофонами, а не фонемами. После редукции неударных гласных (общегерманская тенденция, см. § 27), вызвавших ассимиляцию, варианты фонем переставали быть фонетически обусловленными и фонематизировались, т. е. превращались в самостоятельные фонемы. В процессе расщепления старой фонемы на две в некоторых случаях возникли совершенно новые фонемы. Появившееся в результате перегласовки различие в фонемном составе однокоренных слов могло приобрести значение грамматического показателя — внутренней флексии.

Наибольшее значение для германских языков имела палатальная перегласовка, или перегласовка на *i* или *j* (*i*-умлаут). Под воздействием *i* или *j* в суффиксе или окончании задние гласные в корне подвергались палатализации и переходили в более закрытые и в более передние гласные, тем самым приближаясь по артикуляции к последующему *i* или *j* (частичная регрессивная ассимиляция): $\bar{a} > \bar{e}$; $\bar{a} > \bar{e}$; $\bar{o} >$ лабиализ. $\bar{e}$ [œ], (написание: да. œ, свн. ö, дисл. ø); $\bar{o} >$ лабиализ. e [œ], [ø] (написание: да. œ¹, свн. ø, дисл. ø); $\bar{u} > \bar{y}$.

Явление умлаута можно проиллюстрировать, сравнивая готские слова, в которых перегласовка отсутствует, с их соответствиями в других германских языках:

гот. *harjis* 'войско' — да., свн. *here*, дисл. *herr*
 гот. *dōmjan* 'судить' — да. *dōman* > *dēman*, дисл. *dōma*
 гот. *kunī* 'род' — да. *сунп*, дисл. *куп*

В древнеанглийском умлаут представлен весьма широко, но обнаруживает в дальнейшем тенденцию к затуханию. Но вследствие того, что хронологически он осуществился раньше, чем, например, в древневерхненемецком, как результат более ранней редукции *i* > *e* в конечном слоге, фонологизация вариантов фонем $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{u}$ в древнеанглийском произошла раньше: $*lanzira > lenzra$ 'длиннее', $*fōti > fēt$ > *fēt* 'поги', $*fulljan > fyllan$ 'наполнять'.

¹ С дальнейшим переходом да. $\bar{a} > e$, который сопровождался соответствующим изменением написаний.

В древнескандинавских языках, за исключением древнейших рунических памятников, перегиб на *i* (*j*) представлена весьма широко: ср. рун. **dohtriR** (им. п. мн. ч.) — дисл. *døtr*, дат. *døtre*, шв. *döttrar* 'дочери'; рун. **gastiR** (осн. на *-i-*) — дисл. *gestr*, дат. *gæst*, шв. *gäst* 'гость'; рун. **bariutiþ, barutR** — дисл. *brýtr*, дат. *bryder*, шв. *bryter* 'нарушает'. Перегиб на *i* (*j*) действовала как внутренняя флексия в некоторых классах и категориях глаголов, существительных, прилагательных. В последующем развитии наблюдается уменьшение роли умлаута как внутренней флексии в скандинавских языках.

Очень большое распространение и развитие палатальная перегиб получила в немецком ареале. Но в древневерхненемецком языке письменные памятники отражают умлаут только от краткого *ä* (так называемый «примарный» умлаут): днв. *gast* (ед. ч.) — *gesti* (мн. ч.) 'гости'; днв. *man* 'человек' — *menisco* 'человеческий'. В других случаях умлаутированные гласные были еще позиционными вариантами соответствующих фонем. С редукцией *i* > *e* [ə] в окончаниях в средневерхненемецкий период варианты кратких, долгих фонем и дифтонгов, обусловленные умлаутом, становятся самостоятельными фонемами и поэтому отражаются в письменности. Примерами этого умлаута могут служить: днв. *mahti* — свн. *mähte* (им. п. мн. ч. от *maht* 'мощь'); днв. *wurti* — свн. *würde* 'был бы'; днв. *sköni* — свн. *schöne* 'красивый'. Начиная со средневерхненемецкого периода умлаут широко представлен в немецком ареале как внутренняя флексия и в словоизменении, и в словообразовании (см. § 170).

§ 35. **Согласные.** Сравнительно-историческое изучение индоевропейских и германских языков позволяет восстановить для общегерманского следующую систему согласных фонем:

Шумные { глухие смычные: *p, t, k, kʷ*.
звонкие щелевые: *b [v], ð, g, [типа укр. г], gʷ* (с позиционными вариантами *b, d, g, gʷ* после носовых, в начале слова и в удвоении).
глухие щелевые: *f, þ, χ¹, χʷ, s*

Сонорные: *j, w, r, l, m, n*.

§ 36. **Сонорные.** Рассмотрение германских согласных в сопоставлении с индоевропейскими показывает, что некоторые фонемы полностью совпадали. Так, по-видимому, германские сонорные *r, l, m, n* и «полугласные» *j, w* на раннем этапе развития германских языков не отличались от соответствующих индоевропейских фонем и вследствие двойственности своего характера функционировали и как гласные (слогообразующие), и как согласные (см. § 79. пункт 5)

Примерами реализации консонантной функции могут служить следующие сравнения:

г.	скр. <i>rudhirah</i> , лат. <i>ruber</i> , ст.-сл. рьдрь, лит. <i>raudas</i> , дирл. <i>rūad</i> 'красный'	гот. <i>rauþs</i> , да. <i>rēad</i> , днв. <i>rōt</i> , ди. <i>rauðr</i>
----	--	--

¹Заднеязычный щелевой (велярный) *χ* переходил в дальнейшем во многих позициях в придыхательный (фарингальный) *h*. Оба согласных обозначались графемой *h*.

l:	скр. lēhmi, гр. leihō, лат. lingō, ст.-сл. лижж, лит. liežiù, дирл. ligim 'лижу'	гот. (bi)-laigon 'облизывать'
n:	скр. nāma, гр. ὄνομα, лат. nōmen 'имя'	гот. namō, да. nama, дисл. nafn
m:	скр. mūs, гр. μῦς, лат. mūs, ст.-сл. мышь 'мышь'	да. mūs, двн. mūs
j:	скр. yañ, лит. jis 'он'	гот. jains, да. zeon, двн. jener 'этот'
w:	скр. návañ, гр. νέ(ω)ος, лат. novus, ст.-сл. новъ 'новый'	гот. niujis, да. piwe, двн. niuwī

§ 37. **Первое передвижение согласных.** Сравнение шумных согласных в индоевропейских и древнегерманских языках позволяет сделать следующее обобщение: индоевропейским глухим смычным p, t, k, k^w соответствуют германские глухие щелевые f, þ, χ, χ^w, индоевропейским звонким смычным придыхательным bh, dh, gh, gh^w — германские звонкие щелевые b, ð, g, g^w, индоевропейским звонким смычным b, d, g, g^w — глухие смычные p, t, k, k^w.

Это явление, получившее название первого передвижения согласных (англ. The First Consonant Shift, нем. die erste Lautverschiebung), было открыто Расмусом Раском (1818) и представлено как система взаимосвязанных фактов Якобом Гриммом (1822).

Рассмотрим индоевропейские и германские соответствия:

и.-е. p, t, k || герм. f, þ, χ

скр. pitár-, гр. patér, лат. pater 'отец'	гот. fadar, да. fæder, двн. fater, дисл. faðir
гр. pélla 'кожа', лат. pellis 'мех'	гот. fill, да. fell, двн. fel, дисл. fjall 'мех', 'кожа'
лат. piscis 'рыба'	гот. fisks, да., двн. fisc, дисл. fiskr
скр. pápāt 'потомок', гр. ἀπερ- σιός, лат. перōs 'внук', 'пле- мянник'	да. nefa, двн. nevo, дисл. nefi 'родственник', 'племянник'
скр. tráyas, гр. treis, лат. trēs 'три'	гот. þreis, да. þri, двн. dri, дисл. þrig
скр. vartati 'вертится', лат. ver- tō 'верчу', ст.-сл. вратити	гот. waifþan, да. weorþan, дисл. verða 'становиться'
лат. mentum 'подбородок'	гот. munþs, да. mūð 'рот'
скр. dáśa, гр. déka, лат. decem 'десять'	гот. taihun, дс. tehan, двн. zehan
скр. пак(t)-, гр. nykt-, лат. noct- 'ночь'	гот. nahts, да. niht, двн. naht
гр. kardía, лат. cord- 'сердце'	гот. haírtō, да. heorte, двн. herza, дисл. hjarta

и.-е. k^w || герм. χ^w

лат. quod 'что'	гот. hwa, да. hwæt, двн. hwaꝥ
-----------------	-------------------------------

и.-е. bh, dh, gh || герм. ð, ð, g (см. § 35)

скр. bhārami, гр. phérō, лат. ferō 'несу'

скр. bhrātār-, гр. phrātōr 'член фратрии', лат. frāter 'брат', ст.-сл. братръ

скр. mādhyas, лат. medius 'средний', ст.-сл. межда 'межа'

скр. dhṛsúh 'смелый', скр. dhṛs-póti 'дерзает', гр. thrasús 'смелый'

скр. hamsá гусь, лебедь, фламинго, гр. khēn, лат. (h)anser 'гусь'

лат. hostis 'враг', ст.-сл. гость

гот. baíran, да. beran, двн. be-gan, дисл. bera 'нести'
гот. brōþar, да. brōðor, дисл. brōðir

гот. midjis, да. middel, дс. middi 'середина'

гот. ga-dars 'дерзает', да. dear(г) 'смеет'

да. gōs, дисл. gās

гот. gasts, да. ziest, двн. gast, дисл. gestr 'гость'

и.-е. gh^w || герм. g^w

гр. omphē (<*songwhā) 'голос'

гот. siggwan, да. singan, двн. singan, дисл. syngva 'петь'

Из всех индоевропейских языков только в санскрите зафиксированы bh, dh, в других древних индоевропейских языках им соответствуют другие согласные (см. § 19), gh не отражено ни в одном индоевропейском языке и восстанавливается только методом сравнительной реконструкции.

и.-е. b, d, g || герм. p, t, k

лит. slābnas, ст.-сл. слабь 'слабый'; ср. лат. labī 'соскользнуть'

лит. balà, ст.-сл. блато 'болото'
лит. dubùs 'дупло'

скр. dvā(u), гр. dúo, лат. duo 'два'

гр. déka, лат. decem 'десять'

гр. édomai, лат. edō, рус. едим

скр. yugám, гр. zygóп, лат. iugum, ст.-сл. иго 'иго'

лат. ego, гр. egō(п) 'я'

скр. jānu, гр. gónu, лат. genu 'колени'

гот. slēpan, да. slæpan 'спать'

да. rōl 'пруд'

гот. diups, да. dēor, дисл. diúpr 'глубокий'

гот. twai, да. twā, дс. twā, дисл. tveir

гот. taihun, да. tien, дс. tehan, дисл. tiu

гот. itan, да. etan, дисл. eta 'есть'

гот. juk, да. zeos, дс. jus, дисл. ok

гот. ik, да. ic, дисл. ek

гот. kniu, да. snēo(w), дисл. knē

и.-е. gw || герм. kw

скр. gnā, гр. gupē 'женщина', ст.-сл. жена

гот. qinō, да. swene, двн. quepa 'женщина'

Ряды основных явлений первого передвижения согласных могут быть представлены следующей схемой:

и.-е. p, t, k → герм. f, þ, h;
и.-е. b, d, g → герм. p, t, k;
и.-е. bh, dh, gh → герм. ð, ð, g → b, d, g.

Таким образом, среди германских шумных согласных нет ни одного согласного, за исключением свистящего s, который остался бы в том же ряду, в каком он находился в индоевропейском. Все согласные подверглись передвижению в другие разряды. Исключение составляет несколько вполне определенных случаев:

1) Индоевропейские глухие смычные не переходили в щелевые, если им предшествовал спирант s:

и.-е. sp, st, sk || герм. sp, st, sk

лат. spicio 'смотрю'	двн. spehōn 'высматривать'
гр. astēr, лат. stēlla 'звезда'	гот. stairnō, да. steorra, двн. sterno, дисл. stjarna
лат. piscis 'рыба'	гот. fisks, да., двн. fisc, дисл. fiskr

2) В группе из двух глухих смычных первый смычный переходит в щелевой, а второй остается смычным:

скр. naptīh, лат. neptis 'внучка'	да. nift, двн. nift
лат. captus 'пойманный'	гот. hafts 'наделенный чем-то'
гр. octō, лат. octō 'восемь'	гот. ahtau, да. eahta, двн. ahto

§ 38. Датировка и причины первого передвижения согласных. Вопрос о времени и причинах первого передвижения не является окончательно решенным. Исчисления датировки его строятся как на основании относительной хронологии актов передвижения согласных, так и на изучении древнейших германских имен собственных и географических названий, засвидетельствованных у античных писателей, а также германских заимствований в финском языке. Логично предположить, что передвижение относится к периоду формирования и отделения германской языковой общности.

Фонетическую сущность первого передвижения согласных усматривают в характерном для носителей германских языков запаздывании действия голосовых связок. Поскольку запаздывает и смыкание, и начало вибрации голосовых связок, глухой смычный оказывается в условиях, способствующих его превращению в глухой щелевой, а звонкий смычный — превращению в глухой смычный¹.

С момента возникновения сравнительно-исторического метода выдвигались различные теории, объясняющие причины первого передвижения, в частности и условий запаздывания действия голосовых связок. Некоторые из этих теорий в настоящее время имеют лишь историческое значение.

¹ См.: Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952. с. 39—41.

1. Психологическая теория. Создатели этой теории, среди которых был и Я. Grimm, объясняли первое передвижение согласных особым психическим складом германцев. Я. Grimm усматривал в изменении согласных следствие склонности германцев к передвижениям, характерной для них в ранний период их истории. Э. Прокош полагает, что на произношение германцев мог повлиять язык вождей, речь которых отличалась приматом содержания над выражением, что вело к усиленной экспирации и к соответствующим изменениям согласных.

2. Географическая теория. Некоторые компаративисты предполагали, что передвижение согласных происходило в результате усиления экспирации, вызванного условиями жизни в горных районах Скандинавии.

3. Теория субстрата. Сторонники этой теории объясняют передвижение согласных влиянием побежденного языка — «субстрата» на язык-победитель. Носители побежденного языка сохраняли свои артикуляционные навыки при усвоении языка-победителя — одного из индоевропейских диалектов, которому было суждено стать германским языком. Последовательным сторонником этой теории был А. Мейе.

С интенсивным развитием в 20 в. фонологии были предприняты попытки объяснить первое передвижение согласных изменениями в фонологической системе германских языков, т. е. число лингвистическими причинами. Но и при этом подходе остается много неясного и спорного в решении вопроса о причинах первого передвижения согласных.

Новое понимание происхождения германских шумных согласных предлагает глоттальная теория, появившаяся в 70х годах 20 в. Согласно этой теории, авторами которой являются Т. Гамкрелидзе, Вяч. Иванов, П. Хоппер, германская система — не результат инноваций, а наоборот, ареал сохранения и перегруппировки праиндоевропейского консонантизма как следствие раннего отделения прагерманского от центральной группы. Из чего следует, что изменение претерпел консонантизм других языковых групп.

§ 39. Закон Вернера. Сопоставление индоевропейских и германских форм показывает, что в некоторых случаях вместо ожидаемых по первому передвижению согласных глухих щелевых *f, þ, h* и унаследованного от общиндоевропейского *s* наблюдаются звонкие щелевые *b, ð, g, z*.

Это явление было объяснено в 1877 г. датским лингвистом Карлом Вернером (К. Verner). Он обратил внимание на тот факт, что германские щелевые оставались глухими или озвончались в зависимости от того, на какой слог падало ударение в соответствующем индоевропейском слове. Озвончение происходило, если непосредственно предшествующий гласный был безударный, и не происходило, если предшествующий гласный был под ударением. Установленная закономерность позволила сделать вывод о том, что в период действия первого передвижения согласных ударение в германском было еще свободным (см. §§ 19, 20, 27).

Действие первого передвижения согласных и закона Вернера можно проиллюстрировать звуковыми соответствиями в следующих парах

однокоренных слов, в которых и.-е. k переходит в герм. h (в соответствии с законом первого передвижения согласных) и в герм. g < h (по закону Вернера):

- 1) скр. *švašurañ*¹, рус. свёкор гот. *swaihra*, двн. *swehur* 'свёкор'
 2) скр. *švašrū*, рус. свекрoвь да. *swezer*, двн. *swigar* 'свекровь'
 1) гр. *déka*, лит. *dėsimt*, рус. гот. *taihun*, дс. *tehan*, двн. *zehan* 'десять'
 2) гр. *dekás*, рус. десяток гот. *tigjus*, дисл. *tigr*, да. *-tiz*, двн. *-zug* 'десяток'

В первом ряду каждой из приведенных пар слов индоевропейский глухой смычный стоит после ударного гласного, поэтому в германских языках сохраняется глухой щелевой, во втором ряду — после безударного гласного, и поэтому в германских языках наблюдается озвончение по закону Вернера.

Изменения других глухих щелевых по закону Вернера выступают в следующих соответствиях:

- и.-е. p || герм. b < f
 скр. *saptám*, гр. *heptá* 'семь' гот. *sibun*, дс. *sibun*
 лат. *caput* 'голова' гот. *haubiþ*, двн. *houbit*
- и.-е. t || герм. ð < þ
 скр. *pitá*, гр. *patér* 'отец' гот. *fadar*, да. *fæder*
 лат. *altus* 'высокий' гот. *alds* 'возраст', да. *eald*, дисл. *aldinn* 'старый'
- и.-е. s || герм. z < s (позднее z > r в зап. и сев. герм. языках)
 скр. *spusá*, гр. *nyós* 'сноха' да. *spogu*, двн. *spuga*, дисл. *spog*
 скр. *áyas* 'бронза' гот. *aiz*, да. *āg*, двн. *ēg*, дисл. *eig*

Чередования по закону Вернера обобщены в следующей схеме², в которой o обозначает любой предшествующий гласный, а a — последующий:

- и.-е. opá → герм. ofá → obá → óba
 и.-е. otá → герм. ofá → oðá → óða (зап. герм. óda)³
 и.-е. oká → герм. ohá → ogá → óga
 и.-е. osá → герм. osá → ozá → óza → óga

¹ Велярному k в греческом, кельтском, германском, романских, хеттском, тохарском языках (так называемые языки *centum*, от лат. *centum* 'сто') соответствует свистящий s в индонранских, балто-славянских и армянских языках (языки *satem*, от авест. *satəm* 'сто').

² Схема взята из книги *Thomas Pyles. The Origins and Development of the English Language. New York. 1971.*

³ О переходе ð > d см. § 62.

На вопрос о внутреннем механизме взаимодействия ударения и чередования по закону Вернера долгое время не было удовлетворительного ответа. Выдвигалось несколько предположений. Так, например, в соответствии со своей методологией младограмматики делили весь процесс действия закона на два этапа: превращение глухих смычных в щелевые и последующее ослабление глухих щелевых в определенной позиции, выразившееся в их озвончении. Но внутренние причины явления и основание для подобной интерпретации процесса остались нераскрытыми. Делались также попытки, в частности известным датским лингвистом О. Есперсеном, объяснить сохранение глухого щелевого после ударного гласного и озвончение глухого щелевого в безударном слоге динамической природой ударения. Но и при этом объяснении связь между явлениями не прояснилась. Лишь изучение просодических систем¹, к которому обратились лингвисты в последние годы, позволило предложить более убедительное освещение этой проблемы. Согласно этим исследованиям, чередование по закону Вернера связано с особыми просодическими контурами корневого слога в германских языках. Вследствие чередования просодем² в корневых слогах возникали слабые и сильные ступени шумных согласных, которые впоследствии, при изменении условий, превратились из вариантов фонем в различия звонких и глухих фонем.

§ 40. Грамматическое чередование по закону Вернера. Чередование глухих и звонких щелевых по закону Вернера наблюдается в формах сильных глаголов германских языков и носит название «грамматического чередования по закону Вернера». Оно свидетельствует о том, что, по-видимому, когда-то в настоящем времени и в ед. ч. прошедшего времени ударение падало на корень, а во мн. ч. прошедшего времени и в причастии II — на суффикс. Это предположение подтверждается фактами количественного чередования по аблауту в корне: в первых двух формах наблюдается нормальная ступень, в двух последних (в I—III классах сильных глаголов) — нулевая ступень.

Наиболее отчетливо грамматическое чередование представлено в древнеанглийском, древнесаксонском, древневерхненемецком языках; в готском языке оно исчезло в результате выравнивания по аналогии, и в нем сохранились лишь отдельные случаи чередований в древнейшей группе так называемых претерито-презентных глаголов: гот. *aih* 'владеет', *aiqun* 'владеют'; *arf* 'нуждаюсь', *arqum* 'нуждаемся'.

Рассмотрим примеры грамматического чередования в языках западной и северной групп и сравним их с формами готского языка:

II кл.	Инфинитив	Прош. время ед. ч.	Прош. время мн. ч.	Причастие II
да.	<i>cēosan</i> 'выбирать'	<i>cēas</i>	<i>cuqon</i>	<i>cogen</i>
двн.	<i>kiosan</i>	<i>kōs</i>	<i>kuqum</i>	<i>gikoran</i>
дс.	<i>kiosan</i>	<i>kōs</i>	<i>kuqun</i>	<i>gikoran</i>
дисл.	<i>kjōsa</i>	<i>kaus</i>	<i>kørom</i>	<i>kørin</i>
гот.	<i>kiusan</i>	<i>kaus</i>	<i>kusum</i>	<i>kusans</i>

¹ Просодический — относящийся к явлениям тона, силы, длительности.

² Смыслоразличительная единица силы, тона, длительности.

	tēon 'тянуть'	tēah	tuzon	tozen
да.	ziohan	zōh	zugum	gizogan
двн.	tiohan	tōh	tugun	gitogan
дс.	tjóa	—	—	toginn
дисл.	tiuhan	tauh	taúhum	taúhans
гот.				

Наблюдаемые в германских языках закономерности грамматического чередования подтверждаются сравнением с индоевропейскими формами, например, с перфектом в санскрите, в котором в ед. ч. ударение падало на первый слог, а во мн. ч. — на окончание:

ед. ч. 1 л. véda 'знаю' — мн. ч. 1 л. vidmá 'знаем'

Убедительный ряд соответствий дают каузативные (понудительные) глаголы:

скр. vártati 'он вертится' — ср. гот. fra-wairþan 'гибнуть'
скр. vartáyati 'он вертит' — ср. гот. fra-wardjan 'губить'

Подводя итоги рассмотрению фонологической системы германской группы языков, можно сделать вывод о том, что в период формирования германского ареала произошли изменения, имевшие решающее значение для дальнейшего развития фонологической системы германских языков и заложившие новые тенденции в развитии их строя.

2. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СТРОЯ

В §§ 23—25 были отмечены черты морфологического строя, унаследованные германским от общеиндоевропейского языкового состояния и характеризующие германский как язык индоевропейской системы. На базе этой системы развивались особенности, которые постепенно изменили языковой тип и создали новую структуру, дальнейшее развитие которой представляло собою уже эволюцию языков германского ареала.

В настоящем разделе будут рассмотрены основные тенденции перестройки морфологического строя германских языков: изменения в структуре слова, в склонении и спряжении.

§ 41. Морфологическая структура слова. Одним из главных процессов в морфологической системе древнегерманских языков была перестройка структуры слова. Индоевропейская трехморфемная структура — корень + основообразующий суффикс + окончание — заменяется двухморфемной: основа + окончание.

Основообразующий суффикс претерпевает следующие изменения: либо он сливается с падежной флексией в единое падежное окончание, либо сам становится окончанием, либо сливается с корнем. Таким образом происходит перестройка морфемного состава слова — выделяется основа (в германских языках часто совпадающая с корнем) как носитель лексического значения и окончание как показатель грамма-

тической формы, например: гот. *waúrd-is* род. п. ед. ч. 'слова', гот. *gib-ai* дат. п. ед. ч. 'даянию', да. *sun-u* им. п. ед. ч. 'сын', да. *fæder-as* им. п. мн. ч. 'отцы', двн. *tag-es* род. п. ед. ч. 'дня', двн. *zung-ūn* дат. п. ед. ч. 'языку', дисл. *tung-om* дат. п. мн. ч. 'языкам', дисл. *dag-ar* им. п. мн. ч. 'дни'.

Двухморфемная структура с морфемным швом между корневой основой и окончанием была самой распространенной в древнегерманских языках, но не единственной. Старая трехчленная модель еще выделима, главным образом, в готском языке и в языке древнейших рунических надписей. Морфемный состав слова мог быть и более сложным благодаря дополнительным префиксальным и суффиксальным аффиксам и словосложению, о чем свидетельствуют примеры из наиболее ранних памятников древнегерманских языков: гот. *un-kunþ-i* 'незнание', 'невежество', гот. *filu-waúrd-j-an* 'быть многоречивым', да. *un-eaðe-líc* 'трудный', да. *gæd-bōg-a* 'советник', двн. *inne-lích-o* 'внутри', дисл. *saf-pað-g* 'собрание', дс. *adal-ord-frum-o* 'всевышний'.

§ 42. Склонение имени существительного. Имя существительное в древнегерманских языках обладало морфологическими категориями рода, числа и падежа.

Категория числа, состоявшая из единственного и множественного числа, не имела в древнегерманских языках своего показателя, отличного от категории падежа: падежная флексия была одновременно и показателем числа (см. примеры ниже).

Имена существительные распределялись по трем родам: мужскому, женскому и среднему. В древнегерманских языках наметилась тенденция к объединению классов основ по родовому признаку. Поэтому существительные разного грамматического рода начинают получать дифференцированное падежно-числовое оформление.

Определение типа основы производится методом реконструкции с использованием фактов отдельных древнегерманских языков, среди которых особое значение имеют именные парадигмы готского языка и падежные формы в языке древнейших скандинавских рунических надписей, а также на основании сопоставимых данных других индоевропейских языков.

Сравним, например, парадигмы склонения имени существительного женского рода с основой на *-ō-* в готском и в некоторых других древнегерманских языках:

Ед. ч.	Им. п.	гот.	<i>giba</i>	да.	<i>ziefu</i>	двн.	<i>geba</i>	дисл.	<i>gjōf</i>
	Род. п.		<i>gibōs</i>		<i>ziefe</i>		<i>geba</i>		<i>gjafar</i>
	Дат. п.		<i>gibai</i>		<i>ziefe</i>		<i>gebu</i>		<i>gjōf</i>
	Вин. п.		<i>giba</i>		<i>ziefe</i>		<i>geba</i>		<i>gjōf</i>
Мн. ч.	Им. п.		<i>gibōs</i>		<i>ziefe</i>		<i>gebā</i>		<i>gjafar</i>
	Род. п.		<i>gibō</i>		<i>ziefā</i>		<i>gebōno</i>		<i>gjafa</i>
	Дат. п.		<i>gibōm</i>		<i>ziefum</i>		<i>gebōm</i>		<i>gjōfum</i>
	Вин. п.		<i>gibōs</i>		<i>ziefe</i>		<i>gebā</i>		<i>gjafar</i>

Как видно из приведенных примеров, почти только в готском языке, притом преимущественно во множественном числе, наличествуют оконч-

чания, из которых можно непосредственно выделить основообразующий суффикс, в данном случае суффикс -ō-. В существительных, прилежащих к разным типам основ, наиболее четкая членимость наблюдается в дательном падеже множественного числа.

§ 43. **Именные основы.** Сравнительная грамматика выделяет германские именные основы на гласные -a-, -ō-, -i-, -u- (в дальнейшем они образуют сильное склонение)¹ и на согласные -p-, -g-, -s- (в дальнейшем основы на -p- образуют слабое склонение).

Общая тенденция в системе склонения имени существительного в древнегерманских языках заключалась во влиянии регулярных, продуктивных, так называемых «индуцирующих» основ на основы «неиндуцирующие» — нерегулярные и остаточные, обуславливавшие развитие парадигм именного склонения в направлении их унификации. Индуцирующими были основы на -a-, -ō-, -i-, -p-. Основы на -u-, -g-, -s- и так называемые корневые основы были неиндуцирующими.

§ 44. **Основы на гласные.** Основы на -a-, к которым относились существительные мужского и среднего рода, соответствовали индоевропейским основам на -o-: ср. гр. *lykos* 'волк', лат. *lupus* 'волк', рус. стол, гр. *zygón* 'иго', лат. *iugum* 'иго', рус. окно.

гот.	м. р.	<i>stains</i>	'камень'	ср. р.	<i>waúrd</i>	'слово'
да.	м. р.	<i>stān</i>	'камень'	ср. р.	<i>bān</i>	'кость'
двн.	м. р.	<i>wolf</i>	'волк'	ср. р.	<i>barn</i>	'дитя'
дисл.	м. р.	<i>ulfr</i>	'волк'	ср. р.	<i>barn</i>	'дитя'
дс.	м. р.	<i>wulf</i>	'волк'	ср. р.	<i>barn</i>	'дитя'

В некоторых существительных суффикс -a- был осложнен сонорным -j- (неслоговым *j*) или -w- (неслоговым *w*); так возникли варианты — основы на -ja- и -wa-. При широком распространении в древнегерманских языках различного рода комбинаторных явлений, например перегласовки на *i* (см. § 34), эти варианты отличались от чистых основ на -a-.

В основах на -ja- в северо- и западногерманских языках *j* вызывал перегласовку: ср. гот. *harjis* 'войско' — да. *here*, двн. *heri*, дисл. *hegg*.

В готском в основах на -wa- происходило чередование *u* — *w* после краткого гласного в конце слова: ср. гот. им. п. ед. ч. *triu* 'дерево' — род. п. ед. ч. *triwis*. После долгого слога (долгого гласного, дифтонга, скопления согласных) *w* сохранялся: гот. *snaiws* 'снег'.

К основам на -ō- (и.-е. -ā-) — ср. гр. *chōgá* 'час', лат. *rosa* 'роза', рус. голова — относились только существительные женского рода: гот. *giba*, да. *ziefu*, дисл. *gijf* 'дар'; двн., дс. *hwil(a)* 'время'.

В этом классе основ также различаются чистые -ō-основы и осложненные -wō- и -jō-основы. Основы на -wō- не имеют особенностей по сравнению с чистыми основами. В -jō-основах в северо- и западногерманских языках происходила перегласовка на *j*: ср. гот. *halja* 'ад' — да. *hell*, двн. *hella*, дисл. *Hel* (богиня смерти), дс. *hellja*.

¹ Здесь и далее краткость гласного специальным диакритическим знаком (˘) не обозначается.

Основы на -i- также имели индоевропейские параллели: скр. *agnis* 'огонь', гр. *pólis* 'город', лат. *hostis* 'враг', рус. гость. В древнегерманских языках к нему относились существительные мужского и женского рода:

гот.	м. р.	<i>gasts</i>	'гость'	ж. р.	<i>qēns</i>	'жена'
да.	м. р.	<i>wine</i>	'друг'	ж. р.	<i>dǣd</i>	'деяние'
двн.	м. р.	<i>gast</i>	'гость'	ж. р.	<i>maht</i>	'мощь'
дисл.	м. р.	<i>gestr</i>	'гость'	ж. р.	<i>brúðr</i>	'невеста'
дс.	м. р.	<i>gast</i>	'гость'	ж. р.	<i>vard</i>	'странствие'

Основы на -i- были охвачены действующей в древнегерманских языках тенденцией к унификации типов склонения, участвовали в процессах их смешения. Окончания основ на -i- проникали в другие типы склонения, в частности в склонение с корневыми основами, и в то же время основы на -i- сами подвергались воздействию основ на -a- (на мужской род) и -ō- (на женский род). Ср., например: гот. дат. п. мн. ч. ж. р. основ на -i- *qenim* 'женам' — корн. осн. *baurgim* 'городам'; да. им., вин. п. мн. ч. ж. р. основ на -i- *hyde, hyda* 'шкуры' — им., вин. п. мн. ч. ж. р. основ на -ō- *fōga* 'странствия'.

Основы на -u- соответствуют основам на -u- в других индоевропейских языках, например: скр. *sūnú-* 'сын', гр. *pēchys* 'плечо', лат. *fructus* 'плод', рус. сын. К этому классу относились существительные всех трех родов, но преимущественно мужского рода, например: гот. м. р. *tunþus* 'зуб', да. м. р. *feld* 'поле', двн. м. р. *supu* 'сын', дс. м. р. *supu*; гот. ж. р. *handus* 'рука', да. ж. р. *hand* 'рука', двн. ср. р. *fihu* 'скот', дс. ср. р. *fehu* 'скот'.

В древнегерманских языках многие падежные формы существительных с неиндуцирующей основой на -u- образуются по типу индуцирующих основ на -a- или на -i-.

§ 45. Основы на согласные. В склонении существительных с основами на согласные также выделялось несколько классов. Удельный вес этих классов был неодинаков. Наибольшее развитие в древнегерманских языках получили индуцирующие основы на -n-. Распространение основ на -n- было настолько интенсивным, что они охватывали не только существительные других типов склонения, но и другие части речи, послужив морфологической моделью для образования слабого (именного) склонения прилагательных (см. § 51).

В германских языках основообразующий суффикс -n- был осложнен гласным, дифференцировавшим основы по родам: основы на -an-/-in- создали парадигму мужского и среднего рода, основы на -ōn- и основы на -īn- — женского рода. Поскольку основообразующий суффикс -n- не представлен в им. п. ед. ч. (ср. лат. им. п. *homo* 'человек' — род. п. *hominis*, рус. имя — имени), для иллюстрации этого типа склонения необходимо привести также формы одного из косвенных падежей: им. п. ед. ч. м. р. гот. *hana*, да. *hana*, двн. *hanō*, дисл. *hani*, дс. *hanō* 'петух' (ср. род. п. ед. ч. гот. *hanins*, да. *hanan*, двн. *hanen*, дисл.

hana, дс. hanen); им. п. ед. ч. ж. р. гот tuggō, да. tunze, двн. zunga, дисл. tunga, дс. tunga 'язык' (ср. род. п. ед. ч. гот. tuggōns, да. tunzan, двн. zungūn, дисл. tungo, дс. tungun).

Другие типы основ на согласные не имели в древнегерманских языках большого распространения и носили остаточный характер.

Основы на -s- составляли в индоевропейском важный класс существительных среднего рода: скр. pabhaḥ 'облако', гр. néphos 'небо', рус. небо (мн. ч. небеса), лат. genus 'род'. В различных германских языках представлены лишь остатки парадигмы основ на -s-. Наиболее полно она сохранилась в древнеанглийском, менее полно в древневерхненемецком. В формах слов этого класса в германских языках (за исключением готского) наблюдается переход $s > z > r$ (ротацизм, см. § 67), например: им. п. ед. ч. да. lamb, двн. lamb 'ягненок' — им. п. мн. ч. да. lambu, двн. lembir.

Основы на -g- представлены во всем германском ареале. Этот класс составляли существительные мужского и женского рода, обозначающие лиц, связанных родственными отношениями (см. § 26): гот. fadar, да. fæder, двн. fater, дисл. faðir, дс. fadar 'отец'; да. mōdor, двн. muoter, дисл. mōðir, дс. mōðar 'мать'.

К классу основ на -nt- относились существительные мужского рода, являющиеся по происхождению субстантивированными причастиями I (ср. и.-е. *bheront). Парадигма склонения основ на -nt- имела смешанный характер, так как была образована по типу основ на -a- и корневых основ. К основам на -nt- относятся, например: гот. nasjands, да. hælend, двн. heilant, дс. hēliand 'спаситель'.

Корневые основы также представлены в германских языках несколькими словами. В этом классе основа совпадала с корнем, а флексия присоединялась непосредственно к корню-основе, например: им. п. ед. ч. ж. р. гот baúrgs 'город' — дат. п. baúrg, им. п. ед. ч. м. р. дисл. fótr 'нога' — вин. п. fót. В древнегерманских языках к этому классу относились некоторые существительные мужского и женского рода, а также единичные существительные среднего рода. Парадигма склонения существительных с корневой основой была неустойчивой. Многие существительные, особенно мужского рода, подвергались воздействию более устойчивых индуцирующих моделей. Существительные мужского рода перестраивались по моделям -п- основ и -а-основ, а в склонение существительных женского рода проникали окончания основ на -i- и на -ō-. Важной особенностью парадигмы склонения существительных с корневой основой в некоторых германских языках была перегласовка на i (в дательном падеже единственного числа и в именительном и винительном падежах множественного числа, см. § 19), например: им. п. ед. ч. м. р. да. mann, дисл. mañr 'человек', 'муж' — им. п. мн. ч. да. menn, дисл. menn.

В древнегерманских языках преобладала четырехпадежная система, состоящая из именительного, родительного, дательного и винительного падежей. Отклонения наблюдаются только в древневерхненемецком и древнесаксонском языках в основах на -a- и -i-, где был пятый — творительный — падеж, и в готском языке, где был формально выражен звательный падеж в единственном числе основ на -u-. Боль-

шинство германских падежных окончаний восходит к индоевропейским окончаниям.

§ 46. Склонение имен прилагательных. Сильное склонение. В германских языках существовало два типа склонения прилагательных: сильное и слабое. Сильное склонение прилагательных — старое, общиндоевропейское явление, а слабое склонение — германская инновация, одна из наиболее характерных особенностей германских языков.

Первоначально имя существительное и имя прилагательное составляли единую категорию имени. Поэтому основы прилагательного в индоевропейских языках были те же, что и основы существительного: на -о- (герм. -а-) в мужском и среднем, на -ā- (герм. -ō-) в женском роде;

ср. лат.	прил. м. р.	bonus	'хороший'	— сущ. м. р.	hortus	'сад'
	прил. ж. р.	bona		— сущ. ж. р.	mensa	'стол'
	прил. ср. р.	bonum		— сущ. ср. р.	donum	'дар'
гот.	прил. м. р.	blinds	'слепой'	— сущ. м. р.	dags	'день'
	прил. ж. р.	blinda		— сущ. ж. р.	stibna	'голос'
	прил. ср. р.	blind		— сущ. ср. р.	waúrd	'слово'

Парадигма склонения также первоначально была единой. По-видимому, одно имя, поставленное перед другим, обозначало признак так же, как и препозитивный элемент в сложных словах: гот. *baugswaddjus* 'город + стена' — 'городская стена', да. *bealu-dæd* 'зло + деяние' — 'злое дело', нем. *Fuß-schemel* 'нога + скамеечка' — 'скамеечка для ног' (ср. рус. бой-баба, душа-девица, кремь-камень).

Позднее, возможно еще в общегерманском, в сильное склонение прилагательных проникают окончания указательных местоимений. Изменившееся таким образом сильное склонение прилагательных называют также «местоименным» (см. § 24).

§ 47. Слабое склонение прилагательных. В германском ареале развилось слабое склонение прилагательных по типу именных основ на -п-. Парадигма слабого склонения прилагательных полностью совпадает со слабым склонением существительных (см. таблицы на с. 103).

Возникновение слабого склонения прилагательных объясняют первоначальной семантической дифференциацией: прилагательные с основами на -п- с самого начала обозначали более постоянный и устойчивый признак, чем сильные формы, и поэтому употреблялись как приложение. Ср.: дисл. *Sigurd̄r ungi* 'Сигурд юноша' → 'юный Сигурд'; дисл. *Qnundr fagri* 'Онундр красавец' → 'красивый Онундр'; да. *zomela Scylding* 'старец Скильддинг' → 'старый Скильддинг'.

Основы на -ōп- в индоевропейских языках оформляли имена со значением постоянного признака, своего рода прозвища, но такие имена были существительными, образованными от прилагательных, например: гр. прил. *strabós* 'косой' — сущ. *strábōn* 'косой' (человек); лат. прил. *-bibus* 'пьющий' — сущ. *bibo* (род. п. *bibōnis*) 'пьяница'; срав. рус. прил. тихий — сущ. тихоня: тогда как в германских языках развивается особая форма прилагательного на -п-.

В германских языках возникла дифференциация основ прилагательных по родам: -īp-/-ap- в мужском и среднем, -ōp- в женском роде. Причастие I и сравнительная степень имеют формы слабого склонения по типу имен женского рода с основами на -īp-.

Формы слабого склонения, выражая устойчивый признак, сопровождались указательным местоимением, например: гот. *hairsis sa gōða* 'пастырь тот — добрый', двн. *Ludewig der snello* 'Людовик тот — храбрый'. Указательное местоимение, из которого развивается определенный артикль, и прилагательное очень широко употреблялись в препозиции (в готском реже, чем в других германских языках): да. *fra zelæredestan men* 'те самые ученые мужи', двн. *der mahtigo khuninc* 'тот могущественный король'.

В результате в системе склонения древнегерманских прилагательных устанавливается противопоставление двух рядов форм, слабых и сильных, дифференцированных признаками определенности и неопределенности. Указательные местоимения, а в дальнейшем определенный артикль, подкрепляли значение определенности: да. *fra zeonzan seoglas* 'те (определенные) молодые парни' — *zeonze seoglas* 'молодые парни' (вообще); ср. нем.: *der junge Mann* 'молодой человек' (определенный) и *ein junger Mann* 'некий молодой человек'.

Большинство прилагательных в германских языках склонялось как по сильному, так и по слабому склонению. Незначительное число прилагательных имело только сильные формы (например, гот. *alls* 'всякий', *midjis* 'срединный', *halbs* 'половинный', *fulls* 'полный') или только слабые (например, гот. *taihsma* 'правый', *ibna* 'подобный'). Прилагательные в сравнительной степени всегда, а в превосходной почти всегда оформлялись по слабому склонению. Порядковые числительные и причастие I имели формы только слабого склонения. Исключение составляет им. п. ед. ч. причастия I мужского рода, где встречаются обе формы. Причастия II изменялись и по сильному, и по слабому склонению.

Согласуясь с существительным, прилагательное выражало такие зависимые от существительного категории, как род, число и падеж, а независимо от него — категорию определенности или неопределенности и степень качества.

§ 48. Степени сравнения прилагательных. В древнегерманских языках сравнительная степень прилагательного образуется с помощью суффиксов -iz-, -ōz-, превосходная — с помощью суффиксов -ist-, -ōst-. В северо- и западногерманских языках наблюдался ротацизм $z > g$. Примеры: гот. *hauhs* 'высокий' — *hauhiza* — *hauhists*; да. *lang* 'длинный' — *lengra* — *lengest*, двн. *lang* — *lengiro* — *lengist*, дисл. *langr* — *lengri* — *lengstr*; гот. *swinþs* 'сильный' — *swinþoza*; да. *leof* 'дорогой' — *leofra* — *leofost*, двн. *liob* — *liobōro* — *liobōst*; дисл. *rikr* 'мощный' — *rikare* — *rikastr*.

У некоторых прилагательных, выражающих абстрактные качественные и количественные признаки, степени сравнения образовывались супплетивно, т. е. от разных корней. К этой группе относятся прилагательные: гот. *mikils*, да. *micel*, двн. *michil*, дисл. *mikill*

'большой'; гот. leitils, да. lýtēl, двн. luzzil, дисл. lítill 'малый'; гот. gōþs, да. zōd, двн. guot, дисл. gōþr 'хороший'; гот. ubils, да. ufel, двн. ubil, дисл. vandr, illr 'дурной'. Ср., например: гот. leitils 'малый' — minniza 'меньше', minnists 'наименьший'; да. lýtēl—læssa, læst; двн. luzzil—minnigo, minnist; дисл. lítill—minni, minntr.

§ 49. Морфологическая классификация глаголов. Во всех древнегерманских языках глаголы делятся на две основные группы— на сильные и слабые глаголы в зависимости от способа образования прошедшего времени.

Сильные глаголы образуют прошедшее время (претерит) с помощью изменения корневого гласного по аблауту. Уже в эпоху самых ранних древнегерманских памятников образование прошедшего времени посредством аблаута не являлось живой грамматической категорией, способной к новообразованиям. В зависимости от неслоговых элементов корневого слога и чередования корневого гласного в четырех основных формах (см. § 31) выделяются семь рядов глагольного аблаута, и, соответственно, семь классов сильных глаголов.

Основные формы в I—V классах сильных глаголов готского языка были проанализированы в связи с рассмотрением глагольного аблаута (см. там же). По сравнению с системой чередования гласных в готских сильных глаголах, система глагольного аблаута в других германских языках затемнена и усложнена разного рода фонетическими изменениями.

§ 50. Сильные глаголы VI и VII классов. Рассмотрим подробно VI и VII классы сильных глаголов, которые стоят особняком по типу формообразования.

В VI классе всех древнегерманских языков имело место количественное чередование герм. а—ō (и.-е. о—ō):

	инф.	ед. ч. прош. вр.	мн. ч. прош. вр.	прич. II
гот.	farap 'ехать'	fōr	fōrum	farans
да.	farap	fōr	fōron	faren
двн.	farap	fuor	fuorum	gifaran
дисл.	fara	fōr	fōrum	farinn

Образование форм в VII классе в готском языке было построено на редупликации, т. е. удвоении начального слога глагольного корня. В формах прошедшего времени к глагольному корню прибавлялся в препозиции к нему безударный слог, состоящий из начального согласного + гласного [e] (ai): haitan 'называть' — haihait — haihaitum — haitans. У глаголов, начинающихся с гласного, к глагольному корню препозитивно прибавлялся звук [e] (ai): aukap 'увеличиваться' — aiauk.

В некоторых готских глаголах имели место одновременно и редупликация, и чередование корневого гласного: ср. lētan 'оставлять' — lailōt — lailōtum — lētans.

Редупликация была, по-видимому, первоначально связана со значением законченности действия и в индоевропейских языках была приз-

наком перфекта: ср. гр. *leirō* — перф. *léloira* 'оставил', лат. *disco* — *didici* 'изучил'.

В древнегерманских языках, кроме готского, редупликация представлена единичными формами: да. *hātan* 'называть' — прош. вр. *heht* (наряду с *hēt*); дисл. *góa* 'грести' — прош. вр. *gega*. Поэтому остается неясным, была ли редупликация в других древнегерманских языках так же широко представлена на более ранних этапах развития, как в готском, и, следовательно, образовались ли формы прошедшего времени глаголов VII класса в результате стяжения удвоенного корня, или же в этих глаголах с самого начала был особый тип чередования.

Чередования в сильных глаголах VII класса в западно- и северогерманских языках характеризуются одинаковой огласовкой, с одной стороны, в настоящем времени и причастии II, с другой — в единственном и множественном числе прошедшего времени, например:

да. *feallan* 'падать' — *feoll* — *feollon* — *feallen*
двн. *loufan* 'бежать' — *liof* — *liofum* — *giloufan*
дисл. *hehta* 'называть' — *hét* — *hétum* — *heitinn*.

§ 51. Слабые глаголы. Слабые глаголы являются преимущественно вторичными образованиями от имен и других глаголов. Способ образования прошедшего времени слабых глаголов посредством дентального суффикса, представленного вариантами *-d-*, *-t-*, *-ð-*, был единственно продуктивным в германских языках и с самого начала был связан с категорией времени.

Происхождение дентального суффикса не вполне ясно. Вследствие того что суффикс слабого прошедшего представлен различными вариантами, невозможно вывести его из единого источника. Поэтому предполагают, что в создании новой формы прошедшего времени участвовало, в основном, два прототипа.

Дентальный суффикс претерита слабых глаголов возводится к суффицированной форме прошедшего времени германского глагола *dōn (и.-е. **dhē-/dhō-*), зафиксированной в некоторых германских языках: рун. *dedun*, дс. *dādun*, двн. *tātun* 'делали'. Эти формы закономерно соответствуют суффиксу множественного числа прошедшего времени большого числа готских глаголов: *hausi-dēd-um* 'слышали', *salbō-dēd-um* 'мазали'. Но претеритальный суффикс в готских глаголах *waúrhta* 'делал', *þūhta* 'казался' нуждается в другом объяснении. Он возводится к индоевропейскому суффиксу **-to-*, наблюдавшемуся в причастиях II; ср., например, лат. *delētus* 'разрушенный', *auditus* 'услышанный'. Но и при таком объяснении остается много неясного. Вопрос о происхождении дентального суффикса еще не может считаться разрешенным.

Слабые глаголы различались основообразующими суффиксами, к которым прибавлялись окончания в настоящем времени, дентальный суффикс в прошедшем времени и суффиксы в причастиях. В зависимости от основообразующих суффиксов в германских языках выделяются классы слабых глаголов. Основообразующие суффиксы отчетливо представлены только в готском языке, в других древнегерманских языках они во многих случаях редуцировались.

I класс. Основа на -ja-: гот. *pasjan* 'спасать', *sōkjan* 'искать', да. *dēman* 'судить', днв. *frummen* 'совершать', дисл. *sprungja* 'спрашивать' (см. таблицы спряжения готских слабых глаголов на с. 104). К этому классу относились многочисленные каузативные (понудительные) глаголы, например: гот. *haljan* 'исцелять' (ср. *hails* 'здоровый'), да. *fullan* 'наполнять' (ср. *full* 'полный'), днв. *hōhen* 'поднимать' (ср. *hōh* 'высокий'), дисл. *dōma* 'судить' (ср. *dōmtg* 'суждение'), гот. *satjan* 'сажать' (ср. *sitan* 'сидеть'), да. *leszan* 'класть' (ср. *liczan* 'лежать'), днв. *brennen* 'жечь' (ср. *brinnan* 'гореть'), дисл. *leida* 'вести' (ср. *līda* 'идти').

II класс. Основа на -ō-: гот. *fiskōn* 'удить рыбу', да. *masian* 'делать', днв. *mahhōn* 'делать', дисл. *kalla* 'звать'. В этом классе широко представлены отыменные глаголы, например: гот. *salbōn* 'мазать' (ср. гот. *salba* 'мазь'), да. *sorzian* 'горевать' (ср. да. *sorz* 'горе'), днв. *lōnōn* 'вознаграждать' (ср. днв. *lōn* 'награда'), дисл. *līta* 'красить' (ср. дисл. *litr* 'краска'). II класс, который не имел никаких фонетических ограничений и был открыт для новых глаголов («открытый» класс), стал продуктивной моделью для дальнейших новообразований в германских языках.

III класс. Основа на -ai-, выступающая в этой форме в прошедшем времени и причастии II только в готском языке, например: гот. *haban* 'иметь' — прош. вр. *habaida*, прич. II *habaiþs*. В древневерхненемецком основообразующий суффикс представлен в виде -ē-, в других германских языках дентальный суффикс присоединялся без соединительного гласного, например: днв. *habēn* — прош. вр. *habēta*, да. *habban* — прош. вр. *hæfde*, дс. *hebbian* — прош. вр. *habda*, дисл. *hafa* — прош. вр. *haffa*. Число глаголов этого класса ограничено.

IV класс. Основа на -na-/-nō- образует особый морфологический класс только в готском языке. В древнескандинавском глаголы на -na-/-nō- также представлены (см. § 59), но в меньшей степени и не составляют отдельного класса. Глаголы на -na-/-nō- были непереходными со значением становления какого-то состояния, например: гот. *fullnan* 'наполняться' — прош. вр. *fullnōda* (ср. гот. *fulljan* 'наполнять', I класс, от *fulls* 'полный'); гот. *gaþairsnān* (дисл. *þorna*) 'сохнуть' от гот. *gaþairsan* 'сохнуть' (дисл. *þerga* 'сушить').

Категория слабых глаголов с дентальным суффиксом прошедшего времени и причастия II сложилась, по-видимому, уже в общегерманскую эпоху. Но формирование парадигм со специфическими особенностями относится к периоду самостоятельного развития отдельных германских языков.

§ 52. Претерито-презентные глаголы. Претерито-презентные глаголы (*verba praeterito-praesentia*) получили это название по своей основной особенности: настоящее время этих глаголов по форме совпадает с сильным прошедшим и имеет различную огласовку в единственном и множественном числе. Возникновение этой особенности объясняется первоначальным перфектным видовым значением сильного прошедшего, обозначавшего законченное действие, результат которого существует в настоящем (см. § 25). С развитием в исходных формах про-

шедшего времени значения настоящего возникает необходимость в новом прошедшем, которое и было образовано от основы множественного числа с помощью дентального суффикса, т. е. по типу слабого прошедшего.

В силу того что претерито-презентные глаголы характеризуются в настоящем вокализмом сильного прошедшего, они распределяются по тем же рядам аблаута, что и сильные глаголы: гот. прош. вр. I класс: *grāip* 'схватил', *grīpum* 'схватили' — прет.-през.: *wait* 'знаю', *wītum* 'знаем'.

Претерито-презентные глаголы представлены в древнегерманских языках ограниченным числом глаголов, выражающих волеизъявление, долженствование, умение, возможность (см. таблицы на с. 108).

§ 53. Неправильные глаголы. В древнегерманских языках существовала небольшая группа высокочастотных глаголов, получивших в исторической грамматике название «неправильных». Германские неправильные глаголы восходят к индоевропейским атематическим глаголам (см. § 23). Они характеризуются особыми индивидуальными парадигмами спряжения.

Во всех германских языках представлены неправильные глаголы со значениями 'быть' и 'хотеть'. Глагол 'быть' отличается супплетивностью. В образовании его форм участвуют следующие корни: корень и.-е. **es-* (личные формы настоящего времени), корень и.-е. **wes-* (все остальные формы), а в западногерманских языках также корень и.-е. **bhū-*:

1 л. ед. ч. наст. вр. гот. *im*, да. *eom*, *bēom*, двн. *bim*, *bin*, дисл. *em*

1 л. ед. ч. прош. вр. гот. *was*, да. *wæs*, двн. *was*, дисл. *vas*.

Глагол 'хотеть' во всех германских языках имеет парадигму, отличающуюся от спряжения других глаголов: гот. *wiljan*, да. *willan*, двн. *wellen*, дисл. *vilja*.

В западногерманских языках представлены неправильные глаголы со значениями 'делать' и 'идти': да. *dōn*, двн. *tuon* 'делать'; да. *gān*, двн. *gān* 'идти'. В древнесаксонском и древневерхненемецком засвидетельствован неправильный глагол со значением 'стоять': дс. *stān*, двн. *stān*.

§ 54. Грамматические категории глагола. Древнегерманский глагол характеризуется следующими категориями: 1) лица; 2) числа — единственного и множественного (в готском также двойственного); 3) времени — прошедшего и настоящего; последнее употреблялось также в значении будущего; 4) наклонения — индикатива, императива и оптатива; 5) залога — актива и медиопассива (только в готском), а также неличными формами — инфинитивом и причастиями I и II.

Личные окончания были одновременно показателями целого ряда глагольных категорий; например, в гот. *nitam* 'берем' окончание *-am* обозначало 1 л. мн. ч. индикатива настоящего времени действительного залога.

Наиболее полно общегерманские глагольные категории представлены в готском языке (см. таблицы в § 80).

3. ОБЩЕГЕРМАНСКАЯ ЛЕКСИКА

§ 55. **Общегерманские этимологические параллели.** В словарном составе древнегерманских языков выделяется значительное количество лексических изоглосс, не выходящих за пределы германского ареала. Эти этимологические параллели составляют общегерманский словарный фонд, который, по-видимому, в основном восходит к общегерманскому периоду. По письменным памятникам невозможно судить о лексическом составе древнегерманских языков, тем более о лексике предшествующей эпохи во всей полноте, но зафиксированные во всех или почти во всех германских языках лексические параллели позволяют установить наиболее устойчивый и — вслед за общеиндоевропейскими словами — древнейший слой лексики в германских языках.

Проиллюстрируем общегерманские этимологические параллели примерами из древнегерманских языков, расположив их по принадлежности к различным частям речи.

Имя существительное

Этот лексико-грамматический разряд слов включает несколько тематических групп, например:

а) названия частей тела, например: гот. *handus*, да. *hand*, днв. *hant*, дисл. *hōnd* 'рука'; дс. *bēn*, да. *bān*, днв. *bein*, дисл. *bein* 'кость';

б) названия животных и растений, например: гот. *fugls*, да. *fuzol*, днв. *fogal*, дисл. *fugl* 'птица'; да. *hors*, днв. (h)ros, дисл. *hross* 'лошадь'; гот. *kalbō*, да. *sealf*, днв. *kalb*, дисл. *kálfr* 'теленок'; гот. *laufs*, да. *lēaf*, днв. *loup*, дисл. *lauf* 'лист';

в) названия явлений природы и географических понятий, например: гот. *saiws*, да. *sæ*, днв. *sēo*, дисл. *sæg* 'море'; гот. *riḡn*, да. *rezn*, *gēn*, днв. *regan*, дисл. *regan* 'дождь'; да. *storm*, днв. *sturm*, дисл. *stormr* 'непогода';

г) названия некоторых предметов, например: да. *brucz*, днв. *brucka*, дисл. *bruggja* 'мост'; гот. *skōhs*, да. *scōh*, днв. *scuoh*, дисл. *skór* 'башмак'; гот. *gaip*, да. *gār*, днв. *geif*, дисл. *geip* 'веревка';

д) абстрактные понятия, например: да. *hopa*, свн. *hoffe*, датск. *håb*, шв. *hopp* 'надежда'; да. *lif*, днв. *lib*, дисл. *líf* 'жизнь'.

Глаголы

Этот лексико-грамматический разряд слов представлен многочисленными общегерманскими изоглоссами. Приведем несколько примеров: гот. *drigkan*, да. *drincan*, днв. *trinkan*, дисл. *drekka* 'пить'; гот. *leikan*, да. *līcian*, днв. *lihhēn*, дисл. *líka* 'любить'; гот. *dreiban*, да. *drīfan*, днв. *trīban*, дисл. *drīfa* 'гнать'; гот. *sandjan*, да. *sendan*, днв. *senten*, дисл. *senda* 'посылать'; гот. *haldan*, да. *haldan*, днв. *haltan*, дисл. *halda* 'держать'; да. *swerian*, днв. *swer(i)an*, дисл. *sverja* 'клясться'.

Приведем также примеры общегерманских слов, принадлежащих к другим частям речи:

Имя прилагательное

гот. *braiþs*, да. *brād*, двн. *breit*, дисл. *breiðr* 'широкий'; гот. *siuks*, да. *sēos*, двн. *sioh*, дисл. *sjúkr* 'больной'; да. *āzen*, двн. *eigan*, дисл. *eiginn* 'собственный'; гот. *triggws*, да. *zetriewe*, двн. *gitriuwī*, дисл. *trygg* 'верный', 'надежный'.

Местоимения

гот. *swaleiks*, да. *swilc*, двн. *solīh*, дисл. *slīkr* 'такой'.

Наречия

да. *op-zēan*, двн. *ingagan*, дисл. *í gegn* 'напротив'; гот. *ufta*, да. *oft*, двн. *oft*, дисл. *oft* 'часто'.

Общегерманская лексика составляет значительный слой словарного состава германских языков (около 30%).

§ 56. Ранние заимствования из кельтских и латинского языков.

Древнегерманские языки обнаруживают много общего в источниках и путях пополнения своего лексического состава, что может быть объяснено сходством исторических условий их развития. Словарный состав германских языков в разные периоды их развития пополнялся лексикой из кельтских и из латинского языков.

Из племен негерманских этнических групп германцы очень рано столкнулись с кельтскими племенами. Из их языка были заимствованы слова, которые свидетельствуют о том, что в эпоху заимствования племена кельтов находились на более высокой ступени развития. Так, предположительно в середине первого тысячелетия до нашей эры из кельтского было заимствовано слово со значением 'железо':

кельт. * <i>isarno-</i> , дирл. <i>iarnn</i>	гот. <i>eisarn</i> , да. <i>isern</i> , <i>iren</i> , двн. <i>isarn</i> , <i>isan</i> , дисл. <i>isarn</i> , <i>íarn</i>
--	--

К числу ранних кельтских заимствований относятся и слова, обозначающие социальное положение лиц и свидетельствующие о более высокой цивилизации:

кельт. (галл.) <i>ambactos</i> , лат. <	гот. <i>andbahts</i> , да. <i>ambiht</i> , двн. <i>ambaht</i> 'слуга', дисл. <i>ambótt</i> (ж. р.) 'служанка'
кельт. <i>ambactus</i> 'слуга'	

кельт. * <i>gīg-</i> , галл. <i>gīg</i> , дирл. <i>gī</i> , род. п. <i>gīg</i> 'правитель'	гот. <i>geiks</i> 'правитель', да. <i>gise</i> 'власть', 'королевство', двн. <i>gihhi</i> 'королевство', 'властитель', дисл. <i>giki</i> 'власть', 'королевство'
---	--

галл. * <i>lēguo</i> , ирл. * <i>līaig</i> 'врач'	гот. <i>lēkeis</i> , да. <i>læse</i> , двн. <i>lāhhi</i> 'врач'
---	---

Этимология еще нескольких слов разной семантики позволяет рассматривать их как кельтские заимствования этого периода: ср. дирл. *clocc* — да. *clugge*, двн. *glocka* 'колокол'; дирл. *ðeth* — гот. *aīþs*, да. *āþ*, двн. *eid*, дисл. *eifr* 'клятва'; дирл. *giall* — да. *zisl*, свн. *gisel*, дисл. *gisl* 'заложник'.

Этот слой кельтских заимствований проник в германскую лексику, по-видимому, еще в эпоху существования германского языка-основы и поэтому стал общегерманским достоянием.

Заимствования из латинского языка, даже самые ранние, относятся к периоду, когда германское единство уже распалось, но состав заимствованных слов в разных германских языках обнаруживает большое сходство. Характерной особенностью этого слоя латинских заимствований является то, что они проникали преимущественно устным путем и рано вошли в общее употребление.

Слова этого слоя свидетельствуют о разностороннем влиянии римской цивилизации на материальную культуру и общественное устройство древних германцев. Приведем несколько примеров:

лат. saurbłāgi от сауро 'мелкий торговец'	гот. kaupōn, да. sēarian, двн. koufōn, дисл. kaupa 'торговать'
лат. catillus 'блюде', cātinus 'блюдо'	гот. *katils, да. cytel, двн. kezzil, дисл. ketill 'котел'
лат. molīna 'мельница'	да. mylen, двн. muli(n) 'мельница'
лат. pondō 'весом'	гот. pund, да. pund, двн. pīunt, дисл. pund 'фунт'
лат. vinum 'вино'	гот. wein, да. wīn, двн. wīn, дисл. vīn 'вино'
лат. coquina 'кухня'	да. cuscene, двн. chuhhina 'кухня'
лат. cuppa 'бокал'	да. cuppe, двн. chuph, chuppha 'чаша'
лат. carcer 'темница'	гот. karkaga, да. carcer, двн. karkāri 'темница'

Подводя итоги рассмотрения общих особенностей германского ареала, нужно отметить, что в процессе самостоятельного развития германский приобрел свои отличительные признаки, которые определили его своеобразие в кругу индоевропейских языков. Наиболее существенными были инновации в акцентуации, в системе гласных («сдвиг гласных») и согласных (первое передвиженное), в морфологии прилагательных (развитие слабого склонения) и глагола (появление дентального суффикса прошедшего времени слабых глаголов, формирование системы спряжения сильных глаголов на чередованиях по аблауту в качестве ведущего средства), новообразования в лексическом составе германских языков, выразившиеся в создании германского лексического фонда.

4. АРЕАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

§ 57. Взаимосвязи между германскими языками. Как целые группы германских языков, так и их отдельные представители обнаруживают различную степень близости между собой, обусловленную конкретными

ми историческими условиями их развития. Связи между языками в глубокой древности помогает установить лингвистическая география. Так, например, многочисленные археологические данные о переселении восточногерманских племен на континент из Скандинавии, топонимические и другие доказательства этого исторического факта (см. § 72) подтверждаются и дополняются убедительными языковыми изоглоссами, свидетельствующими об очень древнем единстве восточно- и северогерманских языков, предшествовавшем их разделению.

Лингвистическая география уточнила также связи между другими ареалами, в частности между западно- и северогерманскими языками. Полагают, что обнаруженные важные изоглоссы, общие для этих групп, можно объяснить действием одинаковых тенденций языкового развития, а также длительными контактами между языками соответствующих ареалов.

Характерные особенности выявлены в западногерманской группе — ранее всего обособившемся южном ареале, — особенности, отличающие западногерманские языки от восточногерманских и северогерманских.

Рассмотрим основные общие и отличительные признаки различных групп германских языков.

§ 58. Гото-скандинавские фонетические изоглоссы. 1) В середине 19 в. немецкий лингвист Хольцман открыл закономерность, общую для готского и северогерманских языков, которая получила название «закона Хольцмана». Было замечено, что в интервокальном положении после кратких гласных первая часть германских долгих сонорных *-jj-* и *-ww-* в западногерманских языках образовывала с предшествующим гласным дифтонг, тогда как в готском и древнескандинавском она развивалась в смычный гуттуральный *g* («гуттурализация» *-jj-*, *-ww-*). Это явление объясняется чрезвычайно энергичной артикуляцией *-jj-* и *-ww-* после гласного, в результате чего происходило усиление (нем. термин *Verschärfung* «усиление») артикуляции и сужение до смычного:

герм. **-jj-* > гот. *-ddj-* (< **-ggj*), дск. *-ggj-*;

герм. **-ww-* > гот. *-ggw-*, дск. *-ggw-*.

Примеры:

двн. *zweio*, дс. *tweio* || гот. *twaddjē*, дисл. *tveggja* 'двоих';

двн. *tāju* || гот. *daddjan*, дшв. *dæggia* 'кормить грудь';

да. *trēowe*, двн. *triuwi* || гот. *triggws*, дисл. *trygg* 'верный';

двн. *bliuwan* || гот. *bliggwan*, дисл. *blegđi* 'бить'.

2) В готском и древнескандинавском языках сохраняется окончание **-z* (например, герм. **dagaz*) после неударных гласных с соответствующими изменениями: гот. *z* > *s* (оглушение щелевых в конечном положении, см. § 78) и дск. *z* > *г* (ротацизм, см. § 67), в то время как в западногерманских языках оно отпадает, например: гот. *dags*, дисл. *dagr* — ср. да. *dæz*, двн. *tag*, дс. *dag* 'день'; гот. *sunus*, дисл. *sunr* — ср. да., двн., дс. *synu* 'сын'.

§ 59. Гото-скандинавские морфологические изоглоссы. 1) Гото-скандинавская и западногерманская группы различаются оформлением 2 л. ед. ч. прошедшего времени сильных глаголов: в готском и древнескандинавском языках 2 л. имеет огласовку нормальной (полной) ступени аблаута, ту же, что и 1 и 3 л. ед. ч., и окончание *-t*; например: гот. *gairt*, дисл. *greipt* 'ты схватил'; гот. *paht*, дисл. *paht* 'ты взял', тогда как в западногерманских языках в этой форме выступает ступень аблаута, характерная для множественного числа (нулевая ступень в I—III классах и ступень удлинения в IV и V классах) и окончание *-e*, *-i*: да. *zīre*, двн. *grifi* 'схватил', да. *pōte*, двн. *pāti* 'взял'.

2) Причастие I с суффиксом *-nd* в готском и древнескандинавском изменяется по слабому склонению (кроме гот. им. п. ед. ч. м. р., например, *gibands* 'дающий' — сильное склонение), тогда как в западногерманских языках создается система склонения, полностью аналогичная склонению прилагательных и состоящая из двух типов — слабого и сильного.

3) Только в готском и древнескандинавском четко выделяется по семантическим признакам группа непереходных глаголов медиального значения с суффиксом *-pa-* в основе презенса, например: гот. *fullnan* 'наполняться', *gabatan* 'улучшаться', дисл. *fullna*, *batna*. Но особый морфологический класс (IV), они составляли только в готском.

4) Гото-скандинавской инновацией является развитие тематических глаголов: гот. *standan* 'стоять', *gaggan* 'идти', дисл. *standa*, *ganga* вместо древних нерегулярных атематических глаголов *stān*, *gān* и *dōn*, сохраняющихся в западногерманских языках.

§ 60. Гото-скандинавские лексические изоглоссы. Лексические параллели между готским и древнескандинавским языками, не встречающиеся за их пределами, также являются свидетельством их генетической связи. Общее число лексических сходжений составляет 68 слов. Примерами гото-скандинавских лексических параллелей могут служить следующие слова: гот. *paus*, дисл. *pāg* 'мертвец'; гот. *fraiſw*, дисл. *frǣ*, *frjó* 'семья'. Особенно ценны лексические соответствия, подкрепленные общими грамматическими признаками, например: а) в слове 'вода' в готском и древнескандинавском основа оканчивается на *-n-*: гот. *watō* (род. п. *watins*), дисл. *vatn*, а в западногерманских языках на *-g-*: да. *wāter*, двн. *wazzar*; б) в слове 'огонь' в готском и древнескандинавском в состав корня входит суффикс *-n-* косвенных падежей: гот. *fōn*, дисл. *funi*, а в западногерманских языках обобщен суффикс *-g-*: да. *fūr*, двн. *fiug*.

§ 61. Западногерманские изоглоссы. Гото-скандинавское единство противопоставлено другому ареалу — южногерманскому, представленному западногерманскими языками. Их также объединяют одинаковые фонетические, грамматические и лексические признаки, которые могут быть объяснены как общностью происхождения, так и тесным взаимодействием и взаимовлиянием западногерманских племенных диалектов.

§ 62. Западногерманские фонетические изоглоссы. 1) Западногерманское удлинение согласных. Это явление заключается в удлинении (удвоении) согласных после краткого гласного и перед j.

Ср., например: гот. *satjan*, дисл. *setja* 'сажать' — да. *settan*, двн. *sezzen*; гот. *bidjan*, дисл. *biðja* 'просить' — да. *biddan*, двн. *bitten*; гот. *kuni*, дисл. *куп* 'род' — да. *супп*, двн. *kunni*.

Значительно реже удлинение происходило перед *г*, *l*, в единичных случаях — перед *п*, *т*, *в*. Приведем примеры удвоения перед *г* и *l*: гот. *snutrs*, дисл. *snotr* 'мудрый' — да. *snottor* (*snotor*), двн. *snottar*, дисл. *epli* 'яблоко' — да. *æppel*.

Удлинению подвергались все согласные, за исключением *г*: гот. *arjan*, дисл. *egia* 'пахать' — да. *egian*, двн. *egien*; гот. *nasjan* 'спасать' — да. *negian*, двн. *negien*.

Удвоенные звонкие щелевые переходили в соответствующие взрывные, например, *: **ff* [vv] > *bb*: гот. *sibja* [sivja], дисл. *Sif* — да. *sibb*, двн. *sibba*, *sipra* 'кровное родство'.

Относительно причин западногерманского удлинения согласных выдвигается несколько предположений. Так, некоторые лингвисты считают, что удвоение согласного связано со слогоделением: если согласный находился в таком положении, когда он мог относиться и к первому, и ко второму слогу, он удлинялся, как, например, в случае *bidjan* > *bid-djan*. Обращается внимание и на то обстоятельство, что предшествующий согласный палатализовался под воздействием *j*, а палатализованные согласные имели тенденцию к удлинению. Но высказывается и другое мнение, а именно, что причина удлинения согласного заключается в структуре слога в западногерманских языках, где в определенных условиях были возможны только долгие слоги (слоги со структурой гл. + гл. + согл. или со структурой гл. + согл. + согл.). Поскольку необходимым условием для удвоения согласного было наличие после него именно *j*, а не *i*, то, по еще одной гипотезе, отсутствие удвоения после долгих гласных объясняется тем, что с древнейших времен после долгих слогов неслоговому *j* соответствовало слоговое *i*.

На основании сопоставления различных языковых фактов предполагают, что западногерманское удлинение согласных относится к 5—6 вв. н. э.

2) В западногерманских языках звонкий щелевой *ð* (см. § 35) переходит в смычный *d*, который в древневерхненемецком по второму передвижению согласных (см. § 158) переходит в *t*; например: гот. *beidan* [bi:ðan], дисл. *biða* 'ждать' — ср. да. *bidan*, двн. *bitan*.

§ 63. Западногерманские морфологические изоглоссы. 1) Важной западногерманской инновацией является развитие сильного склонения причастия I (наряду с существовавшим слабым склонением), например: да. *bindendu*, двн. *bintantiu* 'связывающая'.

2) В отличие от готского и древнескандинавского, в западногерманских языках существовала склоняемая форма инфинитива, например: да. дат. п. (to) *nimenne* 'чтобы взять', двн. род. п. *netannes*, дат. п. (zi) *netanne*.

3) В западногерманских языках личные формы настоящего времени глагола 'быть' были образованы соединением двух корней: и.-е. *bhū и и.-е. *es, например: да. 1 л. bēo, 2 л. bist, 3 л. bið, мн. ч. bēoð; днв. 1 л. bim, 2 л. bist, мн. ч. 1 л. birum, мн. ч. 2 л. birut.

§ 64. Западногерманские лексические изоглоссы. Лексические изоглоссы внутри западногерманского ареала подтверждают наличие тесной связи между языками этой группы. К их числу (оно составляет около шестидесяти) относятся следующие слова: да. spīht, днв. kneht, дс. kneht, дфриз. knecht 'слуга'; да. scēap, днв. scāf, дс. scār, дфриз. skēr 'овца'; да. grēat, днв. grōz, дс. grōt, дфриз. grāt 'большой'; да. cōl, днв. kuoli 'прохладный'.

Западногерманские языки распадаются на более мелкие ареалы: ингвеонский, иствеонский, герминонский, также обладающие некоторыми особенностями, но последние будут рассмотрены при изложении истории отдельных германских языков.

§ 65. Общие черты западногерманского и северогерманского ареалов. Процесс развития родственных языков нельзя рассматривать только как последовательный распад первоначального единства. Большую роль в эволюции играло взаимное влияние в ходе языковых контактов, а также действие одинаковых закономерностей в развитии уже обособившихся родственных языков, обусловленных общими чертами их строя. Поэтому не только сохранялись некоторые одинаковые признаки, унаследованные от первоначального единства, но и возникали новые сходные черты в ранее уже обособившихся друг от друга языках.

Общие тенденции в развитии германских языков проявились в значительном количестве одинаковых изменений в западногерманском и древнескандинавском ареалах, не наблюдаемых в готском, которые произошли предположительно в 1—5 вв. н. э.

§ 66. Фонетические изоглоссы. Преломление, или перегласовка. Одним из характерных для древнегерманских языков (кроме готского) явлений зависимости гласного корня от последующего гласного было явление преломления (нем. Brechung, англ. fracture, breaking). В западно- и северогерманских языках особенно широко представлено чередование в корне гласных i — e, u — o, iu — io в зависимости от характера гласного в суффиксе или окончании. Узкие (закрытые) i, u конечных слогов способствовали сохранению узких или сужению широких корневых гласных, а широкие (открытые) a, o e приводили к расширению корневого гласного или способствовали сохранению в корне гласного среднего подъема, например: да. инф. helpan, мн. ч. прош. вр. hulpon (< -un), прич. II holpen (< -an); днв. инф. helfan, мн. ч. прош. вр. hulfum, прич. II giholfan; дисл. мн. ч. прош. вр. hulpum, прич. II holpinn 'помогать'.

В положении перед группой «носовой + согласный» во всех языках наблюдался узкий гласный, например: да. bindan, bundon, bunden,

двн. bintan, buntum, gibuntan; дисл. binda, bundom, bundinn 'связывать'.

Расширение $u > o$ привело к появлению новой фонемы — краткого $\ddot{o}$, отсутствовавшего в общегерманском (см. § 28).

§ 67. Ротацизм. В западно- и северогерманских языках произошел переход $z > g$. Это явление принято называть «ротацизмом» по названию греческой буквы ρ «ро». Для иллюстрации перехода $z > g$ особенно показательны формы сильных глаголов, в исходе корня которых он наблюдается, а также сравнение с готскими параллелями. Ср., например, гот. *kiusan* — *kaus* — *kusum* — *kusans* и следующие формы западногерманских языков:

да. *sēosan* — *sēas* — *siuon* — *coren* 'выбирать'

двн. *kiosan* — *kōs* — *kurum* — *gikoran* »

дисл. *kiōsa* — *kaus* — *kōrom* — *kōrinn* »

Ср. также:

гот. *dīus* 'зверь' — да. *dēor*, двн. *tior*, дисл. *dūr*

гот. *huzd* 'клад' — да. *hord*, двн. *hort*

гот. *maiza* 'больше' — да. *māga*, двн. *mēgo*, дисл. *meire*

да. *wæs* — *wæron* 'был — были'

двн. *was* — *wārum* »

дисл. *vas* — *vōrom* »

Старое g и g из z первоначально фонетически различались и в скандинавских рунических памятниках обозначались разными знаками, которые принято передавать как g и R . Впоследствии эти звуки в произношении совпали.

§ 68. Морфологические изоглоссы. В VII классе сильных глаголов западногерманских и северогерманских языков, в отличие от готского языка, наблюдается не редупликация, а особое чередование гласного корня (см. § 50): да. *hātan* — *hēt*; двн. *heizzan* — *hiag*; дисл. *heita* — *hēt*; ср.: гот. *haitan* — *haihait* 'называть' — 'назвал'.

Заканчивая рассмотрение общих и отличительных особенностей групп германских языков, можно сделать вывод, что методика изоглосс помогает более точно установить реальные исторические связи между языками в древнейшие периоды их развития.

И ИХ ИСТОРИЯ

Глава I. Основные этапы развития германских языков

§ 69. Общие закономерности в развитии племенных языков. Древняя история германских языков являет собой весьма сложную картину схождения и расхождений, смешений и взаимодействий. Самые ранние памятники германской письменности свидетельствуют о большом сходстве всех германских языков, но в то же время в них отчетливо проступают черты различий, которые являются результатом изменений, происшедших в них в условиях разобщенности племен — носителей германских языков.

Каждой эпохе свойственны свои закономерности в развитии языков и диалектов. Для периода общинно-родового строя характерно объединение людей в племенные коллективы, относительно слабо связанные друг с другом. Эти племена даже на высшей ступени доклассового общества часто мигрировали в поисках новых земель и более богатых охотничьих угодий. Основной процесс в развитии племен в родовом обществе — непрерывное дробление. По мере роста населения и неизбежного в связи с этим территориального расхождения племя распадается на части. Одновременно с образованием новых племен начинают обособляться и их языки. В силу разных причин в них появляются новые черты, и с течением времени из диалектов общего племенного языка-основы возникают родственные между собой по происхождению языки. Эти родственные языки могут находиться в разной степени близости. При большей и более длительной территориальной разобщенности, при близких контактах с другими, неродственными, языками они могут настолько измениться с течением времени, что общение на разных диалектах некогда единого языка становится невоз-

можным; диалекты превращаются в самостоятельные языки. Так произошло со многими индоевропейскими языками, и лишь благодаря сравнительно-историческому методу ученые смогли установить и доказать их родство. В других исторических условиях, при большей территориальной близости, родственные черты, унаследованные от общего языка-основы, во многом сохраняются, и языки отчетливо проявляют свое материальное родство даже в современном состоянии (ср., например, современные скандинавские языки).

С объединением родственных племен в племенные союзы в развитии языков наступает новый этап: начинается процесс сближения ранее разобщенных родственных племенных языков. Создается основа для более интенсивного общения между племенами. В этом процессе сближения один из языков возвышается над другими как общеплеменной язык — это, как правило, язык более сильного племени, вожди которого возглавили племенное объединение. Другие же языки продолжают существовать как средство общения в пределах племен своих носителей, но они уже переходят на положение диалектов по отношению к общему языку племенного союза.

В этой связи следует уточнить разницу между понятиями «язык» и «диалект». Применительно к древним эпохам понятия языка и диалекта не всегда легко разграничить, и термины «язык» и «диалект» нередко употребляются в одинаковом значении. С возникновением племенных объединений, с появлением определенных иерархических отношений между средствами языковой коммуникации, а именно с выделением общего «надплеменного» языка (языка с о ю з а племен), все остальные ранее самостоятельные языки племен, входящих в данное племенное объединение, становятся в подчиненное положение по отношению к «надплеменному» языку, и в этом случае к последним применим термин «диалекты».

История германских племен свидетельствует о том, что объединение в племенные союзы проходило не один этап. Еще до эпохи Великого переселения народов объединялись мелкие кровнородственные племена, связанные между собой к тому же и территориальной близостью. К этому их побуждала необходимость сплачивать силы против общего врага — римлян. Так, франки, алеманны, саксы были уже в 3 в. н. э. племенными объединениями, а многие названия мелких племен, которые встречались у Цезаря, Плиния, Тацита и других авторов того периода, совсем не упоминаются у более поздних историков и летописцев. В эпоху Великого переселения народов возникали большие племенные союзы, представлявшие для Римской империи серьезную военную угрозу. Такие объединения были неоднородны по своему этническому составу, в них могли вливаться племена, говорившие на неродственных языках. Так, например, в племенной союз, который возглавлял остготский король Эрманарих в начале 4 в., входили не только готы, но и другие германские, а также балтийские и восточнофинские племена. Государство Эрманариха распалось под натиском гуннов, а сами готы вошли в такое же недолговечное межплеменное государство гуннов. В таких союзах были уже зародыши государственной организации, но эти государства не были устойчивыми, не имели закреплен-

ных территориальных границ и легко распались. Понятие общего языка союза племен также характерно для этого исторического периода: это язык самого сильного в политическом и военном отношении племени, язык, на котором формулируются (а впоследствии и записываются) обязательные для всех законы, язык, на котором глава племенного союза обращается к своим воинам и подчиненным. Племенные диалекты таких больших объединений могут иметь больше отличных друг от друга черт, чем племенные диалекты более ранних и сравнительно небольших объединений, а неродственные языки, вошедшие в состав таких союзов, могут либо исчезнуть, если их носители растворятся в большинстве населения племенного союза, либо продолжать обособленно развиваться в окружении неродственных им диалектов.

§ 70. Формирование языков народностей. В процессе дальнейшего исторического развития складываются народности. Формирующиеся феодальные королевства характеризуются большей устойчивостью территориальных границ. Если общий язык племени возвышался над племенными диалектами, то общий язык народности, который складывается аналогичным образом, также выделяется среди всех диалектов данной народности. Диалекты продолжают существовать, но уже не как племенные диалекты, а как диалекты территориальные. С закреплением границ государства, в условиях замкнутых феодальных княжеств, территориальные связи становятся более прочными, чем родоплеменные. Тесное экономическое и культурное общение внутри отдельных княжеств ведет к стиранию старых различий в диалектах, на которых говорит население того или иного княжества, и у них возникают новые, общие черты. Другим следствием феодальной замкнутости является то, что развитие диалектов разных княжеств, входящих в состав более обширного феодального государства, происходит обособленно, в результате чего между диалектами княжеств возникают новые различия, новые черты, которые отдаляют их друг от друга. Однако несмотря на господство областных тенденций, в феодальных государствах действует и противоположная тенденция к общегосударственному языковому единению. Она выражается, как правило, в том, что в феодальном государстве при благоприятных условиях начинает возвышаться над остальными и приобретать особый авторитет один из диалектов — диалект наиболее сильного в политическом и экономическом отношении княжества. Он приобретает высокий социальный престиж, на нем создаются основные памятники письменности, он становится языком канцелярий и школы в других княжествах, хотя местные (территориальные) диалекты продолжают служить средством общения для населения этих княжеств. По мере возникновения и развития капиталистических отношений необходимым средством общения во всем государстве становится единый национальный язык. Местные диалекты не исчезают, но вытесняются из официальных сфер общения, литературная деятельность на них прекращается, и они постепенно переходят в пределах своих территорий на положение языков бытового общения.

Формирование языков народностей происходило в тесной зависимости от конкретной исторической обстановки, которая складывалась в том или ином феодальном государстве. Если в феодальном государстве рано определяется политический и экономический центр, и развитие страны идет при подчинении всех княжеств общепризнанному главе феодального государства, то сложение языка народности также происходит рано. Так это было, например, в Англии и Дании (см. §§ 101, 120). Если же такой организующий центр отсутствует, и власть в стране переходит от одного княжества к другому, то тенденция к языковому единению ослабляется, развитие общего языка народности, подготавливающее образование национального языка, замедляется, что отражается в дальнейшем на судьбах национального языка. Это можно проследить на примерах Германии и Норвегии (см. §§ 96, 173).

С развитием торговли и промышленности возрастает роль городов, на смену феодальной раздробленности приходит новый тип государственного устройства — абсолютная монархия с ее стремлением к централизации власти и всех государственных институтов. В процессе преодоления феодальных порядков и традиций складываются нации. Наряду с такими признаками нации, как общность территории, общность экономической жизни, психического склада и культуры, классики марксизма отмечают и общность языка. В. И. Ленин, говоря о том, что окончательная победа капитализма над феодализмом немыслима без национальных движений, отмечает, что для нее необходимо «государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»¹.

§ 71. Образование наций и развитие национальных языков. Общий язык нации складывается на основе языка народности, и этот процесс так же, как и сложение языка народности, может протекать в разных формах в зависимости от конкретно-исторических условий. Как правило, в ходе формирования национального языка происходит закрепление и развитие наиболее общих тенденций в языке народности. Преемственность языковых традиций предшествующих эпох не исключает новых влияний, которые могут выявиться с политическим и экономическим развитием разных территориальных областей государства. Так, например, в период формирования национального английского языка, который складывался на основе лондонского диалекта, можно проследить, как преобладавшие в нем ранее элементы южных диалектов вытеснялись восточно-центральными под влиянием той роли, которую играл в политике и экономике страны самый процветающий район, и именно восточно-центральные черты определили диалектную основу английского национального языка (см. § 120). Другими путями шло сложение немецкого национального языка. Вследствие длительной феодальной раздробленности Германии в ней вплоть до 16 в. не проявлялась сколько-нибудь определенно ориентация на какой-либо один территориальный диалект, и хотя в дальнейшем были заложены основы

¹ Ленин В. И. Соч., т. 20, с. 368.

будущей национальной нормы, ее формирование затянулось на несколько веков, вплоть до 18 в., а местные диалекты, хотя и бесписьменные, до сих пор играют в жизни немецкого народа большую роль, чем местные диалекты во многих других странах (см. § 192).

Проследивая развитие других германских языков в период смены общественных формаций и сложения наций, можно обнаружить в каждом отдельном случае свои особенности, связанные с историческими судьбами народов — их носителей. Это будет подробнее освещено в других разделах книги.

В период перехода от феодализма к капитализму молодая национальная буржуазия предъявляет к языку определенные требования. Развитие наук и общенациональной культуры нуждается в установлении закрепленных норм языка, которых не было в языках народностей эпохи феодализма: в них наблюдались большие колебания в употреблении морфологических форм, значительные расхождения в произношении и распределении фонем, орфография письменных памятников отличалась неустойчивостью, в словоупотреблении отсутствовало единообразие.

Особенно актуальными вопросы нормализации языка становятся с введением книгопечатания. Если писцы канцелярий и даже писатели допускали значительные расхождения в орфографии, в морфологических формах и в словоупотреблении, то печатники с самого начала стремились к большему языковому единообразию, поскольку печатная продукция предназначалась для массового распространения. На нормализацию национальных языков направлялась сознательная деятельность писателей и ученых; создаются национальные грамматики, выходят словари и другие труды по вопросам языка.

Развитие национальных литератур является одним из главных факторов, способствующих окончательному сложению и закреплению языковых норм.

Национальный язык, являясь языком всего народа, включает в себя как письменную, так и устную разновидности, причем устная разновидность отличается на протяжении всей истории страны гораздо меньшим единообразием. С одной стороны, это литературная речь образованных слоев населения, приближающаяся к письменной норме, а с другой — это широко распространенные диалектные разновидности речи преимущественно сельского населения, а также язык определенных слоев городского населения, не приобщающихся в условиях буржуазного общества к образованию и культуре.

С дальнейшим прогрессом науки и техники, с распространением культуры среди населения, с появлением новых мощных средств массовой коммуникации — кино, радио, телевидения, литературная письменная норма оказывает все большее влияние на разговорные разновидности национального языка.

Глава II. Восточногерманская группа языков. Готский язык

§ 72. Первые сведения о восточногерманских племенах. Плиний Старший (1 в. н. э.) включает готов в одну группу с виндилами, бургундами, варианами, каринами. Их соседями и, по-видимому, соплеменниками были ругии, гепиды и герулы. Вслед за Я. Гриммом Ф. Энгельс относит к готской группе также певкинов и бастарнов.

В первых веках нашей эры они жили «в дальней восточной части Германии: готы — в устье Вислы и по ту сторону этого устья, бургунды поселены Птолемеем в бассейне Варты до Вислы, а вандалы Дионом Кассием (который по их имени называет Исполинские горы) в Силезии»¹.

Но эти места не были исконной родиной готов и их сородичей. В 2—1 вв. до н. э. они переселились на континент из Скандинавии. Готский историк Иордан (6 в. н. э.) дважды упоминает об этом событии в своем произведении «О происхождении и деяниях готов»: «Ты должен помнить, что вначале я рассказал, как готы вышли из недр Сканды со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана, то есть в Готискандзу»².

О пребывании готов в Скандинавии и на близлежащих островах свидетельствуют топонимические названия и данные археологии. Возможно, с готами связано название племени гаутов в южной Швеции, острова Готланд (Gotland) и двух южных областей Швеции: Västergötland (Вестергётланд) и Östergötland (Эстергётланд). Археологические исследования также подтверждают это предположение. О скандинавском племени гаутов (да. Geatas) и его герое Беовульфе рассказывает древнеанглийская поэма «Беовульф» (8 в.). Заселенный готами на континенте берег вблизи устья р. Вислы получил название Gothiscandza < *Gutisk-andja 'готский берег', с которым, возможно, связано этимологически название польского города Гданьска.

Подтверждают существование когда-то единого гото-скандинавского ареала многочисленные фонетические, морфологические и лексические изоглоссы, установленные с помощью сравнительно-исторического метода (см. § 58 и следующие).

Из всех восточногерманских племен наиболее полные сведения сохранились о готах. О других восточногерманских племенах известно очень мало, о некоторых ничего, кроме племенных названий. Так, например, история не сохранила никаких сведений о варианах и каринах.

О ругиях (Ulmerugi < гот. *Hulmruġis, ср. гот. hulms 'остров', слав. холм) известно, что в эпоху Великого переселения народов они вместе с другими восточногерманскими племенами проникают на территорию Римской империи. На побережье Северного моря они пришли, по-видимому, из Ругаланна, области на западе Норвегии. Их племен-

¹ Энгельс Ф. К истории древних германцев. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 484.

² Иордан. О происхождении и деяниях готов (Getica). М., 1960, с. 85 (§ 95), см. также с. 70 (§§ 25—26).

ное название *Helm-Rygas* 'островные ругии' встречается в англосаксонской поэме «Видсид».

Еще одно восточногерманское племя — племя гепидов (*Gepidi*) упоминается в англосаксонской поэме «Беовульф» под названием *Gefras*. Иордан относит гепидов к готским племенам. Во второй половине 3 в. гепиды последовали за готами в причерноморские степи. История гепидов заканчивается в 6 в., когда государство гепидов было уничтожено лангобардами в союзе с аварами (567 г.).

Герулы (*Heguli*), или эрулы (*Eguli*), покинули Скандинавию позднее других восточногерманских племен — в 3 в. н. э. Их переселение описано историками — Прокопием из Кесарии и летописцем лангобардов Павлом Диаконом.

Бургунды пришли в северную Германию в конце 2 в. до н. э. С их племенным названием этимологически связано название острова Борнхольм (дисл. *Borgundarhólmur* 'остров бургундов'). По-видимому, бургунды жили западнее других восточногерманских племен, между Одером и Эльбой, и уже в 3 и 4 вв. они продвигаются на запад. В середине 5 в. на территории Западной Римской империи возникло Бургундское королевство. Бургундское королевство пало в середине 6 в. под ударами франков. Название этого восточногерманского племени носит французская провинция Бургундия (*Bourgogne*).

Вандалы пришли из Скандинавии на берега Балтийского моря и поселились, по-видимому, в тех местах, которые до сих пор сохраняют в своих названиях память об этих временах, ср. *Vendsyssel* < ддат. *Vændlesysæl* (местность на полуострове Ютландия). Северная оконечность полуострова Ютландия, мыс Скаген, назывался в средние века *Vandilsskagi*. Затем в течение некоторого времени они заселяли среднее течение Одера. Во время Великого переселения народов вандалы продвигаются в юго-западном направлении и вместе с другими германскими племенами нападают на Римскую империю. Вандалы проходят через Галлию (409 г.) и Испанию (425 г.), где сталкиваются с вестготами. Из Испании вандалы двинулись в Северную Африку (429 г.), овладели Карфагеном и построили мощный флот. Они достигли господства над морем и на короткое время захватили в 455 г. Рим. Вандалы беспощадно разрушили «вечный город», уничтожив многие ценнейшие памятники культуры (ср. значение слова *вандализм*). Вандальское государство прекратило свое существование в 534 г. в результате поражений, нанесенных ему византийским полководцем Велизарием.

§ 73. **Готы.** Наиболее полные сведения сохранились о готах. Племенное название готов зафиксировано в нескольких вариантах. В готском календаре, относящемся к 7 в., но составленном ранее, готы называют себя *guthriuda* 'народ гутов'. Огласовку и имеет наименование готов в рунической надписи 4 в. на кольце из Пьетроассы (Румыния) — *guthani* 'готов' (род. п. мн. ч.). В античных памятниках племенное название готов встречается как с огласовкой *u*, так и с огласовкой *o*.

В начале 3 в. готы продвигаются на юг и распространяются от Дуная до Днепра. В середине 3 в. готы начинают совершать опустошительные набеги на Римскую империю. Они объединяются в большие

военные союзы для ведения военных походов на Балканы и в Малую Азию. Вначале главным объектом их наступления была Дакия и Нижняя Мезия (территория Румынии и Трансильвании). От римских историков известно, что в 271 г. император Галиен по договору уступает готам Дакию. Многочисленные набеги и морские экспедиции готов были приостановлены на некоторое время императором Клавдием II, который разгромил войско готов при городе Наиссе. Готы осели в причерноморских степях, где они разделились на остготовов и вестготовов. Граница между ними проходила по Днестру. Эти два основных готских племенных союза имели и другие названия: Greutungi 'грейтунги' — 'степные готы' (от герм. *greuta — ср. дисл. grjót 'галька', 'песок') для остготовов и Tervingi 'тервинги' — 'лесные готы' (от герм. *terwa — дисл. tjara 'древесная смола', 'деготь' ≈ герм. *trewa, гот. triu, да. trēo 'дерево') для вестготовов.

В 258 г. готы захватили Крым. Крымские готы в течение многих столетий сохраняли свой язык, и в 16 в. фламандцу Бусбеку при встрече с крымским готом в Константинополе удалось записать 68 слов. Лишь в 18 в. крымские готы окончательно растворились в местном населении. Готы упоминаются в славянской легенде о святом Константине.

В 4 в. столкновения готов с римлянами возобновляются с новой силой. В причерноморских степях образовался мощный племенной союз во главе с остготами. Наибольшего могущества остготы достигли при Эрманарихе, но в 375 г. государство остготовов пало под ударами гуннов. Это событие, так же как и многие события истории готов и других германских племен, нашло отражение в германском героическом эпосе, в частности в «Песни о Нибелунгах» (см. § 164).

Спасаясь от гуннов, вестготы обратились к византийскому императору Валенту с просьбой разрешить им поселиться на территории Римской империи. Но условия жизни вестготовов оказались настолько тяжелыми, что они восстали против римлян при поддержке римских рабов и колонов и наголову разбили римскую армию при Адрианополе в 378 г. В этой битве погибли император Валент и 40 тысяч римских солдат.

В начале 5 в. вестготы, возглавляемые Аларихом, двинулись на Рим и в 410 г. захватили его. Вестготы образовали в 418 г. в южной Галлии королевство с главным центром Тулузой, затем они проникли на Пиренейский полуостров, где основали свое королевство, просуществовавшее до 711 г.

В 476 г. (год падения Римской империи) один из германских военачальников, Одоакр, находившийся тогда на службе у римлян, сверг с престола последнего римского императора. В 493 г. Италия была завоевана остготами под предводительством Теодорика. В древнегерманском эпосе Теодорик известен как Дитрих Бернский (Берн — средневековое немецкое название Вероны, одного из городов остготского королевства). Остготское королевство просуществовало до 555 г. Это был период наибольшего культурного расцвета остготовов. Сохранившиеся готские рукописи дошли до нас в остготских списках, хотя памятники были созданы намного раньше вестготами.

Расселившись на большой территории, готы и другие восточногерманские племена в дальнейшем смешались с местным населением и постепенно исчезли с исторической арены.

§ 74. Сведения о восточногерманских языках. О языках, которые исчезли в глубокой древности, позволяют судить в первую очередь письменные памятники. При отсутствии литературных памятников важным источником сведений становятся собственные имена, племенные названия, топонимы, слова, вошедшие в качестве заимствований в языки соседних народов.

Не сохранилось никаких текстов на языке вандалов, бургундов и других восточногерманских племен. Но лингвисты тщательно исследовали вандалские, бургундские и другие восточногерманские имена и, сравнивая полученные данные с фактами готского языка, вывели некоторые общие закономерности, которые характеризуют восточногерманскую группу языков. Так, было установлено, что в восточногерманских языках господствовала тенденция к сужению гласных. В остготских и вандалских именах отмечается узкий гласный *i* даже там, где в готском долгий гласный среднего подъема, ср., например, гот. *mērs* 'знаменитый' — остгот. *Walamir*; гот. *hrōfs* 'славный' — остгот. *Ruderic*. Но и в остготских, вандалских и других восточногерманских именах сужение осуществляется непоследовательно. Зато данные языка крымских готов свидетельствуют о полной реализации этой тенденции, ср., например: гот. *mēna* 'луна' — крым.-гот. *mine*; гот. *slēpan* 'спать' — крым.-гот. *schlipen*; гот. *stōls* 'стул' — крым.-гот. *stul*.

Восточногерманские (готские) заимствования в балтийских и славянских языках, относящиеся к первым векам нашей эры, также весьма интересны в сравнительном плане; ср.: ст.-сл. *шлѣмъ* 'шлем' — гот. *hilms*; ст.-сл. *мечь* — гот. *mēki* (крым.-гот. *mucha*); латыш. *glīsis* 'янтарь' — герм. **glēs-*.

§ 75. Значение готского языка для германистики. Единственный представитель восточногерманской группы языков, о котором сравнительно-историческое языкознание располагает достаточно полными сведениями по письменным памятникам, это готский язык. С момента зарождения сравнительно-исторического метода исследователи обратились к готским памятникам как к письменным источникам, отражающим в обширном материале связных текстов наиболее раннее состояние одного из германских языков и, тем самым, германских языков в целом. Анализ грамматического строя готского языка чрезвычайно важен для определения тенденций развития германских языков. Факты готского языка часто принимаются за точку отсчета при проведении сравнительно-исторических и типологических исследований германских языков. В значительной мере именно на данные готского языка опираются такие приемы сравнительно-исторического метода, как сравнительная реконструкция, установление относительной хронологии и определение ареалов языковых явлений (см. § 19, а также §§ 27—54, 57—68).

§ 76. Готская письменность и готские письменные памятники. Появление готской письменности связано с распространением среди готов в 4 в. христианства. Сохранилось предание, что принятие христианства было вызвано враждой между двумя готскими вождями — Атанарихом и Фритигерном. В борьбе с Атанарихом Фритигерн обратился за помощью к византийскому императору Валенту. Валент помог разбить Атанариха, и Фритигерн в знак благодарности принял христианство.

Первым готским христианским проповедником был Вульфила (Ульфила; Wulfila буквально значит 'волчонок'). Он жил в 4 в. (311—382). Для распространения новой религии Вульфила создал готский алфавит и перевел «священное писание» на готский язык. В основу готского письма Вульфила положил греческий алфавит. Предполагают, что некоторые буквы были заимствованы из других алфавитов, по-видимому латинского и рунического. Так, негреческого происхождения буквы w, f, u, o, q, r, s, þ. Однако в этом вопросе нет полной ясности.

Названия знаков готской письменности

1 a aza	60 j gaaz
2 b bercna	70 u uraz
3 g geuua	80 p pertra
4 d daaz	90 koppa (ц)
5 e eyz	100 r reda
6 q quertra	200 s sygil
7 z ezec	300 t tuz
8 h haal	400 w uuinna
9 þ thyth	500 f fe
10 i iiz	600 x enguz
20 k chozma	700 w uuaer
30 l laaz	800 o utal
40 m manna	900 sampi (†)
50 n noicz	

Готский алфавит состоял из 27 букв. Буквы также использовались вместо цифровых знаков, две буквы — koppa ц и sampi † — имели только числовые значения. За исключением этих двух букв, остальные буквы готского алфавита в учебных пособиях даются в латинской транслитерации.

Язык готской библии отличается большим единообразием. Этот факт некоторые исследователи пытаются объяснить тем, что, возможно, перевод был сделан одним человеком, другие — книжным характером языка, находящегося под сильным влиянием греческого оригинала.

Все дошедшие до настоящих дней рукописи готской библии являются позднейшими списками вестготского текста, сделанными остготами в 5—6 вв., в период расцвета королевства Теодорика. В современных исследованиях типологии древнегерманских литературных языков высказывается предположение, что эти рукописи были не

простым воспроизведением перевода, сделанного одним автором, а результатом длительной обработки и совершенствования.

Сохранилось несколько рукописей готской библии:

1) «Серебряный кодекс» («Codex Argenteus») относится к 5—6 вв. Рукопись первоначально состояла из 330 листов, сохранилось 188 листов, содержащих отрывки из четырех евангелий. Эта рукопись представляет собою пурпурный пергамент с нанесенными на него серебряными и золотыми буквами. Рукопись хранится в университетской библиотеке в Упсале (Швеция).

2) «Амброзианские кодексы» («Codices Ambrosiani») относятся к 7—8 вв. Хранятся в Амброзианской библиотеке в Милане и представляют собою отрывки из Посланий и Нового и Ветхого завета.

3) «Каролинский кодекс» («Codex Carolinus») — двуязычная рукопись 5 в. на четырех листах, дающая параллельно готский и латинский тексты.

4) Так называемый «Гиссенский отрывок» (назван по месту хранения) был найден в Египте. Он состоит из двух листов пергамента, включающих готский и латинский тексты.

Более мелкие готские памятники представлены восемью листами комментария к евангелию от Иоанна, отрывками из готского календаря, Алкуиновой рукописью 9—10 вв., содержащей готский алфавит, глоссами, готскими словами в двух латинских купчих.

Рунические памятники, авторами которых, как полагают, были готы, представляют собою две краткие надписи: а) надпись на кольце, обнаруженном среди других золотых предметов в кладе, найденном в Пьетроассе, и б) надпись на острие копья, состоящая всего из одного слова (найдено в районе Ковеля, предположительная датировка — 3 в.).

§ 77. Особенности готской орфографии. Для готского письма характерно большое единообразие. В лингвистике не раз высказывалось мнение, что созданный Вульфилой алфавит был фонематическим, т. е. отражал фонемный состав готского языка того времени. Тем не менее, определение произношения некоторых букв и буквенных сочетаний затруднительно, и в этом случае на помощь приходят данные фономорфологического анализа и материалы других древнегерманских языков. Рассмотрим основные правила чтения:

1) Диграф *ei* всегда обозначал долгий гласный [ī] (диграф введен под влиянием греческой орфографии): *eisarn* 'железо', *seins* 'свой', *alþeis* 'старый'.

2) Буква *u* обозначала [u] и [ū]; последнее восстанавливается только путем сравнения с другими германскими языками, например: гот. *ūt* 'прочь' — да. *ūt*, двн. *ūz*, дисл. *út*.

3) Буквы *e*, *o* употреблялись для [ē], [ō]: *lekinop* 'излечиться', *worþan* 'кричать', 'взывать'.

4) Диграфы *ai*, *au* перед *g*, *h*, *hv* обозначали монофтонги [e], [ɔ]. В этом случае в научных руководствах по готскому языку они

¹ Мейе А. Указ. соч., с. 56.

часто снабжены диакритическим знаком ai, au: *hairto* 'сердце', *saihan* 'видеть', *saihts* 'болезнь'. На основании сравнения с другими древнегерманскими языками монофтонгическое произношение ai [e], au [ɔ] устанавливается также в словах: *airrau* 'или', *waila* 'пожалуй', *aufto* 'пожалуй', 'может быть'. Диграф ai обозначал монофтонг в редуцированном слого глаголов VII класса: *hairhait* [hehait] — ед. ч. прош. вр. от *haitan* 'называть'.

Однако следует, по-видимому, считать ai, au бифонемными сочетаниями в нормальной (полной) ступени аблаута в формах ед. ч. прош. вр.: ср. *gataih* 'показал' (I кл.), *gatauh* 'увел' (II кл.).

5) Буква *h* = [hw]: гот. *hveila* 'время', 'час' — да. *hwil*, днв. *hwila*.

6) Буква *q* = [kw]: гот. *qius* 'живой' — да. *cwic*, днв. *ques*, дисл. *kvikr*.

7) Удвоение букв *gg* = [ŋg]: гот. *briggan* 'принести'.

§ 78. Гласные и согласные готского языка. Гласные. Как отмечает А. Мейе, «готский вокализм в своей крайней простоте показателен для общегерманского типа»¹. Состав монофтонгов и дифтонгов готского языка довольно близок к реконструируемому общегерманскому. Отличия составляют некоторые специфически готские явления, имеющие частный характер. В то же время в готском не наблюдается действия ряда комбинаторных явлений, характерных для других германских языков (см. §§ 34, 66).

В готском языке выделяются три основных кратких гласных: *i*, *u*, *a*. Гот. *i* соответствует как *i*, так и *e* других германских языков: ср. гот. *fisks* 'рыба' — да., дс., днв. *fisc*, дисл. *fiskr*; гот. *wisan* 'быть' — да., дс., днв. *wesan*, дисл. *vesa*. Гот. *u* соответствует *u* и *o* других германских языков: гот. *supus* 'сын' — да., дс., днв. *supu*, дисл. *sunr*; гот. *huzd* 'сокровище' — да., дс. *hord*, днв. *hort*, дисл. *hodd*. Гот. *a* соответствует *a* других германских языков: ср. гот. *fagan* 'путешествовать' — дисл. *faga*, да, днв. *fagan*. (см. §§ 28, 29 и таблицу). Восстановление гласных среднего подъема в готском языке произошло в результате расширения узких гласных. Так, к трем кратким гласным в готском прибавились еще два кратких открытых гласных среднего подъема — [e] (написание *ai*) и [ɔ] (написание *au*)². Первый возник как результат расширения краткого *i*, второй — краткого *u*; расширение имело место перед *g*, *h*, *h* (его называют «готским преломлением»); ср. гот. *wair* 'муж' — да., днв. *weg*, дисл. *verr*; гот. *raihts* 'правый' — да. *riht*, днв. *reht*, дисл. *rétr* (<*réht); гот. *saihan* 'видеть' — днв. *sehan*; гот. *daur* 'дверь' — да. *duru*, днв. *turi*, дисл. *dyrr*; гот. *sauhts* 'болезнь' — да., днв. *suht*, дисл. *sótt*.

Четыре долгих гласных готского языка соответствовали четырем долгим гласным общегерманского: *i*, *ū*, *ē*, *ō*.

Готские *ē* и *ō* имели закрытое произношение, поэтому *ē* соответствовало как общегерманскому открытому *e*₁, так и закрытому *e*₂ (см. § 29): ср. *ē*₁ в гот. *lētan* 'оставлять' — да. *lætan*, днв. *læzan*, дисл. *lāta*; *ē*₂ в гот. *hēr* 'здесь' — да., днв., дисл. *hēr*. Гот. *ū*, *ō*, *i*

¹ Мейе А. Указ. соч., с. 56.

² О написании этих диграфов как *ai*, *au* в пособиях по готскому языку см. ниже.

(написание ei) соответствовали тем же фонемам общегерманского языка. Фонема *ā*, отсутствовавшая в общегерманском ввиду перехода и.-е. *ā* > герм. *ō* (см. § 23), в готском, как и в других германских языках, развилась по компенсации в результате удлинения *a* при выпадении носового в *-aŋh-: ср. гот. *brāhta* 'принес' < *brāŋhta, гот. *fāhan* 'ловить' < *faŋhan.

В готской письменности также засвидетельствованы сочетания гласных («дифтонги», см. § 21) *ai*, *au*, *iu*, например, в словах *dails* 'часть', *augo* 'глаз', *liuts* 'лицемерный'. Вопрос об интерпретации готских диграфов *ai* и *au* является дискуссионным в германистике. Высказывается несколько точек зрения. Широко распространено мнение, что диграфы *ai* и *au* были двузначны: там, где они этимологически соответствовали германским дуэфонемным сочетаниям *ai* и *au*, они и в языке готской библии сохраняли соответствующий статус: герм. *dailiz — гот. *dails*; герм. *augon — гот. *augo*; но в положении перед *r*, *h*, *h* диграфы *ai* и *au* обозначали открытые краткие монофтонги [e] и [o]. Поэтому в учебных пособиях по готскому языку приняты специальные диакритические знаки; знаки «ударения» над *i* и *u* (*ai̇*, *au̇*) условно обозначают монофтонги и отличают их от дуэфонемных сочетаний.

Противники этой точки зрения, подчеркивая последовательность орфографии Вульфилы, считают, что он не мог одними и теми же буквами обозначать разные фонемы. Они придерживаются мнения, что *ai* и *au* монофтонгизировались до создания готской библии во всех случаях, а употребление диграфов *ai* и *au* объясняется влиянием греческой орфографии, где *ai* и *au* обозначали соответствующие монофтонги.

Наконец, для некоторых германистов это только вопрос хронологии, так как существуют убедительные доказательства того, что в дальнейшем бифонемные сочетания *ai* и *au* подверглись монофтонгизации во всех позициях в слове.

§ 79. Согласные. Система готских согласных фонем близка к общегерманской и представлена звонкими щелевыми *b*, *ð*, *q*, *z* (первые три фонемы имели позиционные варианты — звонкие смычные *b*, *d*, *g* — в начале слова, после носовых и в удвоении) глухими щелевыми *f*, *þ*, *h*, *χ*, *hw*, *s*; глухими смычными *p*, *t*, *k*, *kw* и сонорными *j*, *w*, *r*, *l*, *m*, *n*.

Рассмотрим некоторые особенности готского консонантизма:

1) Звонкие щелевые: билабиальный звонкий *b* (типа *v*), интердентальный звонкий *ð*, заднеязычный звонкий *q* выступали между гласными в середине слова, например: *giban* [givan] 'давать'; *fadar* [faðar] 'отец'; *ligan* [liyan] 'лежать'. Их позиционные варианты — звонкие смычные *b*, *d*, *g* — выступали в начале слова, после носового и в удвоении, например: *bagŋ* 'дитя'; *bindan* 'связывать', *gairda* 'пояс'; *twaddje* 'двух'.

2) Для готского языка характерно оглушение звонких щелевых *b*, *ð*, *z* в глухие *f*, *þ*, *s* в конце слова и перед глухим *s* (для *b*, *ð*), например: *hlaibis* род. п. ед. ч. 'хлеба' — *hlaifs* им. п. ед. ч., *hlaif* вин. п. ед. ч.; *gōdis* род. п. ед. ч. 'хорошего' — *gōþs* им. п. ед. ч., *gōþ* вин. п. ед. ч.; *diuzis* род. п. ед. ч. 'зверя' — *dius* им. п. ед. ч.

Готская орфография не отразила никаких различий в произно-

шении г, и поэтому его толкование спорно. Но большинство лингвистов придерживаются мнения, что, подчиняясь тем же закономерностям, что и **b** и **ð**, **g** в середине слова должен был в конце слова и перед **s** оглушаться в соответствующий глухой заднеязычный **χ**.

3) В готском языке почти полностью отсутствовало чередование по закону Вернера в словоизменении. Выравнивание форм по аналогии происходит в пользу глухого щелевого: *kusum*, *kusans* по аналогии с *kiusan*, *kaus* ('пробовать', 'выбирать'); *waigrum*, *waigrans* по аналогии с *waigran*, *waigr* ('становиться') — см. §§ 39, 40. Но в словообразовании обобщения, как правило, не происходило, так как многие однокоренные лексические единицы были, по-видимому, парадигматически слабо связаны друг с другом: формы сильного глагола *fulhum*, *fulhans* унифицированы по *filhan*, *falh* 'скрывать', но обособившееся от системы глагольных форм прилагательное *fulgins* 'утаенный' сохраняет старую форму причастия II со звонким согласным.

4) В готском языке действовала еще одна закономерность, которая вступала в противоречие с чередованием по закону Вернера — явление диссимиляции согласных. Щелевые и свистящий между двумя гласными или гласным и сонорным становились (или оставались) звонкими, если предыдущий слог начинался с глухого, например, *d*, *b* в словах: *auþida* 'пустыня', *witubni* 'знание'; они же оставались глухими или оглушались, если предыдущий слог начинался со звонкого, как *þ*, *f* в словах *teigrā* 'слух', *waldufni* 'власть'.

5) Некоторыми особенностями отличались полугласные *j* (неслоговое *i*) и *w* (неслоговое *u*). Полугласный *j* переходил в гласный *i* в абсолютном конце слова и перед согласным: *harjis* им. п. ед. ч. 'войско' — *hari* вин. п. ед. ч.; *sōkjan* инф. 'искать' — *sōkida* прош. вр. Полугласный *w* переходил в *u* после краткого гласного в абсолютном конце слова и перед *s*: *triwis* род. п. ед. ч. 'дерева' — *triu* им. п. ед. ч.; *paweis* им. п. мн. ч. 'мертвецы' — *paus* им. п. ед. ч.

6) Специфику готского языка составляло употребление сочетания *ji* или гласного *i* (в орфографии «ei») в зависимости от слога деления после определенного звукового комплекса. После долгого ударного гласного, бифонемного сочетания или краткого гласного + согласный граница слога проходила сразу за этим комплексом, и поэтому полугласный *j* начинал новый слог: *stō-jīþ* 'судит'; *nas-jīþ* 'спасает'. При скоплении согласных, при объединении бифонемного сочетания или ударного долгого гласного + согласный или безударный краткий гласный граница слога проходила внутри корневой морфемы, отделяя последний звук корневой морфемы и относя его к конечному слогу. В результате в конечном слоге развивался гласный *i*, например: *haiŋdeis* 'пастух' (корневая морфема *haiŋd-*), *sō-keiþ* 'ищет' (корневая морфема *sōk-*).

7) Сонорные *g*, *l*, *m*, *n* иногда выступали как слогаобразующие: *stikls* 'бокал', *maigrms* 'подарок', но в большинстве случаев перед ними развивался узкий гласный *u*.

§ 80. Характеристика морфологического строя готского языка. В морфологическом строе готского языка наблюдаются те черты, ко-

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ
Гласные основы (сильное склонение)

Основы на -а- (-ja-, -ша-)

Основы на -о- (ж. р.)

-а-		-ja-		-wa-	-о-	-jо-
М. р.	Ср. р.	М. р.	Ср. р.	Ср. р.	Ж. р.	Ж. р.
Ед. ч. Им.	dags 'день'	waŭrd 'слово'	harjis 'вой-ско'	kniu 'коле-но'	giba 'дар'	bandi 'оковы'
Род.	dagis	waŭrdis	harjis	kniwis	gibōs	bandjōs
Дат.	daga	waŭrda	harja	kniwa	gibai	bandai
Вин.	dag	waŭrd	hari	kniu	giba	bandja
Мн. ч. Им.	dagōs	waŭrda	harjōs	kniwa	gibōs	bandjōs
Род.	dagē	waŭrdē	harjē	kniwē	gibō	bandjō
Дат.	dagam	waŭrdam	harjam	kniwam	gibōm	bandjōm
Вин.	dagans	waŭrda	harjans	kniwa	gibōs	bandjōs
Основы на -i-						
-i-		-i-		Корневые основы		
М. р.	Ж. р.	М. р.	Ж. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. р.
Ед. ч. Им.	gast 'гость'	ansts 'ми-лость'	sunus 'сын'	handus 'рука'	faihu 'скот'	baŭrgs 'го-род'
Род.	gastis	anstais	sunaus	handaus	faihaus	baŭrgs
Дат.	gasta	anstai	sunau	handau	faihau	baŭrg
Вин.	gast	anst	sunu	handu	faihu	baŭrg
Зв.	gast		supu			mannap
Мн. ч. Им.	gasteis	ansteis	sunjus	handjus		baŭrgs
Род.	gastē	anstē	suniwē	handiwē	—	baŭgē
Дат.	gastim	anstim	sunum	handum	—	baŭgim
Вин.	gastins	anstins	sununs	handuns	—	baŭrgs
						mans, mannans
						manne
						mannam
						mans, mannans

		-лп-/-зп-	-дп-	-ейп-		
		М. р.	Ср. р.	Ж. р.	М. и ж. р.	М. р.
Ед. ч.	Им.	guma 'человек'	hairtō 'сердце'	tuggō 'язык'	managei 'толпа'	frijōnds 'друг'
	Род.	gumins	hairtins	tuggōns	manageins	frijōndis
	Дат.	gumin	hairtin	tuggōn	managein	frijōnd
	Вин.	guman	hairtō	tuggōn	managein	frijōnd
Мн. ч.	Им.	gumans	hairtōna	tuggōns	manageins	frijōnds
	Род.	gumanē	hairtanē	tuggōnō	manageinō	frijōndē
	Дат.	gumam	hairtam	tuggom	manageim	frijōndam
	Вин.	gumans	hairtōna	tuggōns	manageins	frijōnds
					brōþrus	
					brōþre	
					brōþrum	
					brōþrun	

Примечания:

1. В основах на -i-, -u- наблюдается чередование гласного основы по аблауту.
2. В корневых основах падежное окончание прибавляется непосредственно к основе, совпадающей с корнем.
3. Основы на -л- имеют несколько разновидностей в зависимости от гласного элемента основы, предшествующего носовому.
4. О типах склонения см. с. 43.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Окончания существительных				Слабое (именное) склонение прилагательных			
М. р.		Ср. р.	Ж. р.	М. р. -in/-an		Ср. р. -in/-an	Ж. р. -ōn-
Ед. ч. Им.	-a	-ō	-ō	blinda 'слемой'		blindō	blindō
Род.	-ins	-ins	-ōns	blindins		blindins	blindōns
Дат.	-in	-in	-ōp	blindin		blindin	blindōp
Вин.	-an	-ō	-ōp	blindan		blindō	blindōp
Мн. ч. Им.	-ans	-ōpa	-ōns	blindans		blindōpa	blindōns
Род.	-anē	-anē	-ōpō	blindanē		blindanē	blindōpō
Дат.	-am	-am	-ōm	blindam		blindam	blindōm
Вин.	-ans	-ōpa	-ōns	blindans		blindōpa	blindōns
Склонение указательных местоимений				Сильное (местоименное) склонение прилагательных			
М. р.		Ср. р.	Ж. р.	М. р.		Ср. р.	Ж. р.
Ед. ч. Им.	sa	pata	sō	blinds		blind, blindata	blinda
Род.	pis	pis	pizōs	blindis		blindis	blindaizōs
Дат.	paṃma	paṃma	pizai	blindamma		blindamma	blindai
Вин.	paṇa	pata	pō	blindana		blind, blindata	blinda
Мн. ч. Им.	pai	pō	pōs	blindai		blinda	blindōs
Род.	pizē	pizē	pizō	blindaizē		blindaizē	blindaizō
Дат.	paṃm	paṃm	paṃm	blindaim		blindaim	blindaim
Вин.	paṇs	pō	pōs	blindans		blinda	blindōs

МЕСТОИМЕННИЕ

Личные местоимения 1 и 2 лл.			Личные местоимения 3-го л.				
Ед. ч.	Дв. ч.	Мн. ч.	М. р.	Ср. р.	Ж. р.		
<p>1 л</p> <p>Им. ik 'я' wit 'мы оба' weis 'мы'</p> <p>Род. meina ugkara unsara</p> <p>Дат. mis ugkis uns, unsis</p> <p>Вин. mik ugkis uns, unsis</p>			<p>3 л.</p> <p>is 'он' ita 'оно' si 'она'</p> <p>is is izōs</p> <p>imma imma izai</p> <p>ina ita ija</p>		<p>Возвратное местоимение</p> <p>—</p> <p>seina 'себя'</p> <p>sis</p> <p>sik</p>		
<p>2 л.</p> <p>Им. ꞑu 'ты' jut 'вы оба' jus 'вы'</p> <p>Род. ꞑeina igqara izwara</p> <p>Дат. ꞑus igqis izwis</p> <p>Вин. ꞑuk igqis izwis</p>			<p>Мн. ч.</p> <p>eis ija ijōs</p> <p>izē izē izō</p> <p>im im im</p> <p>ins ija ijōs</p>				

ГЛАГОЛ

Основные формы сильных глаголов

Класс	Инфинитив	Прош. вр. ед. ч.	Прош. вр. мн. ч.	Прича- стие II
I	greipan 'схватить'	graip	gripum	gripans
II	biugan 'гнуть'	baug	bugum	bugans
III	bindan 'связывать'	band	bundum	bundans
IV	niman 'брать'	nam	nēmum	numans
V	qiþan 'сказать'	qaþ	qēþum	qiþans
VI	slahan 'бить'	slōh	slōhum	slahans
VII	haitan 'называть'	haihait	haihaitum	haitans
	lētan 'оставлять'	laiiōt	laiiōtum	lētans

Основные формы слабых глаголов

Класс	Инфинитив	Прош. вр. ед. ч.	Прош. вр. мн. ч.	Прича- стие II
I	satjan 'сажать'	satida	satidēdum	satiþs
II	fiskōn 'удить рыбу'	fiskōda	fiskōdēdum	fiskōþs
III	haban 'иметь'	habaida	habaidēdum	habaiþs
IV	fullnan 'наполниться'	fullnōda	fullnōdēdum	—

Спряжение глаголов

Сильное спряжение		Слабое спряжение			
I—VI	VII	I	II	III	IV
Настоящее время					
Индикатив					
Ед. ч.	nima nimis nimiḥ	haita haitis haitiḥ	salbo salbōs salbōḥ	haba habais habaiḥ	fullna fullnis fullniḥ
Дв. ч.	nimōs nimats	haitōs haitats	salbōs salbōts	habōs —	fullnōs fullnats
Мн. ч.	nimam nimiḥ nimand	haitam haitiḥ haitand	salbōm salbōḥ salbōnd	habam habaiḥ haband	fullnam fullniḥ fullnand
Оплатив					
Ед. ч.	nimau nimais nimai	haitau haitais haitai	salbō salbōs salbō	habau habais habai	fullnau fullnais fullnai
Дв. ч.	nimaiwa nimaits	haitaiwa haitaits	salbōwa salbōts	habaiwa habaits	fullaiwa fullaits
Мн. ч.	nimaima nimaiḥ nimaina	haitaima haitaiḥ haitaina	salbōma salbōḥ salbōna	habaima habaiḥ habaina	fullnaima fullnaiḥ fullnaina

Примечания:

1. Во всех классах сильных глаголов и в I и IV классах слабых глаголов личные окончания присоединяются к тематическому гласному *-i/-a-* (и.-е. *-e/-o-*).
2. II и III классы слабых глаголов являются атематическими, так как личные окончания прибавляются к гласным основам *-ō-* и *-ai-*.
3. Оплатив (сослагательное наклонение) настоящего времени образован от основы настоящего времени с помощью суффикса *-ai-* (и.-е. *-oi-*).

Сильное спряжение				Слабое спряжение
		I—VI	VII	I—IV
<i>Прошедшее время</i>				
Индикатив				
Ед. ч.	1 л.	nam	haihait	nasida
	2 л.	namt	haihaist	nasidēs
	3 л.	nam	haihait	nasida
Дв. ч.	1 л.	nēmu	haihaitu	nasidēdu
	2 л.	nēmuts	haihaituts	nasidēduts
Мн. ч.	1 л.	nēmum	haihaitum	nasidēdum
	2 л.	nēmuþ	haihaituþ	nasidēduþ
	3 л.	nēmun	haihaitun	nasidēdun
Оптитив				
Ед. ч.	1 л.	nēmjau	haihaitjau	nasidēdjau
	2 л.	nēmeis	haihaiteis	nasidēdeis
	3 л.	nēmi	haihaiti	nasidēdi
Дв. ч.	1 л.	nēmeiwa	haihaiteiwa	nasidēdeiwa
	2 л.	nēmeits	haihaiteits	nasidēdeits
Мн. ч.	1 л.	nēmeima	haihaiteima	nasidēdeima
	2 л.	nēmeiþ	haihaiteiþ	nasidēdeiþ
	3 л.	nēmeina	haihaiteina	nasidēdeina

Примечания:

1. Суффикс оптитива прошедшего времени -i- (в орфографии «ei») присоединяется к корню в сильных глаголах и к дентальному суффиксу в слабых глаголах во всех лицах, кроме 1-го л. ед. ч., где слово оканчивается на -jau.

2. Формы двойственного числа глаголов некоторых классов в готских текстах не засвидетельствованы.

Медиопассив

Индикатив					
Ед. ч.	1 л.	nimada	nasjada	salbōda	habada
	2 л.	nimaza	nasjaza	salbōza	habaza
	3 л.	nimada	nasjada	salbōda	habada
Мн. ч.	1—3 лл.	nimanda	nasjanda	salbōnda	habanda

Оптатив

Ед. ч.	1 л.	nimaidau	nasjaidau	salbōdau	habaidau
	2 л.	nimaizau	nasjaizau	salbōzau	habaizau
	3 л.	nimaidau	nasjaidau	salbōdau	habaidau
Мн. ч.	1—3 лл.	nimaindau	nasjaindau	salbōndau	habaindau

Примечания:

1. Готский медиопассив (по происхождению это формы и.-е. медиа, среднего залога, употребляющиеся в готском в значении страдательного залога) имеет только формы индикатива и оптатива настоящего времени.

2. В индикативе личные окончания прибавляются к тематическому гласному.

3. В оптативе окончания прибавляются к суффиксу -ai-.

4. Слабые глаголы IV класса не имеют форм медиопассива.

Императив

Ед. ч.	2 л.	nim	nasei	salbō	habai	fulln
	3 л.	nimadau	nasjadau	salbōdau	habadau	fullnadau
Мн. ч.	1 л.	nimam	nasjam	salbōm	habam	fullnam
	2 л.	nimiþ	nasjiþ	salbōþ	habaiþ	fullniþ
	3 л.	nimandau	nasjandau	salbōndau	habandau	fullnandau

Примечания:

1. Форма 2 л. ед. ч. императива равна чистой основе настоящего времени без личного окончания.

2. Форма 3 л. ед. ч. образована с помощью суффикса -dau.

3. Форма 3 л. мн. ч. образована с помощью суффикса -ndau.

4. Основа 2 л. ед. ч. императива всех слабых глаголов I класса оканчивается на -ei.

5. Форма императива 2 л. дв. ч. омонимична форме 2 л. дв. ч. индикатива (см. с. 105).

Причастие I

nimands   haitans   nasjands   salbōnds   habands   fullnands

Примечание:

Причастие I образуется от основы настоящего времени с помощью суффикса -nd.

Претерито-презентные глаголы

Вследствие того, что претерито-презентные глаголы имеют в настоящем времени огласовку сильного прошедшего, они распределяются по тем же рядам аблаута, что и сильные глаголы.

Наст. ед.	Наст. мн.	Прош. ед.	Прош. мн.	Причастие II
I ряд (класс)				
1. wait 'я знаю'	witun	wissa	wissēdun	—
2. lais 'я знаю'	—	—	—	—
3. áih 'я имею'	aigum	áihta	áihtēdun	—
II класс				
4. daug 'годится'	—	—	—	—
III класс				
5. kann 'я знаю'	kunnun	kunþa	kunþēdun	kunþs
6. þarf 'я нуждаюсь'	þáurbun	þáurfta	—	þáurfts
7. (ga)dazs 'я осмеливаюсь'	(ga)daúrsum	(ga)daúrsta	(ga)daúrstēdun	—
IV класс				
8. man 'я думаю'	munuþ	munda	mundēdun	munds
9. skal 'я должен'	skulun	skulda	skuldēdun	skulds
10. (ga)nah 'достаточно'	—	—	—	(bi)naúht
V класс				
11. mag 'я могу'	magum	mahta	mahtēdun	mahts
VI класс				
12. (ga)mōt 'имеет место'	—	—	(ga)mōstēdun	—
13. ōg 'я боюсь'	—	ōhta	ōhtēdun	—

Примечание:

В глаголах aih—aigum, mag—magum отсутствует чередование гласного в ед. и мн. ч.

Неправильные глаголы

1. Парадигма глагола *wisan* 'быть' строится супплетивно: формы настоящего времени образованы от атематической основы **es-*, остальные формы образованы на базе основы **wes-* (гот. *wis-*).

Настоящее время			
Индикатив			
Ед. ч.	Дв. ч.		Мн. ч.
1 л.	<i>im</i>	<i>siju</i>	<i>sijum</i>
2 л.	<i>is</i>		<i>sijuþ</i>
3 л.	<i>ist</i>		<i>sind</i>
Оптатив			
1 л.	<i>sijau</i>		<i>sijaima</i>
2 л.	<i>sijais</i>		<i>sijaiþ</i>
3 л.	<i>sijai</i>		<i>sijaina</i>
Прошедшее время			
1 л., 3 л.	<i>was</i>		1 л. <i>wēsum</i>
2 л.	<i>wast</i>		2 л. <i>wēsuþ</i>
			3 л. <i>wēsun</i>

2. Глагол *wiljan* 'хотеть' характеризовался тем, что формы оптатива прошедшего времени приобрели значение настоящего времени индикатива:

Ед. ч.	Дв. ч.		Мн. ч.
1 л.	<i>wiljau</i>		<i>wileima</i>
2 л.	<i>wileis</i>	<i>wileits</i>	<i>wileiþ</i>
3 л.	<i>wili</i>		<i>wileina</i>
Прошедшее время			
	<i>wilda</i>		—
Оптатив			
3 л.	<i>wildēdi</i>		2 л. <i>wildēdeiþ</i>

которые были отмечены как общегерманские в §§ 41—54. Поэтому фактами готского языка часто пользуются для иллюстрации общегерманских явлений. «Готский язык есть, так сказать, схематизированный германский язык»¹. Анализ словоизменительных рядов готского языка позволяет сделать вывод, что готский во многом сохраняет древние особенности построения именных и глагольных парадигм. И при этом отмечается их большая регулярность и однотипность. Наиболее полно материал готского языка содержит такие архаичные черты, как:

1) трехморфемная структура слова, четко распознаваемая во многих именных и глагольных словоформах;

2) чередования гласного основы (основообразующего суффикса) по аблауту в падежных формах имени;

3) только готский материал иллюстрирует словоформами такое явление, как редупликация (VII класс сильных глаголов);

4) только в готском проявилась сложная история образования дентального прошедшего;

5) только готский сохранил формы двойственного числа;

6) только готский сохранил синтетические формы залога — медиопассив, восходящий к и.-е. медию.

Вместе с тем в готском языке уже действуют и новые тенденции, характерные для общего направления развития германских языков, такие, как редукция гласных в безударных слогах, замена трехморфемной структуры слова двухморфемной (основа или корень и окончание). В нем также наблюдаются некоторые частные изменения, составляющие специфику готского языка (см. с. 97—99).

Основные типы склонения и спряжения с необходимыми пояснениями представлены в таблицах на с. 100—109.

---

¹ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.-Л., 1938. с. 422.

Глава III. Скандинавские языки

§ 81. Древнескандинавские племена. Когда на территории Скандинавии появились племена, говорившие на германских языках, точно неизвестно. Древнейшие сведения о Скандинавии относятся к первым векам до нашей эры. К этому времени, видимо, уже вся Дания и значительная часть Скандинавского полуострова были заселены германцами. Первое упоминание о скандинавах — рассказ грека Пифея (около 330 г. до н. э.), который приводится у позднейших римских авторов. Сведения о германцах, живших на территории нынешних Скандинавских стран, есть у Плиния Старшего (23—79), Страбона (63 г. до н. э.—20 г. н. э.), Птолемея (2 в. н. э.), Тацита (около 100 г. н. э.), готского историка Иордана (середина 6 в. н. э.) и др. Однако факты, сообщаемые этими историками и географами, довольно скудны и нередко противоречат друг другу, так что воссоздать картину расселения германских племен в начале нашей эры можно только приблизительно. К более поздним источникам относятся написанные по-латыни труды немецкого историка Адама Бременского (ок. 1040 — ок. 1085) и датского историка Саксона Грамматика (ок. 1150 — ок. 1220), автора «Деяний датчан».

Ряд племен, живших первоначально на территории Скандинавии, покидает свою родину и устремляется за тысячи километров в Центральную и Южную Европу.

Так, кимвры и тевтоны, после долгих походов разбитые в 102—101 гг. до н. э. римским полководцем Марием, жили сначала на севере Ютландского полуострова. К югу от кимвров и тевтонов жили юты и англы. Оба племени в 5—6 вв. н. э. переселились на Британские острова; от них пошли названия *Ютландия* и *Англия*. Племенное название данов упоминается лишь в 6 в. греческим историком Прокопием и готским историком Иорданом; его древнеанглийская форма *dene* встречается в «Беовульфе» (8 в.). Современное название Дании — *Danmark* (дисл. *Danmørk*) означает 'пограничная земля данов'; таково было название древней пограничной области на юге Ютландского полуострова. Согласно Иордану, даны пришли из Швеции в 3—4 вв. и поселились на датских островах, изгнав живших там герулов, и в Ютландии. Герулы ушли в Центральную Европу, но в 6 в. вернулись на юг Швеции. На острове Зеландия, очевидно, жило племя синлингов, от самоназвания которых произошло название *Зеландия* (дат. *Sjælland*, ддат. *Selund*). Далее, в Ютландии жили харуды; это же название мы находим позднее в Западной Норвегии, в области, носящей и поныне название *Хордаланн* (*Hordaland*, днорв. *Hordaland*).

На острове Борнхольм первоначально жили бургунды (*Bornholm* <ддат. *Burghændæholm*, т. е. остров бургундов), которые ушли к устью Вислы и впоследствии, в 5 в., основали в Западной Европе Бургундское королевство.

На территории Норвегии также жил ряд германских племен. Характерно, что племенных переселений из этой области не происходило. Южнее упомянутых выше харудов жили ругии, отсюда название

Ругаланн (Rogaland). Еще южнее была область аугандиев (днорв. *egðir*, ср. название *Agder* на юге Норвегии). Из других племен, живших на территории Норвегии, назовем трёндов (откуда название области *Трёнделаг* и города *Тронхейм*).

Название *Норвегия* (норв. *Norge*), видимо, возникло позже. Древнейшие формы этого названия мы находим в источниках 9 в. н. э. Эти формы представляют собою искаженное *Norðvegr, т. е. 'северный путь, северная местность'. Судя по значению (и по источникам, в которых это название встречается), оно возникло в местах, расположенных южнее, у гаутов или данов, и первоначально, вероятно, обозначало морской путь вдоль побережья Норвегии, а затем было распространено на области, прилегающие к побережью.

В нынешней Центральной Швеции жило крупное племя свионов, или свеев, которых впервые упоминает Тацит. Этимология этого слова точно не установлена; возможно, в нем представлен тот же корень, что и в русск. *свой*. От их названия произошло слово *Sverige Швеция* (<дшв. *Svearíke* 'государство свеев'). Юго-западнее свионов жили гауты, или гёты, название которых сохранилось в названиях современных шведских провинций (ленов) *Вестергётланд* (*Västergötland*) и *Эстергётланд* (*Östergötland*), а также в названии реки Ёта-Эльв (*Göta älv*). В этимологическом родстве с племенным названием гаутов, видимо, находится название готв. Около 100 г. готы уже жили вне пределов Скандинавии, по нижнему течению Вислы, куда они пришли, по их сказаниям, записанным Иорданом, с острова Скандза (*Scandza*), т. е. из Скандинавии. Скорее всего они вышли с острова Готланд. Вследствии готы переселились в Южную Европу (см. § 73).

Название *Скандинавия* (*Scandinavia* из более старого — у Плиния — *Scadinavia*) — латинизированная форма германского названия, которое сохранилось в современном названии области *Сконе* (*Skåne* в Южной Швеции; ср. дисл. *Skåney*). Первый член этого сложного существительного, видимо, праскандинавское *skadīn 'вред, опасность', второй — праскандинавское *aujō 'остров' (ср. дисл. *ey*). Таким образом, слово, очевидно, значило 'опасный остров'. (Создавшие его не знали о том, что Скандинавия полуостров.) У ряда авторов (Плиния и др.) встречается и краткая форма этого названия — *Scandia* (<*Skaðnia); ср. *Scandza* у Иордана; отсюда, по преданию, произошли готы.

В первые века нашей эры скандинавские племена жили в условиях первобытно-общинного строя. Матриархат к этому времени сменился патриархатом, но ряд его пережитков еще сохранялся. Основным занятием населения было скотоводство и земледелие. Земля была собственностью общины, и обработка ее велась, видимо, большой патриархальной семьей. Мореплавание было развито в Скандинавии задолго до нашей эры: наскальные изображения судов, которые сохранились в ряде мест в Скандинавии и возраст которых насчитывает около трех тысячелетий, по своим контурам поразительно сходны с формой кораблей эпохи викингов (см. ниже).

Как и у других германских племен, общественное устройство у древних скандинавов представляло собою «военную демократию» (Эн-

гельс). Народное собрание (тинг) было органом высшей власти; в нем участвовали все взрослые мужчины. Тинг избирал племенных старейшин и вождя (конунга). Постепенно стала выделяться родовая знать, вожди и старейшины начали выбираться из ее состава. Со временем власть старейшин и вождей становится наследственной. Вожди собирают вокруг себя постоянные дружины; война становится источником обогащения, промыслом.

В ряде мест начинают складываться племенные союзы, объединяющие мелкие разрозненные племена. Такими объединениями племен, видимо, были даны, которых упоминает Иордан, и свионы. Процесс этот шел неравномерно.

Уже в первые века нашей эры у скандинавских племен были интенсивные торговые связи с Римской империей. Один из торговых путей из Скандинавии в Рим пролегал через остров Готланд, по Балтийскому морю и по Висле, другой — через южную Ютландию, вдоль побережья Северного моря и вверх по Рейну. Позднее (в 7—8 вв.) усилились торговые связи скандинавских племен с германскими племенами, жившими на континенте (особенно с франками); в 6—8 вв. существовали оживленные связи с фризами.

§ 82. Эпоха викингов. Период истории Скандинавских стран с конца 8 в. приблизительно до середины 11 в. носит название «эпохи викингов». Эта эпоха характеризуется двумя основными признаками: разложением родового строя, приведшим к образованию государств, и мощной и широкой экспансией скандинавов.

Походы викингов, наводивших в течение более чем двух с половиной веков ужас на население прибрежных районов Европы, привели к захвату скандинавами ряда территорий и образованию нескольких государств за пределами Скандинавии.

Походы викингов начались в самом конце 8 в. Началом их считается нападение морских разбойников из Скандинавии на английский монастырь на острове Линдисфарн в 793 г. Вскоре таким же набегам подвергаются многие районы Англии, Шотландии, Ирландии, Уэльса. Викинги, известные в Западной Европе под названием норманнов (<днорв. погѣтадг 'северный человек'), устремляются также на побережье Балтийского моря, на берега Франции и других континентальных стран. Местами их нападений становится вся Европа — от Белого моря до Сицилии. Викинги колонизируют Оркнейские, Гебридские и Шетландские, а затем Фарерские острова. В период между 874 и 930 гг. выходцы из Скандинавии заселяют все побережье Исландии, а позже основывают поселения и в Гренландии. Около 1000 г., почти за полтысячелетия до Колумба, они, видимо, достигают побережья Северной Америки. В конце 9 в. английскому королю Альфреду приходится отдать викингам северо-восточную часть страны; эта область получила название *Данелаг* 'область датского права' (в Англии викингов называли данами). В 911 г. норманны, предводительствуемые Хрольвом (Роллоном), захватили область на северном побережье Франции и вынудили французского короля Карла Простоватого уступить ее им. Так возникло герцогство Нормандия. Скандинавы быстро ассимилиро-

вались, и уже полтора века спустя (1066 г.) они пришли в Англию как носители французского языка и французской культуры. Викинги совершали набеги также на побережье Испании и южной Италии. Нормандцы (т. е. потомки поселившихся в Нормандии скандинавов) захватили в 11 в. Сицилию и Южную Италию, основав там свое королевство.

Норманны были главным образом выходцами из Норвегии и Дании. Викинги, устремившиеся из Швеции в Восточную Европу, известны там под названием варягов. Слово *варяг* принято связывать с днорв. *vágar* 'клятва, обет' и *ganga* 'идти'.

На Руси варяги появляются в 9 в. Это были морские разбойники, торговцы («гости») и воины-наемники. Легенда об основании варягами Русского государства (так называемая «норманнская теория») находится в противоречии с историческими фактами. Дело в том, что в рассматриваемый период Русь находилась на более высокой ступени исторического развития: здесь уже существовали города, а в Скандинавии они возникли позднее (Русь называлась скандинавами также *Garðaríki* 'страна городов'); на Руси раньше начали складываться феодальные отношения; христианизация Руси произошла раньше, чем христианизация Скандинавских стран.

По системе речных путей, связывавшей Балтийское море с Черным и известной под названием «путь из варяг в греки», викинги добирались до Константинополя (Царьграда, дисл. *Miklagarðr* 'Большой город'). Здесь они нередко поступали наемниками к византийским царям.

Набеги викингов на Финляндию привели к образованию здесь шведских поселений.

В середине 11 в. походы викингов прекращаются.

§ 83. Причины и последствия походов викингов. Основную причину походов викингов современные историки видят в том, что в Скандинавских странах не хватало земли, пригодной для земледелия и скотоводства. Не случайно, что параллельно с внешней экспансией скандинавов происходит внутренняя колонизация, освоение земель в глубинных районах Скандинавии. Историк Адам Бременский писал, что норвежцев толкает на морской разбой бедность их родины

Развитие торговли, приведшее скандинавов в соприкосновение с другими народами, особенно с народами, опередившими их в экономическом и культурном развитии, стимулировало походы в дальние страны. Необходимой предпосылкой этих дальних морских походов была длительная история мореплавания и судостроения в Скандинавии.

Помимо чисто экономических причин, походы викингов были обусловлены причинами социальными и политическими. Усиливается начавшееся еще до эпохи викингов разложение родового строя, которое сопровождается появлением родовой знати. Конунги, жаждущие обогащения и укрепления своей власти, собирают вокруг себя сильные, преданные им дружины. Страны, на которые они совершали нападения, были слабы политически, в них часто царили междоусобицы, и поэтому они становились легкой добычей викингов. В это время в Сканди-

навских странах начинает складываться централизованная королевская власть. Так, в Норвегии в конце 9 в. происходит объединение страны под властью Харальда Прекрасноволосого. Те, кто не желал подчиниться королю, предпочитали покинуть родину и отправиться на чужбину.

Походы викингов принимали различную форму. Как мы видели очень часто это были пиратские нападения, когда вырезалась значительная часть населения, захватывалась добыча и уводились в рабство пленные. Нередко, с другой стороны, это были торговые путешествия, которые могли и не сопровождаться разбоем. Викинги часто селились в захваченных ими местах, причем колонизация могла быть мирной (как, например, в Исландии), но могла и сопровождаться завоеваниями. Нередко в одном походе могли сочетаться и разбой, и торговля, и колонизация.

Слово *викинг* (днорв. *vikingr*) не получило в науке бесспорного толкования. Его связывают и со словом *vík* 'бухта, залив' (т. е. 'скрывающийся в бухтах') и с собственным именем *Vík*, названием области, прилегающей к Осло-фьорду. Связывают слово *vikingr* также с глаголом *víkja* 'поворачивать', 'отклоняться' и толкуют значение как 'человек, покинувший дом, уплывший вдаль от родины'. Против каждого из этих объяснений можно выдвинуть серьезные возражения, так что этимология слова остается неясной.

Походы викингов в разных местах имели разные последствия. Там, где местное население стояло на более высокой ступени культуры и было многочисленным, викинги быстро ассимилировались (так было, например, в Нормандии). Напротив, колонизируя пустынные земли, скандинавы создавали поселения, где сохранялись их язык и культура. Самое яркое тому свидетельство — Фарерские острова и Исландия. Во многих колонизованных в эпоху викингов областях скандинавская речь сохранялась в течение длительного времени — в северо-восточной Англии до конца 11 в., в Ирландии до середины 13 в., на Гебридских островах до 14 в., на Оркнейских островах до конца 17 в., а на Шетландских островах и на острове Мэн даже до середины 18 в. До середины 15 в. существовали скандинавские поселения в Гренландии.

В вопросе о характере и месте поселения скандинавов в Северной Америке много неясного. Неясно, где находился Винланд (так назвал новую страну ее первооткрыватель Лейф Счастливый, сын гренландского первопоселенца Эйрика Рыжего). Ряд ученых склоняется к тому, что скандинавы высадились на побережье Ньюфаундленда. Произведенные раскопки в общем подтверждают такое предположение, но археологические данные допускают и иную интерпретацию. Если, тем не менее, признать правильность указанного предположения, остается неясным, сколько времени просуществовало поселение скандинавов в Ньюфаундленде.

Осенью 1965 г. в Йельском университете (США) была опубликована географическая карта примерно 1440 г., являющаяся копией более древней карты. На этой карте, созданной за полвека до плавания Колумба, обозначен остров Винланд (точнее, *Vinland*). Однако под-

линность этой карты (или подлинность нанесения на нее Винланда) вызывает у многих ученых обоснованные сомнения.

В эпоху викингов складываются древние скандинавские государства. Объединение Норвегии, как уже упоминалось, связывается с именем Харальда Прекрасноволосого (ок. 860—ок. 940). Созданию государства обычно сопутствовала христианизация; в Норвегии она завершилась в начале 11 в. Первое объединение Дании, правда, непрочное, произошло при короле Годфреде (до 800 г.). Единое датское государство было создано позднее, при Горме Старом (ум. около 940 г.). Сын его, Харальд Синезубый, крестился в 960 г. Создание государства в Швеции произошло много позднее. Христианизация Швеции также завершилась позднее, чем в Дании и Норвегии; это произошло в 12 в.

Христианская религия — орудие королевской власти — преследовала в континентальных скандинавских странах языческую культуру. В Исландии же христианство не было силой, при помощи которой феодализм старался укрепить свою власть: в силу особых исторических условий христианство в Исландии было принято мирно — решением альтинга в 1000 г.; при этом в быту разрешалось сохранять верность языческим богам. По этой причине основные памятники культуры эпохи викингов — древнескандинавские мифы и героические сказания, равно как и поэзия скальдов — сохранились полнее всего в Исландии, правда, в поздних записях 13 в. О них рассказывается в разделе, посвященном исландскому языку (см. § 89).

§ 84. Язык надписей старшими рунами. Еще в эпоху викингов различия между скандинавскими языками были очень невелики, и жители всех Скандинавских стран считали свой язык единым. Они называли его *ḍonsk tunga*, т. е. 'датский язык'. Можно говорить об общескандинавском языке-основе в период, предшествующий эпохе викингов.

Есть несколько источников знаний о скандинавском языке-основе. Это отдельные скандинавские имена и слова у античных авторов (ср. лат. *Scandinavia*, *sviones*), заимствования в финском языке и языке саами и рунические надписи.

Скандинавские заимствования в финском, относящиеся к первым векам нашей эры, а, возможно, и к еще более раннему периоду, обнаруживают ряд весьма архаичных черт, сообщающих нам важные сведения о скандинавском языке-основе. В них, в частности, сохраняется основообразующий гласный (см. § 41), наличествует начальный *j*, отпавший в скандинавском языке-основе еще в 7 в. (ср. фин. *juusto* 'сыр' — дисл. *ostr*, фин. *jukko* 'иго' — дисл. *ok*) и т. д.

Важнейшим же источником, по которому можно судить о скандинавском языке-основе, являются рунические надписи.

Рунические надписи Скандинавии делятся на две основные группы — на надписи так называемыми старшими рунами и надписи так называемыми младшими рунами.

Старшие руны — алфавит, общий для всех древних германцев, и о нем уже говорилось в главе об истории германской письменности

(см. § 12). Ниже будут сообщены некоторые подробности, касающиеся надписей старшими рунами в Скандинавии.

Наиболее древней из скандинавских считается надпись на конечном копье из Эвре Стабю, датируемая 3 в., самой поздней — надпись на камне из Эггьюма, которую относят к 7—9 вв. Всего в Скандинавии найдено более ста надписей старшими рунами (из общего числа 150); все они обнаружены в южной половине Скандинавии.

Найденные в Скандинавии надписи чаще всего выполнены на камнях (особенно на стоящих вертикально надгробных камнях или на надгробных плитах) или на украшениях, в частности на брактеатах, на оружии, амулетах и т. п. Обычно надписи очень короткие, многие состоят всего из одного слова.

Наиболее характерную черту языка надписей старшими рунами можно проиллюстрировать на примере одной из самых известных из них — надписи 5 в. на золотом роге из Галлехуса (Южная Ютландия): **ek HlewagastiR HoltijaR horna tawido**¹ 'я, Хлевагастир из (рода?) Хольта (сын Хольта?), рог сделал'. Обращает на себя внимание сохранность основообразующих гласных: -i- в -gastiR, -a- в horna и др. Эта черта утрачивается уже в 6—8 вв. (ср. дисл. gestr, horn).

Возможно, что уже в то время существовали некоторые различия между племенными диалектами, но скудость материала не позволяет сделать обоснованные выводы. Кроме того, магический характер рунического письма делал норму консервативной, не допускал отклонений.

§ 85. Язык надписей младшими рунами. Языковые источники эпохи викингов несколько богаче источников предшествующей эпохи, хотя и неамного.

Отдельные скандинавские имена встречаются в некоторых европейских памятниках 9—11 вв. (в частности в рассказе Оттара (Охтере), записанном английским королем Альфредом около 900 г.). Ряд скандинавских личных имен представлен в древнерусских летописях (Руар, Гунастр, Рогволод и др.). В английском языке сохранилось много скандинавских заимствований, восходящих в той эпохе: egg 'яйцо', take 'брать', sky 'небо', law 'закон', husband 'муж', call 'звать' и др. (ср. § 124). Много топонимов скандинавского происхождения есть в Нормандии и северо-восточных районах Англии.

Однако главный источник знаний о языке эпохи викингов — надписи «младшими» рунами. Этот рунический алфавит пришел на смену «старшим» рунам в 9 в. У младшего рунического алфавита было два варианта — «норвежско-шведский» (в Норвегии и Швеции до конца 10 в.) и «датский», распространившийся сначала в Дании, а с конца 10 в. по всей Скандинавии. В отличие от старшего футарка, содержавшего 24 руны, младший рунический алфавит насчитывает всего 16

¹ В самом тексте все слова написаны слитно, и, разумеется, нет деления букв на прописные и строчные. Тексты рунических надписей в лингвистических работах принято воспроизводить полужирным шрифтом.

знаков. Таким образом, младший рунический алфавит менее точно, нежели старший, передает звуковой состав языка. В частности, одной и той же руной передаются глухие и звонкие (k и g, t и d и др.), перегласованные и неперегласованные гласные (a и æ, o и ø, u и y и др.) и т. д. Причины такого упрощения алфавита остаются неясными. Вместе с тем в надписях младшими рунами различались г и R (<z).

Всего надписей младшими рунами найдено около четырех тысяч. Основная масса их обнаружена в Швеции — около 2500, около 400 в Дании (в это число входят надписи в Южной Швеции, принадлежавшей тогда Дании), около 900 в Норвегии и около 150 в ее островных владениях (из них 45 в Исландии). Самая длинная надпись младшими рунами — на надгробном камне из Ре́ка (Эстергётланд, Центральная Швеция) — восходит к 9 в. и насчитывает 762 руны (часть из них стар-

Норвежско-шведские
руны

Датские руны

шие). Надписи младшими рунами, как и надписи старшими рунами, обычно очень краткие; они выполнены большей частью на могильных камнях.

«Датские» руны, распространившиеся, как упоминалось выше, в конце 10 в. по всей Скандинавии, легли в основу так называемых пунктированных рун. Последние насчитывали уже большее количество знаков за счет того, что некоторые руны получили дополнительные точки. Руна с точкой (пунктированная) имеет значение, отличное от руны без точки: при помощи этих дополнительных значков различались, например, глухие и звонкие согласные. Пунктированные руны использовались даже в рукописях (в 13 в., см. § 101), но к этому времени уже распространилось латинское письмо, и пунктированные руны утратили свое значение.

С латинским письмом скандинавы впервые познакомились во времена походов викингов. В Англии они видели, как оно используется для записи германской речи. Возможно, что латинское письмо пришло в Скандинавию именно оттуда. Бесспорно, что латинский алфавит начинает применяться в Скандинавии с приходом христианства. В Норвегии и Исландии это происходит приблизительно во второй половине 11 в., в Дании и Швеции несколько позже. Но древнейшие дошедшие до нас норвежские рукописи датируются серединой 12 в.; это отрывки законов, земельных книг и религиозных текстов. Приблизительно к этому же времени относятся и самые старые из сохранившихся исландских рукописей. Древнейшая дошедшая до нас шведская рукопись (отрывок «Вестгётского права») датируется серединой 13 в., а датская (рукопись «Сконского права», написанная пунктированными рунами) — концом 13 в.

Начинают складываться формы письменных языков Скандинавских стран.

§ 86. Языковое развитие до 11—12 вв. За почти тысячелетний период, от первых рунических надписей до древнейших рукописей, скандинавский язык-основа претерпел ряд существенных изменений, и из него постепенно развились языки скандинавских народностей — древне-норвежский, древнеисландский, древнедатский и древнешведский.

Как уже говорилось, в языке древнейших рунических надписей сохранялись германские основообразующие суффиксы (**HlewagastiR**, **hornn**). В 6—8 вв. эти безударные гласные подвергаются редукции (ср. дисл. *gestr*, *horn*; ср. далее вин. п. ед. ч. *sunu* 'сына' — дисл. *son*).

С редукцией гласных связано возникновение явления, специфического для скандинавских языков — словесного тонического ударения, так называемого первого тона, или простого ударения, в односложных словах и так называемого второго тона, или сложного ударения, в двух- и многосложных словах. Это ударение сохранилось в норвежском и шведском (см. §§ 99, 105), а также в некоторых датских диалектах. В датском языке, некогда имевшем тоническое ударение, на смену ему пришел так называемый толчок (*stød*), в общем, присутствующий там, где в норвежском и шведском употребляется первый тон (см. § 101). Как тоны, так и толчок выполняют смыслоразличительную функцию: ср. норв. *ërter* 'горох' и *ërter* 'дразнит', дат. *hund* [hun] 'собака' и *hun* [hun] 'она'.

В 6—8 вв. возникает ряд перегласовок. Явление перегласовки (умлаута) состоит в том, что гласный ударного слога под влиянием последующего безударного гласного приближается к нему по артикуляции. Затем эти новые оттенки ударного гласного фонематизируются, т. е. превращаются в фонемы. Гласный, вызвавший перегласовку, во многих случаях отпадал, а перегласованный гласный брал на себя различительную функцию.

Древнейшей из перегласовок была перегласовка на а, состоявшая в переходе *u > o* под влиянием безударного а. Форма **hornn** 'рог', известная нам по надписи на роге из Галлехуса (5 в.), восходит к *hurnn. Эта перегласовка широко представлена в причастиях II, где суффиксом ранее было -*an*-, например: дисл. *stolinn* 'украденный' < *stulanaR, ср. гот. *stulans*.

Важнейшей была перегласовка на *i*, или палатальная перегласовка. В этом случае *e* переходило в *i*, а гласные заднего ряда *a*, *á*, *o*, *ó*, *u*, *ú*, *au* — в гласные переднего ряда *æ*, *ǣ*, *ø*, *ó*, *y*, *ý*, *eu*. Ср., например, дисл. *vinr* < *wenir и лат. *venus* 'любовь', рун. **-gastiR** и дисл. *gestr* 'гость', рун. **ǫAriutiþ** 'ломает' и дисл. *brýtr* и т. д.

Перегласовка на *-u* состояла в переходе *a > o* под влиянием последующего *u* (заударное *a* переходило в этом случае в *u*): ср., например, рун. **laþu** 'приглашение' и дисл. *loð*.

Преломлением называются переходы *e > ja* (под влиянием последующего *a*) и *e > jo* (под влиянием последующего *u*): ср. дисл. *hjalmr* (< *helmaR) 'шлем' и нем. *Helm*; дисл. *jaþn* и нем. *eben*; дисл. *mjoðr* (< *meðuR) 'мед (напиток)' и нем. *Met*.

Еще в 7 в. в скандинавском языке-основе отпал начальный сонант *j* (ср. дисл. *ág* 'год' и гот. *jēr*, нем. *Jahr*, англ. *year*; дисл. *ok* 'ярмо' — гот. *juk*, нем. *Joch*, англ. *yoke*). Поэтому во всех скандинавских языках начальный *j* — результат преломления (ср. дисл. *jǫrð* 'земля', исл. *jörð*, норв., шв., дат. *jord*, фар. *jörð* и нем. *Erde*, нид. *aarde*, англ. *earth*). Кроме того, начальный сонант *j*, естественно, возможен в заимствованных словах, а также частицах.

Начальный сонант *w* отпал перед губными гласными и перед согласными (перед *g* только в Исландии и части Норвегии): ср. дисл. *ulfr* 'волк' и нем. *Wolf*, англ. *wolf*; дисл. *ogð* 'слово' и нем. *Wort*, англ. *word*; дисл. *reiðr* 'разгневанный' и да. *wrād*, дат. *vred*.

Уже в скандинавском языке-основе отпало конечное *-n*: ср. дисл. *gefa* и гот. *giban*; дисл. *tungu* — вин. п. ед. ч. от *tunga* 'язык' и гот. *tuggōn*; дисл. *í* 'в' и гот. *in*.

В скандинавском языке-основе произошла гуттурализация, т. е. переходы *ww* > *ggw* (ср. дисл. *hǫggva* 'рубить' и двн. *houwan*, нвн. *hauen*) и *jj* > *ggj* (ср. дисл. *tveggja* 'двух' и двн. *zweio*, нвн. *zweier*). Аналогичные процессы имели место в готском (где *jj* дало *ddj*); они описываются так называемым законом Хольцмана (§ 58).

Имели место разнообразные ассимиляции, например: *pk* > *kk*, *nt* > *tt*, *mp* > *pp*, *sR* > *ss*, *pR* > *nn* и другие. Ср. дисл. *drekka* и гот. *drigkan* 'пить'; дисл. *batt* — прош. вр. от *binda* 'вязать'; дисл. *lauss* 'свободный' и рун. *-lausR*; дисл. *steinn* 'камень' и рун. *stainaR*.

Специфической особенностью скандинавских языков является возвратная форма глагола, возникшая в результате суффиксации возвратного местоимения *sik* (в дисл. в 1 л. ед. ч. *mik* 'меня'): ср. дисл. *kal-lask* 'называться' из *kalla* + *sik*. В норвежском, датском и шведском впоследствии *-sk* перешло в *-s*, в исландском, фарерском и «новонорвежском» — в *-st*.

Наконец, общескандинавской языковой особенностью, которая только начала складываться до появления языков скандинавских народностей, является суффицированный определенный артикль. Он возник из постпозитивного указательного местоимения *hinn*: ср. дисл. м. р. *steinninn* 'камень' (*steinn* + *inn*), ж. р. *víkin* 'бухта' (*vík* + *in*), ср. р. *barnit* 'ребенок' (*barn* + *it*). Суффицированный артикль вообще представлен в ряде языков: ср. болгарск. *студентът*, *жената*, *селото*, румынск. *barbatul* 'мужчина' (*barbat* + *ul*); то же наблюдается в некоторых русских говорах: *человек-от*, *изба-та*, *село-то*. Становление этой грамматической категории завершилось позднее, уже в языках скандинавских народностей; в древнейшей поэзии артикль почти не представлен.

Все перечисленные процессы протекали в основном в 6—10 вв.

Ряд изменений произошел в скандинавских языках уже после этого периода, т. е. после того как скандинавский язык-основа окончательно распался на отдельные диалекты, развившиеся впоследствии в языки скандинавских народностей. Отметим наиболее существенные из них.

Скандинавский язык-основа различал две фонемы — *g* и *R*. Последняя развилась из звонкого щелевого *z*; переход *z* > *R* носит

название ротацизма (см. § 67). Ср. гот. *dags* (<*dagaz) 'день' и рун. *DagaR*, гот. *maiza* 'больше' и дисл. *meig*. В 9—12 вв. во всей Скандинавии фонемы *g* и *R* сливаются в одну.

Общескандинавским явлением была лабиализация (огубление) исторически долгого *a*, т. е. его переход в *o*; сначала эта фонема в шведском, датском и норвежском обозначалась как *aa*, затем как *å*; ср. дисл. *sá* 'сеять' и норв., шв., дат. *så*. В исландском долгое *a* перешло в дифтонг [au], в фарерском — в дифтонг [ɔa].

В скандинавском языке-основе были возможны разные типы ударных слогов: краткие, длинные и сверхдлинные. Краткий слог состоял из краткого гласного и краткого согласного. Долгий слог образовывался кратким гласным и долгим согласным (либо группой согласных) или же долгим гласным (и кратким согласным). Сверхдолгий слог состоял из долгого гласного и долгого согласного (либо группы согласных). В древненорвежском и древнешведском постепенно установилось так называемое слоговое равновесие: все слоги оказались долгими. Это произошло вследствие того, что краткие гласные либо — реже — краткие согласные в кратких слогах подверглись удлинению (ср. днорв. *fara* ['fara] 'ехать' и ннорв. *fare* ['fa:rə], днорв. *koma* ['kɔma] 'приходить' и ннорв. *komme* ['kɔm:ə], а длинные гласные в сверхдолгих сократились (ср. днорв. *átta* ['a:t: a] 'восемь' и ннорв. *átte* ['ɔt:ə]). В древнедатском также имело место удлинение краткого гласного в кратком слоге, но позднее произошло сокращение долгих согласных, так что слоговое равновесие в датском не установилось; в нем оказались возможными как длинные, так и краткие слоги; ср. *læge* ['lɛ:ɣə] 'врач' и *lægge* ['lɛgə] 'класть'; *ile* ['i:lə] 'спешить' и *ilde* ['ilə] 'плохо'.

§ 87. Классификация скандинавских языков. Скандинавские языки принято делить на западные и восточные. К западным относят исландский, фарерский и «новонорвежский» (см. § 97), к восточным — шведский и датский. Букмол (вариант норвежского языка, см. § 97) обнаруживает ряд черт, характерных для восточноскандинавских языков, но также и некоторые черты, свойственные западным, т. е. не может быть однозначно отнесен ни к одной из этих групп.

Рассмотрим основные различия между восточноскандинавскими и западноскандинавскими языками.

1) В восточноскандинавских языках произошла монофтонгизация древних дифтонгов: ср. исл. *steinn* и дат., шв. *sten* 'камень'; исл. *euga* и дат. *øge*, шв. *öga* 'ухо'; исл. *auga* и дат. *øje* (из ддат. *øghe*), шв. *öga* 'глаз'; ср. также «новонорв.» *haust* 'осень', *heil* 'целый', *høye* 'слышать' и букмол *høst*, *hel*, *høge* (но факультативно также *haust*, *heil*). В Дании стяжение дифтонгов произошло в 10 в., в Швеции позднее.

2) В восточноскандинавских языках имела место так называемая «прогрессивная перегласовка на *j*», т. е. переход *ja* > *jæ* или *jä* (> *je*) и *jo* > *jø* или *jö*: ср. исл. *hjálpa* и дат. *hjælpe*, шв. *hjälpa* 'помогать'; исл. *hjarta* и дат. *hjerter*, шв. *hjärta* 'сердце'; дшв. *biörn* и шв. *björn* 'медведь'.

3) Преломление $e > ja, jø$ (см. § 86) представлено в восточно-скандинавских языках шире, чем в западноскандинавских; ср. дисл. ek и дат. jeg , шв. jag 'я'; исл. $stela$ и дат. $stjæle$, шв. $stjälä$ 'красть'.

4) В восточноскандинавских языках в определенных позициях появились вставные d и b . Это явление потом было в основном устранено, но в датской орфографии неизменяемое d во многих случаях сохраняется до сих пор: ср. $mand$ [man'] 'человек', $vinde$ [$'venə$] 'выигрывать', $kalde$ [$'kalə$] 'звать' и др.

5) Как уже отмечалось выше, v отпало перед g в западноскандинавских языках (в норвежских диалектах непоследовательно): ср. дисл. $gangr$ 'неправильный' и дат. $vngang$, шв. $vång$.

6) Перегласовки разного рода, в большей степени представлены в западноскандинавских языках. Это произошло оттого, что на западе перегласовки осуществлялись последовательнее, и, кроме того, в восточноскандинавских языках многие перегласованные формы устранялись из парадигм в результате выравнивания по аналогии. Так, в частности, в исландском и фарерском сильный глагол имеет в ед. ч. (в «новонорвежском» во всех формах) презенса перегласовку на $-i$, тогда как в датском, шведском и букмоле такая перегласовка в этой глагольной форме отсутствует: ср. исл., фар. $tekur$ (3 л. ед. ч. презенса от $taka$ 'брать'), «новонорв.» tek (от $ta, take$) и дат. $tager$ (от $tage$), шв. tar (от $ta, taga$), букмол tar (от ta). Ср. далее исл. $nöfn$, фар. $nøvn$ (мн. ч. от $nafn, navn$ 'имя') и шв. $pamn$, норв. $pavn$, дат. $pavne$.

7) Возвратные формы в западноскандинавских языках теперь имеют с уффикс $-st$, в восточноскандинавских — $-s$: ср. исл., фар., «новонорв.» $kallast$ 'называться' и дат. $kaldes$, шв. $kallas$, букмол $kalles$.

Деление скандинавских языков на западные и восточные не означает, что они не могут группироваться по другим признакам. Возможны и иные классификации скандинавских языков. Это объясняется тем, что уже после того, как общескандинавский язык-основа разделился на отдельные диалекты, происходили различные процессы, общие для той или иной части скандинавских языков.

С точки зрения структуры слога датский язык, в котором ввиду отсутствия долгих согласных возможны как долгие, так и краткие слоги (см. § 102), противостоит всем другим скандинавским языкам, характеризующимся слоговым равновесием (см. § 86).

Тоническое ударение характерно для норвежского и шведского; толчок, функционально соответствующий первому тону в этих языках, свойствен датскому, тогда как ни в исландском, ни в фарерском этих просодических явлений нет.

Звонкие смычные (b, d, g) отсутствуют в исландском, фарерском и датском, противопоставленных в этом отношении шведскому и норвежскому.

Только в исландском языке сохранилась межзубная щелевая фонема ʃ (с аллофонами [ʃ] и [ʃ̥]): ср. исл. þakka 'благодарить' и норв., дат. takke , шв. tacka , фар. takka .

Чисто шведско-норвежским явлением были переходы $\{o:\} > \{u:\}$

и [u] > [и], [u:] > [и:]¹ (на письме они не отразились): ср. дат. sol [so'l] и норв., шв. sol [su:l] 'солнце'; дат. fuld [ful'] и норв., шв. full [fu:l] 'полный'.

Есть ряд черт, являющихся общими для исландского и фарерского и противопоставляющих их другим скандинавским языкам (диссимиляции, глухие корреляты сонантов и др.).

ИСЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

§ 88. Общие сведения. История. На исландском языке говорит население Исландии, составляющее в настоящее время около 270 тысяч человек. Вне пределов Исландии есть еще небольшие группы исландцев в Канаде и США. По количеству говорящих исландский занимает среди германских языков предпоследнее место (последнее место принадлежит фарерскому языку, см. § 93).

Исландский язык относится к западной подгруппе скандинавских языков. В ближайшем родстве с ним состоит фарерский. Исландский лучше, чем какой бы то ни было другой германский язык, сохранил свою древнюю словоизменительную систему и свой словарный состав. Он всего ближе стоит к скандинавскому языку-основе.

Исландия начала заселяться в конце 9 в., с 874 г., преимущественно выходцами из Западной Норвегии. Заселение в основном завершилось в первой трети 10 в. (около 930 г.). В течение почти четырех веков Исландия была независимой страной. Высшая власть в стране принадлежала альтингу (народному собранию), основанному в 930 г. В 1262 г. Исландия подпадает под власть Норвегии, а в 1380 г., вместе с Норвегией — под власть Дании. Под властью Дании страна остается в течение пяти с половиной веков. В 1918 г. Исландия провозглашается самостоятельным государством, находящимся в личной унии с Данией, и лишь в 1944 г. страна получает полную независимость. Республика Исландия, таким образом, — одно из самых молодых государств современной Европы.

В течение многих веков, с 14 в. по первую половину 19 в., Исландия, будучи фактически датской колонией, находилась в исключительно трудных условиях. Особенно тяжелым был период датской торговой монополии (1602—1787), когда датские купцы беззастенчиво грабили народ. В 1779—1786 гг. из-за землетрясений, извержений вулканов, голода и эпидемий вымерло около 4/5 населения всей страны. Лишь долгая и упорная борьба, начавшаяся в 19 в., принесла стране независимость.

Необходимо отметить, что несмотря на тяжелую и драматическую историю, Исландия уже много веков — страна сплошной грамотности.

Историю исландского языка делят на два периода — древнеисландский (приблизительно до середины 16 в.) и новоисландский, хотя это

¹ Огубленный гласный смешанного ряда верхнего подъема, сходный с огубленным русским [ы], но более закрытый и напряженный.

деление на древний язык и новый еще более условно и спорно, чем в периодизации истории других языков. Дело в том, что исландский язык со времени первых дошедших до нас памятников изменился настолько мало, что современный исландец без труда читает, например, издания саг в средневековой орфографии.

Первые поселенцы в Исландии говорили на западной диалектной разновидности древнорвежского языка. Вообще различия в области языка в пределах всей Скандинавии в то время, как уже говорилось, еще не ощущались, языки всех скандинавских народностей носили тогда и еще долго название «датского языка» (дисл. *ðönsk tunga*). Естественно, что с течением времени язык жителей Исландии стал обнаруживать некоторые отличия от языка жителей Норвегии, но еще в 13—14 вв. язык исландцев и норвежцев носил общее название «северного языка» (*norðrætt mál*). Обозначение «исландский язык» (*íslenskt mál*) возникло только в 15 в. Показательно, что в Норвегии до сих пор принято называть исландский язык древнего периода «древнорвежским» (*gammelnorsk*).

От древнеисландского периода до нас дошло множество памятников. Характерно, что исландские рунические надписи малочисленны (их около 45) и как языковые памятники не имеют большого значения; они относятся к сравнительно позднему периоду (древнейшая из них восходит к началу 13 в.). Напротив, сохранилась очень богатая и самобытная литература, дающая прекрасное представление о языке древней Исландии. Она дошла до нас в форме рукописей, написанных латинским алфавитом.

Латинский алфавит пришел в Исландию, по всей видимости, из Англии в конце 11 в. — начале 12 в. Первые дошедшие до нас рукописи восходят, однако, к более позднему времени — ко второй половине 12 в. Это краткий отрывок из книги проповедей, два отрывка из записи исландских законов — так называемая книга «Серый гусь» («*Grágás*»), опись земель Рейкьяхольтского монастыря и сочинение о церковном календаре. Литературные произведения эпохи расцвета исландской культуры (12—13 вв.) дошли в рукописях не ранее середины 13 в., а многие и в более поздних списках.

§ 89. Древнеисландская литература. Основная масса произведений древнеисландской литературы была записана или написана в 13 в. Среди них выделяются следующие основные жанры.

1. Древние мифологические и героические (так называемые эддические) песни. Эти песни, повествующие о языческих богах и событиях, во многом восходящих к эпохе Великого переселения народов, долго бытовали в устной традиции до того, как они были записаны. Точно определить время и место их возникновения нельзя. Часть из них была создана еще до переселения в Исландию. Эддические песни сохраняют поэтому много языковых особенностей гораздо более древнего периода. Сборник этих песен, найденный лишь в 17 в. (его рукопись, носящая название «*Codex Regius*», т. е. «королевский список», хранилась долгое время в Коро-

левской библиотеке в Копенгагене¹), получил название «Эдды» («песенной Эдды», «поэтической Эдды»). Это название, хотя и ставшее для этих песен традиционным, основано на недоразумении. «Эддой» называлась книга, написанная в 1222—1225 гг. знаменитым исландским историком и поэтом Снорри Стурлусоном. Она представляла собой учебник поэтического искусства и обзор языческой мифологии. Почему сам Снорри назвал свою книгу «Эддой», неясно: все этимологии этого слова спорны². В более позднее время сложилось представление о том, что Снорри основывался в своем сочинении на книге исландского ученого Сэмунда Сигфуссона (Сэмунда Мудрого). Поэтому когда в 1643 г. была найдена древняя рукопись с песнями о богах и героях, авторство ее было приписано Сэмунду, и ее называли «Эддой Сэмунда Мудрого», или «Сэмундовой Эддой». И хотя потом было установлено, что эта рукопись не имеет отношения ни к Сэмунду, ни к «Эдде», название закрепилось; для отличия от снорриевой «Эдды» сборник мифологических и героических песен обычно называют «Старшей Эддой».

Песни «Эдды» — всего их 29 — распадаются на две группы: песни о богах (10) и песни о героях (19).

В первой группе рассказывается о языческих богах древних скандинавов. Верховный бог — Один, он и бог войны, покровительствующий героям, и бог поэзии и мудрости. Обычно его представляли себе одноглазым. Его всегда сопровождают два ворона — Хугин (мысль) и Муни (память). Тор, высокий и сильный, рыжебородый и громкоголосый — бог грома и молнии, но также и бог плодородия, защитник воинов, он помогает бороться со злом, болезнями, колдовством. Он носит с собой каменный молот Мьёлльнир, которым сокрушает великанов, враждебных людям. Противоречив образ бога Локи — коварного и злого (он губит светлого бога Бальдра), но иногда помогающего Тору. Один, Тор и Локи принадлежат к роду богов, именуемому асами. К другому роду богов — к вanam — принадлежат Ньёрд и его дети Фрейр и Фрейя. Фрейр дарует людям мир и богатство, его сестра Фрейя — богиня плодородия и деторождения.

Одна из наиболее известных песен первой группы — «Прорицание вельвы» («Völuspá»). Вельва (прорицательница, колдунья) по просьбе Одина рассказывает о сотворении мира, о первых людях на земле — Аске и Эмбле, о мировом древе ясене Иггдрасиле, о войне асов и ванов. В конце песни рассказывается о гибели богов, о порожденном Локи чудовищном волке Фенрире, который проглотит солнце. Меркнет солнце, земля тонет в море, падают с неба звезды, бушует пламя. Но после гибели мира вновь поднимается из моря зеленеющая земля, все возрождается снова.

¹ Собственно «королевскими списками», или «королевскими кодексами», называются все исландские рукописи, хранящиеся в этой библиотеке; все они имеют номера. Номер королевского списка «Эдды» — 2365.

² Название «Эдда» а) возводят к названию хутора Одди, где воспитывался Снорри; б) считают производным от óðr 'поэзия', т. е. имеющим значение 'поэтика'; в) отождествляют со словом edda, что значит 'прабабка'.

В другой песне — в «Перебранке Локи» («Lokasenna») — злой бог Локи издевается над богами и богинями, поносит их, обвиняет в различных пороках. Существуют различные толкования этой песни.

Среди первой группы эддических песен выделяется песня «Речи высокого» («Hávamál»), самая длинная из них (в ней 164 строфы). В «Речах высокого» (т. е. Одина) сообщается жизненная мудрость, причем даются не идеальные правила человеческого поведения, а поучения вполне практические, отражающие мораль среднего человека, порою даже цинические. Многие из них стали в Исландии пословицами и поговорками. Вот некоторые образцы этих поучений:

- (1) Прежде чем в дом
войдешь, все входы
ты осмотри,
ты огляди, —
ибо как знать,
в этом жилище
недругов нет ли.¹
- (42) Надобно в дружбе
верным быть другу,
одарять за подарки;
смехом на смех
пристойно ответить
и обманом на ложь.
- (6) Умом пред людьми
похваляться не надо —
скрывать его стонт;
если мудрец
будет молчать —
не грозит ему горе,
ибо нет на земле
надежнее друга,
чем мудрость житейская.
- (77) Гибнут стада,
родня умирает,
и смертен ты сам;
но знаю одно,
что вечно бессмертно:
умершего слава.
- (81) День хвали вечером,
жен — на костре,²
меч — после битвы,
дев — после свадьбы,
лед — если выдержит,
пиво — коль выпито.

Героические песни «Эдды» очень архаичны по форме и содержанию. Большинство их южногерманского происхождения. Это песни о Сигурде и Брюнхильд, о Гудрун, жене Сигурда, о Гуннаре и Хёгни, ее братьях, об Атли, ее втором муже и других. Историческая основа этих сказаний та же, что и у немецкого героического эпоса «Песнь о Нибелунгах», а именно события эпохи Великого переселения народов — захват гуннами бургундского королевства на Рейне в 5 в., смерть вождя гуннов Аттилы (Атли) в 453 г. и другие события. Некоторые из героических песен скандинавского происхождения (песни о Хельги).

Для стиля эддических песен, как и для поэзии скальдов, о чем ниже, характерно применение кеннингов. Кеннингом называли перифрастическое (описательное) выражение, которым заменялось в поэзии какое-либо существительное. Например, вместо слова *воин* мог использоваться кеннинг *яшень сражения*, вместо слова *бой* — *тинг* (т. е.

¹ Этот и следующие отрывки цитируются по изданию: Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях. Перевод А. И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М. И. Стеблин-Каменского. М.—Л., 1963.

² На погребальном костре, т. е. после смерти.

веще) *кольчуг* и т. д. Для многих понятий существовало по множеству кеннингов. Эддические кеннинги обычно двучленные и сравнительно несложные (*губитель дерева* — огонь, *дерево битвы* — воин, *дарящий кольца* — конунг, *роса смерти* — кровь и т. п.). Изредка встречаются трехчленные кеннинги (*клен тинга кольчуг* — воин, ср. *тинг кольчуг* — бой, *клен боя* — воин).

Эддические песни сложены аллитерационным стихом, т. е. стихом, где начальный звук слова повторяется в строго определенных местах. Количество слогов в строке могло значительно варьировать, рифм нет. Таким образом, аллитерация — это то, что организует эддический (и вообще древнегерманский) стих. Аллитерацию могли образовывать согласные (*Brunnhildr* — *Viðla dóttir* 'Брюнхильд, дочь Будли') или гласные, любые, причем предпочитались разные гласные (например, *askr* 'ясень' — *Yggdrasill* 'Игтдрасиль'). Большинство песен «Эдды» сложено так называемым «эпическим размером», характерным, с некоторыми отличиями, и для западных германцев. Кроме того, в «Эдде» представлен и так называемый «диалогический», или «гномический», размер; у него более четкое построение строфы. Другие размеры представлены мало.

2. Скальдическая поэзия. Скальдами назывались норвежские и исландские поэты 9—13 вв. До нашего времени их стихи дошли в виде фрагментов в сагах (см. ниже) и в «Младшей Эдде», т. е. только в произведениях древнеисландской литературы. Древнейшие скальды были норвежцами (Браги Боддасон, Тьодольв из Хвнира, Торбьёрн Хорнклови). Всего до нас дошли стихи около 250 скальдов. Скальдические стихи всегда посвящены каким-либо конкретным событиям. Очень распространенный жанр — хвалебная песня в честь конунга (короля) или другого вождя. За эти песни, восхвалявшие конунгов и приносившие им славу, скальды обычно получали вознаграждение: драгоценности, оружие и т. п. Известен был и другой жанр скальдической поэзии — так называемые ниды (дисл. *nið*), т. е. хулительные стихи. Поэзия скальдов — это не поэзия в современном понимании: содержание стихов у скальдов конкретно, лиризм отсутствует. Главным их достоинством считалась сложность и вычурность формы.

Для поэзии скальдов была характерна очень жесткая система правил аллитерации и внутренних рифм, а впоследствии и конечных рифм. Ей было свойственно широкое использование так называемых хейти, т. е. поэтических синонимов. Например, у солнца были следующие хейти: *светило, круг, вечное сияние, пресветлое, лик, дивное колесо, целительный свет, сияние альвов, красное* и др. Кеннинги (см. выше) — неотъемлемый элемент поэзии скальдов. Здесь они представлены гораздо шире, чем в «Старшей Эдде», структура их многообразнее и сложнее. Если в «Эдде», как отмечалось, в основном использовались двучленные кеннинги, то у скальдов встречаются также трех-, четырех- и даже иногда семичленные кеннинги. Понимание их требовало знания мифологии и особенностей скальдической поэзии. Например, у скальда Халлар-Стейнна есть кеннинг *расточитель янтаря холодного луга кабана Виблинди*. Великан Виблинди ловил в море китов, как люди ловят рыбу, поэтому *кабан Виблинди* — кит. *Луг кита* — море, *янтарь моря* — золото, а *расточитель золота* — мужчина. *Лебедь пста*

шип ран — кеннинг вóрона, ибо *шип ран* — меч, *пот меча* — кровь, *лебедь крови* — ворон. Многие понятия имели, естественно, по множеству кеннингов, поскольку именно в создании кеннингов проявлялась индивидуальность скальда (например, *корабль — конь мачты, олень моря, бык штевня* и т. д.). К этому следует прибавить, что порядок слов в скальдических стихах бывал очень причудливым, предложения могли переплетаться друг с другом. Все эти особенности поэзии скальдов делают ее очень трудной для понимания.

Поэтому естественно, что когда поэзия скальдов переводится на другие языки, все ее своеобразие передать невозможно. Однако некоторым переводчикам удается максимально приблизиться к оригиналу:

И ринулась рьяно
В спор секир¹ у Сторда
Рать в пылу сраженья
Храбрых сучьев сечи².
Там метатель змеев
Метели Мист месяца
Балки зыби³ бился
С конунгом бок-о-бок.

(Из драпы — хвалебной песни — о Торальве, сочиненной Тордом, сыном Сьярека. Перевод О. А. Смирницкой.)

Серп в жатве сеч —
Сск вежи с плеч.
А ран рогач
Лил красный плач.
И стали рдяны
От стали лдяной
Доспехи в рьяной
Потехе бранной.

(Из «Выкупа за голову» Эгиля Скаллаgrimссона (сына Грима Лысого). Перевод С. П. Петрова. Здесь впервые применена конечная рифма.)

Самой знаменитой фигурой среди скальдов был исландец Эгиль Скаллаgrimссон, о котором рассказывается в «Саге об Эгиле». Он совершил как викинг ряд походов, был военачальником у английского короля. Эгиль убил сына норвежского короля Эйрика Кровавая секира и, оставляя Норвегию, поставил жердь с лошадиным черепом, на котором вырезал руны — хулительные стихи (такой шест назывался *pidstong*, ср. *pid* 'хулительный стих'), которые должны были вызвать изгнание Эйрика из Норвегии. Впоследствии он попал в руки Эйрика, но откупился от него хвалебной песнью «Выкуп за голову» («*Hofudlausn*»), которую сочинил за одну ночь⁴.

Выше уже упоминалось о «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона, написанной в 1222—1225 гг. Она представляет собою как бы учебник

¹ Спор секир — битва.

² Сучья сечи — мужи.

³ Метатель змеев метели Мист месяца балки зыби — муж, т. е. Торальв. Балка зыби — корабль, месяц корабля — щит, Мист — имя одной из валькирий (дев-воительниц, служительниц Одина, направлявших ход битв и отбиравших в чертог Одина Валгаллу храбрейших из павших воинов), змей битвы — копье. В оригинале это самый длинный из всех скальдических кеннингов.

⁴ «Сага об Эгиле» помещена в сборнике: Исландские саги. Редакция, вступительная статья и примечания М. И. Стеблин-Каменского. М., 1956.

скальдического искусства. «Младшая Эдда» состоит из четырех частей — пролога, «Видения Гюльви», «Языка поэзии» и «Перечня размеров». В «Видении Гюльви» дается обзор древнескандинавской мифологии, источник этой части — в основном песни, известные из «Старшей Эдды». «Язык поэзии» рассказывает мифы о возникновении поэзии и описывает разные хейти и кеннинги, т. е. различные поэтические обозначения и перифразы. В «Перечне размеров» приводятся образцы различных метрических разновидностей стиха (определяемых типом аллитерации и внутренней рифмы) и различные стилистические приемы, составляющие вместе хвалебную песнь. «Младшая Эдда» — выдающееся произведение, знакомящее нас с миром древнескандинавской мифологии и поэзии.

3. Саги. Саги — наиболее значительные произведения древнеисландской литературы, выдающиеся памятники средневековой культуры. Эти прозаические повествования распадаются на четыре основных группы. Во-первых, это «саги об исландцах», или родовые саги. В них рассказывается о людях Исландии, живших в 10—11 вв. Среди них наиболее значительные — «Сага о Ньяле», «Сага об Эгиле», «Сага о людях из Лососьей долины», «Сага о Греттире» и др. Всего «саг об исландцах» около шестидесяти и столько же примерно «рассказов (дословно: «прядей») об исландцах», т. е. саг небольшой длины. Реализм, яркость и драматичность, точный и немногословный стиль, гордые и мужественные герои — все это делает саги произведениями, сохраняющими до наших дней свою литературную ценность. До сих пор «саги об исландцах» — излюбленное чтение исландского народа. Во-вторых, это так называемые королевские саги, исторические рассказы о норвежских королях и Норвегии. Среди королевских саг самое видное место занимает «Круг земной», написанный Снорри Стурлусоном, автором «Младшей Эдды», около 1230 г. В нем рассказывается об истории Норвегии с древнейших времен до конца 12 в. В-третьих, это саги о епископах и саги о вождях, рассказывающие о междоусобицах в Исландии в 12—13 вв., приведших в конечном счете к потере страной независимости. Самая известная из последних — сводная «Сага о Стурлунгах». В-четвертых, так называемые «саги древних времен», действие которых происходит в Скандинавских странах до 9 в. и в которых много фантастических элементов. Некоторые из них основаны на мотивах героического эпоса («Сага о Вельсунгах»). Таковы основные виды древнеисландских саг, но этим их разнообразие не исчерпывается. Есть рыцарские саги и др.

Само слово *сага* (*saga*) того же корня, что и древнеисландский глагол *segja* 'говорить', и означает 'сказанное; рассказ', а также 'история'. Любое повествование, любой рассказ по-исландски до сих пор называется *saga*.

Эддическая поэзия, стихи скальдов, саги — основные жанры богатейшей древнеисландской литературы. Кроме того существовала религиозная литература, научные сочинения (здесь следует особо отметить так называемый «Первый грамматический трактат» неизвестного автора, относящийся к середине 12 в.), переводные рыцарские романы и пр.

Древнеисландские рукописи хранятся в следующих основных собраниях: 1) в Арнамагнеанском собрании Университетской библиоте-

ки в Копенгагене, которое получило название по имени своего создателя исландца Аурни Магнуссона (Ágni Magnússon, 1663—1730), завещавшего собранные им рукописи библиотеке; это самое богатое собрание; 2) в Королевской библиотеке в Копенгагене; 3) в Университетской библиотеке в Упсале (Швеция); 4) в Королевской библиотеке в Стокгольме; 5) в рукописном собрании в Рейкьявике, носящем название «Институт Аурни Магнуссона в Исландии»; основная ценность — «Codex Regius» (CR 2365), см. выше.

§ 90. Фонетика. Как уже говорилось, современный исландский язык очень близок к древнеисландскому, так что для нынешних исландцев не представляет трудностей чтение текстов, написанных или записанных в 13 в. По этой причине нецелесообразно рассматривать порознь древнеисландский и современный исландский.

Основные отличия между древнеисландским и современным исландским лежат в области произношения. Эти различия, за исключением нескольких частных моментов, не нашли отражения в орфографии.

В древнеисландском в ударном слоге были как краткие, так и долгие гласные. Краткость никак не обозначалась, например, в следующих словах гласные краткие: hann 'он', þegar 'тотчас', þar 'там'. Долгота обозначалась знаком ударения (акута), например, ljúga 'лгать', hvítur 'белый', ságt 'раненый'. В древнеисландском были возможны три вида ударных слогов: 1) содержащий краткий гласный и краткий согласный: goð 'бог', lið 'люди' (краткий слог); 2) содержащий долгий гласный (с последующим кратким согласным или без него) или краткий гласный, за которым следует долгий согласный или сочетание согласных: sjá 'видеть', líf 'жизнь', upp 'вверх', tollr 'налог', vandr 'трудный' (долгий слог); 3) содержащий долгий гласный или дифтонг, за которым следует долгий согласный или сочетание согласных: þórr 'Тор', sveinn 'парень', váttr 'свидетель', sánsk 'шведский' (сверхдолгий слог). Таким образом, в древнеисландском (как и в других древнескандинавских языках) ударный слог мог быть кратким, долгим и сверхдолгим.

В современном исландском языке, как во всех современных скандинавских языках (за исключением датского, см. § 102), ударный слог может быть только долгим, т. е. не может быть ни кратким, ни сверхдолгим. Со времени начала исландской письменности в языке значительные изменения произошли именно в этой области. Краткие гласные в кратких слогах (т. е. перед одним согласным) подверглись удлинению: ср. дисл. fara, koma и совр. исл. fara [ˈfa:ra], koma [ˈkʰo:ma]. Древнеисландские долгие (á, é, í, ó и т. д.) превратились в новые фонемы (или сочетания фонем), которые сами — в зависимости от окружения — могут быть и долгими, и краткими. Например, дисл. буква a теперь обозначает дифтонг [au:] или [au]: ср. haug [hau:ɣ] 'высокий', hatt [hauht:] 'высоко', i — закрытое [i:] или [i] в отличие от i — открытого [i:] или [i] и т. д.

Различия в структуре слога и наборе и распределении долгих и кратких гласных — основные моменты, определяющие расхождение

древнеисландской и современной исландской фонетики. Повторяем, это различие, в основном, не нашло отражения в орфографии.

Другие различия в области фонетики менее значительны и касаются отдельных частностей. Можно ограничиться следующими.

1. Произошла делабиализация (утрата губного произношения) $\text{ö} > \text{æ}$ (нисл. [ai]), $\text{ý} > [\text{i}:]$, [i], $\text{y} > [\text{i}:]$, [i] (последние два перехода на письме не отразились): ср. дисл. *dáma* 'судить' > *dæma* [ˈdai:ma]¹, дисл. *zúpa* 'показывать' > [ˈsi:na], дисл. *systir* 'сестра' > [ˈsistir]. Следовательно, пары í и ý , i и y обозначают в современном исландском языке одинаковые фонемы каждая. Ср. аналогичное положение в фарерском (см. § 94).

2. Дисл. ø (а, подвергшееся перегласовке на u , см. ниже) превратилось в ø и совпало с уже существующей фонемой ø (теперь в написании ö): дисл. *lond* 'страны', нисл. *lönd*.

3. Между конечным r (показателем м. р. и — реже — мн. ч.) и согласным основы появляется вставное u : ср. дисл. *sónskgr* 'шведский', *vegr* 'путь' — нисл. *sænskgr*, *vegur*. Это более позднее явление не вызывало перегласовки на u (см. ниже).

4. Одним из отличий древнеисландского от древненорвежского было сохранение начального h перед l , n , r . В современном языке буквосочетания *hl*, *hn*, *hr* обозначают глухие l , n , r ², представляемые в фонетической транскрипции как [l̥], [n̥], [r̥]: ср. совр. *hljóð* [l̥jou:ð] 'звук', *hnífur* [ˈni:vʏr] 'нож', *hringur* [ˈriŋgʏr] 'кольцо'. В современном исландском эти и другие глухие сонанты встречаются и в иных позициях (перед p , t , k), например, *heimta* [ˈheimta] 'требовать', *langt* [lauŋt̥] 'далеко'.

5. Произошел ряд диссимиляций (не отразившихся на письме): ll , rl > [ɖl], [ɖl̥] (дисл. *allr* 'весь' > *allur* [ˈaɖlʏr], дисл. *karl* 'мужчина' > [ka.ɖl̥]), gn и в некоторых позициях pn > [ɖn], [ɖn̥] (дисл. *björn* 'медведь' > *björn* [b̥jœɖn̥], дисл. *steinn* 'камень' > [s̥t̥eiɖn̥]).

Выше был отмечен ряд характерных особенностей современного исландского языка: обязательная долгота (но не сверхдолгота) ударного слога, ряд диссимиляций, глухие корреляты сонантов. Следует отметить еще некоторые. Так, все смычные в исландском глухие, т. е. звуки, обозначаемые буквами b , d , g , являются не звонкими (как, например, в немецком или английском), а слабыми непридыхательными глухими; напротив, буквы p , t , k обозначают, как правило, сильные придыхательные. Первые согласные в словах *gall* 'желчь' и *kall* 'зов' отличаются друг от друга, таким образом, лишь силой артикуляции и отсутствием / наличием придыхания: ср. [g̥aɖl̥] и [k̥^haɖl̥]. Глухость смычных характерна также для фарерского (см. § 94) и датского (см. § 102).

Кроме придыхания у p , t , k , свойственного в общем всем германским языкам, кроме нидерландского (см. § 141) и африкаанс (см. § 145), и называемого также постаспирацией, для исландского

¹ Кружок под буквой (но не а д буквой g) обозначает в транскрипции глухость согласного.

² Получить представление о характере звучания глухих сонантов можно, пронося шепотом соответствующие звонкие сонанты.

языка характерна также так называемая преаспирация, т. е. придыхание перед согласным. Преаспирация имеет место перед исторически долгими глухими смычными, а также в некоторых других позициях: *pótt* [pou^ht:] 'ночь', *skakkur* [ʰsǰa^hk:yr] 'косой', *vatn* [va^htŋ] 'вода'. Она представлена и в фарерском, но там она слабее.

Заднеязычные *k*, *g*, *ng* подвергаются перед гласными переднего ряда палатализации — [kʰ], [gʰ], [ŋʰ]: ср. *gefa* [ʰǰ^he:va] 'давать', *lengi* [ʰleŋ^hǰ^hi] 'долго'.

Исландский язык сохранил древнюю фонему *þ* (с ее звонкой разновидностью [ð]): ср. *þjóð* [þju^hoð] 'народ'. Вариант [þ] встречается только в начале слова, вариант [ð] — в середине или в конце.

Ударение в современном исландском языке во всех без исключения словах падает на первый слог. В этом отношении исландский занимает совершенно особое положение среди германских языков. Это правило распространяется без исключений и на заимствованные слова: ср. *prófessor* [ˈprou :fesɔr] 'профессор', *sósfalisti* [ˈsou:sijalisti] 'социалист'.

Очень важной особенностью исландского языка, как в его древний период, так и в современный, является отсутствие редукации гласных. В безударных слогах могут встречаться гласные *a*, *i*, *u* [y]. (Характерно, что редуцированный звук [ə], представленный во всех западногерманских языках и большей части скандинавских, отсутствует в исландском, как, впрочем, и в фарерском.) Это обстоятельство весьма существенно: благодаря ему набор возможных грамматических показателей в исландском очень богат. Если, скажем, в немецком с согласным *g* сейчас есть только окончание *-er* [-эґ], то в исландском может быть и *-ar* (*steinar* 'камни'), и *-ir* (*firðir* 'фьорды'), и *-ur* (*víkur* 'заливы').

Для древнеисландского были характерны различные чередования как гласных, так и — в меньшей степени — согласных, сохранившиеся и в современном языке.

Аблаут, или спонтанное чередование гласных, представлен наиболее четко в рядах сильных глаголов. Кроме того, он сохранился в словообразовании; в отдельных случаях с его помощью образуются новые слова и в современном языке. Примеры чередования по аблауту у сильных глаголов (1-я форма — инфинитив, 2-я — I или 3 л. ед. ч. претерита, 3-я — 3 л. мн. ч. претерита, 4-я — причастие II ср. р.¹): *bita* 'кусать' — *beit* — *bitu* — *bitið*; *gefa* 'давать' — *gaf* — *gáfu* — *gefið*. В ряде случаев эти чередования осложняются действием различных иных закономерностей: ср. *búa* 'жить' — *bjó* — *bjuggu* — *búið*; *syngja* 'петь' — *söng* — *sungu* — *sungið*; *vaxa* 'расти' — *óx* — *uxu* — *vaxið*² и т. д. Примеры аблаута в словообразовании: *gjósa* 'извергаться' — *gos* 'извержение', *gusa* 'струя'.

Умлаут, или перегласовка, под влиянием последующего гласного (отпавшего или сохранившегося) или, гораздо реже, согласного,

¹ В скандинавских языках (кроме букмола) причастие II изменяется по родам. Форма ср. р. выбрана здесь потому, что при ее помощи образуются сложные временные формы.

² Отсутствие *v* в формах *óx* и *uxu* объясняется тем, что, как уже сообщалось (см. § 86), *v* (*w*) в скандинавских языках отпало перед губными гласными.

представлен в древнеисландском, как и в современном исландском, в нескольких видах. Важнейшие из них — перегласовка на -i и пере-
гласовка на -u.

Перегласовка (умлаут) на -i, называемая также палатальной перегласовкой, состояла, как говорилось выше (см. § 86), в том, что под влиянием i или j артикуляция гласного становилась более передней; впоследствии эти палатализованные оттенки фонем превратились в самостоятельные фонемы. Так образовались, в частности, древнеисландские гласные ø, ó, у, ú, é и дифтонг ey (из au); æ (из a) еще в 12 в. слилось с e. В современном исландском языке перегласовка на -i наблюдается во многих формах мн. ч. (ср. brú 'мост' — brúg, sonur 'сын' — synir), в степенях сравнения прилагательных (hágr 'высокий' — hæggi 'выше'), в ряде глагольных форм (kjósa 'выбирать' — kús 'выбираю' — kysi 'выбрал бы'; fá 'получать' — fæ 'получаю' — fengi 'получил бы'; slá 'бить' — sleginn 'битый' и т. д.). Используется умлаут на -i и в современном словообразовании.

Перегласовка (умлаут) на -u, или лабиальная перегласовка, состоит в том, что a под влиянием последующего (отпавшего или сохранившегося) u переходит в o (нисл. ö). Эта перегласовка понижает всю исландскую грамматику и словообразование; не вызывало перегласовки лишь u в окончании -ug, где оно возникло позднее (см. выше). Приведем примеры из различных парадигм: land 'страна' — lönd 'страны', sakir 'делá' — sök 'дело', harður 'твердый' — hörð 'твердая', fara 'ехать, едут' — förum 'едем'; в словообразовании: tara 'терять' — törun 'потеря', blanda 'смешивать' — blöndungur 'карбюратор' (буквально: 'смеситель').

Преломление, как уже отмечалось (см. § 81), состояло в том, что e под влиянием (отпавших или сохранившихся) a и u переходило соответственно в ja и jo (нисл. jö). Например: hjarta 'сердце' (< *herta, ср. нвн. Herz), fjall 'гора' (< *fella), fjörður 'фьорд' (< *ferþuR).

Из различных чередований согласных упомянем nk > kk, nt > tt: ср. ganga 'идти' — gekk 'шел', binda 'вязать' — batt 'вязал'.

Все эти разнообразные чередования гласных и согласных, действуя в рамках одной парадигмы, создают во многих случаях сложные словоизменительные ряды, характерные и для современного исландского языка. Для иллюстрации приведем парадигму существительных vögður 'страж' и fjörður 'фьорд' (так называемое склонение на -u):

Ед. ч. И.	vögður (перегласовка на u)	fjörður (преломление на u)
Р.	varðar	fjarðar (преломление на a)
Д.	verði (перегласовка на i)	firði (перегласовка на i)
В.	vögð (перегласовка на u)	fjörð (преломление на u)
Мн. ч. И.	verðir (перегласовка на i)	firðir (перегласовка на i)
Р.	varða	fjarða (преломление на a)
Д.	vögðum (перегласовка на u)	fjörðum (преломление на u)
В.	verði (перегласовка на i)	firði (перегласовка на i)

Спряжение сильного глагола *taka* 'брать' в презенсе:

Ед. ч.	1 л. <i>tek</i>	} (перегласовка на <i>i</i>)
	2 л. <i>tekur</i>	
	3 л. <i>tekur</i>	
Мн. ч.	1 л. <i>tökum</i>	(перегласовка на <i>u</i>)
	2 л. <i>takið</i>	
	3 л. <i>taka</i>	

§ 91. **Грамматика.** Как говорилось выше, в области грамматики современный исландский почти не отличается от древнеисландского. Поэтому в настоящем параграфе будет дана характеристика грамматического строя современного исландского языка, и лишь в некоторых случаях будут особо оговариваться особенности древнеисландского.

Существительное имеет четыре падежа и два числа и принадлежит к одному из трех грамматических родов. Уже в древнеисландском языке было сравнительно немного случаев, когда различие между мужским и женским грамматическим родом соответствовало реальному различию в биологическом поле (ср. дисл. *maðr* 'человек, мужчина' м. р., *kona* 'жена' ж. р.). Как правило, различия в роде уже не соответствовали каким-либо реальным различиям между предметами (ср. дисл. *skjöldr* 'щит' м. р., *øx* 'топор, секира' ж. р., *vápn* 'оружие' ср. р.).

В древнеисландском основообразующие суффиксы уже во многих случаях слились с окончаниями или отпали. Это привело к образованию многочисленных типов склонения. Основное деление — четко различаемые сильное и слабое склонения. Эти типы склонения имеют свои наборы окончаний для каждого грамматического рода, с множеством подтипов в пределах каждого рода. С учетом индивидуальных особенностей некоторых групп существительных (иногда даже единичных существительных) общее число парадигм склонения существительных составляет несколько десятков.

Существительное имеет единственное и множественное число и следующие падежи: именительный, родительный, дательный, винительный.

Ниже приводятся образцы некоторых наиболее распространенных типов склонения в современном исландском.

Сильное склонение

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	И. <i>hestur</i> 'лошадь'	<i>kinn</i> 'щека'	<i>nafn</i> 'имя'
	Р. <i>hests</i>	<i>kinnar</i>	<i>nafns</i>
	Д. <i>hesti</i>	<i>kinn</i>	<i>nafni</i>
	В. <i>hest</i>	<i>kinn</i>	<i>nafn</i>
Мн. ч.	И. <i>hestar</i>	<i>kinnar</i>	<i>nöfn</i>
	Р. <i>hesta</i>	<i>kinna</i>	<i>nafna</i>
	Д. <i>hestum</i>	<i>kinnum</i>	<i>nöfnum</i>
	В. <i>hesta</i>	<i>kinnar</i>	<i>nöfn</i>

Слабое склонение

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч. И.	tími 'время'	saga 'рассказ'	auga 'глаз'
	Р.Д.В. tíma	sögu	auga
Мн. ч. И.	tímar	sögur	augu
	Р. tíma	sagna	augna
	Д. tímum	sögum	augum
	В. tíma	sögur	augu

В области артикля исландский язык занимает среди германских языков особое место: ему известен только определенный артикль, неопределенный артикль отсутствует. Как во всех скандинавских языках, артикль в исландском суффиксированный, т. е. присоединяется к существительному сзади и составляет с ним одно слово. При склонении и существительное, и артикль получают свои окончания. Например:

	М. р.	Ж. р.	Ср. р.
Ед. ч.	И. armurinn 'рука'	höfnin 'гавань'	barnið 'ребенок'
	Р. armsins	hafnarinnar	barnsins
	Д. arminum	höfninni	barninu
	В. arminn	höfnina	barnið
Мн. ч.	И. armarnir	hafnirnar	börnin
	Р. armanna	hafnanna	barnanna
	Д. örmunum	höfnunum	börnunum
	В. armana	hafnirnar	börnin

Имеется также так называемый свободностоящий артикль, используемый при наличии определений у существительного, например: hinn gamli мадиг. Его употребление в современном языке ограничено торжественным стилем.

Прилагательное изменяется по родам, падежам, числам и степеням сравнения. Существуют два склонения прилагательного — сильное и слабое, различающиеся по употреблению: ср. góður мадиг 'хороший человек' и góði мадигinn (при существительном с определенным артиклем). Сильное склонение прилагательных, в общем, сходно с сильным склонением существительных, слабое, в основном, похоже на слабое склонение существительных. Характерная черта исландского прилагательного состоит в том, что во мн. ч. каждый грамматический род имеет свой набор окончаний. Поэтому, например, исландец, прощаясь с несколькими мужчинами, говорит verið þið blessaðir, с несколькими женщинами — verið þið blessaðar, а прощаясь с группой, состоящей из лиц разного пола, употребляет форму мн. ч. среднего рода — verið þið blessuð.

Глагол изменяется по лицам, числам, временам, наклонениям и залогам. Глагол имеет три лица и два числа (единственное и множественное), три наклонения (изъявительное, сослагательное и повелительное) и три залога (действительный, средний и страдательный). Система

времен та же, что в других германских языках, с тем, правда, отличием, что для выражения будущего действия нет особых форм: чаще всего используется презенс или конструкции со вспомогательными глаголами, имеющие дополнительные значения предположительности и т. п. Грамматической категории вида нет, но имеется несколько видовых конструкций, из которых назовем одну — *vera að* + инфинитив, значение которой сходно со значением английских времен *Continuous*: *hann er að lesa* 'он читает (в настоящий момент)'.
С морфологической точки зрения исландские глаголы делятся на сильные, слабые и претерито-презентные, что характерно для большинства германских языков. Сильные глаголы характеризуются, как известно, отсутствием специального суффикса у претерита и чередованием гласных в различных формах. Основных форм у исландского сильного глагола четыре: инфинитив, ед. ч. претерита изъяв. накл., мн. ч. претерита изъяв. накл. и причастие II. Например: *brjóta* 'ломать' — *braut* — *brutu* — *brotið*. От этих основных форм образуются все остальные; например: *brýt* 'ломаю', *brjóti* 'ломал бы' (презенс сослаг. накл.), *bryti* 'ломал бы' (претерит сослаг. накл.), *brjóttu* 'ломай' (из *brjót* + *þú* 'ты') и др. В сильных глаголах первоначальные чередования во многих случаях затемнены последующим фонетическим развитием. Слабые глаголы имеют в претерите и причастии II дентальный суффикс (-d-, -ð-, -t-). Исландский глагол, как и существительное, имеет много парадигм. Для иллюстрации приведем типы образования 2-го л. ед. ч. презенса изъявительного наклонения сильных глаголов: *gefa* 'давать' — *þú gefur*; *taka* 'брать' — *þú tekur*; *fá* 'получать' — *þú færð*; *fara* 'ехать' — *þú ferð*; *kjósa* 'выбирать' — *þú kýtst*; *skína* 'сиять' — *þú skín*; *vaxa* 'расти' — *þú vex* (в зависимости от характера основы используются окончания -уг, -гð, -ð, -t и нулевое).

В древнеисландском были личные местоимения двойственного (*við* 'мы' и *þið* 'вы') и множественного числа (*vég* 'мы' и *þég* 'вы'). В современном языке *við* и *þið* обозначают множественное число, тогда как *vég* и *þég* — «вежливые» формы. Отметим попутно, что «вежливое» местоимение в исландском сейчас употребляется мало, обычное обращение даже к незнакомому человеку — *þú* 'ты'. На «ты» обращаются, например, друг к другу профессор и студент, покупатель и продавец и т. д.

§ 92. Лексика. Словарный состав исландского языка характеризуется двумя основными особенностями.

Первая — это его исключительное богатство. Как говорилось выше, древнеисландская литература хорошо известна среднему исландцу, а саги, в особенности, «саги об исландцах» (см. § 89) — до сих пор любимое национальное чтение. Исландцы — один из наиболее читающих народов мира и один из наиболее «поэтических»: стихи сочиняет огромное множество людей. Благодаря этому в памяти народа сохраняется богатейшая поэтическая лексика древнего периода. Обогащаясь новыми словами, исландский язык сохраняет при этом и свое древнее богатство.

Вторая особенность исландской лексики — это крайне низкий удельный вес заимствований в языке. Из всех германских языков исландский язык — наиболее «германский» по своей лексике. Причины этого положения следующие. Поскольку Исландия была всегда страной, в которой много читали, но при этом до самого недавнего времени оставалась страной крестьянской, книги предназначались для широкой аудитории, не знакомой с иностранными языками. За образец, далее, бралась чистота языка древнеисландской литературы. Наконец, и это, видимо, главное, сам исландский язык для исландцев всегда был не только средством общения, но и культурной ценностью, национальным достоянием, «священным огнем в очаге народном». Борьба за сохранение чистоты языка была для исландцев в то же время борьбой за сохранение культурного наследия древней свободной Исландии, борьбой против датского господства. Как сказал исландский поэт Маттиас Йокумссон,

Эта речь была народу
Матерью в годину злую,
Жажду утоляла, голод,
Очагом зимой бывала,
Светом солнечным во мраке
И светильником в лачуге,
Весть несла о странах дальних
И о славе дней минувших.

Так сложилась традиция не допускать в исландский язык иностранные слова, рассматривать их как порчу языка, как уродство.

Для обозначения новых понятий из области науки, техники, политики, социальных отношений и т. д. современный исландский язык стремится использовать свою богатейшую лексику и многообразные словообразовательные средства. Конечно, это не означает, что иностранные слова совсем не попадают в исландский язык. Ср., например: *atóm* 'атом', *kommúnisti* 'коммунист', *bió* 'кино' (ср. шв. *biograf*), *bill* 'автомобиль' (ср. д., шв., норв. *bil*), *sónata* 'соната' и т. д. Но заимствований очень и очень мало по сравнению с терминами, образованными при помощи средств родного языка.

Новые слова, созданные для обозначения новых понятий, носят в исландском языке название *nýgði* ['ni:jgði] буквально «новословие», т. е. «неологизм» (от *nýg* 'новый' и *oð* 'слово'). Возможно несколько классификаций исландских *nýgði*.

Со структурной точки зрения новые термины делятся на корневые слова, аффиксальные образования, сложные слова и словосочетания. К первой группе относятся, например, слова *kon* 'ген', *gró* 'спора', *skaut* 'полюс; электрод', *sí* 'фильтрат'; таких слов сравнительно немного. Зато весьма многочисленна группа аффиксальных образований, поскольку словообразовательными аффиксами исландский язык очень богат. Ср. *leiðig* 'проводник' (физ.), *leiðni* 'проводимость', *leiðinn* 'проводящий' — при *leiða* 'вести', *líði* 'реле' — при *líða* 'разделять' и уже приводившийся выше пример *blöndungur* 'карбюратор' — при *blanda* 'смешивать'. Однако наиболее многочисленна группа неологизмов, представляющих собою сложные слова,

например, einkaþróun 'онтогенез' (einka- 'единственный; личный', þróun 'развитие'), orkudreifð 'энтропия' (orka 'энергия', dreifð 'рассеяние'), hugklofnun 'шизофрения' (hugur 'ум', klofnun 'расщепление'), verðbólga 'инфляция' (verð 'цена', bólga 'распухание'), tilraunastofa 'лаборатория' (tilraun 'опыт', stofa 'комната').

Основная масса новых терминов — это слова, которых ранее в исландском языке не было и которые возникли именно как переводы иностранных терминов. Однако имеется хотя и небольшая, но очень интересная группа новых терминов, значения которых представляют собою новые смыслы исландских слов. Обычно это слова, имеющие, так сказать, будничное, бытовое значение и обозначающие в своем первичном употреблении конкретные предметы, явления, действия, признаки. Употребляясь метафорически, они получают также новое терминологическое, часто абстрактное значение. Ср., например: kerfi 'сноп' и 'система', gildi 'значение, значимость' и 'валентность', orka 'сила, мощь' и 'энергия', lest 'караван лошадей' и 'поезд', sía 'решето, сито' и 'фильтр', samkynja 'однородный' и 'гомогенный', virkugr 'деятельный, активный' и 'переходный' (о глаголе), gíð 'движение, взмах' и 'период' (в электротехнике). В единичных случаях в этом новом качестве используются слова устаревшие, фактически выпавшие из языка; хрестоматийный пример: устарелое значение sími — 'веревка, нить', новое — 'телефон; телеграф'.

С точки зрения оригинальности внутренней формы исландские «новословия» можно разделить на две основные группы: а) те, в которых использована внутренняя форма языка-источника (кальки) и б) имеющие свою собственную, отличную от языка-источника внутреннюю форму. В качестве примеров первой группы можно назвать слова stígi 'лестница' и 'шкала' (ср. лат. scala с теми же значениями), bugsti 'щетка' и 'щетка электромотора' (калька дат. børste, имеющего оба значения). При калькировании интернационализмов латинского и греческого происхождения, внутренняя форма которых в других европейских языках большей частью говорящих не ощущается, они получают в исландском прозрачную внутреннюю форму, так что их смысл становится хорошо понятным. Ср. русск. *хлорофилл* (гр. chlōgos 'зеленоватый', phyllon 'лист') и исл. blaðgræna (blað 'лист', græna 'зелень'), русск. *сапрофит* (гр. sarpōs 'гнилой', phyton 'растение') и исл. rotplanta (rot 'гниение', planta 'растение'), русск. *радиоактивный* (лат. radius 'луч', activus 'деятельный, действующий') и исл. geislavirkur (geisli 'луч', virkugr 'деятельный, активный'). Вторая группа новых терминов — некалькированные, у них, следовательно, иной мотивирующий признак, нежели у их иноязычных эквивалентов. Так, если у дат. homøopat 'гомеопат' мотивирующим признаком взято то, что лечение болезни производится лекарствами, которые в иных дозах вызывают заболевание (гр. homoios 'подобный', pathos 'страдание'), т. е. слово означает «лечащий заболевание веществами, подобными тем, что его вызывают», то у исландского эквивалента smáskammtalækniр мотивирующим признаком взято применение малых доз (smá- 'мало', skammtur 'доза', lækniр 'врач', буквально — 'мало-дозо-врач', т. е. 'врач, лечащий малыми дозами'). Ср., далее, дат. diktatur 'диктатура'

(< лат. *dictatura* от *dictare* 'повелевать') и исл. *einræði* (*ein-* 'одно-, едино-' и *-ræði* 'правление', т. е. 'единоличное правление'); дат. *mutation* 'мутация' (< лат. *mutatio* 'изменение, перемена') и исл. *stökkþróun* (*stökkur* 'скачок' и *þróun* 'развитие', т. е. 'скачкообразное развитие'); дат. *film* 'фильм' (< а. *film* 'пленка') и исл. *kvikmynd* (*kvikur* 'живой', *mynd* 'картина'); дат. *spektrum* 'спектр' (< лат. *spectrum* 'форма; образ') и исл. *litróf* (*litur* 'цвет' и *róf* 'ряд', т. е. 'цветоряд'); дат. *reformation* 'реформация' (< лат. *reformatio* 'преобразование') и исл. *siðaskifti* (*siður* 'обычай; религия, вера', *skifti* 'смена') или *siðbót* (*bót* 'улучшение').

Как явствует из примеров, очень многие из терминов, созданных при помощи средств исландского языка, имеют прозрачную внутреннюю форму и хорошо раскрывают значение слова (ср. *einræði* 'диктатура', *smáskammtalækni* 'гомеопат', *stökkþróun* 'мутация'). Их можно назвать неологизмами объясняющего типа. Вместе с тем имеются и *þýgðir*, которые можно охарактеризовать как условно-назывные, т. е. такие слова, внутренняя форма которых не раскрывает с достаточной ясностью их значение, поскольку мотивирующим оказывается второстепенный признак (например: слово *þota* 'реактивный самолет' образовано от глагола *þjóta* 'выть; мчаться'). Иногда в качестве мотивирующего берется достаточно общий признак, наличествующий у многих предметов и потому сам по себе не раскрывающий значения слова (ср. корень *frum-* 'первичный' и слова *frum* 'протон', *fruma* 'клетка', *frumí* 'протоплазма'). Разумеется, деление исландских *þýgðir* на термины объясняющего типа и термины условно-назывные лишь приближительное, и есть много промежуточных случаев.

Диалектные различия между вариантами языка в разных частях Исландии очень невелики и касаются некоторых фонетических черт. Основное отличие говоров северной части страны в области фонетики — произношение {p^h, t^h, k^h} после долгих гласных, тогда как на юге в этой позиции произносятся [p̥, t̥, k̥]. Первое из указанных произношений называется *hardmæli* («глухое произношение»), второе — *linmæli* («звонкое произношение»). Например, в Акурейри говорят [ˈg̊a:t̥h̥a] 'улица', [ˈt̥h̥a:k̥h̥a] 'брат', тогда как в Рейкьявике произносят [ˈg̊a:ða], [ˈt̥h̥a:g̊a].

ФАРЕРСКИЙ ЯЗЫК

§ 93. Общие сведения. История. По количеству говорящих фарерский язык занимает среди германских языков последнее место. На нем говорит около 45 тысяч жителей Фарерских островов, расположенных в Атлантическом океане приблизительно посередине между Исландией и Англией. Общая площадь этих 24 островов, из которых населены 16, составляет 1399 км². Административно Фарерские острова входят в состав Дании, но обладают автономией (с 1948 г.). Острова были заселены в 9 в. викингами, преимущественно из Норвегии.

Диалектные различия в фарерском довольно значительны. Ведущим является диалект острова Стрейми (*Streymoy*), на котором нахо-

дится столица островов — город Торсхавн, точнее, Тоушхаун (Tórs-havn).

Фарерский язык близок к норвежскому (к юго-западнонорвежским диалектам), но еще ближе к исландскому, с которым он имеет очень много общего в грамматическом строе и словарном составе. Вместе с тем в процессе исторического развития фонетика фарерского языка претерпела ряд серьезных изменений, ставящих его в особое положение среди скандинавских языков. Это, в частности, широко осуществленная дифтонгизация, аффрикатизация заднеязычных k и g перед гласными переднего ряда и др., о чем подробнее см. ниже.

До нашего времени дошло очень немного языковых памятников средних веков — несколько рунических надписей и пергаментных грамот. С конца 16 в. к ним прибавляются земельные книги, с начала 17 в. — протоколы заседаний лагтинга (парламента).

Важнейший памятник фарерского языка — это богатейшая средневековая народная поэзия, передававшаяся изустно — народные баллады, kvæði [ˈkveají], традиция которых жива на Фарерских островах и по сей день. Баллады эти поются, а пение сопровождается пляской. Старейшие баллады относятся к 14 в; расцвет этой поэзии длился до 17 в; некоторые баллады, однако, возникли позднее. Темы баллад — сюжеты древних скандинавских саг и рыцарских романов. Наиболее интересен цикл баллад о Сигурде («Sjúrdag kvæði» [ˈʃiugar ˈkveají]), одном из главных героев древней германской эпической поэзии. Записывать фарерские баллады начал в конце 18 в. Е. К. Свабо. На основе собрания Свабо выдающийся датский лингвист Расмус Раск составил первую фарерскую грамматику. Изданию фарерских баллад положил начало священник В. У. Хаммерсхаймб, позднее их полный свод был создан С. Грундтвигом и Е. Блоком.

До середины 19 в. у фарерского языка отсутствовала орфографическая норма. Основная причина этого состояла в том, что язык существовал лишь в устной форме. Во всех официальных сферах безраздельно царил датский язык. В середине 18 в. один автор писал, что фаререн читает книги только по-датски, слышит в церкви и на собрании только датскую речь, должен говорить с купцами только по-датски. В тех редких случаях, когда писали по-фарерски (обычно при записях народной речи и фольклора), каждый создавал свою орфографическую систему.

Современная фарерская орфография была создана в 1846 г. В. У. Хаммерсхаймбом. За основу Хаммерсхаймб взял нормализованную древнеисландскую орфографию. Созданная им орфография построена на этимологическом принципе и весьма далека от того, чтобы отражать реальное произношение. Так, например, на письме различаются i и u, í и ú, а и æ, хотя каждая из этих пар обозначает один и тот же звук. Далее, Хаммерсхаймб ввел букву ð, которая вообще не имеет собственного фонетического значения. На письме различаются, к примеру, слова so 'так', soð 'суп, отвар' и sog 'всаживание', хотя все три слова произносятся одинаково — [so:]. Ср. также написание и произношение слов loda [ˈlu:a] 'свисать', frískur [ˈfruʃkur] 'здоровый', sjógvur [ˈʃeǰvur] 'море', einki [ˈeŋiˈtʃi] 'ничто'

и т. п. Владение такой орфографией представляет для фарерцев немалые сложности. С другой стороны, эта орфография в равной степени пригодна для различных фарерских диалектов. Кроме того, она отражает реальные связи между разными словоформами и элементами словообразовательных групп.

Борьба за превращение фарерского языка в литературный, за допуск его в официальные сферы общения началась в конце прошлого века. В 1912 г. фарерский язык был введен в качестве учебного предмета в школах, но датский язык оставался главным. В 1938 г. фарерский был уравнен в правах с датским в качестве языка преподавания. Законом от 1948 г. фарерский язык признается основным языком островов, однако датский разрешается использовать наравне с фарерским во всех официальных сферах. С начала 50-х гг. ведутся регулярные радиопередачи на фарерском языке. Есть телевидение. Издается более 100 названий книг в год.

§ 94. Фонетика. Фонетика фарерского языка обладает рядом характерных и интересных черт; среди них можно выделить следующие наиболее существенные:

1. Ряд гласных в «долгом чтении», т. е. в открытом слоге или перед одним согласным, развился в дифтонги: а, æ > [ɛa] (fara ['fɛara] 'ехать', læsa ['lɛasa] 'запирать'), á > [ɔa] (blása ['ɔlɔasa] 'дуть'), í, ú > [ui] (líta ['lɛuita] 'смотреть', túða ['tɛiða] 'переводить'), ó > [ɔu] (bók [ɔɔk] 'книга'), ú > [iu] (hús [ɦi:us] 'дом'). В «кратком чтении» эти же буквы (кроме í, ú) обозначают краткие фонемы иного качества — монофтонги (например, а [a], á [ɔ], ó [œ] и т. д.); поэтому один и тот же корень может в разных условиях иметь разные огласовки: spakur [spɛakur] 'спокойный' — spakt [spakt] 'спокойно'.

2. Существует ряд особых правил огласовки стыка слогов, первый из которых (ударный) оканчивается на гласный, а второй начинается с гласного (при этом стоящие на стыке буквы ð, g, v во внимание не принимаются): ср. staður ['steavur] 'место' и stavur ['steavur] 'палка', góður ['gɔuður] 'хороший', eyga ['eija] 'глаз'.

3. Все смычные являются глухими, как в исландском и датском. Буквы b, d, g обозначают, таким образом, не звонкие, а слабые непридыхательные p, t, k: ср. baða ['ɔɛ:a] 'купаться'.

4. Перед гласными переднего ряда и в сочетании с j, k > [tʃ], g > [dʒ], sk > [ʃ]: ср. kirkja ['tʃi:ɔja] 'церковь', geva ['dʒe:va] 'давать', skjóta ['ʃɔuta] 'стрелять'. Сочетание hj в ряде слов читается как [tʃ]: hjól [tʃu:l] 'колесо'.

5. Перед глухими согласными (не включая b, d, g) сонанты оглушаются: ср. fólk [fɔɛlk] 'народ', mentan ['mɛntan] 'культура', verpa ['vɛpa] 'нести' (о курице). Глухие сонанты характерны также для исландского (см. § 90).

6. Сонанты l, n палатализуются перед [dʒ], [tʃ]: einki ['ɔŋ'tʃi] 'ничто', fólkid [fɔɛl'tʃi] 'народ' (опр. форма).

7. Характерен ряд диссимилиаций — rn > [ɔn], ll > [ɔl] и в некоторых случаях nn > [ɔn]: ср. bjørn [ɔjɔɔn], allur ['aɔlur] 'весь'; эта черта у фарерского общая с исландским.

8. Зависимость звучания от позиции приводит к разнообразным чередованиям корня: ср. *fólk* [fœlk] 'народ' — *fólkið* [fœl'ʰi] (форма с определенным артиклем), *lágur* [l'œvur] 'низкий' — *lágt* [lœkt] 'низко', *leður* [l'e:vur] 'кожа' — *leðrið* [l'œgri] (форма с определенным артиклем). Ср. также пример, приведенный в пункте 1.

9. Очень интересная особенность фарерского языка — появление на исторических стыках «гласный + j (+ гласный)» и «гласный + ũ + (гласный)» сочетаний *ggj* [dʒ] и *gv*, являющиеся как бы параллелью к процессу, описываемому законом Хольцмана (см. § 58), например: *oyggj* [œdʒ] 'остров' (ср. исл. *eyja*), *síggja* [s'udʒa] 'видеть' (ср. исл. *sjá*), *sjógvur* [s'œgvur] 'море' (ср. исл. *sjór*), *Jógvan* [j'œgvan] 'Егван' (имя собственное; ср. исл. *Jón*), *trúgva* [t'rigvva] 'верить' (ср. исл. *trúa*).

10. В фарерском представлена преаспирация, хотя и не столь отчетливая и не столь широко распространенная, как в исландском (см. § 90): *nútt* [nuí'tt:] 'новое'.

11. Умлаут на *u* (*a > ö*), как и в исландском (см. § 90), проходит через ряд парадигм: ср. *pøvn* 'имена' (при *pavn* 'имя'), *smøj* 'узкая' (*smalur* 'узкий').

§ 95. Грамматика. Грамматический строй фарерского языка близок к исландскому, но морфология его несколько беднее исландской: меньше типов склонения и спряжения, больше аналогических выравниваний.

Существительное характеризуется наличием трех грамматических родов, двух чисел и четырех падежей. Последнее, однако, нуждается в уточнении. Дело в том, что родительный падеж употребляется очень ограниченно и, в общем, за небольшими исключениями, свойствен лишь книжному стилю; при этом он больше характерен для единственного числа мужского и среднего рода (т. е. наблюдается положение, обратное положению в нидерландском, см. § 142). Различаются сильное и слабое склонения существительных. В качестве образца приведем парадигму сильного и слабого склонения существительных мужского рода. В скобки помещены формы, мало употребительные вне книжного стиля:

Ед. ч. И.	<i>armur</i> 'рука'	<i>tími</i> 'час'	Мн. ч. И.	<i>armar</i>	<i>tímar</i>
Р.	<i>arms</i>	<i>tíma</i>	Р.	(<i>arma</i>)	(<i>tíma</i>)
Д.	<i>armi</i>	<i>tíma</i>	Д.	<i>ørmum</i>	<i>tímum</i>
В.	<i>arm</i>	<i>tíma</i>	В.	<i>armar</i>	<i>tímar</i>

Прилагательные склоняются по родам, падежам и числам. Как и в исландском, прилагательные в фарерском языке имеют во множественном числе особые формы для каждого рода. Прилагательные изменяются по двум склонениям — сильному и слабому — в зависимости от синтаксической функции, наличия или отсутствия артикля, притяжательного местоимения и т. д.

Глагол изменяется по числам, лицам (в единственном числе) временам, залогам и наклонениям. Глаголы делятся на сильные и слабые. Система времен та же, что и в других германских языках, т. е. включает в себя презенс, претерит, перфект, плюсквамперфект, будущее I и II, будущее в прошедшем I и II; употребление их совпадает, в

основном, с употреблением в других скандинавских языках. Пассив действия образуется сочетанием глаголов *verða* (или *blíva*)¹ с причастием II, пассив состояния — сочетанием глагола *vera* с этим же причастием; кроме того, есть пассивные формы на *-st* (<sk из суффиксированного местоимения *sik* 'себя', ср. § 86). Помимо изъявительного наклонения, есть повелительное и желательное; последнее имеет одну неизменяемую форму презенса.

НОРВЕЖСКИЙ ЯЗЫК

§ 96. Общие сведения. История норвежского языка до 19 в. Норвежский язык — государственный язык Норвегии. Число говорящих на нем составляет 4,2 миллиона человек. Административно в состав Норвегии входит также архипелаг Шпицберген (по-норвежски *Svalbard*) и остров Ян-Майен. Кроме того, Норвегии принадлежат еще два неосвоенных острова в южном полушарии.

Норвежский язык делят исторически на древнорвежский (условно до 1525 г.) и новонорвежский (после 1525 г.). Некоторые исследователи выделяют также среднорвежский (1370—1525).

Первые памятники древнорвежского языка — надписи младшими рунами (до конца 10 в. «норвежско-шведскими», с конца 10 в. — «датскими», см. § 85). Таких надписей в Норвегии найдено около 900, и большинство их относится к 11 в. или к еще более позднему периоду. Как и все надписи младшими рунами, они в основном очень краткие и весьма несовершенно передают звуковой состав языка. В качестве примера приведем надпись на камне из Стедье (примерно 1100 г.): *olafr konungr skaut milli stæina þesa* 'король Олав стрелял между этими камнями'.

Другой источник наших знаний — скальдическая поэзия и эддические песни, дошедшие до нас, правда, в значительно более поздней исландской записи (см. § 89).

В эпоху викингов норвежский язык распространился по обширной территории, в частности в Исландии и на Фарерских островах.

Латинское письмо пришло в Норвегию, видимо, во второй половине 11 в. Но древнейшие сохранившиеся рукописи восходят лишь ко второй половине 12 в. так же, как и исландские. Это небольшие фрагменты записей законов (в частности «Гулатингского права»), земельных книг и сочинений религиозного содержания. Наиболее значительное произведение этой эпохи, сохранившееся в рукописи 13 в. — назидательное сочинение «Королевское зеркало» («*Konungs skuggsjá*»), написанное в виде беседы отца с сыном: сын задает вопросы, а отец отвечает, рассказывая ему о делах и обязанностях купца, дружинника и короля, а также сведения по географии и пр. По-видимому, норвежским произведением является «Сага о Дидрике Бернском», записанная в Бергене в конце 13 в.

Канцелярская традиция начала складываться в Норвегии раньше, чем в других Скандинавских странах, но у нее неоднократно менялась

¹ «Самостоятельное» значение глагола *verða* (и его разговорного синонима *blíva*) — 'становиться'.

диалектная основа. Дело в том, что политический и культурный центр Норвегии несколько раз перемещался: в 11—12 вв. он был в Бергене, затем попеременно в Нидаросе (теперь Тронхейме) и Бергене, с конца 13 в. в Осло, а в 14 в. в Тёнсберге (городе на берегу Осло-фьорда).

В 14 в. в Норвегии начинается экономический и политический упадок. В 1319 г. Норвегия вступает в унию со Швецией, а с 1397 г. входит в состав датского королевства. В составе Дании Норвегия находится до 1814 г. В результате с 15 в. датский язык вытесняет норвежский из всех официальных сфер и становится языком администрации, затем, после Реформации, языком церкви, судопроизводства и т. д. Вся литература была на датском языке, и не случайно, что своя типография (печатавшая книги, конечно, тоже только на датском) возникла в Норвегии спустя столетие с лишним после Реформации (1643).

Таким образом, в Норвегии образовалось значительное расхождение между письменным (датским) и разговорным (норвежским) языком. Разумеется, когда норвежские писатели писали о Норвегии, они употребляли некоторые чисто норвежские слова (норвегизмы), но язык — орфография, морфология, синтаксис — был целиком датским. В городах образовались смешанные говоры, фонетика и синтаксис которых были норвежскими, а лексика и морфология, в основном, датскими. Особенно важно иметь в виду, что фонетика (т. е. та область, где различие между норвежским и датским особенно велико) всегда была норвежской.

§ 97. Норвежский язык в 19 в. Норвегия оставалась отсталой датской провинцией до 1814 г. Получив в 1814 г. свой парламент и самую демократическую в то время конституцию, Норвегия становится самостоятельным государством, правда, находящимся в личной унии со Швецией. Политическая основа привилегированного положения датского языка в Норвегии тем самым была устранена. Однако потребовалось около века после разрыва с Данией для того, чтобы сложился норвежский национальный язык.

Были возможны два пути создания национального языка. С одной стороны, можно было стремиться к тому, чтобы письменная форма отражала реальную разговорную практику городского населения, т. е. привести письменный язык в соответствие с разговорным («норвегизировать» литературный язык). Речь здесь могла идти прежде всего о моментах чисто орфографических, но также и о легализации некоторых специфических норвежских особенностей морфологии, а также лексики. С другой стороны, можно было пойти по пути создания нового литературного языка на принципиально отличной основе — базируясь на народных говорах. Как мы увидим ниже, были использованы оба пути, что привело в конечном счете к языковой ситуации, не имеющей параллели в мире.

Борьба за «норвегизацию» литературного языка велась фактически на протяжении последних двух третей 19 в. Хенрик Вергеланн (1808—1845), один из крупнейших норвежских поэтов, вводил в свои стихи множество норвегизмов — лексических и грамматических — и боролся за норвежское произношение в театре, где господствовала датская

норма. Важнейшим событием в истории норвежского литературного языка было появление «Норвежских народных сказок» (1841—1844) в обработке Петера Кристена Асбьёрнсена и Ёргена Му. Несмотря на датскую орфографию и датскую морфологию, весь стиль, синтаксис и до известной степени лексика были норвежскими. На середину и вторую половину 19 в. приходится деятельность педагога и лингвиста Кнуда Кнудсена (1812—1895), боровшегося за норвегизацию литературного языка, в частности за легализацию норвежского произношения в школе (где насаждалось датское) и на сцене. Кнудсен был пуристом и в своем словаре «Ненорвежское и норвежское» (1881) предложил ряд чисто норвежских слов, которыми, по его мнению, следовало заменить датские слова и заимствования из немецкого. Норвежское произношение в 70-х гг. побеждает в школе и несколько раньше на сцене.

Во второй половине 19 в. Норвегия переживает небывалый расцвет литературы. Выдающиеся норвежские писатели — Хенрик Ибсен (1828—1906), Бьёрнстерне Бьёрнсон (1832—1910), Александр Хьеллани (1849—1906) и Юнас Ли (1833—1908) — создают в этот период свои лучшие произведения, написанные прекрасным языком. Характерно, что язык, на котором писали эти крупнейшие норвежские авторы, носил тогда название датско-норвежского и рассматривался как более или менее норвегизированный вариант датского. В 1890 г. по предложению Б. Бьёрнсона эта форма литературного языка Норвегии получила название «риксмол» («*riksmål*»; буквально «государственный язык»).

Таков был в общих чертах в 19 в. путь развития одного из вариантов литературного норвежского языка. В конце концов завоевала права (но не закрепились еще в орфографии) та форма языка, которая существовала в городах, прежде всего в Кристиании (Осло) и Бергене.

Однако если в городах уже довольно рано (по крайней мере к 18 в.) сложились смешанные норвежско-датские говоры, то в сельской местности царил стихия норвежских говоров, развившихся из средневековых диалектов. Здесь традиция норвежского языка не прерывалась. При этом следует учитывать, что до конца 19 в. Норвегия была преимущественно крестьянской страной. Норвежские диалекты 19 в. (как, впрочем, и 20 в.) весьма разнообразны, но во всяком случае бесспорно, что разрыв между ними и существовавшей тогда формой литературного языка был очень велик. Поэтому возникла идея создания литературного языка на основе сельских диалектов.

Эта идея была осуществлена филологом-самоучкой и поэтом Иваром Осеном (1813—1896). Собрав обширный диалектный материал, он издал «Граматику норвежского народного языка» (1848), «Словарь норвежского народного языка» (1850) и «Образцы народного языка Норвегии» («*Prøver af Landsmaalet i Norge*», 1853). В последней из этих работ были даны образчики диалектной речи, причем предпочтение отдавалось западнонорвежским говорам как более архаичным, более близким к древненорвежскому и потому, по мнению Осена, «более чистым». В приложении же к этим текстам Осен опубликовал образчики текстов, написанных им самим на варианте, который он синте-

зирвал из различных диалектных форм. Из разных диалектов Осен отбирал те черты, которые казались ему «наиболее норвежскими» (близкими к древнорвежскому). Он полагал, что восстанавливает язык, утраченный народом. В своей работе Осен употреблял слово Landsmaal (в современной орфографии landsmål) в двух смыслах: в значении «народный язык», «язык сельской местности» и как название созданной им искусственной нормы, основанной на диалектах сельской местности. Последнее название закрепилось.

Созданная Осеном норма отвечала назревшей потребности дать сельским говорам выход в литературу. Уже через несколько лет после выхода «Образцов» ланнсмол стал использоваться в художественной литературе. Его успеху и популярности способствовало и то обстоятельство, что на нем стал писать ряд талантливых писателей — выходцев из норвежской деревни, прежде всего сам Ивар Осен, затем Осмунн Винье (1818—1876), а позднее Арне Гарборг (1851—1924). В 1868 г. организуется общество, ставящее своей целью борьбу за права ланнсмолы — «Det norske samlaget». В 1892 г. норвежский парламент (стуртинг) принимает закон, по которому администрации народных школ (тогда начальных семилетних школ) предоставлялось право решать, какие учебники — на риксмоле или на ланнсмоле — должны использоваться в данной школе и на каком из вариантов ученики должны выполнять письменные работы. Подчеркивалось, что ученики должны уметь читать как на риксмоле, так и на ланнсмоле. В этом же году в университете учреждается кафедра ланнсмолы, и стуртинг принимает первый текст на ланнсмоле.

Таким образом, к началу 20 в. в Норвегии сложились две письменные нормы литературного языка — риксмол, представляющий собою продукт развития датского языка в Норвегии, основывающийся на говоре образованных слоев городского населения, но сохраняющий еще датскую орфографию, и ланнсмол, созданный путем искусственного синтеза элементов сельских говоров Норвегии, преимущественно говоров западной части страны, сохраняющих ряд арханческих черт. Естественными задачами было, с одной стороны, приведение орфографии риксмолы в соответствие с произношением, с другой — «модернизация» ланнсмолы, переориентация его диалектной основы, поскольку между его тогдашней формой и говорами восточной, наиболее населенной части Норвегии, был значительный разрыв. Предполагалось, что в результате этих реформ и дальнейших сознательных усилий обе нормы сблизятся и в конечном счете сольются в одну.

Не следует, однако, думать, что идея создания единого норвежского языка имела много приверженцев. Напротив, между сторонниками риксмолы и сторонниками ланнсмолы шла ожесточенная борьба, продолжающаяся, хотя и не в столь острой форме, по сей день. Сторонники риксмолы подчеркивали, что за их вариантом стоит длительная культурная традиция, авторитет крупнейших норвежских писателей и поэтов, тогда как ланнсмол, по их мнению, язык искусственный и неразвитый. Сторонники ланнсмолы утверждали, что риксмол, несмотря на его норвегизацию — датский язык, т. е. язык, чуждый норвежскому народу.

§ 98. **Норвежский язык в 20 в.** В 20 в. были проведены три орфографические реформы риксмолла. Прежде чем перейти к изложению их сути, необходимо подчеркнуть, что датская орфография, в силу особенностей фонетики датского языка, во многих отношениях была далека от произношения риксмолла. Самые существенные отличия датской фонетики от норвежской — отсутствие слогового равновесия и звонкость согласных после долгих гласных (см. §§ 101, 102). В 1907 г. была проведена первая орфографическая реформа, главным моментом которой было введение написания глухих смычных *p, t, k* вместо звонких *b, d, g* после долгих гласных, т. е. легализация написаний типа *stripe* 'полоса', *gate* 'улица', *tak* 'крыша' вместо прежних *stribe, gade, tag*. Кроме того, был узаконен ряд других моментов, касающихся грамматических показателей существительного и глагола. Вторая орфографическая реформа, осуществленная в 1917 г., ввела удвоение букв для обозначения долгих согласных в конце слова. Одновременно был устранен ряд чисто датских орфографических моментов («немое» *d* в словах типа *fjeld* 'гора', которые стали писаться фонетически — *fjell*) и введен ряд факультативных форм (формы с дифтонгами, формы женского рода с определенным артиклем *-a* и др.). На введение факультативных форм надо обратить особое внимание: этот момент был отнюдь не «орфографическим»: он затрагивал уже не только написание, но и материальную сторону языка, его фонетику и грамматику. В датском нет ни форм с историческими дифтонгами (вроде *stein* 'камень', *øu* 'остров', ср. дат. *sten, ø*), ни женского рода, а, следовательно, их не было в «датско-норвежском» и в риксмолле начала 20 в. Напротив, эти моменты характерны для разговорного норвежского языка, они многими считались (и считаются сейчас) нелитературными и даже просторечными, вульгарными. Реформа 1938 г. сделала эти факультативные формы обязательными (например, более 900 существительных должны были в соответствии с ней обязательно употребляться с артиклем женского рода; впоследствии это правило было смягчено).

Были проведены также реформы лансмолла — в 1901, 1917 и 1938 гг. Суть их сводилась к тому, что норма приближалась к специфике восточнорвежских диалектов (настоящих ближе к риксмоллу).

С 1929 г. были заменены названия обеих форм литературного языка. Риксмолл стал называться «букмоллом» (*bokmål*, буквально «книжный язык»), лансмолл — «новонорвежским» (*nynorsk*). Названия эти, конечно, не отражают специфики этих форм: букмолл вовсе не только книжный язык, напротив, «новонорвежский» более книжный, так как, скажем, в быту он используется мало (носители «новонорвежского» чаще говорят в быту на диалекте). С другой стороны, обе формы — новонорвежские, т. е. представляют собою современный норвежский язык.

Языковая ситуация в Норвегии в настоящее время характеризуется, таким образом, следующими особенностями:

1. В стране существуют две официально признаваемые равноправными нормы литературного языка — букмолл и «новонорвежский». Удельный вес их различен. На букмолле издается примерно 90% всей печатной продукции страны и ведется преподавание более чем в 80%

школ. Географическое их распределение приблизительно таково: «новонорвежский» всего более распространен на западе страны, букмол — на востоке и севере, а также во всех крупных городах. Например, в фюльке (провинции) Финнмарк в Северной Норвегии на букмол обучается сейчас 100 % учеников, тогда как в фюльке Сонгно-Фьюране (Западная Норвегия) «новонорвежский» — язык преподавания для более 95% учащихся.

2. В каждой из норм имеется множество параллельных форм, официально признаваемых допустимыми. На деле они, конечно, не все в равной степени употребительны, а, главное, отнюдь не просто альтернативны, а имеют дополнительную окраску: одни («традиционные») более литературны, другие («радикальные») ближе к просторечию.

3. Особенно большой разрыв между официально зафиксированной нормой (отражаемой орфографическими словарями, школьными учебниками и т. п.) и реальной языковой практикой характерен для букмола. Например, нет ни одной норвежской газеты, в которой хотя бы наполовину соблюдались правила орфографической реформы 1938 г.

Целью реформ (особенно последней) было сближение обеих норм норвежского языка с перспективой их слияния в будущем. С точки зрения теоретической целесообразности это было, конечно, благое намерение, но попытки «языкового планирования» в целом не дали ожидаемого результата. Напротив, они привели к ряду нежелательных явлений. Причин тому много, и ниже будут названы важнейшие. При этом мы ограничимся рассмотрением причин неудачи «реформирования» букмола, которым пользуется большая часть населения страны.

Новая официальная норма букмола была искусственной в качестве литературной: она делала единственно допустимыми многие формы, характерные только для разговорно-просторечной стихии. При этом фактически сложившаяся норма, представленная в языке литературы, науки и т. д., объявлялась «ненародной», «консервативной», «датской» и т. п. Объективно реформа ставила перед собой утопическую задачу изменить речевую практику взрослых людей, уже владеющих литературным языком, и приучить к «радикальным» языковым формам детей, которые приходят в школу с уже сложившимися языковыми навыками. Новая официальная норма, в общем, не имела престижа, так как она не поддерживалась авторитетом языка наиболее значительных писателей, ученых, деятелей культуры и политики. Напротив, язык литературы и прессы, сравнительно единообразный, в основном, игнорирует реформу. Характерно, что «нормализаторы языка», насаждающие «радикальные» формы (в первую очередь школьные учителя) сами обычно пользуются вне стен школы довольно «консервативным» букмоллом. Не случайно многие школьники вне уроков норвежского языка не пользуются «радикальными» формами.

Такое положение приводит, в частности, к тому, что выпускники норвежских школ владеют языком менее уверенно, чем молодежь в других странах. Речь многих норвежцев в гораздо большей степени, чем это бывает у других народов, характеризуется непоследовательностями, колебаниями и прямыми ошибками.

Сказанное не означает, что букмол не имеет реально существующей

нормы. Такая норма сложилась стихийно, и фактически ею является язык образованных слоев Восточной Норвегии, прежде всего Осло. Многие «радикальные» формы в нем также используются, но используются не механически, как того требуют нормализаторы, а как факультативные варианты с соответствующей стилистической окраской. Часто вопрос стоит не о том, как правильнее сказать, а о том, когда уместнее употребить ту или другую из факультативных форм.

Реформа 1981 г. легализовала подавляющее большинство как «радикальных», так и «традиционных» форм.

§ 99. Фонетика. В результате названных в предыдущем параграфе орфографических реформ норвежское правописание в общем довольно точно отражает произношение. Вместе с тем сохраняется ряд исторических написаний. Прежде всего это касается сохранения ряда непронизносимых согласных: ср. *land* [lan:] 'страна', *god* [gu:] 'хороший', *enig* [ˈe:ni] 'согласен', *hva* [va:] 'что', *hjelp* [jɛlp] 'помощь' и т. п. Буква *o* обозначает либо долгое [u:], либо краткое [ɔ] (ср. *ord* [u:r] 'слово', *hopp* [hɔp:] 'прыжок'), но есть много исключений (ср. *lov* [lɔ:v] 'закон', *tog* [tɔ:g] 'поезд', *ond* [un:] 'злой', *hoste* [ˈhustə] 'кашель' и др.). Буква *u* в большинстве случаев обозначает [ɥ] или [u:], например: *luft* [luft] 'воздух', *mus* [mu:s] 'мышь'. Фонема [ɔ:] обозначается буквой *å*, например, *gå* [gɔ:] 'идти', фонема [ɔ] (краткое) — либо, как сказано, буквой *o*, либо буквой *å* *ånd* [ɔp:] 'дух'.

Наиболее характерные особенности норвежской фонетики следующие.

Из гласных специфически норвежским, отсутствующим в других скандинавских языках, является очень открытое *æ* (краткое и долгое), встречающееся перед *r*: *vær* [væ:r] 'погода', *verk* [værk] 'произведение'.

Среди согласных выделяются так называемые супрадентальные, или постальвеолярные, согласные [tʃ], [dʃ], [ŋ], [ʃ], характерные также и для шведского (см. § 102). Они произносятся при сближении кончика языка с границей альвеол и твердого нёба. Какуминальные возникли из исторических сочетаний *rt*, *rd* и т. д. Например: *vert* [væ:tʃ] 'хозяин', *ferdig* [ˈfæ:di] 'готовый', *horn* [hu:ŋ] 'por', *dårlig* [ˈdɔ:li] 'плохой'. Глухие смычные *p*, *t*, *k*, как почти во всех германских языках, имеют придыхание перед ударным гласным. Историческое сочетание *rs* перешло в восточнорвежских говорах в [ʃ]: *norsk* [nɔʃk] 'норвежский'.

Еще в 13 в. в норвежском, как и в шведском, начался процесс палатализации и спирантизации *g*, *k* и *sk*, состоящий в том, что перед гласными переднего ряда они изменили артикуляцию: [g] перешло в [j], [k] в [ç] (в шведском в [tç]), а *sk* — в [ʃ]. Тот же переход имел место у сочетаний *gj*, *kj*, *skj* (а в шведском и *stj*); ср. норв., шв. *gift* [jift] 'яд'; норв. *kirke* [ˈçirkə], шв. *kyrka* [ˈtçyrka] 'церковь'; норв. *skip* [si:p], шв. *skerp* [ʃɛp:] 'корабль'. Как видно из примеров, эти переходы не отражены в написании.

В потоке речи на границах слов происходит ряд переходов, тождественных вышеназванным историческим: *er du fornøyd?* [ˈæ:ɕi foˈnøyd] 'ты доволен?'; *mor selv...* [ˈmu:sɛl:] 'мать сама...' Как и все скандинавские языки, кроме датского, норвежский обладает слоговым

равновесием, т. е. все ударные слоги долгие (см. § 86): ср. как [ga:k] 'прямой' и gakk [gak:] 'успел'.

В норвежском динамическое, или силовое, ударение сочетается с музыкальным (тоническим акцентом), что составляет характернейшую черту норвежской фонетики (такое ударение свойственно также шведскому языку, см. § 105). Возможны два типа тонического акцента: а) первый, заключающийся в простом повышении тона, и б) второй, когда в ударном слоге происходит понижение тона, а во втором (в последующих) его повышение. Транскрипционные знаки для первого и второго тонов — соответственно ' и `: 'været ['væ:rə] 'погода' — форма с определенным артиклем и 'væge ['væ:rə] 'быть'. Как видно из только что приведенного примера, тонический акцент выполняет смысловозначительную функцию. Подсчитано, что в норвежском языке имеется около трех тысяч пар слов (включая собственные имена), которые, имея тождественный фонемный состав, различаются только тонами. Правила распределения тонов весьма сложны и, главное, изобилуют исключениями и исключениями из исключений. В самом общем виде эти правила можно сформулировать таким образом: односложные и исторически односложные слова (например, односложные существительные + артикль, сильные глаголы в презенсе¹ и др.) имеют первый тон, а исторически двусложные и многосложные — второй; но такая формулировка охватит едва ли половину случаев. Тоническое ударение не обозначается на письме, и полное овладение им встречается у ненорвежцев очень редко.

§ 100. Грамматика. Грамматический строй норвежского языка довольно несложен (ниже описывается только букмол).

Существительное относится к одному из трех грамматических родов — мужскому, женскому или среднему. Однако последовательно употребляются с показателем (артиклем) женского рода всего несколько десятков слов. Большинство слов, относящихся в диалектах и относившихся в древненорвежском к женскому роду, может употребляться как с артиклем женского рода, так и с артиклем мужского рода (например: dǫg 'дверь' — dǫga или dǫgen, bok 'книга' — boka или bokan). Формы таких существительных с артиклем женского рода характерны для разговорного или нейтрального стиля, с артиклем мужского рода — для нейтрального или книжного. Определяющими факторами являются здесь речевая ситуация, стилистический характер самого слова, личность говорящего. Поэтому правильнее говорить об общем, а не о мужском роде, поскольку, например, многие книжные слова, обозначающие лиц женского пола (kvinne 'женщина', dronning 'женщина') употребляются, как правило, с артиклем «мужского» (т. е. общего) рода.

Множественное число, в основном, у слов общего (мужского) и женского рода образуется при помощи окончания -(e)g, у слов сред-

¹ Формы единственного числа презенса сильных глаголов в древненорвежском состояли из одного слога: ek ligg 'я лежу', ek sef 'я сплю', ek tek 'я беру'; ср. «новонорв.» eg ligg, eg sæv, eg tek или tar.

него рода — без окончаний: ср. stol 'стул' — stoler, dør 'дверь' — døer, hus 'дом' — hus. Имеется много исключений из этого правила. Несколько существительных образуют множественное число с переносной, например: datter 'дочь' — døtre, hånd 'рука' — hender, gås 'гусь' — gjess и др.

Падежей два — общий и родительный. Родительный падеж, как в датском и шведском, имеет только один показатель -s: lærers 'учителей', læreres 'учителей'.

Неопределенный артикль имеет следующие формы: en (м. р.), ei (ж. р.), et (ср. р.). Неопределенный артикль женского рода употребляется сравнительно мало (меньше, чем определенный артикль женского рода), вместо него используется форма en. Формы определенного (суффигированного) артикля: -en (м. р.), -a (ж. р.), -et (ср. р.), -ene (мн. ч.). У существительных ср. р. во мн. ч. возможна форма -a (åga 'годы'). Существительное с определением имеет так называемый свободстоящий артикль; суффигированный при этом факультативен: den nye mann(en) 'новый человек'.

Прилагательное имеет «сильную» и «слабую» формы, употребление которых сходно с употреблением их в датском (см. § 103) и шведском (см. § 106): ср. en fin dag 'хороший день', den fine dag(en), fine dager (мн. ч.), et fint vær 'хорошая погода'.

Глаголы делятся на сильные и слабые, как во всех скандинавских языках: ср. skyte — skjøt — skutt 'стрелять' (сильный глагол) и vise — viste — vist 'показывать' (слабый глагол). По лицам и числам глагол не изменяется. Система времен — общая для всех скандинавских языков. Пассив состояния образуется сочетанием вспомогательного глагола være (самостоятельное значение — 'быть') и причастия II: brevet er skrevet 'письмо написано'. Пассив действия образуется либо аналитически — сочетанием глагола bli (исходное значение 'становиться'): brevet blir skrevet 'письмо пишется', либо флективно — при помощи суффикса -s (<sk<sik, см. § 85): dette ordet skrives med to s'er 'это слово пишется через два s'. Между флективным и аналитическим пассивом действия есть некоторые грамматические и стилистические различия. Повелительное наклонение совпадает с основной (vær! 'будь!', gå! 'иди!'). Флективные формы наклонения утрачены.

В 1951 г. был официально введен «новый» способ счета, по которому десятки предшествуют единицам (как в шведском, английском и русском): femtite '53', nittiseks '96' вместо прежних treogfemti, seksogpitti. Однако до сих пор очень широко используется «старый» способ (единицы ставятся до десятков), как в датском языке. Это лишнее подтверждение тому, как сложно «планировать» языковое развитие.

ДАТСКИЙ ЯЗЫК

§ 101. Общие сведения. История. Датский язык является государственным языком Дании, население которой составляет более 5 миллионов человек. Административно в состав Дании входят также обладающие автономией Фарерские острова (о фарерском языке см. § 93) и

Гренландия (основную часть населения составляют гренландцы — эскимосы, говорящие на гренландском диалекте эскимосского языка).

Датский язык принадлежит к восточноскандинавским языкам, к которым также относится шведский.

В истории датского языка принято различать два периода. Древнедатским считается период до эпохи Реформации (до первой трети 16 в. включительно), затем начинается новодатский период.

Древнейшие памятники датского языка — надписи младшими рунами (их разновидностью, носящей название датских рун, см. § 85). Всего в датской языковой области (включавшей в себя часть южной Швеции) найдено около 400 рунических надписей, которые относятся к периоду 9—12 вв.

Особенно известны две надписи на камнях из Еллинге в Ютландии, относящиеся к 10 в. и рассказывающие о старейших известных датских королях Горме Старом и Харальде Синезубом. Первая из них гласит: **KurmR konukR karþi kubl þusi aft þurui kunu sina tanmarkaR but**, т. е. «Горм король поставил этот памятник после (т. е. в память) Тюры, своей жены, спасительницы Дании»¹.

Как уже говорилось, в эпоху викингов язык скандинавов, именовавшийся тогда датским, был распространен в восточной Англии и Нормандии. Многие скандинавские заимствования той поры сохраняются в английском по сей день (см. § 124).

Древнейшая сохранившаяся датская рукопись («Сконское право») относится к концу 13 в. и выполнена так называемыми пунктированными рунами (см. § 85). Наиболее ранние дошедшие до нас рукописи, написанные латинским письмом, относятся лишь к 14 в. Это различные записи местных законов (вторая рукопись «Сконского права»), а также Зеландского и Ютландского права и рукопись «Права города Фленсбурга». Кроме того, сохранились некоторые фрагменты из сборника житий святых, несколько медицинских сочинений и др. Литература второй половины 14 и 15 вв. мало оригинальна и представлена преимущественно переводными произведениями религиозно-нравоучительного содержания. Особо следует выделить старейшую датскую печатную книгу — «Датская рифмованная хроника» (1495 г.).

В древнедатский период происходит ряд фонетических изменений, в частности монофтонгизация дифтонгов в 10 в., переход $\bar{a} > \bar{o}$ в 13 в. (см. § 86). Главным изменением в звуковой системе был так называемый датский перебой согласных. Он произошел в 12—13 вв. и заключался в том, что глухие смычные p, t, k после гласного озвончились, т. е. перешли в b, d, g , а затем превратились в щелевые $v, ð, \gamma$. На письме отразился только первый этап этого процесса. В современном литературном датском языке b после гласного произносится как смычный, но это результат позднейшего изменения (в большинстве диалектов сохраняется v). Особым передвижением согласных датский язык резко отличается от других скандинавских

¹ По преданию, королева Тюра руководила возведением оборонительного вала Даневирке на юге Дании. Отсюда и эпитет «спасительница Дании». Впрочем, некоторые исследователи считают, что слова **tanmarkaR but** относятся к Горму и означают «спаситель Дании».

языков, как и от прочих германских языков вообще. Ср. норв. *gate*, исл. *gata*, шв. *gata*, фар. *gøta* и дат. *gade* [ˈgaːdə] ‘улица’; норв., шв. гер. исл. *geip(i)*, фар. *geip* и дат. *geb* [reˈb] ‘канат’; норв. *søke*, шв. *søka*, исл. *sækja*, фар. *søkja* и дат. *søge* [ˈsøːyə] ‘искать’. Возникнув на датских островах (Зеландия, Фюн и др.), перебой распространился оттуда и на говоры южной Швеции (бывшие датские области) и на юго-западное побережье Норвегии; в обеих этих областях осуществился первый этап перебоя: глухие заменились в названной позиции звонкими (ю.-норв. *gade*, *geb*, *søge*).

С перебоем связано другое специфически датское явление — «ослабление» (вокализация) старых звонких щелевых после гласных. Это понятно: возникли новые звонкие щелевые и старые слились бы с ними, если бы не изменились. На письме это изменение отразилось не во всех случаях. Ср. норв., шв., фар. *hav*, исл. *haf* и дат. *hav* [hav] ‘море’; шв. *möda*, исл. *mæða*, фар. *møði* и дат. *møje* [ˈmøjə] ‘труд’; норв., шв. *skog*, исл., фар. *skógur* и дат. *skov* [skou] ‘лес’. В результате этого процесса в датском возникли новые дифтонги (старые, восходящие к общескандинавскому языку-основе, как уже отмечалось, монофтонгизировались).

В это же время возникла такая специфическая особенность датского языка, как «толчок», или стёд (дат. *stød*). Толчок представляет собою гортанную смычку, т. е. мгновенное смыкание голосовых связок при произнесении звука, так что слышится слабый щелчок. Артикуляционно датский толчок сходен с немецким «сильным приступом» («*harter Einsatz*», «*Knacklaut*»), слышимым перед гласным (например, в нем. *ein* [ˈaɪn]), однако в отличие от немецкого языка датский толчок имеет место не перед гласным или дифтонгом, а после них, а также после некоторых согласных¹. В транскрипции толчок, как и немецкий «сильный приступ», изображается апострофом'. С толчком, например, произносятся следующие датские слова: *ni* [niˈ] ‘девять’, *by* [byˈ] ‘город’, *bog* [bɔˈʎ] ‘книга’, *dør* [døˈr] ‘дверь’, *vild* [vilˈ] ‘дикий’, *ånd* [ɔnˈ] ‘дух’, *ørn* [øɾnˈ] ‘орел’, *seng* [sɛŋˈ] ‘кровать’. На письме толчок никак не обозначается.

Толчок имеет фонематическое значение, т. е. в датском языке имеются пары слов с одинаковым фонемным составом, различающиеся только наличием или отсутствием толчка, например: *læser* [ˈlɛːsər] ‘читает’ и *læser* [ˈlɛːsər] ‘читатель’.

Распределение датских слов на имеющие толчок и не имеющие его, в общем, совпадает с распределением слов в норвежском и шведском на имеющие первый и второй тон (см. §§ 99, 105). В основном, в тех словах, где в норвежском и шведском представлен первый тон (первоначально в односложных словах), в датском имеет место толчок и, напротив, в первоначально двусложных и многосложных словах, где в норвежском и шведском имеется второй тон, в датском толчок отсутствует. Ср. норв. ‘*storm* ‘буря’, — ‘*stormer* ‘бури’, шв. ‘*storm* — ‘*stormar* и дат. *storm* [stɔrˈm] — *storme* [ˈstɔrmə].

¹ Сходный звук слышится в русском разговорном слове *не-а* (= нет) между гласными.

Это свидетельствует в пользу того, что толчок по своему происхождению связан с музыкальным ударением (видимо, сменил его).

К концу древнедатского периода область распространения датского языка была значительно обширнее, нежели теперь. Датскими были южношведские области Сконе, Халланд, Блекинге. Датский язык в 15 в. стал государственным языком в Норвегии.

Начало формирования датской нации относится к 16 в. Все более ведущее положение начинает занимать столица Дании Копенгаген, и говор столицы, зеландский диалект, постепенно становится диалектной основой складывающейся общенациональной языковой нормы.

Особую роль в развитии датского национального языка сыграла реформация церкви, которая осуществилась в 1536 г. Языком церкви вместо латыни стал датский, получили распространение книги религиозного содержания на датском языке. Книгопечатание, начавшееся в Дании в конце 15 в., приняло широкие размеры. Очень важным событием в становлении нормы национального языка было издание датского перевода библии, наиболее широко читаемой в ту эпоху книги. Этот перевод, выполненный выдающимися деятелями датской культуры того времени, вышел в 1550 г. и носит название «Библии Кристиана Третьего» (по имени короля, при котором вышел этот перевод).

В 17 в. Дания уступает Швеции ряд территорий, в частности Сконе, Халланд и Блекинге (по Роскильдскому миру 1658 г.), и здесь шведский язык в течение одного поколения вытеснил датский.

Сфера применения датского языка расширялась постепенно. Он уже стал языком церкви, но языком науки в Дании, как это было обычно в средневековой Европе, оставалась латынь. Позиции латыни усилились после основания в 1479 г. Копенгагенского университета: языком университета была латынь. В 17 в., известном в истории Дании как «ученый век», многие выдающиеся ученые писали свои труды по-латыни, например, астроном Тихо Браге, врач и археолог Оле Ворм, астроном Оле Рёмер (первым определивший скорость света) и др. На датском языке в 17 в. было написано всего несколько научных сочинений. Лишь в 18 в., в эпоху Просвещения, датский язык оттесняет латынь как язык науки.

Другим языком, с которым датскому приходилось вести борьбу, был немецкий. Немецкое влияние проявлялось по-разному в разное время.

В 13—15 вв. датский язык испытывает сильное влияние средне-нижнемецкого. Северонемецкие города в ту эпоху опережали Скандинавию в отношении ремесленного производства, техники, торговли и ряда других областей. Огромную роль играл Ганзейский союз, в руках которого находилась большая часть торговли на Балтийском море. Ганза имела постоянные конторы и фактории в ряде скандинавских городов, в том числе в Бергене, Висбю и др. Очень большое количество датских слов, относящихся к ремеслу, горному делу, строительству и архитектуре, торговле и т. д., нижнемецкого происхождения. Например: værksted 'мастерская' (< снн. werkstede), værktøj 'инструмент' (< снн. werktouwe), mester 'мастер' (< снн. meister), snedker 'столяр' (< снн. sniddeker), skrædder 'порт-

ной' (< снн. schräder), skömager 'сапожник' (< снн. schömaker), bødker 'бондарь' (< снн. bødeker), grube 'шахта', 'рудник' (< снн. grube), vridbor 'бурав' (< снн. frit(t)bohr), krudt 'порох' (< снн. krūt), krig 'война' (< снн. krīch), bomuld 'хлопок' (< снн. bōmwulle), borger 'горожанин', 'гражданин' (< снн. borgere), adel 'дворянство', 'знать' (< снн. adel), slot 'замок' (< снн. slot) и множество других.

Нижне немецкий язык долгое время господствовал при королевском дворе, многие короли говорили только по-немецки (например, Кристиан III говорил только по-нижне немецки), множество придворных, офицеров, купцов, промышленников были немцы. С 17 в. нижне немецкое влияние уступает место верхне немецкому. Первые датские газеты выходили на немецком языке. Такое положение сохранялось до 18 в.

Влияние французского языка, начавшееся во второй половине 17 в., особенно усиливается в 18 в. Но оно ограничивалось в основном дворянством и верхушкой буржуазии: это был салонный язык, не затронувший языка основной массы населения. Известное количество французских слов вошло в датский через немецкий.

Понятно, что датский литературный язык конца 17 в. — начала 18 в. в своем лексическом составе изобиловал латинскими, немецкими и французскими элементами.

Огромная роль в становлении нормы литературного датского языка принадлежит выдающемуся писателю Людвигу Хольбергу (Ludvig Holberg, 1684—1754). Норвежец родом (Хольберг родился в Бергене), он прожил большую часть жизни в Копенгагене. Широко образованный ученый, профессор, а впоследствии и ректор Копенгагенского университета, автор ряда исторических, географических и философских сочинений, Хольберг был создателем новой датской (и одновременно норвежской) литературы. Его перу принадлежат 35 комедий и ряд других литературных произведений. Многие из его комедий до сих пор не сходят со сцен театров Скандинавии и принадлежат к числу любимых книг датчан и норвежцев (например: «Оловянщик-политикан», «Жан де Франс», «Еппе с горы», «Эразмус Монтанус» и др.). Впервые в датской литературе хольберговские герои — копенгагенские горожане и зеландские крестьяне — заговорили своим естественным языком.

Многие датские писатели более позднего времени оказали влияние на развитие литературного языка и закрепление его нормы. Среди них в первую очередь следует назвать Адама Эленшлегера (1779—1850), Николая Фредрика Грунтвига (1783—1872), Ханса Кристиана Андерсена (1805—1875), Сёрена Киркегора (1813—1855), Хольгера Дракмана (1846—1908), Енса Петера Якобсена (1847—1885), Георга Брандеса (1842—1927), Хенрика Понтоппидана (1857—1943) и Йоханнеса В. Йенсена (1873—1950).

В середине 18 в. зарождается течение, ставящее своей целью очищение датского языка от иностранных элементов, замену их новыми словами, созданными на базе датского языкового материала, выступающее за более простой и естественный синтаксис и стиль. Наиболее видными представителями этого течения были Фредрик Кристиан Айльскоу и Енс Снедорф. Их журнал «Den patriotiske Tilskuer» («Пат-

риотический обозреватель») пользовался очень большой популярностью. В нем предлагались новые слова, которые должны были заменить иностранные; очень многие из этих слов привились и вошли в датский литературный язык. Большая часть созданных в середине 18 в. неологизмов представляет собою кальки немецких слов. В качестве примеров можно привести следующие: *genstand* 'предмет' (нем. *Genstand*), *selvstændighed* 'самостоятельность' (нем. *Selbstständigkeit*), *lidenskab* 'страсть' (нем. *Leidenschaft*), *valgsprog* 'девиз' (нем. *Wahl-spruch*), *fordom* 'предвзвешивание' (нем. *Vorurteil*), *sandsynlig* 'вероятный' (нем. *wahrscheinlich*) и т. д.

§ 102. Фонетика. Датская орфография в основном сложилась во второй половине 18 в. В 1949 г. была осуществлена последняя орфографическая реформа, которая ввела написание существительных со строчной буквы (до этого они по немецкому образцу писались с прописной) и заменила буквосочетание **aa** [ɔ], [ɔ:l] буквой **å**.

Датское произношение во многом отличается от произношения других скандинавских языков. Характерно, что если чтение датского текста в общем не представляет трудностей для норвежцев, то понимание датской речи гораздо более затруднительно. Основные особенности фонетики датского языка, противопоставляющие его другим скандинавским языкам,— это «толчок» и отсутствие долгих согласных.

О «толчке» (стёде) говорилось выше в § 101. Что касается отсутствия долгих согласных (двойные согласные буквы в датском лишь обозначают краткость предшествующего гласного), то эта черта характерна для всех без исключения западногерманских языков, но, кроме датского, не свойственна ни одному скандинавскому. Таким образом, в датском языке отсутствует слоговое равновесие (см. § 86), так как слоги могут быть и долгими (например, *råd* [rɔːð]¹ 'совет') и краткими (*hat* [hat] 'шляпа').

Датский язык отличается богатым вокализмом. Насчитывается 20 гласных фонем-монофтонгов и 11 дифтонгов. Характерная черта — наличие фонематически противопоставленных друг другу открытых и закрытых *e*, *ø*, *o* (как долгих, так и кратких): ср. *ende* ['ɛnə] 'конец' и *inde* ['ɛnə] 'внутри', *ånd* [ɔn] 'дух' и *ond* [on] 'злой', *søn* [søn] 'сын' и *synd* [søn] 'грех'.

У согласных, кроме упомянутой их краткости, можно отметить следующие особенности. Смычные *b*, *d*, *g*, как в исландском и фарерском (см. §§ 90 и 94), глухие, т. е. произносятся без участия голоса. Фонемы *p* и *b*, *t* и *d*, *k* и *g* противопоставлены друг другу, следовательно, по наличию или отсутствию придыхания и по более энергичной или менее энергичной артикуляции.

Как уже отмечалось (см. § 101), исторические смычные *p*, *t*, *k* после долгих гласных перешли в *b*, *d*, *g*, а затем превратились в щелевые; исторические звонкие смычные подверглись вокализации.

§ 103. Грамматика. Грамматический строй датского языка относительно прост.

¹ Гласный с «толчком» равен по длительности долговому.

Существительное характеризуется категориями рода, числа и падежа. Грамматических родов два — общий (в котором слились существовавшие ранее мужской и женский) и средний. Множественное число, как правило, образуется при помощи окончаний -er и -e у существительных общего рода и обычно не имеет окончания у существительных среднего рода (-e у некоторых): ср. by 'город' — byer, gård 'хутор' — gårde, ord 'слово' — ord. У нескольких существительных во мн. ч. есть перегласовка: bog 'книга' — bøger, nat 'ночь' — nætter и др. Падежей два — общий и родительный. Родительный падеж имеет окончание -s для всех родов и чисел.

Неопределенный артикль—en (общий род) и et (средний род), например: en bog 'книга', et år 'год'. Определенный артикль — суффиксированный, как во всех скандинавских языках; его формы: -(e)n (общий род), -(e)t (средний род), -(e)ne (мн. ч.), например: bogen, året, bøgerne, årene. Если «определенное» существительное имеет при себе определение (прилагательное, причастие и т. п.), используется так называемый свободностоящий артикль, например: den gode bog 'хорошая книга', det gode år 'хороший год', de gode bøger, de gode år.

Прилагательное имеет две формы. Так называемая «сильная» форма не имеет окончания в общем роде (en dyre bog 'дорогая книга', bogen er dyre 'книга дорогая'). В среднем роде сильная форма прилагательного получает окончание -t (et godt år), во мн. ч. — окончание -e (gode år). «Слабая» форма характеризуется окончанием -e (den dyre bog).

Морфологически датские глаголы делятся на сильные, образующие основные формы чередованием корневого гласного (например: skrive 'писать' — skrev — skrevet), и слабые, образующие претерит и причастие II при помощи «дентального суффикса», т. е. суффикса с -t-, -d- (например: bo 'жить' — boede — boet, vise 'показывать' — viste — vist). Система времен — общая с другими германскими языками: презенс, претерит, перфект, плюсквамперфект, будущее I и II, будущее в прошедшем I и II. Имеется флективный страдательный залог (на -s) и аналитический (глагол blive 'становиться' + причастие II — «пассив действия» и глагол være 'быть' + причастие II — «пассив состояния»). Ср.: der bygges meget i vort land 'в нашей стране много строят'; bogen bliver læst 'книга читается'; bogen er skrevet 'книга написана'. Наклонений два — изъявительное и повелительное (byg! 'строй!', skriv! 'пиши!'). Значения условности, желательности и т. п. выражаются различными аналитическими конструкциями.

Заслуживают специального упоминания датские числительные, часть которых резко отличается от числительных других скандинавских языков. Числительные 50, 60, 70, 80 и 90 исторически образованы умножением на 20, что особенно видно в их полной форме. Эта форма исторически представляет собою сложное слово, состоящее из множителя, указывающего сколько раз берется 20, слова sinde 'раз' и числительного tyve '20':

50 halvtredsindstyve = halvtredje $(2\frac{1}{2})^1$ -sinde-tyve

60 tresindstyve = tre (3)-sinde-tyve

70 halvfjerdsindstyve = halvfjerde $(3\frac{1}{2})$ -sinde-tyve

80 firsindstyve = fire (4)-sinde-tyve

90 halvfemsindstyve = halvfemte $(4\frac{1}{2})$ -sinde-tyve

Более употребительны краткие формы этих числительных: halvtreds, tres, halvfjerds, firs, halvfems. Единицы стоят перед десятками, как в немецком языке, и соединяются союзом og [э] 'и', например: nioghalvfjerds(indstyve) '79'.

ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК

§ 104. Общие сведения. История. Шведский язык — государственный язык Швеции, где на нем говорят более 8 миллионов человек, и, наряду с финским, один из государственных языков Финляндии, где число говорящих на нем составляет около 300 тысяч, или 6% населения. Всего на шведском языке, таким образом, говорят около 8,5 миллионов человек. По количеству говорящих шведский занимает первое место среди скандинавских языков.

Шведский язык, вместе с датским, относится к восточноскандинавским. Следует отметить большую близость шведского и норвежского языков, особенно в области фонетики.

Шведский язык от эпохи викингов приблизительно до эпохи Реформации называют древнешведским, после Реформации — новшведским. Шведские историки языка выделяют иногда и более мелкие этапы в его истории (рунический древнешведский, классический древнешведский и поздний древнешведский; ранний новшведский и собственно новшведский).

Древнейшие памятники шведского языка — надписи младшими рунами (их норвежско-шведским вариантом, см. § 85). Таких надписей в Швеции сохранилось около 2500, т. е. в два с половиной раза больше, чем во всех остальных Скандинавских странах вместе взятых. Характерно, что более 1000 надписей младшими рунами найдено в сравнительно небольшой области Уппланд (берег Ботнического залива к северу от Стокгольма). Надпись на Рёкском камне (провинция Эстергетланд, 9 в.), выполненная частично старшими рунами — самая длинная из рунических. Большинство же их — краткие надгробные надписи, но благодаря обилию надписей общий состав лексики этой эпохи, дошедший до нас, очень велик. Как уже говорилось, из-за несовершенства младшего рунического алфавита, не различавшего глухих и звонких согласных, неперегласованных и перегласованных гласных, а также не отражавшего (как и старший рунический алфавит)

¹ Числительное halvtredje образовано из частей halv 'половина' и порядкового числительного tredje 'третий', т. е. буквально 'половина третьей (единицы)'. Аналогично образованы числительные halvfjerde и halvfemte.

долготы и краткости, расшифровка и толкование некоторых надписей затруднительны.

Первые дошедшие до нас шведские рукописи, в которых был применен латинский алфавит, относятся к 13 в. Древнейшая сохранившаяся рукопись — два листа записи «Вестгётского права» — относится к 1225—1250 гг.; почти полный текст «Вестгётского права», дошедший до нас, датируется 1280 г. Ряд местных законов сохранился в списках первой половины и середины 14 в. К середине 14 в. относится древнейший список «Уложения короля Магнуса Эрикссона». Помимо законов, к этому времени восходит рукопись с частью древнешведского собрания житий святых («Codex Bureanus»), а также несколько листов «Откровений св. Биргитты». В более поздних списках дошли до нас написанные в то время сочинения «О правлении королей», «Евфимиевы песни» и «Эрикова хроника». «Евфимиевы песни» — три средневековые рыцарские баллады, переведенные на шведский язык по распоряжению норвежской королевы Евфимии (ум. 1312). Рифмованная «Эрикова хроника» повествует о шведской истории с 1249 г. по 1319 г. Таким образом, ранний период древнешведского языка представлен в рукописях трех видов — в записях законов, а также в религиозных и поэтических (отчасти переводных) произведениях.

Во второй половине 14 в. Биргиттинский монастырь в Вадстене (Эстергётланд) превращается в крупнейший центр религиозной литературы (преимущественно переводов с латыни). Вышедшие из стен Вадстенского монастыря переводы библии и житий святых, молитвенники, назидательные сочинения, а также светские произведения — переводы рыцарских романов, рифмованные хроники, книги по медицине, собрания пословиц и т. п. — расходились по всей Скандинавии. Эстгётская вадстенская языковая норма была в то время образцом, которому подражали в других местах в Швеции. Эта норма испытала сильное влияние латыни, поскольку основную массу памятников составляли переводы.

С середины 14 в. шведский язык начинает применяться в качестве языка деловых документов. Постепенно складывается официальный канцелярский язык. В конце 14 в. Швеция подпадает под власть Дании, и шведская канцелярская норма начинает испытывать влияние датской канцелярской нормы.

В период от эпохи викингов до Реформации шведский язык претерпел ряд значительных изменений.

Установилось слоговое равновесие, т. е. все ударные слоги стали долгими (краткие слоги удлинились, а сверхдолгие сократились, см. § 86). Это произошло в Швеции в основном в 15 в.

Редукция безударных гласных затронула большую часть шведских диалектов, но на литературной норме, сложившейся впоследствии на основе свейских говоров, это не отразилось (см. также ниже).

Во второй половине 14 в. произошла лабиализация долгого а, т. е. переход его в о (см. § 86). Следствием этого процесса в шведском, как и в норвежском, были (не отразившиеся на письме!) переходы о [o:] > [u:] (реже о [ɔ] > [u]) и [u], [u:] > [ɥ]. [ɥ:] : bo [bu:] 'жить', orn [urn] 'змея', upp [ɥp:] 'вверх', hus [hɥ:s] 'дом'.

Общим явлением для датского и шведского языков в рассматриваемый период была монофтонгизация дифтонгов (см. § 86). Центром этого процесса была Дания, в Швеции он завершился только в 12 в. Ср. шв. *sen* 'поздний' и исл. *seinn*; шв. *öga* 'глаз' и исл. *auga*; шв. *öra* 'ухо' и исл. *euga*.

В области консонантизма в шведском, как и в норвежском, начиная с 13 в. шел процесс палатализации и спирантизации *g*, *k* и *sk*, состоявший в том, что перед гласными переднего ряда менялась их артикуляция: [g] > [j], [k] > [tʃ] (в норвежском > [ç]), [sk] > [ʃ] (см. § 97). Эти переходы (захватившие в шведском и *stj-: stjärna* ['ʃe:ɲa] 'звезда') не отразились в написании. Процесс шел неравномерно по диалектам и в древнешведский период еще не завершился полностью.

Кроме названных основных, имел место также ряд более частных фонетических процессов.

В средние века шведский язык заимствует (как датский и норвежский) большое число слов из средненижнемецкого. Это было связано с более ранним экономическим и культурным развитием северонемецких городов и огромной ролью Ганзы на Балтике (ср. § 101). Заимствованная лексика относится к сфере торговли, ремесла, административного управления и т. д. Например: *skåp* 'шкаф' (< снн. *schap*), *dräkt* 'одежда' (< снн. *dracht*), *bult* 'болт' (< снн. *bolt*), *redskap* 'инструмент' (< снн. *redeschap*), *timmerman* 'плотник' (< снн. *timmerman*), *hytta* 'металлургический завод' (< снн. *hütte*), *gårdhus* 'патуша' (< снн. *gāthūs*), *fråga* 'спрашивать' (< снн. *vragen*) и сотни других слов. Нижнемецкого происхождения также ряд приставок (*be-*, *bi-*, *er-*, *för-* и др.) и суффиксов (*-inna*, *-ska*, *-ande*, *-eri* и др.).

Постепенно разрушается старая четырехпадежная система склонения существительных и прилагательных, упрощаются глагольные парадигмы.

В 16 в. начинает складываться шведская нация. В первой трети 16 в. происходят два важных события в шведской истории: отделение в 1523 г. от Дании, под властью которой страна находилась с конца 14 в., и реформация церкви в 1527 г. Реформация оказала очень большое влияние на развитие литературного языка, так как религиозные книги — наиболее распространенная в ту эпоху литература — стали выходить на шведском языке.

Книгопечатание (первая печатная книга на шведском языке «Об искушении дьявола» вышла в 1495 г.) после реформации получило широкое распространение. Для становления национальной нормы важнейшую роль сыграл выход в 1541 г. печатного перевода Библии, так называемой «Библии Густава Васы». Если в памятниках предыдущей эпохи в основном были представлены черты эстгётских говоров, то в «Библии Густава Васы» превалируют черты свейских говоров, т. е. диалектов области Стокгольма и озера Меларен. Это объясняется тем, что данная область стала ведущей в экономическом и административном отношении.

Усиливается в это время и роль государственной канцелярии, находившейся в Стокгольме.

В 17 в. расширяется область распространения шведского языка. Дания уступает Швеции в 1645 г. (по миру в Брёмсебру) Херьедален и Емтланд, области, расположенные на границе с Норвегией и бывшие норвежскими с 13 в., а также остров Готланд. В 1658 г. (по Роскильдскому миру) к Швеции отходят бывшие до того времени датскими области на юге Скандинавского полуострова (Сконе, Халланд и Блекинге). Датский письменный язык был в этих новых областях на юге Швеции вытеснен шведским в течение одного поколения. Это оказалось возможным благодаря тому, что местные диалекты близки как датскому, так и шведскому языку. Известную роль сыграло также и основание в Лунде (южная Швеция) университета в 1668 г.

Языком науки в Швеции, как и в других странах Европы, в течение многих веков была латынь. В университете в Упсале, основанном в 1477 г. (это старейший университет в Скандинавии), языком преподавания была только латынь. Положение начинает меняться лишь в 17 в., в период шведской истории, носящий название «великодержавия». Характерная для этой эпохи националистическая идеология пробудила, в частности, интерес к шведскому языку, стремление возвеличить его. Шведский язык впервые прозвучал с университетской кафедры в 1677 г., когда шведский ученый Улуф Рюдбек произнес в Упсальском университете свою вступительную речь. Однако использование латыни как языка науки продолжается и в 18 в. Например, выдающийся шведский естествоиспытатель Карл Линней (1707—1778) писал свои труды по-латыни.

Первая шведская газета начала выходить в 17 в. В середине 18 в. шведский писатель Улуф Далин издавал журнал «Шведский Аргус», язык которого был близок к разговорному. Начало издания этого журнала считается шведскими историками языка вехой, знаменующей начало новейшего периода в истории шведского языка. Творчество многих писателей 18—19 вв. способствовало формированию шведского литературного языка. Крупнейшей фигурой в шведской литературе во второй половине 18 в. был поэт Карл Белльман (1740—1795), автор песен, популярных до сих пор. На первую половину 19 в. падает творчество романтика Эсайяса Тегнера (1782—1846). Наиболее крупные фигуры шведской литературы последующего периода: писатель Карл Юнас Лове Альмквист (1793—1866), поэты Виктор Рюдберг (1829—1895), Карл Сноильски (1841—1903) и писавшие по-шведски Юхан Людвиг Рунеберг (1804—1877) и Сакариас Топелиус (1818—1889), жители Финляндии. Выдающийся представитель шведской литературы Август Стриндберг (1849—1912) писал во второй половине 19 в. — начале 20 в. На конец 19 в. приходится начало творчества Сельмы Лагерлёф (1858—1940), выдающейся шведской писательницы.

Становлению нормы литературного языка в значительной мере способствовали работы шведских языковедов. Первая шведская грамматика была написана Э. Ауривиллиусом в 1684 г. (на латыни). Наибольший вклад в изучение шведского языка внес крупнейший шведский лингвист Юхан Ире, автор этимологического «Свейско-гётского словаря» (1769). Ю. Ире в ряде моментов предвосхитил открытия сравнительно-исторического метода в языкознании 19 в. «Шведский словарь»

Абрахама Сальстета (1773) в течение длительного времени считался наиболее авторитетной нормой. В 1786 г. была основана Шведская академия, в число задач которой входила «забота о чистоте, силе и величии шведского языка». Изданная ею грамматика (1836) сыграла большую роль в закреплении литературной нормы. Нормализация шведской орфографии, начавшаяся еще в 16 в., продолжалась на протяжении 17—18 вв. Орфографические реформы, упростившие правописание и, в частности, упразднившие ряд непроизносимых букв, были осуществлены в 1889 и 1906 гг.

Как отмечалось, еще в «Библии Густава Васы» (1541) на первый план выходят свейские говоры. В 18 в. язык Стокгольма, столицы страны, становится доминирующим и определяющим норму. К 19 в. региональные варианты полностью вытесняются из литературного языка. Примером может служить категория грамматического рода. До сих пор в ряде шведских диалектов сохраняется трехродовая система, но с возвышением говора столицы, где имеется лишь общий (объединивший существовавшие ранее мужской и женский) и средний род, в литературном языке безраздельно устанавливается двухродовая система.

Шведский пуризм восходит еще к 16 веку, когда после успешной войны с Данией за независимость начинаются сознательные попытки устранить следы датского влияния. Характерно, что в «Библии Густава Васы» было принято безударное окончание **-а** (например, в инфинитивах), поскольку безударное **-е** рассматривалось как датский признак, хотя оно и широко представлено в шведских диалектах, отчасти даже в тех, которые легли в основу национальной нормы. Заметную роль в борьбе за чистоту шведского языка сыграли в 17 в. поэт Георг Шернфельм (1598—1672), поэт и ученый С. Колумбус (1642—1679) и др. Забота о чистоте языка была названа первой в числе задач Шведской академии, основанной в конце 18 в. Наиболее известным пуристом 19 в. был поэт и писатель Виктор Рюдберг, лозунгом которого была «скандинавская чистота» языка. Он боролся не только со словами греческого, латинского или французского происхождения, но и со словами и словообразовательными элементами немецкого происхождения, прочно вошедшими в шведский язык. Например, слово författare 'писатель' Рюдберг предлагал заменить словом boksmed 'делающий книги' (ср. smed 'кузнец'), forskare 'исследователь' — словом sanningsletare 'искатель истины' и т. п. Из пуристических замен Рюдберга в язык вошли лишь единицы, например: innebörd 'содержание', dagteckna 'датировать'.

§ 105. Фонетика. Орфография шведского языка довольно адекватно отражает произношение и, в общем, основана на фонетическом принципе. Главная ее непоследовательность состоит в том, что буква **o**, обозначающая обычно [u:] в «долгом чтении» и [ɔ] в «кратком», в ряде случаев обозначает иные фонемы — [o:] и [u]. Ср. го [gu:] 'грести', hopp [hɔp:] 'надежда', sova ['so:va] 'спать' и ost [ust] 'сыр'. Сохраняется, далее, ряд исторических написаний; так, в буквосочетаниях dj, gj, hj и lj первая буква не произносится: djur [ju:r] 'животное', gjuta ['ju:ta] 'лить', hjälp [jelp] 'помощь', ljud [ju:d]

'звук'. Буквосочетания kj и tj обозначают одну аффрикату [tʃ]: kjol [tʃu:l] 'юбка', tjuv [tʃu:v] 'вор'. Буквосочетания sj, skj, sk (перед гласными переднего ряда) и stj обозначают звук [ʃ]: sju [ʃu:] 'семь', skjuta [ʃi:ta] 'стрелять', skina [ʃi:na] 'блестеть', stjåla [ʃɛ:la] 'красть'.

Основные особенности шведской фонетики следующие.

У гласных выделяется очень заднее произношение долгого [a:], на слух воспринимаемого как среднее между обычным [a:] и [ɔ:]. Шведский — единственный из скандинавских (и вообще германских) языков, в котором отсутствуют дифтонги (они возможны только в некоторых иностранных словах). Это связано с монофтонгизацией старых дифтонгов (см. § 87).

Характерной особенностью шведских согласных (свойственной также норвежскому языку, см. § 99) являются так называемые супрадентальные, или постальвеолярные, согласные [t], [d], [s], [n], [l]. Эти звуки возникли из исторических сочетаний r + t, r + d и т. д. и так же изображаются на письме (rt, rd и т. д.); ср. barn [ba:n] 'ребенок', ord [u:d] 'слово', ärlig [ɛ:lig] 'честный'.

Шведский язык, как и все скандинавские языки, кроме датского, характеризуется слоговым равновесием, т. е. все ударные слоги долгие (см. § 86).

Характерной чертой шведской фонетики является тоническое ударение, или тонический акцент. Динамическое, или силовое, ударение сочетается с движением тона в слове. Существует два типа тонического акцента: а) первый тон, заключающийся в простом повышении или понижении тона к концу слова (в зависимости от условий в предложении), и б) второй тон, при котором сначала в ударном слоге происходит понижение, а в последующем слоге (последующих слогах) происходит повышение тона. Первый тон в транскрипции изображают знаком ' (órdet 'слово'), второй — знаком ` (gåta 'улица'). Музыкальное ударение имеет смысловозначительное значение, т. е. существуют пары слов, имеющих одинаковый фонемный состав и различающихся только тонами: ср. ånden 'утка' и ånden 'дух'. Правила распределения тонических акцентов довольно сложны и имеют ряд исключений. В самом общем виде можно сказать, что первый тон характерен для исторически односложных слов (включая презенс сильных глаголов¹ и односложные существительные с артиклем), тогда как второй тон характерен для исторически многосложных (имеющих два и более слогов) слов; однако эта формулировка не охватывает множества случаев. Тоны на письме не обозначаются, и овладение ими — главная трудность в изучении шведского языка.

Из всех скандинавских языков шведский наиболее богат гласными, возможными в безударных слогах, в частности в грамматических показателях. Если в датском в окончаниях возможен только редуцированный звук [ə], в норвежском (букмоле) — [ə] и [a], в исландском — [a], [i], [y], то в шведском в этом положении возможны [a], [ə], [i], [u]. Поэтому шведская морфология значительно

¹ См. примечание к с. 150.

богаче, чем морфология других континентальных скандинавских языков. Ср. норв. *kvinner* 'женщины', *dager* 'дни', *rader* 'ряды' и шв. *kvinnor* [-ur], *dagar*, *rader*, норв. *drukket* (причастие II от *drikke* 'пить') и шв. *druckit* (в разговорной речи обычно [-э])

§ 106. Грамматика. Грамматический строй шведского языка сравнительно прост и, в общем, сходен с грамматическим строем датского и норвежского (букмола).

Существительные, как отмечалось, принадлежат к одному из двух грамматических родов — общему или среднему. Чисел два — единственное и множественное; последнее имеет несколько типов образования, при этом характерно, что основная масса существительных среднего рода не получает окончания: ср. *gata* 'улица' — *gator*, *bro* 'мост' — *broar*, *byggnad* 'строение' — *byggnader*, *ko* 'корова' — *kor* (общ. род.) и *hjärta* 'сердце' — *hjärtan*, *hus* 'дом' — *hus*, *barn* 'ребенок' — *barn* (ср. род.). Несколько существительных имеют перегласовку во мн. ч.: *hand* 'рука' — *händer*, *son* 'сын' — *söner*, *stäng* 'шест' — *stänger* и др. Представлены два падежа — общий и родительный; последний имеет только один показатель -s, используемый для всех родов и чисел (*fars* 'отца', *fäders* 'отцов').

Форма общего рода неопределенного артикля — *en* (*en dag* 'день'), среднего рода — *ett* (*ett år* 'год'). Определенный артикль, как во всех скандинавских языках, суффиксированный; его формы: -(e)n (общ. род), -(e)t (ср. род) и -na, -a, -en (мн. ч.). Ср., например: *dagen*, *året* и *dagarna*, *åren*, *hjärtana*. Когда «определенное» существительное имеет определение (прилагательное и т. п.), помимо суффиксированного артикля используется также так называемый свободностоящий (*den. det. de* [в разговорной речи обычно [d эm]), и существительное таким образом имеет два артикля: *den nya boken* 'новая книга', *det höga huset* 'высокий дом', *de stora båtarna* 'большие суда'. В ряде случаев свободностоящий артикль может опускаться: *hela tiden* 'все время', *svenska folket* 'шведский народ', *Stilla oceanen* 'Тихий океан' и т. п., но он не употреблялся без суффиксированного (в этом шведский язык расходится с датским и — в меньшей степени — с норвежским).

Прилагательное имеет так называемые «сильную» и «слабую» формы. Сильная форма не имеет окончания в общем роде и имеет окончания -t в среднем роде и -a во мн. ч., например, *en ny bil* 'новая машина', *bilen er ny* 'автомашина новая', *ett långt ord* 'длинное слово', *nya bilar* 'новые автомашины'. Слабая форма оканчивается на -a (раньше могла оканчиваться также на -e), *den nya bilen*, *det långa ordet*.

Глаголы делятся на сильные и слабые. Первоначальное деление сильных глаголов по рядам аблаута затемнено последующим развитием. В отличие от современных датского и норвежского (а также всех западногерманских языков) шведские сильные глаголы имеют четыре основные формы: инфинитив, ед. ч. претерита, мн. ч. претерита, супин (см. ниже); впрочем, огласовка претерита различна только у части сильных глаголов. Ср. *bära* 'нести' — *bar* — *burö* — *burit*, *finna* 'находить' — *fann* — *funno* — *funnit*, *rida* 'ехать верхом' — *red* — *redo* — *ridit*. Слабые глаголы имеют ряд типов: ср. *kasta* 'бросать' — *kastade* — *kastat*,

böja 'гнуть' — böjde — böjt, läsa 'читать' — läste — läst, nå 'достигать' — nådde — nått. Различаются причастие II и супин — неизменяемая форма глагола, служащая для образования перфекта, плюсквамперфекта и инфинитива II: ср. en funnen bok 'найденная книга' и han har funnit boken 'он нашел (эту) книгу'. У многих глаголов супин и причастие II совпадают. В книжном стиле еще не так давно в презенсе различались формы ед. ч. и мн. ч. (например: jag kallar 'я зову' — vi kalla 'мы зовем'), но теперь все формы презенса одинаковы (jag, du, han, vi, ni, de kallar). Система времен шведского глагола — общая с другими германскими языками: презенс, претерит, перфект, плюсквамперфект, будущее I и II, будущее в прошедшем I и II. Шведский язык — единственный из всех скандинавских, имеющий полную парадигму не только аналитического, но и флективного пассива. Аналитический пассив образуется при помощи глагола bli(va) 'становиться' + причастие II (пассив действия) или глагола vara 'быть' + причастие II (пассив состояния): ср. han blir kallad 'его зовут', han är kallad 'он назван'. Флективный пассив, имеющий показатель -s (см. § 86), как сказано, имеет все временные формы: huset har byggts 'дом построен'. Повелительное наклонение у большинства классов совпадает с основой (läs! 'читай!', finn! 'найди!', но kalla! 'зови!'). Значения условности, желательности, предположительности и т. п. выражаются различными аналитическими конструкциями.

§ 107. Шведский язык в Финляндии. Западная Финляндия подвергалась нападениям шведских викингов начиная с 9 в. Первый крестовый поход против язычников-финнов был предпринят в середине 12 в. при шведском короле Эрике Святом. В результате этого похода было подчинено и обращено в католичество племя сумь. Второй крестовый поход в 1249 г. под руководством ярла Биргера привел к завоеванию и крещению финского племени емь и основанию Тавастехуса (теперь Хяменлинна). В 1284 г. Финляндия стала герцогством, находящимся в подчинении Швеции. В начале 14 в. к Швеции отходят также западные карельские земли. Финские крестьяне неоднократно поднимали восстания против шведских феодалов, против национального угнетения; особенно мощным восстанием была так называемая дубинная война 1596—1597 гг. Долгое время государственным языком, языком средней и высшей школы, языком культуры был шведский. Положение не изменилось и после 1809 г., когда в результате русско-шведской войны Финляндия отошла к России (в качестве «Великого княжества Финляндского»). Финский язык был признан государственным языком Финляндии наравне со шведским лишь в 1863 г.; этому предшествовала длительная борьба финнов за свою культурную независимость.

На шведском языке в Финляндии говорят, как отмечалось, около 300 тысяч человек, или 6% населения. Компактные группы шведского населения проживают в трех районах — на Аландских островах, на южном побережье страны (на северном берегу Финского залива) и по побережью Ботнического залива (к югу и северу от города Вааса).

Основное отличие финляндско-шведского варианта — отсутствие

в нем тонического ударения (ср. § 105). Остальные его особенности несущественны: есть специфика в употреблении некоторых предлогов имеются, естественно, некоторые лексические расхождения.

Глава IV. Западногерманские языки

§ 108. Введение. Западногерманские языки восходят к племенным языкам западных германцев, по классификации Плиния/Энгельса объединенных к началу нашего летосчисления в три группы племен — ингвеонов (саксы, англ, фриз), иствеонов (франки) и эрмионов (швабо-алеманны, бавары). В дальнейшем из этих племен образовалось несколько народностей, а затем наций. Англ, саксы и юты, переселившиеся на Британские острова в 5—6 вв. н. э., дали начало английской народности, а затем нации. Фризы не создали самостоятельного государства, но сохранили свой язык и в настоящее время составляют население голландской провинции Фрисланд, а также небольшой территории на побережье Северного моря и части Фризских островов в пределах Западной Германии. Саксы, не переселившиеся в Британию, вошли затем в состав немецкой народности, позже нации, а их племенной язык лег в основу нижненемецких диалектов Германии.

Основная масса франков-иствеонов, а также эрмионские племена швабо-алеманнов и баваров составили в дальнейшем немецкую народность и основную часть немецкой нации. Северные франки, обособившись в ходе исторического развития, дали начало нидерландской нации; от них ведут свое происхождение и фламандцы, германская по языку часть населения Бельгии.

Западногерманская подгруппа германских языков представлена в период раннего средневековья письменными памятниками, языковые особенности которых легли в основу общепринятой классификации древних западногерманских языков (наречий). Согласно этой классификации различают языки: 1) древнеанглийский (англосаксонский), 2) древнефризский, 3) древнесаксонский, 4) древненижнефранкский, 5) древневерхне немецкий. Ниже пойдет речь о дальнейшей судьбе этих языков и их носителей.

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

§ 109. Общие сведения и периодизация истории английского языка. Английский язык относится к западной подгруппе германских языков. Современный английский язык — самый распространенный из всех германских языков, на нем говорят свыше 300 миллионов человек. Его тремя основными разновидностями являются британский вариант, американский вариант и австралийский вариант. Английский язык также получил распространение в тех странах Азии и Африки, которые находились под длительным господством Англии в результате ее колониальной экспансии — в Индии, Непале

ле, Шри-Ланке, Бирме, Гонконге, Малайзии, в Южно-Африканской Республике, Арабской Республике Египет (АРЕ) и в других бывших колониях и полуколониях Англии. Во всех этих странах английский язык насильственно внедрялся в течение многих десятилетий, но оставался чуждым населению как язык колонизаторов. Он распространялся в сферах государственного управления, в деловых и торговых кругах, в школьном и университетском образовании, в периодической и научной печати. Однако английский язык никогда не выполнял всех функций родных языков народов этих стран. С ростом национально-освободительного движения идет бурное развитие национальных культур, в связи с чем возрастает роль родных языков в политико-административной и культурно-просветительной сферах, а английский язык постепенно уступает свои позиции.

В истории английского языка выделяют три периода:

древнеанглийский (англосаксонский) период — от первых письменных памятников (конец 7 в.) до конца 11 в.,

среднеанглийский период — 12—15 вв.,

новоанглийский период — с 16 в. и по настоящее время.

В новоанглийском выделяют ранненовоанглийский период — с 16 в. до конца 17 в.

1) Древнеанглийский период

§ 110. Древняя история Британии. Как показывают археологические раскопки, на Британских островах обнаружены следы человека, относящиеся к эпохе неолита (позднейшего периода каменного века). Это были племена иберийцев, они появились в Британии в конце третьего тысячелетия до н. э. с юго-запада Европы (Иберия — древнее название Испании). Основные занятия этих племен — охота, рыболовство, скотоводство. В первой половине второго тысячелетия до н. э. с юго-востока в Британию приходят альпийские племена скоттов и пиктов. По культуре они были близки к иберийцам, но им уже была знакома обработка бронзы. Все эти доисторические племена заселяли земли, доступные для освоения при помощи каменных или бронзовых орудий — на меловых возвышенностях, в долинах рек, по морским побережьям.

В первом тысячелетии до н. э., начиная с 7 в., в Британию вторгаются гэлы — кельтские племена с верховьев Рейна. Они постепенно расселяются по всей территории Британии. Гэльский язык сохранился до наших дней в некоторых районах Ирландии, Шотландии и на острове Мэн.

В 5 в. до н. э. в Британию переселяются из Галлии бритты — родственные гэлам кельтские племена. Они уже были знакомы с обработкой железа. С их приходом в Британии появляются железные орудия, оружие, повозки, возникают военные укрепления.

В начале 1 в. до н. э. в Британию вторгается новая волна кельтских переселенцев — белги из северной Галлии, уже знакомые с плугом, в который они впрягали волов, что знаменовало более высокую

ступень экономического и социального развития. Вновь пришедшие оттесняли своих предшественников в глубь страны, но частично и смешивались с ними. Они жили родовыми общинами, в которых господствовали патриархальные отношения с пережитками матриархата. Основой хозяйства была общинная собственность на землю. Появление железных орудий помогало освоению лесных массивов, и в юго-восточной и центральной Британии земледелие стало основным занятием, причем хлеб был предметом вывоза на континент. В холмистых же местностях севера и запада преобладали скотоводство и охота. Кроме того, в Британии добывались полезные ископаемые. Крупные кельтские поселения превращались в города, где развивались ремесла. Так возникли Лондиний (Лондон), Камулодун (на месте будущего Колчестера) и ряд других городов. Имущественное расслоение в кельтской Британии зашло довольно далеко, и в более развитых районах земля из общинной собственности постепенно переходит в частное владение. Между кельтскими племенами происходили частые междоусобицы и войны. Единого кельтского государства на территории Британии не было.

Юлий Цезарь высадился в Британии в 55 г. до н. э., но, встретив отпор кельтов, вынужден был отступить. В следующем году Цезарь снова появляется в Британии с более значительными силами, но и на этот раз попытка подчинить Британию Риму окончилась неудачей. Лишь к середине 1 в. н. э. Британия стала римской колонией. Утверждая свое господство, римляне воздвигали укрепления, строили мосты, дороги, порты; все эти сооружения служили не только военным, но и мирным целям. В Британии развивалась торговля — как внутри самой страны, так и с континентом. Римская цивилизация насаждалась и поддерживалась в основном в центральной и юго-восточной Британии, в романизированных городах, где развивались ремесла и торговля. В стране была введена римская система ведения сельского хозяйства, основанная на рабском труде; строились роскошные виллы по римскому образцу, в которых жили не только римляне, но и богатые кельты. Однако большинство кельтского населения Британии не подверглось романизации.

В начале 5 в., в связи с распадом Римской империи, римские легионы были отозваны из Британии. Романизированная часть кельтской знати не смогла поддерживать римские порядки, и кельтские традиции и образ жизни вновь стали господствовать во всей Британии. Римские города опустели, виллы были разрушены.

§ 111. Захват Британии англосаксами и сложение англосаксонской народности. Еще в конце 3 в. континентальные германские племена предпринимали попытки вторжения в римскую Британию. Позднее дружины германских племен нередко поступали на службу к кельтским вождям, между которыми после ухода римлян шла ожесточенная борьба за власть. Эти междоусобицы подорвали сопротивление кельтов завоеванию Британии западногерманскими племенами англов, саксов и ютов.

На континенте племена ютов обитали на полуострове Ютландия в северном Шлезвиге по соседству с англами, которые жили в южном Шлезвиге; еще южнее жили саксы. Процесс захвата и заселения Британии германскими племенами начался в середине 5 в. и закончился к 7 в. По-видимому вместе с англами, саксами и ютами в колонизации кельтских земель принимали участие и фризы, племена, близкородственные англам по языку и культуре, однако свидетельства об этом не сохранились.

Первыми, кто захватил территорию на юго-востоке Британии, были юты. В «Англосаксонской хронике» упоминаются германские вожди Хенгист и Хорза. Хенгист был вождем ютов. Он высадился со своими дружинами в Кенте (по древнему преданию, в 449 г.), и королевство ютов стало первым германским королевством на территории Британии. Вслед за ютами в Британию вторгаются саксы, а затем и англ. «Англосаксонская хроника» повествует о саксонском вожде Элле, который захватил обширную территорию к югу от реки Хамбер и обратил в бегство бриттов, оставшихся в живых после ожесточенных сражений. Последующие завоевания саксов связаны с именами Кедрика и Кюнерика, которые в 494 г. основали Уэссекское королевство. В течение 6 в. происходило заселение остальной территории Британии. Вооруженное сопротивление кельтов, объединившихся под властью Амвросия Аврелиана, отпрыска одной из знатных римских семей (прославленного в легендах под именем короля Артура), замедлило процесс дальнейшей англосаксонской колонизации, и завоевание основной территории острова завершилось лишь к 600 г. Кельтское население Британии было частично уничтожено в жестоких сражениях, частично слилось с англосаксами, частично было оттеснено на запад и на север; там кельты долго сохраняли свой язык и культуру, всеми силами отстаивая свою независимость от непрекращавшихся посягательств на нее со стороны англов и саксов в течение последующих столетий. Кроме того, кельты переселялись и на континент — на северо-западное побережье Франции (впоследствии провинция Бретань).

Во время заселения Британии у англов, саксов и ютов не было еще явно выраженного деления на классы. Господствовала общинная собственность на землю. Общество делилось на керлов (да. *seorl*, на. *churl* 'мужчина', 'мужлан', 'грубый человек'), составлявших основную массу свободных земледельцев, и эрлов (да. *eorl* 'знатный человек', 'вождь', на. *eorl* 'граф') — родовую и общинную знать и королевских дружинников; во главе племенного объединения стоял король, вернее, еще племенной вождь, власть которого была ограничена общинными порядками. На низшей ступени социальной иерархии находились рабы и зависимые из покоренных кельтов. Войны с кельтами и борьба за власть и за землю между племенными вождями самих англов, саксов и ютов вели к ослаблению их родовой организации, к укреплению военной верхушки, к имущественному и социальному расслоению. В процессе образования англосаксонских королевств устанавливалась власть короля и родовой аристократии, превратившейся в господствующий класс общества в ходе его перестройки на феодальных началах. К 7 в. на территории Британии, за исключением самых северных и за-

падных ее районов, населенных кельтами, сложилось семь королевств: Нортумбрия, Мерсия и Восточная Англия — королевства англов; Эссекс, Сассекс и Уэссекс — королевства саксов; Кент — королевство ютов. Эпоху существования семи англосаксонских королевств называют эпохой гептархии (греч. *hepta* 'семь'). В это время складывается англосаксонская народность, объединившая близкородственные племена англов, саксов и ютов на определенной территории в виде раннефеодальных королевств-княжеств.

В немногочисленных трудах современников заселения Британии германскими племенами общего названия для этих племен еще нет. Романизированный бритт Гильдас в своем труде «О разорении Британии» (ок. 550 г.) называет завоевателей *Saxones*; папа Григорий (конец 6 в.) называет их *Anglii*; в «Церковной истории английского народа» («*Historia ecclesiastica gentis Anglorum*») Бэда Достопочтенный (673—735) говорит о трех германских племенах — *Anglii*, *Saxones*, *Jutae* — и общим для всех названием считает «англы», как об этом свидетельствует заглавие его труда. Во второй половине 8 в. впервые встречается двойное название *Anglii Saxones* — «англосаксы» в труде историка лангобардов Павла Диакона. Валлийский епископ Ассер, современник и биограф уэссекского короля Альфреда (9 в.), называет его *Rex Angulsaxonum* — «король англосаксов».

В начале англосаксонского завоевания Британии самым сильным было королевство ютов — Кент. С начала 7 в. возвышается Нортумбрия, королевство, образовавшееся в результате объединения двух существовавших ранее королевств — Берниции и Дейры, что с самого начала придавало Нортумбрии значительный политический вес. В первой половине 7 в. через ирландских монахов в Нортумбрию проникло христианство, а с ним — латинский язык, латинская книжная культура и латинский алфавит. Все это также способствовало возвышению Нортумбрии среди других англосаксонских королевств.

С середины 7 в. и на протяжении 8 в. господствующее положение в стране переходит к Мерсии. Владения Мерсии значительно увеличиваются благодаря удачным войнам мерсийских королей и благодаря поддержке их политики языческим англосаксонским населением, для которого прежний языческий культ и старые обряды были понятнее, привычнее и демократичнее новой христианской религии, несущей чуждую им идеологию и освящающей классовое неравенство.

Скандинавские викинги начинают вторгаться в Британию с конца 8 в. Сначала их дружины не проникают в глубь страны, а опустошают прибрежные районы на востоке и северо-востоке Англии, в Шотландии и Ирландии. Со временем набеги викингов приобретают все более угрожающий характер. Уэссекс был менее подвержен вторжениям скандинавов, поскольку он был расположен на юго-западе страны. Это обстоятельство во многом способствовало тому, что Уэссекс возвысился над остальными королевствами. В первой половине 9 в. король Экберт присоединил к Уэссексу земли других саксонских королевств — Эссекса и Сассекса, которые в конце 8 в. подпали под власть Мерсии, и заставил покориться сами королевства Мерсию и Кент.

Даны¹ активизировали в это время свои действия на территории Британии, и весь 9 век заполнен их борьбой с англосаксами в попытках установить господство над англосаксонскими королевствами. Во второй половине 9 в. скандинавские завоеватели прочно закрепляются на значительной территории Нортумбрии и Восточной Англии и продолжают продвигаться на юго-запад страны к владениям Уэссекса. Король Уэссекса Альфред во время своего царствования (871—900) вел непрекращающуюся борьбу со скандинавами. О деятельности этого просвещенного короля и крупного полководца дошли более подробные и достоверные сведения, чем о его предшественниках. В это время ведется летопись («The Anglo-Saxon Chronicle»); сам Альфред и его современники оставили также много переводов с латинского и оригинальных сочинений на древнеанглийском языке (см. § 113). Потерпев вначале ряд военных неудач, Альфред сумел собрать силы для наступления на данов и нанести им крупное поражение. В 879 г. он заключил с ними мир, по которому они получили большую часть Нортумбрии, Восточную Англию и северо-восточную область Мерсии. Вся эта территория получила название области датского права (Danelag, ср. § 83). Юг и запад страны остались за Альфредом, и его власть признали все англосаксонские королевства. Альфред построил флот, укрепил границы государства и полностью перестроил военную организацию, создав вместо существовавшего до этого народного ополчения хорошо вооруженную армию, способную выдержать сражения с датчанами, которые происходили в последующие годы его правления. Феодализация Англии идет в это время ускоренными темпами, чему способствуют нововведения Альфреда. Имущественное положение королевских дружинников — тэнов, олдерменов² и других привилегированных прослоек значительно улучшается, крестьяне же оказываются во все большей зависимости от тэнов, будучи обязанными им рядом повинностей.

После смерти короля Альфреда начались междоусобицы, вспыхнули восстания в Восточной Англии и в Мерсии. Уэссекским королям удалось, однако, сохранять свое господствующее положение среди других королевств и сдерживать возобновившиеся нападения скандинавов. Во второй половине 10 в. под властью Уэссекса объединилась вся Англия, включая и область датского права. Старое название страны «Британия» вытесняется названием Englaland «страна англов», «Англия». Централизация государственной власти и частые войны укрепили господство феодалов, а законы, введенные еще королем Альфредом, закрепили зависимость крестьян от землевладельцев. Таким образом, феодализация страны продолжалась, хотя феодальная зависимость охватывала и не всех земледельцев: было еще много свободных крестьян, мелких вотчинников, рабский труд также играл еще известную роль.

¹ Данами (датчанами) англосаксы называли скандинавов, хотя в набегах на Британию участвовали не только датские, но и норвежские викинги.

² Да. ðegn 'вассал', 'служилая знать', на. thane (ист.) 'тэн', 'дворянин' — землевладелец, получивший землю за военные заслуги; да. ealdor-man 'вождь', 'старейшина', на. alderman — 'член городского магистрата'.

В 90-е гг. 10 в. Дания, которая к этому времени сложилась как сильное королевство, начала готовить новое большое наступление на Англию. В начале 11 в. датские дружины вторглись в Англию, захватили северо-восточную территорию страны, разграбили церкви и монастыри, опустошили города и деревни. В ходе дальнейших военных действий датский король Канут покорил всю страну, и Англия более чем на два десятилетия стала датской провинцией (1018—1042). За это время коренных изменений в ней не произошло: большинство англосаксонских тэнов оставались в качестве местных управителей, англосаксонские законы продолжали действовать наравне с датскими. В 1042 г. англосаксонская знать свергла датское владычество и поставила у власти Эдуарда, сына умершего англосаксонского короля Этельреда. Эдуард воспитывался в Нормандии, и вместе с ним в Англию стали прибывать нормандцы — сначала как советники короля, а затем открыто претендуя на власть в стране. После смерти Эдуарда нормандский герцог Вильгельм в 1066 г. вторгается в Англию и становится английским королем. Это событие стало началом крупных изменений в жизни английского государства и английского народа.

§ 112. Древнеанглийский язык и его диалекты. Возникновение письменности. История английского языка засвидетельствована с конца 7 в. — времени, от которого до нас дошли первые письменные памятники. Диалекты англов, саксов и ютов развивались после переселения этих племен на территорию Британии в изоляции от родственных языков и диалектов континента. В Британии их объединяют тесные территориальные связи, у них появляются новые общие черты, а различия, существовавшие между ними, постепенно становятся диалектными различиями общего языка англосаксонской народности.

По письменным памятникам древнеанглийского периода устанавливается существование в это время следующих четырех диалектов: нортумбрийского, мерсийского, уэссекского и кентского. Из них первые два были диалектами англов; они обнаруживали между собой большое сходство, но границы, разделявшие королевства англов, способствовали развитию в каждом из них некоторых отличительных черт. Уэссекский диалект был распространен в королевствах саксов к югу от Темзы, кентский — в небольшом королевстве Кент на юго-востоке Англии. В кентском диалекте имелись довольно значительные отличия от диалектов англов и саксов. Каждый из этих четырех диалектов объединял в себе более мелкие разновидности.

Среди кельтского населения Британии — в Шотландии и на значительной части западного побережья страны — сохранились кельтские языки.

Рунические памятники на древнеанглийском языке очень немногочисленны. Наиболее известные из них — стихотворная надпись религиозного содержания на придорожном каменном кресте близ деревни Рутвелл на юго-западе Шотландии (the Ruthwell Cross); второй известный памятник — надпись на шкатулке из китового уса, найденной при раскопках во Франции близ города Клермон-Ферран и переданной в Британский музей археологом Фрэнксом (отсюда ее название

«ларец Фрэнкса»); текст надписи содержит несколько слов о китовом усе. Оба памятника обнаруживают черты нортумбрийского диалекта.

Латинский алфавит стал применяться для письма у англосаксов с распространением у них христианства. В монастырях в разных районах страны сначала получила развитие письменность на латинском языке, что способствовало распространению образования, как духовного, так и светского. С конца 7 в. англосаксы начинают писать на родном языке, используя латинский алфавит.

У разных германских народов латинское письмо имело свои особенности (см. § 13). К англосаксам латинский алфавит пришел от ирландских миссионеров. Этим объясняется своеобразное написание некоторых букв. Например, буква *g* в ирландском письме имела начертание *z*. У англосаксов эта графема использовалась в четырех звуковых значениях (см. § 120). Англосаксонские ученые ввели в алфавит рунический знак *ƿ* для обозначения звонкого и глухого межзубных спирантов [ø] и [ð]; для обозначения этих двух звуков применялась и буква *ð*. Буква *c* передавала как палатальный *k'*, например в слове *cild* 'ребенок', так и непалатальный *k*, ср. *сипан* 'приходить', *пасод* 'нагой'. Буква *f* передавала как звонкий, так и глухой варианты фонемы *v/f*: ср. *ziefan* 'давать', *folc* 'народ'. Имевшийся в древнеанглийском языке лабиализованный закрытый гласный переднего ряда (высшего подъема) передавался буквой *y*; открытый (низшего подъема) переднеязычный гласный обозначала буква *a*.

Возвышение Нортумбрии сопровождалось, как уже было отмечено, распространением в ней христианства. Ирландские монахи обращают в христианскую веру пиктов на севере Британии, затем возникают монастыри и на территории Нортумбрии, и христианство охватывает всю северную часть Британии. В период своего расцвета Нортумбрия была культурным центром, признанным не только в Британии, но и на континенте. Одним из наиболее известных ученых и книжников был Бэда Достопочтенный (*Bede the Venerable*, 673—735), живший в монастыре Джарроу (*Jarrow*) в Нортумбрии. Он основал школу при монастыре, в которой обучались 600 монахов. В качестве наставников в Джарроу прибывали ученые монахи из Кентербери и с континента, и сам Бэда учился греческому и латинскому языкам у греческого архиепископа Теодора, прибывшего в Джарроу из Кентербери. Среди сорока пяти трудов Бэды по теологии, физике, философии, медицине и другим наукам наиболее известным является «Церковная история английского народа» на латинском языке, которая создала ему славу среди всего ученого мира его времени. Позднее из Нортумбрии вышел другой известный ученый Алкуин (*Alcuin*, 735—804), который провел большую часть жизни при дворе Карла Великого и создавал в государстве франков школы, используя опыт нортумбрийских монастырей.

§ 113. Памятники древнеанглийского языка. Большинство нортумбрийских памятников написано на латинском языке. Сохранилось лишь небольшое количество текстов на нортумбрийском диалекте. Это уже упомянутые рунические надписи, относящиеся, по-видимому, к 8 в.,

небольшая поэма «Гимн Кэдмона» (7 в.), «Предсмертная песнь Беды» (8 в.), перевод евангелия (10 в.).

Так же немногочисленны памятники, преимущественно церковного характера, на мерсийском и кентском диалектах. Сохранились написанные на мерсийском диалекте гимны и переводы псалтыря (9 в.), на кентском — переводы псалмов и древние юридические документы.

До нас дошла богатая прозаическая литература на уэссекском диалекте, превосходящая по количеству и разнообразию памятников литературу на других германских языках того времени. Самыми ранними из дошедших до нас памятников являются глоссы¹ 8 в., они сохранились в незначительном количестве. Памятников 9 в. уже значительно больше, но основная их масса была создана в 10—11 вв.

После опустошительных скандинавских набегов страна пережила период упадка культуры и грамотности: даны, на родине которых христианство было внедрено позднее, разрушали церкви и монастыри, истребляли христианское духовенство, распространявшее в стране грамотность, сжигали рукописи. Возвышение Уэссекса сопровождается возрождением англосаксонской культуры. Король Альфред восстанавливает монастыри и школы, привлекает к своему двору ученых людей с континента и из уцелевших монастырей в самой Англии. С их помощью он учредил школу переводчиков и сам возглавил переводческую деятельность. Зная латынь, он много переводил на древнеанглийский язык, причем его переводы являются скорее пересказами оригиналов с внесением в них его собственных дополнений и наблюдений. Согласно историческим источникам, он перевел следующие труды: «Обязанности пастыря» («Cura Pastoralis») папы Григория I (6 в.); «Церковную историю английского народа» Беды Достопочтенного (8 в.); «Мировую историю» испанского монаха Оросия (5 в.), к которой он добавил описание путешествий норвежца Охтхере и датчанина (?) Вульфстана; «Утешение философии» римского философа Боэция (начало 6 в.), жившего при дворе короля остготов Теодориха (см. § 73).

Кроме названных, следует отметить еще несколько известных памятников на уэссекском диалекте. К ним относятся «Англосаксонская хроника» — древнейшая часть летописи страны, проповеди епископа Вульфстана (начало 11 в.), сочинения аббата Эльфрика, талантливого ученого, который оставил после себя не только произведения духовной прозы, но также грамматику древнеанглийского языка и глоссарий. Его деятельность относится к концу 10 в. — началу 11 в. Из памятников научной прозы интересен лечебник с изложением учения древнегреческого врача Гиппократ и с описанием строения вселенной, который дает представление о состоянии естественных наук того времени. Сохранились деловые и юридические документы на уэссекском диалекте, имевшие хождение и на территории других англосаксонских королевств; это говорит о том, что уэссекский диалект был

¹ Глоссы — обычно надстрочный или подстрочный перевод отдельных слов иноязычного (у германских народов эпохи раннего феодализма, — как правило, латинского) текста.

признанным письменным языком англосаксонской народности как диалект самого сильного в политическом отношении королевства и культурного центра страны. Устные же разновидности древнеанглийского языка — местные диалекты — продолжали существовать и развиваться на территории всех королевств Англии.

В языке большинства поэтических памятников диалектные особенности носят смешанный характер, в них обнаруживаются черты как уэссекского, так и англских диалектов. Это принято объяснять тем, что хотя все сохранившиеся поэтические памятники относятся к 10—11 вв., когда на основе уэссекского диалекта сложился по существу общий письменный язык, они создавались и впервые записывались в Нортумбрии, а позднее переписывались в Уэссексе. Существует и другое объяснение смешанного характера языка поэтических памятников. Полагают, что существовал общий литературный язык древнеанглийской поэзии и что этот язык отличался от прозаического языка наличием в нем разнодиалектных черт¹.

Наиболее известным поэтическим памятником является поэма «Беовульф», произведение героического эпоса, дошедшее до нас в рукописи (около 3000 стихов) от конца 10 в. Как и многие другие народные песни и сказания, эта поэма долго бытовала в устной традиции. Она восходит к тому времени, когда англ, саксы и юты еще жили на континенте. В ней отражены обряды, обычаи и верования древних германцев дохристианской эпохи, но в ткань основного повествования вошли и более поздние эпизоды, созданные под влиянием христианской религии. Поэма «Беовульф» распадается на две части. Действие первой части происходит в Дании, где правит старый король Хродгар, правнук Скильда Скэфинга, легендарного родоначальника датских королей. Уже двенадцать лет кровожадное чудовище Грендель, «демон, обитатель болот», совершает нападения на владения Хродгара, пожирает людей и «опустошает лучшие дома». Герой Беовульф из страны гаутов с четырнадцатью лучшими воинами снаряжает корабль и спешит через бурное море на помощь датскому королю. Прибыв к Хродгару, он вызывается сразиться с чудовищем Гренделем один на один, «без меча, кольчуги и щита», и когда ночью в королевский зал ворвался Грендель, Беовульф бросился на него. Грохот и рев битвы наводит ужас на всех данов; смертельно раненный Грендель покидает дворец. Благодарный Хродгар восхваляет доблесть Беовульфа, называя его сыном. После гибели Гренделя остается его мать, такое же кровожадное чудовище. Беовульф отправляется к ней в ее логово в пучине моря и побеждает ее в жестокой схватке. Этим заканчивается первая часть поэмы. Во второй части Беовульф после пятидесяти лет царствования «на своей земле» вступает в единоборство с драконом, который нападает на его людей, изрыгая на них пламя и сжигая их. Беовульф побеждает дракона, но и сам погибает от его ядовитого укуса.

¹ См.: Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969, с. 6.

Вся англосаксонская поэзия, как и стихосложение других германских народов, строилась на принципе аллитерации (ср. § 89) — сходного звукового построения трех ударных слогов строки; рифма отсутствует, ритм строится на основе ударения. Следующие строки из «Беовульфа» могут служить примерами аллитерации:

- 725 ...on fāgne flōr feōnd treddone...
...на украшенный пол враг ступил...
712-13...munte se manscāda tanna supnes
sumne besyrwan...
...намеревался враг человеческого рода
некоторых обмануть...

Язык поэмы «Беовульф» богат и красочен, в нем много образных сравнений и сложных метафор. Образность и метафоричность были характерны для англосаксонской поэзии вообще. Для передачи различных понятий существовали десятки синонимических слов и словосочетаний, сложных метафор — кеннингов (см. § 89). В качестве примеров таких сложных метафор можно привести следующие словосочетания:

recedes mūþ — 'дома рот' т. е. 'дверь',
sezl-rād — 'парусов дорога' т. е. 'море',
hond-ze-mōt — 'рук встреча', т. е. 'битва'.

Кроме «Беовульфа», самого значительного памятника англосаксонской поэзии, сохранился целый ряд других поэтических произведений. В поэтической версии «Книги Бытия» (10 в.), которая, возможно, была переводом с древнесаксонского, излагается библейское сказание о сотворении мира. В религиозно-героической поэме «Юдифь» описывается библейский эпизод борьбы иудеев с ассирийцами. Хотя рукопись «Юдифи» датируется 10 в., так же, как рукопись «Беовульфа», она значительно отличается от «Беовульфа» по языку — по лексике, синтаксису, метрике. Это объясняется тем, что «Юдифь» создавалась в 10 в., а «Беовульф» задолго до своего письменного воплощения существовал в устной традиции, причем рукопись 10 в. не была, по-видимому, первой записью этой поэмы.

Автором поэтических легенд, воспевающих подвиги святых, был монах Кюневульф (8 в.). В поэме «Елена» он описал события 4 в. — путешествие матери византийского императора Константина, царицы Елены, в Иерусалим за крестом, на котором был распят Иисус Христос. В поэме «Андрей» Кюневульф воспел подвиги святого Андрея, спасшего апостола Матфея из плена каннибалов. Эти и другие поэмы такого же жанра написаны в стиле древнегерманского героического эпоса, изобилуют сценами сражений, морских походов; святые в них изображаются как бесстрашные герой-воины.

Поэма «Феникс» написана неизвестным автором на мифологический сюжет. В ней говорится о прекрасной птице, которая сгорает в огне и вновь возрождается из пепла. Отдельные события истории — битвы англосаксов со скандинавами — изображаются в поэтических вставках в «Англосаксонской хронике».

§ 114. Фонетические особенности древнеанглийского языка. Вокализм. Для гласных древнеанглийского языка, как для монофтонгов, так и для дифтонгов, характерны различия по долготе и краткости. По месту артикуляции монофтонги могут быть переднего и заднего ряда; различаются три степени подъема — высшая, средняя и низшая.

	передний ряд	задний ряд
высший подъем	ī, i, y, u	ū, u
средний подъем	ē, e	ō, o
низший подъем	æ, æ	ā, a

Древнеанглийские дифтонги также различались по долготе и краткости. Как те, так и другие были нисходящими:

ēa, ea; ēo, eo; īe, ie; īo, io.

Долгие дифтонги были общегерманского происхождения и имели соответствия в других германских языках. В некоторых случаях долгие дифтонги появлялись в древнеанглийском вследствие комбинаторных изменений, а именно при стяжении в результате выпадения интервокального h: *sehan > sēon 'видеть'; *rihan > rēon 'преиспевать', а также из долгих монофтонгов под влиянием предшествующих палатальных согласных: zæfon > zēafon 'давали'.

Краткие дифтонги обязаны своим происхождением процессам, происходившим в древнеанглийском языке, т. е. комбинаторным изменениям, имевшим место в результате умлаута, преломления, палатализации.

Древнеанглийский умлаут, или перегласовка, суть которой заключается в изменении гласного под влиянием гласного в последующем слове, был представлен в древнеанглийском двумя вариантами — перегласовкой на i/j и велярной перегласовкой. Первый вариант умлаута охватывал большинство гласных и дифтонгов, и дифтонгизации монофтонгов не вызывал. Сам гласный неударного слога, вызвавший изменение предшествующего ударного гласного, часто отсутствовал в слове, так как подвергся проходившему еще в дописьменный период процессу редукции окончаний. В результате перегласовки на i/j происходит преобразование гласных заднего ряда в гласные переднего ряда: ā > ē, ā > æ, ō > ē, ō > ē, ¹ ū > y. Открытый гласный æ переходит в более закрытый ē. В дифтонгах также наблюдается в результате перегласовки на i/j переход от более открытого к более закрытому качеству: ēa, ēo > īe.

Следующие примеры показывают различие между гласными, претерпевшими изменения в результате перегласовки на i/j, и иско-

¹ Звуки æ, œ — гласные переднего ряда, среднего подъема, лабиализованные — являются результатом перегласовки на i/j от ō; они встречаются очень редко даже в самых ранних памятниках. По-видимому, они перешли в ē еще в дописьменный период.

ными гласными (в реконструированных формах или в других частях речи, не имевших *i/j* в последующем слове): *drūze* 'сухой', ср. *drūzod* 'засуха'; *dēman* 'судить', ср. *dōm* 'приговор'; *sendan* < *sandjan 'посылать'; *zēlfēfan*, *zēlyfan*, *zēlfān* < *zēlfāfan* 'верить'; *āfīcran*, *āfugran*, *āfīgran* 'удалять', ср. *feorr* 'далеко'.

Велярный умлаут, или задняя перегласовка, представлял собою дифтонгизацию гласного, он вызывался гласными заднего ряда *u*, *o*, *a* в последующем слове: ср. *sioluf* < *siluf* 'серебро'; *heofon* < *hefon* 'небо'; *swīocu* < *swīcu* 'живой'; *hiora* 'их' (род. падеж от *hī*, *hīe*, *hū* 'они').

Краткие дифтонги возникали также в результате так называемого преломления² из монофтонгов перед согласными *g*, *l*, *h* в сочетаниях с согласными и перед конечным *h*: ср. *ærm > *earm* 'рука', *herfe > *heorte* 'сердце', *ald* > *eald* 'старый', *selh > *seolh* 'тюлень', *næht > *neahht* 'ночь', *fēh > *feoh* 'скот'.

Палатализованные согласные вызывали дифтонгизацию последующих гласных: *zēfan > *zīefan* 'давать', *scæl > *sceal* 'должен', *cæster > *ceaster* 'лагерь'.

Комбинаторные изменения гласных происходили в древнеанглийском языке в дописьменный период и не во всех диалектах проявлялись одинаково. Преломление характерно главным образом для уэссекского диалекта; велярный умлаут шире представлен в английских диалектах — в нортумбрийском и мерсийском; в мерсийском и кентском палатализованные согласные не всегда вызывают дифтонгизацию последующих гласных.

В древнеанглийском языке в системе гласных протекали как качественные, так и количественные изменения. Так, например, дифтонг *īe* был неустойчивым, он мог быть заменен монофтонгами *ū* или *ī*: *nieht*, *nyht*, *niht* 'ночь'.

Количественные изменения проявились в проходившем в 9—10 вв. удлинении кратких гласных перед сочетаниями сонорных со смычными *mb*, *ld*, *nd*, *gd*, *nʒ*: *clīmban* 'лезть', *cīld* 'ребенок', *hūnd* 'собака'. Позднее удлинённые гласные сохраняются не во всех сочетаниях.

§ 115. Консонантизм. Систему согласных древнеанглийского языка составляли шумные согласные и сонанты. Среди шумных различались смычные и щелевые, среди сонантов — плавные и носовые.

Глухим смычным *p*, *t*, *k* противопоставлены звонкие *b*, *d*, *ʒ*. Кратким (простым) смычным соответствуют долгие (геминаты), которые обозначаются на письме удвоенной согласной буквой: *settan* 'помещать', *stressean* 'простирается', *middel* 'середина'. Гемината *ʒ* передавалась диграфом *sz*: *bʒszan* 'покупать'.

Заднеязычные (гуттуральные) в позиции перед гласным переднего ряда подвергались палатализации: *cyse* 'сыр', *gessean* 'рассказывать', *weszean* 'двигать'.

¹ О вариантах *īe*, *ī*, *ū* см. ниже.

² Термин «преломление» не однозначен. В отношении западно- и северогерманского ареалов закон преломления имел иное содержание (см. § 66).

В отличие от глухих смычных, которым независимо от позиции в слове противопоставлены звонкие, переднеязычные щелевые различаются по звонкости и глухости в зависимости от их позиции (звонкий — в интервокальном положении или между гласным и сонантом). В следующих случаях *f*, *þ*, *s* имеют звонкое произношение: *hlāford* 'лорд', *pāfre* 'никогда', *swedan* 'сказать', *widre* 'сопротивление', *sūðerne* 'южный', *gīsan* 'подниматься', *bōsm* 'грудь'. В других позициях в слове *f*, *þ*, *s* имеют глухое произношение, например: *hlāf* 'хлеб', *folc* 'племя', 'народ', *fif* 'пять', *swæd* 'сказал', *þing* 'вещь', 'дело', *hīlþd* 'помогает', *stān* 'камень', *was* 'был', *sā* 'море'.

Заднеязычным щелевым [x], [x'] противопоставлены звонкие [ɣ], [ɣ'] (звонкие согласные сходны по артикуляции с южным произношением русских [г], [г']): ср. *feohtan* 'сражаться', *miht* 'мощь', 'сила' — *тазан* 'мочь', *weg* 'дорога', 'путь'.

Сонорные (плавные *g*, *l* и носовые *m*, *n*) встречаются в любой позиции в слове: *lufu* 'любовь', *trūwōdi* 'правда', *helpan* 'помогать', *mæzden* 'девушка', *hring* 'кольцо'; в удвоении в интервокальном положении: *swimman* 'плавать', *ceallian* 'звать', 'навещать', *dugan* 'сметь', *ginnan* 'бежать'.

Полугласный *w* также встречается в любой позиции: *hwæt* 'что', *wæter* 'вода', *stōw* 'место', *spāwan* 'знать'. Полугласный [j] (в написании *ȝ*) стоит перед гласными переднего ряда: *ȝear* 'год', *ȝyrdel* 'пояс', *ȝealu* 'желтый'.

Для системы согласных древнеанглийского языка характерно внутрипарадигматическое чередование звонких и глухих звуков: *wesan* 'быть', *wæs* 'был'; *ȝiefan* 'давать', *ȝeaf* 'дал'; *sōð* 'правда' (им. п.), *sōðes* (род. п.).

В древнеанглийском наблюдается выпадение *n* перед щелевыми (так называемое ингвеонское выпадение, см. с. 38): ср. да. *fif* — гот. *fimf*, нем. *fünf* 'пять'; да. *ōðer* — гот. *anþar*, нем. *ander* 'другой'. Отмечаются случаи метатезы — процесса, при котором два звука меняются местами: *ginnan/iernan* 'бежать', *bridd/bird* 'птенец'.

§ 116. Лексика и словообразование. Словарь древнеанглийского языка состоит в основном из общеиндоевропейских и общегерманских слов. Древнейшая лексика, отражающая основные жизненные понятия, унаследована от индоевропейского единства; это термины родства, наименования явлений природы, окружающего мира, названия жизненно необходимых, обыденных действий и т. д. (см. § 26). Другая значительная часть англосаксонской лексики является общегерманской. Это более поздний слой слов, восходящий к эпохе общегерманской общности. Общегерманские слова встречаются во всех лексических сферах и также отражают широкий круг жизненно важных понятий (см. § 55). Большая часть слов этого слоя непосредственно соотносится со словами других германских языков, в некоторой части общегерманских слов наблюдаются более или менее существенные семантические расхождения.

Уже в ранний период в древнеанглийском языке можно обнаружить ряд заимствований. Древнейшие заимствования из латинского англосаксы принесли с собой еще с континента; в эпоху Великого переселения народов древние германцы и римляне почти непрерывно контактировали друг с другом, войны сменялись периодами затишья, когда германцы вели с римлянами торговлю и поддерживали другие виды общения. Германцы восприняли от римлян названия некоторых предметов и понятий римской цивилизации. Ср., например: да. *disc* < лат. *discus* 'блюдо', да. *wīn* < лат. *vinum* 'вино', да. *mynet* < лат. *moneta* 'монета', да. *ciese* < лат. *caseus* 'сыр'. Во время расселения англосаксов в Британии в их язык вошли латинские слова через кельтов, на территории которых римские колонизаторы строили дороги, военные укрепления, лагеря, гавани и другие сооружения военного и мирного назначения, например: да. *stræt* < лат. *via strata* 'дорога', 'улица', да. *port* < лат. *portus* 'порт', да. *weall* < лат. *vallum* 'стена', да. *ceaster* < лат. *castra* 'лагерь' и др. Латинские слова сохранились во многих географических названиях. Так, лат. *castra* вошло в названия городов *Chester*, *Manchester*, *Worcester*, лат. *colonia* сохранилось в *Lincoln*, *Colchester*, лат. *portus* в *Bridport*, *Portsmouth*, лат. *strata* в *Stratford-on-Avon*, лат. *fossa* 'ров' в *Fossbrooke*, *Fossway*.

Кельтских слов в английский язык проникло мало. В древнеанглийских церковных сочинениях встречались кельтские слова, привнесенные, по-видимому, ирландскими миссионерами, но слова эти не получили распространения. Из обиходных слов в английский язык вошли да. *binn* (кельт. *binn*) 'ясли', да. *dup* (кельт. *dupn*) 'холм'. В географических названиях сохранилось много кельтских корней: кельт. *dupn* в *Dunedin*, *Dumbarton*, *Bredon*, кельт. *llan* 'церковь' в *Llandoveru*, *Lancaster*, кельт. *amhuin* 'река' в названиях рек *Avon*, *Evon*, кельт. *uisge* 'вода' в *Eke*, *Usk*, *Esk*.

Христианизация принесла с собой новые понятия, и в языке англосаксов появляются соответствующие заимствования: да. *apostol* < лат. (из гр.) *apostolus* 'апостол', да. *biscop* < лат. (из гр.) *episcopus* 'епископ', да. *abbod* < лат. *abbás* 'аббат', да. *mæzister* < лат. *magister* 'учитель', да. *scōl* < лат. *schola* 'школа', да. *engel* < лат. *angelus* 'ангел' и др. Латинские слова отразились в древнеанглийской лексике также в виде калек, ср., например, да. *hælend* 'спаситель', 'исцеляющий' и лат. *salvator*, да. *gōd-spell* 'евангелие', 'благая весть' и лат. (из гр.) *evangelium*.

Большую роль в обогащении древнеанглийского словаря играло аффиксальное словообразование и словосложение. Широко использовались суффиксы для образования существительных, прилагательных, глаголов. Суффиксы *-ere*, *-en*, *-estre* образуют существительные со значением лица: *fiscere* 'рыбак', *dryhten* 'спаситель', *seamestre* 'швея'. Особенно много новых слов возникает в сфере отвлеченных понятий, где кроме старых продуктивных суффиксов *-nis*, *-þ/-fu*, *-of*, *-ung/-ing* начинают использоваться новые, образованные из отвлеченных существительных *dōm* 'судьба', 'власть', *scipe* 'положение', 'состояние', *hād* 'титул', 'состояние', *lās* 'дар'. Например: *frēodōm* 'свобода', *frēondscipe* 'дружба', *cildhād* 'детство', *wedlās* 'брак'. Так же активно

идет словообразование прилагательных при помощи суффиксов -en, -isc, -i, -leas, -lic. Например: *zylden* 'золотой', *Englisc* 'английский', *mistiȝ* 'туманный', *eal-mihtig* 'всемогущий', *slæprleas* 'бессонный', *eorðlic* 'земной'. Суффиксы -lice, -e образуют наречия от прилагательных: *sōðlice* 'поистине', *swōte* 'сладко'. Значительно пополняется категория слабых глаголов при помощи суффиксации от именных частей речи: *clænsian* 'очищать' от *clæn* 'чистый', *pēalæscan* 'приближаться' от *pēah* 'близкий', 'близко', *wundrian* 'дивиться' от *wundor* 'чудо'.

Древнеанглийский язык имел развитую систему префиксов, благодаря которым придавались дополнительные или новые значения глаголам, прилагательным и словам других частей речи. Наиболее частыми являются префиксы: *ā-*, *be-*, *for-*, *ge-*, *mis-*, *tō-*, *un-*. Например: *ā-faran* 'уезжать' от *faran* 'ехать', *be-sēcan* 'умолять' от *sēcan* 'искать', *for-bēodan* 'запрещать' от *bēodan* 'приказывать', 'предлагать', *ge-zeliezan* 'разделять' от *zeliezan* 'лежать' (о реке), *gefylce* 'дружина' от *folc* 'народ', *misdæd*, *undæd* 'дурной поступок' от *dæd* 'поступок', 'дело', *tō-dæg* 'сегодня' от *dæg* 'день', *uncūf* 'неизвестный' от *cūf* 'известный'.

Словосложение в древнеанглийском языке было активным словообразовательным процессом. Особенно много сложных слов возникало в поэзии, где они часто выполняли стилистическую функцию сложной метафоры (см. § 113). Но и в обиходном языке англосаксов такие образования встречаются часто. Например: *man-cup* 'человечество', 'людовой род', *hlāford* < *hlāfweard* 'лорд', 'господин' (букв. 'хранитель хлеба'), *hālīg-dæg* 'праздник' (букв. 'святой день'), *ber-erg* 'амбар' (букв. 'ячмень-дом'), *gezp-boza* 'радуга' ('дождь-дуга') и т. д.

Возникновение новых понятий, отражающих общественно-экономический уклад жизни англосаксов, вызывает необходимость в их наименовании. Возникают, например, слова *zemōtland* 'общинная земля' и *bōcland* 'книжная земля', т. е. 'земля, дарованная королем и занесенная в соответствующую книгу'. Раньше слово *land* 'земля' не требовало уточнений, поскольку земля была в общинном пользовании. Отмечаются случаи переосмысления слов в связи с перенесением их на новые понятия; например, *cyning* 'родоначальник' (ср. *supp* 'род') с образованием королевств получает значение 'король'; слово *ēastron*, обозначавшее раньше языческий праздник весны, начинает употребляться в значении христианского праздника пасхи.

§ 117. Грамматический строй. Древнеанглийский язык, как и другие древнегерманские языки, был языком флективного типа с развитой системой окончаний существительных, прилагательных, местоимений и глаголов, выражавших различные грамматические значения.

Существительные имеют грамматическую категорию рода. Различаются падежные окончания существительных мужского и среднего рода, с одной стороны, и женского рода — с другой, осложненные в известной степени остатками основообразующих суффиксов. Различия в склонении в соответствии с типами основ были характерны для всех германских, как и для индоевропейских языков вообще. В готском языке

ке суффикс основы в некоторых падежах выделяется с достаточной отчетливостью (см. § 43). В древнеанглийском суффикс основы уже невыделим, но его присутствие в племенных языках древних германцев определило классификацию типов склонения и в древнеанглийском, и сравнение с готскими парадигмами подтверждает эту классификацию. Так, выделяются две основные группы существительных по типам основ: с основообразующими гласными -а-, -ō-, -i-, -u- и согласными -п-, -г-, -s-; была также сравнительно немногочисленная группа существительных, не имевших основообразующего суффикса (существительные с корневой основой).

Существительные имеют четыре падежа общегерманского типа. В отличие от готского языка парадигма упрощена, многие падежные окончания совпадают.

В склонении прилагательных различались два типа, сильное и слабое склонения, дифференциация которых восходит к общегерманскому языковому состоянию. Падежные окончания прилагательных еще более унифицированы, чем окончания существительных. Сравнительная и превосходная степени образуются при помощи суффиксов -га- и -ost-; небольшая группа прилагательных образует степени сравнения супплетивным способом.

Категория местоимений состоит из нескольких разрядов — местоимений личных, притяжательных, указательных, неопределенных, вопросительных и отрицательных. В систему личных местоимений входят три числа — единственное, двойственное и множественное (двойственное — для 1-го и 2-го лл.: *wit* 'я и ты', *zīt* 'вы двое').

Глагол характеризуется наличием двух времен — настоящего и прошедшего, трех наклонений — изъявительного, сослагательного и повелительного. Неличные формы глагола представлены инфинитивом, сохранившим способность принимать окончание дательного падежа -аппе после предлога *tō* (склоняемый инфинитив), причастием I и причастием II. Сильные глаголы распадаются на семь классов; первые пять классов образуют прошедшее время и причастие II по аблауту типа *e/i* — *a* — нуль (с некоторыми отклонениями от этой схемы у глаголов IV и V классов). Шестой класс основывается на чередовании *a* — *ō* — *ō* — *a*, восходящем к количественному аблауту.

Глаголы седьмого класса объединяют в себе различные подтипы чередований и в единичных случаях обнаруживают остатки редупликации. Слабые глаголы распадаются на три класса; прошедшее время и причастие II они образуют при помощи дентального суффикса. Классы различаются традиционно по основообразующим суффиксам, которые отчетливо выступают в 1—3 классах слабых глаголов в готском языке.

Претерито-презентные глаголы составляют в древнеанглийском, как и в других древнегерманских языках, обособленную группу; по своему происхождению они связаны с сильными глаголами, их настоящее время имеет огласовку прошедшего времени сильных глаголов, а прошедшее время образуется по принципу слабых глаголов, т.е. с помощью дентального суффикса. В их семантике отражаются субъективные отношения к окружающей действительности (возможность, долженство-

вание, волеизъявление и др.): *scippan* 'знать, мочь', *diggan* 'сметь', *sculan* 'долженствовать' и т. д.

Несколько глаголов выпадает из общей классификации. Это неправильные глаголы *dōn* 'делать', *willan* 'желать', супплетивные глаголы *bēon/wesan* 'быть', *gān* 'идти'. Они имеют особенности в образовании форм прошедшего времени и причастия II.

В области синтаксиса имеются особенности, связанные со специфической флективной строя древнеанглийского языка. Порядок слов в предложении относительно свободный, известное влияние на него оказывает место обстоятельственного слова. Роль предлогов сводится в основном к уточнению значений падежных отношений. Наряду со сложносочиненными предложениями имеется довольно развитая система подчинения; встречаются подчиненные предложения различных типов.

2) Среднеанглийский период

§ 118. Англия после нормандского завоевания. Нормандское завоевание Англии в 1066 г. послужило причиной радикальных изменений в социально-экономическом укладе страны. В истории английского языка оно также сыграло немаловажную роль, установив на протяжении двух последующих столетий господство французского языка, как языка господствующего класса — феодальной знати, во всех официальных сферах общения.

Нормандцы пришли в Англию с севера Франции. Это были потомки норманнов, скандинавских викингов, которые в начале 10 в. во главе со своим вождем Роллоном захватили территорию в устье Сены, и французский король Карл Простоватый вынужден был в 911 г. уступить им по договору эту область.

Норманны приняли христианство, Роллон стал вассалом французского короля и основал герцогство Нормандию. За полтора века до вторжения в Англию нормандцы восприняли французскую культуру и французский язык. Феодальные отношения в Нормандии достигли полного расцвета. Эта область была самой передовой провинцией Франции во времена герцога Вильгельма (1027—1087). Его конница и стрелковые отряды были лучшими во Франции. Когда в 1066 г. умер английский король Эдуард Исповедник, Вильгельм, на правах его двоюродного брата, заявил притязания на английский престол. Однако Гарольд, зять Эдуарда, при поддержке англосаксонской знати занял трон и отказался принести Вильгельму вассальную присягу. Вильгельм, собрав значительные силы, высадился на юге Англии и двинулся к Гастингсу, где 14 октября 1066 г. произошло решающее сражение. Прекрасно вооруженная нормандская конница разбила войско Гарольда, состоявшее из пеших отрядов. Сам Гарольд был убит, а Вильгельм короновался в Вестминстерском аббатстве королем Англии.

Сразу же после завоевания Англии нормандцами в ней установились новые порядки. Земли англосаксонской знати были розданы нормандским баронам. Самым крупным землевладельцем был сам король. Королевские замки, которые стали возводиться в различных районах

страны, служили укреплению власти новой нормандской династии. Англосаксонская знать, восставшая в течение первых лет нормандского правления, была почти полностью уничтожена, часть ее эмигрировала из страны. Те же ее представители, которые остались в Англии и стали вассалами Вильгельма, постарались приобщиться к новым обычаям высших нормандских кругов, к придворной культуре и к французскому языку.

В 1085—1086 гг. была проведена перепись населения, данные которой составили так называемую «Книгу Страшного Суда» («The Domesday Book»). Эта перепись уточнила доходы королевской казны и способствовала упорядочению феодальных отношений как в рыцарской, так и в крестьянской среде. Крестьяне, среди которых до этого выделялось несколько имущественных прослоек, в результате переписи, проводимой по принципу «нет земли без сеньора», оказались в большинстве своем зависимыми вилланами — крепостными. Нормандское завоевание дало новый толчок развитию ремесел и торговли, а следовательно, и росту городов, которые еще до вторжения нормандцев получили права самоуправления. Хотя проведенные Вильгельмом реформы церкви и предоставляли духовенству ряд привилегий, они в конечном счете способствовали тому, что церковь оказалась под контролем королевской власти.

В результате всех нововведений Вильгельм и его преемники сумели создать в стране сильную централизованную организацию государственного управления, сохранив при этом часть англосаксонских институтов, как, например, судебные собрания графств и сотен. Эти привычные для крестьянских масс административные органы помогали королевской власти в случае необходимости воздействовать на население без баронских вооруженных отрядов.

Еще большей централизации государственное управление в Англии достигает при Генрихе Плантагенете, который пришел к власти в 1154 г. Под властью Генриха находилась не только Англия, но и большая часть Франции. Реформы, проведенные им, были направлены на подчинение королю крупных феодалов, которые при его предшественнике, короле Стефане, захватили в свои руки административную и военную власть. Борьба феодалов за свои привилегии обостряется с приходом к власти Иоанна Безземельного, потерявшего в войне с Францией владения Плантагенетов. Дальнейшие военные неудачи короля и его финансовые вымогательства вызвали вооруженное выступление баронов, которых поддержали мелкие феодалы — рыцари, а также горожане, и король был вынужден подписать «Великую Хартию Вольностей» («Magna Charta Libertatum», 1215), ограничивавшую королевскую власть в интересах феодалов.

В 13 в. обостряются социальные противоречия; с протестом против произвола королевских чиновников и крупных феодалов выступают рыцари, горожане, свободные крестьяне. Недовольство, вызванное политикой Генриха III, привело к открытой гражданской войне, а в ходе ее к возникновению парламента. В Англии устанавливается, таким образом, феодальная монархия с сословным представительством.

14 век явился свидетелем широкого антифеодального движения

в Англии, экономическое развитие которой уже переросло феодальную систему управления. В 50 гг. 14 в. страна переживала тяжелый экономический кризис. Этому предшествовало, во-первых, начало Столетней войны с Францией (1337—1453); огромные расходы, вызванные войной, ложились на плечи населения тяжелым налоговым бременем. Во-вторых, в результате эпидемии чумы («черной смерти», 1348—1350) вымерло больше половины населения страны. Как в городе, так и в деревне ощущалась острая нехватка рабочих рук. Феодалы увеличивали барщину, а так как и средние и мелкие помещики нуждались в батраках, в их интересах были изданы законы о принудительном труде за плату, существовавшую до чумы. В 60 гг. обострилась борьба с папством. За реформу католической церкви выступил крупный богослов Джон Уиклиф. Церковь, являясь крупным феодалом, владела в стране огромными землями. Начавшееся в это время в Англии движение лоллардов подхватило идеи Уиклифа, извлекая из них самые радикальные для 14 века выводы и пропагандируя социальное равенство. В 1381 г. вспыхнуло крупнейшее крестьянское восстание Уота Тайлера. Хотя это восстание и закончилось поражением, оно имело большое значение для дальнейшей истории Англии. Оно ускорило разложение феодальной системы и отмирание крепостного права. В 15 в. новое дворянство — джентри — вместе с городской буржуазией становится в стране крупной политической силой. Многие старые города, центры средневекового ремесла, не выдерживают конкуренции Лондона, который превращается в крупный центр мировой торговли и столичной культуры. После изнурительных войн — Столетней и последовавшей за ней войной Алой и Белой розы (1455—1485) — к власти приходит Генрих VII Тюдор. Феодальные усобицы были прекращены. Англия становится абсолютной монархией и вступает в эпоху первоначального капиталистического накопления.

§ 119. Языковая ситуация в Англии после нормандского завоевания.

Нормандское завоевание и приход к власти господствующего класса, несущего французскую культуру, повлекло за собой вытеснение английского языка из сферы государственного управления и судопроизводства. С появлением нормандских клириков преподавание в монастырских школах стало вестись на французском языке, но в науке и в церкви по-прежнему господствовал латинский язык. Вместе с завоевателями в Англию пришли литературные традиции Нормандии; в придворных и светских кругах начала развиваться литература на французском языке. Английский язык, утратив все свои общественно-политические и культурные позиции, остается языком низших общественных слоев — крестьянства, мелких землевладельцев, городского ремесленного и торгового населения.

Письменность на английском языке переживает глубокий упадок с конца 11 до начала 13 в. Уэссекский диалект прекращает свое существование как литературный письменный стандарт. В течение почти двух веков английский язык развивается в условиях диалектной разобщенности, вследствие чего различия между диалектами заметно углубляются. Эта разобщенность особенно сказалась на развитии

диалектов севера и юга Англии, разделенных обширной территорией мидлендских графств, так что жители этих областей стали плохо понимать друг друга. По этому поводу имеются высказывания писателей 14—15 вв.— Джона Тревизы, Уильяма Кэкстона и других. Кэкстон пишет в предисловии к «Энеиде»: «Английский язык, на котором говорят в одном графстве, сильно отличается от того же языка, на котором говорят в другом графстве...». Далее он приводит рассказ о курьезном недоразумении, возникшем между неким купцом, державшим путь на континент, и хозяйкой хутора, у которой он остановился со своим товарищем в ожидании попутного ветра. Купец заказал у нее обед и попросил яиц — *egges*, на что хозяйка хутора сказала, что она не умеет говорить по-французски. Их выручил другой купец, повторив просьбу товарища на другом диалекте, в котором вместо северной формы *egg* употреблялась южная форма *æz* > *eu*, мн. *eugen*, и хозяйка сразу ее поняла.

В общих чертах диалекты в среднеанглийский период продолжают развитие древнеанглийских диалектов. Соотношение диалектов обоих периодов можно представить в следующей схеме:

древнеанглийские	среднеанглийские
нортумбрийский	северный
мерсийский	→ восточно-центральный
	→ западно-центральный
уэссекский	южный (юго-западный)
кентский	южный (юго-восточный)

В отношении среднеанглийского периода более уместно говорить о диалектных группах, поскольку в каждом из диалектов выделяются более или менее отчетливые разновидности. Например, кроме собственно северного диалекта существовала шотландская разновидность северного диалекта. В памятниках, кроме отчетливо выраженных черт, по которым определяется их принадлежность к тому или иному диалекту, могли присутствовать элементы других диалектов. Внутри самих диалектных разновидностей встречались и такие особенности, которые имели крайне ограниченную территорию распространения. Таким образом, среднеанглийские памятники отражают пеструю картину диалектных взаимосвязей и расхождений. Они отражают также большую хаотичность орфографии той эпохи.

§ 120. Письменные памятники. В период расцвета нормандской культуры (12 в.— начало 13 в.) создавалось очень мало памятников на английском языке. От 12 в., кроме нескольких прозаических и стихотворных отрывков духовного содержания — молитв, проповедей, уставов монастырей, псалмов и отрывков из библии, которые являются переводами с латинского или французского языков, сохранился текст летописи за 1122—1154 гг., известной под названием Питерборской (от названия монастыря в *Petersborough*) и являющейся продолжением уже упоминавшейся англосаксонской летописи.

Начиная с 13 в. количество письменных памятников неуклонно растет. Английский язык приобретает все большее значение в жизни

страны. Растут города, развивается торговля, купечество и мелкопоместное дворянство представляют уже значительную силу, возникают новые политические и экономические связи. В сфере государственного управления назревает необходимость в английском языке. Если короли нормандской династии и первые короли династии Плантагенетов не знали английского языка, то следующие за ними поколения были вынуждены его официально признать, о чем свидетельствует прокламация Генриха III к населению Англии в 1258 г. Все же, несмотря на возрастающую необходимость в английском языке, только через столетие после воззвания Генриха III, в 1362 г., лорд-канцлер впервые открыл парламент речью на английском языке, и в том же году парламентским актом было постановлено, чтобы дела в судах разбирались на английском языке, поскольку «французский язык слишком мало известен в королевстве».

На английском языке стали появляться официальные документы, уставы гильдий, петиции, указы. Парламентские акты до начала 14 в. составлялись на латинском языке, до конца 15 в. — на французском, но с 1489 г. парламент окончательно переходит на английский как в устных выступлениях, так и в документации. Школьное обучение переходит на английский язык во второй половине 14 в. Интересно высказывание Дж. Тревизы в примечании к переводу с латинского «Полихроникона» Р. Хигдена. Он пишет, что вплоть до первой волны чумы (1347 г.) в школах обучение шло на французском языке, но уже когда он писал этот перевод (1385 г.), преподавание на французском языке во всех школах Англии прекратилось; кроме того, отмечает Тревиза, во многих семьях знати детей перестали обучать французскому языку. Это свидетельство того, что высшие круги в Англии говорили на языке страны, что английский язык прочно входил в обиход во всех слоях английского общества. Начиная с 15 в. английский язык становится родным языком в королевских семьях новой Ланкастерской династии.

Первые письменные памятники среднеанглийского периода говорят о равноправном положении всех диалектов. По мере того как в политической, экономической и культурной жизни Англии возрастает роль Лондона — столицы и самого крупного порта и торгового центра страны, определяется и складывается ведущий диалект — диалект города Лондона. Утверждение английского языка как общенародного средства общения, появление на нем официальных документов закрепляло за диалектом столицы ведущую роль языка письменности. В Лондоне сосредоточивается вся деловая жизнь, сюда прибывают со всех концов государства, здесь звучит речь на разных диалектах. Сам город расположен на границе южных и восточно-центрального диалектов, и они определили диалектную основу дальнейшего развития национального английского языка. Прокламация Генриха III была первым документом, написанным на лондонском диалекте, и в языке этого памятника преобладали черты юго-западного диалекта, как и в других ранних памятниках на лондонском диалекте. С 14 в. в диалект столицы проникает все больше и больше черт восточно-центральных. Это связано с той ролью, которую район восточно-центральных.

ных графств — самый большой и экономически развитый район Англии, — играл в жизни страны. И хотя в лондонском диалекте можно обнаружить и южные, и кентские, и северные черты, преобладание в нем восточно-центральных особенностей стало несомненным фактом.

Нужно отметить ряд наиболее интересных памятников среднеанглийского периода, каждый из которых по своим языковым признакам относится к одному из среднеанглийских диалектов.

Памятники восточно-центрального диалекта. «Ормулум» («Ormulum», ок. 1200 г., северная разновидность восточно-центрального диалекта). В этом произведении метрическим стихом излагаются евангельские легенды. Большой интерес представляет орфография этого памятника: его автор, монах Орм, последовательно применяет удвоение согласных букв после кратких гласных и ставит особые значки над долгими гласными. Возможно, что удвоение согласных на письме отражает их действительную долготу. Во введении автор обращается к читателю с советом придерживаться его принципов орфографии.

«Хавелок Датчанин», «Король Хорн» («Havelok the Dane», «King Horn», 13 в.). Это первые стихотворные рыцарские романы, в которых воскрешаются события прошлой истории Англии — вторжения скандинавов, крестовые походы.

«Бытие и Исход» («Genesis and Exodus», 1250 г.) — стихотворное изложение библейских легенд.

«Наставление о грехах» Роберта Брюнна («Handlyng Synne» by R. Brunne, начало 14 в.) — стихотворный перевод с французского.

Памятники западно-центрального диалекта. «Брут» Лайамона (Layamon's «Brut», начало 13 в., южная разновидность) — стихотворный перевод или переделка англо-нормандского романа поэта Васа, который описывал историю Британии времен легендарного короля Артура. Этот памятник сохранился в двух списках, датируемых 1205 г. и 1225 г. Они обнаруживают разные диалектные черты. Так, например, во втором списке местоимения 3-го л. мн. ч. встречаются в форме восточно-центрального диалекта they, them, their. В более раннем тексте употреблялись южные формы heo, hem, heore.

«Устав инокинь» («Ancren Riwele», начало 13 в.) — правила поведения, написанные неизвестным автором в виде советов для трех аристократических отшельниц. Это прозаический текст, для языка которого характерно преобладание южных черт в морфологии. В лексике много французских заимствований, что свидетельствует о том, что автор сам принадлежал к аристократическому сословию и владел французским языком; это сказалось и на некоторых синтаксических конструкциях, по-видимому, калькированных с французского.

«Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» («Sir Gawayne and the Green Knight», вторая половина 14 в.) — стихотворный рыцарский роман, написанный аллитерационным стихом, повествующий о короле Артуре и его рыцарях, об их подвигах. Язык этого памятника несколько архаичен, так же, как и форма — аллитерационный стих, характерный для ранней германской поэзии.

Памятники северного диалекта. «Бегун по свету»

(«Cursus Mundi», 1300 г.) — рифмованное изложение библейских легенд. Это первый большой памятник на северном диалекте.

«Укус совести» («The Prick of Conscience», середина 14 в.) — религиозный стихотворный трактат, написанный отшельником Ричардом Ролл де Хампол.

Памятники шотландского диалекта. «Брус Барбура» (Barbour's «Bruce», середина 14 в.) — рифмованная хроника, в которой излагаются недавние события борьбы Шотландии за независимость под руководством короля Бруса.

«Королевская книга» («The Kingis Quhair», начало 15 в.) — сборник стихотворений Якова I, короля Шотландии. По стилю близок к поэзии Чосера.

Памятники юго-западного диалекта. «Стихотворная хроника» Роберта Глостерского (Robert of Gloucester's «Chronicle», 13 в.). Автор описывает эпизоды из истории кельтской Британии, с которыми переплетаются легенды; затем он переключается на события недавнего прошлого, очевидцем которых он был.

«Сова и соловей» («The Owl and the Nightingale», середина 13 в.) — стихотворная басня, перевод с французского.

«Полихроникон» Джона Тревизы («Polychronicon» by John Trevisa, конец 14 в.). Оригинал этого памятника был написан на латинском языке английским монахом Хигденом, в нем даются описания историко-географического характера. Переведен священником Дж. Тревизой, который внес в него много собственных дополнений.

Памятники кентского (юго-восточного) диалекта. «Угрызение совести» Дана Мичеля Нортгейского («Auenbite of Inwit», середина 14 в.) — перевод религиозного трактата, написанного французским монахом Лоренсом.

Стихотворения Уильяма Шорхэма (William of Shoreham's poems, начало 14 в.).

Памятники лондонского диалекта. Воззвание Генриха III («Proclamation» by Henry III, 1252 г.) — самый ранний официальный документ на английском языке, в котором король подтверждал свою верность так называемым «Оксфордским Провизиям» — законодательству, выработанному королевскими советниками. Текст переписывался во многих экземплярах и рассылался по всему королевству. В языке преобладают черты южных диалектов, орфография архаична, во многом сохраняются древнеанглийские письменные традиции.

Произведения Джона Уиклифа (John Wycliffe, 1320—1384). Перевод библии и антипапские памфлеты, которые имели широкое хождение в народе и призывали всех бороться против стяжательства и других пороков католического духовенства. Популярность произведений Уиклифа способствовала распространению лондонского письменного стандарта.

Стихотворения Адама Деви (Adam Davy, начало 14 в.).

«Видение Петра Пахаря» Уильяма Ленгленда («Piers the Plowman» by William Langland, вторая половина 14 в.) — аллегорическая поэма, написанная аллитерационным стихом. Символические образы

поэмы означают конкретные жизненные силы, которые действуют в мире и борются между собой. Наряду с чертами лондонского диалекта в поэме много западно-центральных элементов.

«Исповедь влюбленного» Дж. Гауэра («*Confessio Amantis*» by John Gower, 1390), а также другие поэмы этого автора.

Произведения Джеффри Чосера (Geoffrey Chaucer, 1340—1400), крупнейшего английского поэта, автора «Кентерберийских рассказов» и многих других стихотворных и прозаических произведений, которые были очень популярны в Англии и расходились по всей стране. Находясь на королевской службе, Чосер много путешествовал за границей, знал языки и был знаком с литературой итальянского Возрождения. Среди его многочисленных произведений имеются переводы с французского, итальянского, латинского. Его язык — поздний среднеанглийский диалект Лондона — во многом отличается от более ранних памятников лондонского диалекта.

Не говоря о многочисленных памятниках деловой и официальной прозы, которые писались на лондонском диалекте и распространялись по всей стране, произведения художественной литературы свидетельствуют о возросшей роли этого диалекта и в то же время способствуют закреплению лондонского языкового стандарта как основы становления национального английского языка.

§ 121. Особенности орфографии среднеанглийских памятников. Большие изменения наблюдаются в орфографии памятников среднеанглийской письменности. Многие новшества вносят в нее нормандские писцы. Вместо некоторых древнеанглийских графем вводятся новые буквы и буквенные сочетания, хотя нередко сохраняются и старые традиции, особенно в более ранних памятниках. Были введены следующие новые буквы и диграфы:

- v для обозначения звонкого губно-зубного щелевого звука; наравне с этой буквой писали u: *ouer*, *ouer* 'через', *wives*, *wiues* 'женщины';
- k вместо c перед гласными переднего ряда, в сочетании kn и в конце слов: *taken* 'делать', *knowen* 'знать', *king* 'король', *monk* 'монах'; в конце слов после гласной часто в сочетании sk: *lock* 'замок', *back* 'спина';
- qu вместо sw: *queen* 'королева', *quick* 'живой';
- gh для обозначения как мягкого, так и твердого задненёбного щелевого: *night* 'ночь', *might* 'мощь', *droghte* 'засуха', *broghte* 'принес';
- ch, dg были введены для передачи в письме новых фонем — глухой аффрикаты [tʃ] и соответствующей звонкой [dʒ]; последняя передавалась также буквами j и g: ср. *ich* 'я', *chese* 'сыр', *bridge* 'мост', *joy* 'радость', *viage* 'путешествие';
- sh, sch были введены для передачи глухого щелевого согласного [ʃ], возникшего из sc [sk]: *ship* 'корабль', *fish*, *fisch* 'рыба', *sheld*, *scheld* 'щит';

th вместо þ и ð: that 'то', bathen 'купаться', breeth 'дыхание';
w наряду с u, v окончательно вытесняет рунический знак,
который встречался в ранних древнеанглийских памят-
никах;
wh стали писать вместо hw (произношение не изменилось): who
'кто', whit 'белый'.

Для краткого гласного u часто встречалось написание o, главным образом в тех словах, где буква u оказывалась в окружении букв, написание которых состояло из вертикальных линий, что при специфике средневекового рукописного письма затрудняло чтение, например, в таких словах, как comen (cumen) 'приходить', love, loue (luve, luue) 'любить'.

Для долгого гласного ū были введены диграфы ou, ow: toun, town 'город', out, owt 'из', sou, cow 'корова'.

Диграфы ee, ie вошли в употребление для передачи долгого гласного ē: field 'поле', leef 'лист', chief 'главный'.

Буквы w и y, ввиду их большей орнаментальности, стали вытеснять буквы u и i, когда они находились в конце слов: now 'теперь', grew 'рос', my 'мой', forty 'сорок'.

Буква æ исчезла из употребления с исчезновением звука, который она обозначала на письме.¹

Буква ȝ вышла из употребления и была во всех случаях заменена буквой g.

§ 122. Фонетические изменения. Вокализм. В среднеанглийский период происходят значительные изменения в фонологической системе английского языка. В области гласных звуков эти изменения затронули количество и качество гласных, проявившееся, в частности, в исчезновении старых и в появлении новых дифтонгов, в редукции конечных неударных гласных.

К о л и ч е с т в е н н ы е изменения проявились в установлении новых условий употребления кратких и долгих монофтонгов в зависимости от их фонетического окружения и от качества слога.

Если в древнеанглийском языке количество гласного было унаследовано от более ранних эпох и не зависело от характера слога, то в процессе дальнейшего развития начинают действовать фонологические закономерности, обуславливающие распределение долготы и краткости гласных в зависимости от типа слога. Уже в конце древнеанглийского периода происходит удлинение кратких гласных перед сочетаниями типа «сонорный + смычный» (см. § 114). На рубеже древне- и среднеанглийского периодов (в 11 в.) происходит сокращение долгих гласных в закрытых слогах — перед группой из двух согласных: да. cēpte > са. kēpte 'держал'. Сокращение долгих гласных не происходило перед сочетаниями mb, ld, nd и перед сочетанием st, например: climbēn 'лезть', child 'ребенок', hoūnd 'собака', да. ēast > са. ēst 'восток'.

Позднее (в 12—13 вв.) происходит удлинение кратких гласных в

¹ В ранненованглийский период гласный звук æ снова возникает из краткого a.

открытых слогах. Удлинение гласных не происходило в открытых слогах большинства двусложных слов с суффиксом -у: да. *nama* > са. *nāme* 'имя', да. *smoca* > са. *smōke* 'дым', да. *etan* > са. *ēten* 'есть', но: да. *bodig* > са. *body* 'тело', да. *manig* > са. *manu* 'многие'.

Количественные изменения происходили параллельно с качественными. Качественные изменения также коснулись как долгих, так и кратких монофтонгов. В диалектах эти изменения происходили по-разному. Это показывает следующая таблица.

ДА. \ СА.	Юго-вост.	Юго-зап.	З.-центр.	В.-центр.	Северн.
<i>ā</i> ham	<i>ō</i> hom	<i>ō</i> hom	<i>ō</i> hom	<i>ō</i> hom	<i>a</i> ham
<i>an/on</i> man, mon	<i>a</i> man	<i>a</i> man	<i>o</i> mon	<i>a</i> man	<i>a</i> man
<i>ǣ₁</i> slæpan	<i>ē</i> slepen	<i>ē</i> slepen	<i>ē</i> slepen	<i>ē</i> slepen	<i>ē</i> slepen
<i>ǣ₂</i> dǣl	<i>ē</i> del	<i>ē</i> deal	<i>ē</i> deal	<i>ē</i> deal	<i>ē</i> deal
<i>æ</i> wæs	<i>e</i> wes	<i>a</i> was	<i>e</i> wes	<i>a</i> was	<i>a</i> was
<i>ȳ</i> fyrst fȳr	<i>ē</i> ferst fer	<i>ū, ū > ũ</i> furst fur	<i>ū, ū > ũ</i> furst fur	<i>ī</i> first fir	<i>ī</i> first fir
<i>ē</i>	без изменений				
<i>ī</i>	без изменений				
<i>ō</i>	без изменений				
<i>ū</i>	без изменений				

Примечания:

1. Слова в таблице даны в одном из вариантов их написания в текстах. Орфография среднеанглийского периода отличалась крайней неустойчивостью и непоследовательностью. В частности, закрытый долгий *ē* и открытый долгий *ē* могли иметь одно и то же написание, хотя и была тенденция передавать открытый *ē* через диграф *ea*.

2. Изменения вокализма могли происходить и на протяжении среднеанглийского периода, что отражено в таблице (*ū, ū > ũ*); ср. аналогичные случаи в таблице дифтонгов на с. 193.

Все древнеанглийские дифтонги монофтонгизировались. В таблице древнеанглийские дифтонги представлены уэссекским вариантом, поскольку в англских диалектах (в нортумбрийском и мерсийском) краткие дифтонги, являющиеся результатом преломления, встречаются менее регулярно:

ДЛ. \ СА.	Юго-вост.	Юго-зап.	З.-центр.	В.-центр.	Северн.
ea + ld teald	ē teld	ē teld	ā > ȃ told	ā > ȃ told	ā tald
ea + h seah	ē > ei seih	ē > ei seih	ā > au sauh	ā > au sauh	ā > au sauh
ēa bēam	ye, ya byem, byam	ē beam	ē beam	ē beam	ē beam
ēo/io dēap	ye, ya dyep, dyap	ē deep	ē deep	ē deep	ē deep
eo heorte	e herte	e herte	e herte	e herte	e herte

Примечания:

1. Дифтонги ei и au явились дальнейшим развитием монофтонгов e и a.
2. Звуковое значение написаний ye, ya в юго-восточных текстах не вполне ясно.

В среднеанглийский период возникают новые дифтонги из сочетаний монофтонгов со среднеязычным щелевым z [j], заднеязычным щелевым z [ɣ], из сочетаний $āh$, $ōh$, между компонентами которых развивается глайд u:

ДА.	СА.
æz dæz, fæzer	ai day, fair
ǣz grǣz, æz	ei grey, ey
ēz wez, sezl, hēz	ei wey, seil, hey
az, ah drazan, tahte	au drawan, tauhte
āz, āh āzan, dāh	ou owen, douh
	(сев. au auen, dauh)
ōh bohte, plōh	ou bouhte, plouh

Примечание: Диграфы ou, ow могли иметь как звуковое значение дифтонга, так и значение монофтонга ū (см. выше).

Все новые дифтонги характеризуются узким вторым компонентом (глайдом). К четырем дифтонгам, развившимся из древнеанглийских сочетаний звуков, добавился пятый — дифтонг [ɔi], имеющий иное происхождение. Он вошел в английский язык с заимствованными из французского языка словами: *boilen* 'кипеть', *void* 'пустой' и т. п.

Щелевые $\int$ [j] и $\int$ [ʏ] также вокализуются в сочетаниях с предшествующими узкими гласными, вызывая удлинение этих гласных: ср., например, да. *tizele* 'кирпич' и са. *tile*, да. *iz* 'остров' и са. *ie*, да. *druze* 'сухой' и са. *dr̄ie*, да. *fuzol* 'птица' и са. *foul* [fu:l], да. *buʒap* 'нагибаться' и са. *bowen* [bu:ən].

К качественным изменениям относится переход всех конечных неударных гласных в нейтральный [ə] (на письме -e): да. *carian* 'заботиться', *gifu* 'дар', *heafod* 'голова', *spasa* 'змея', са. *caren*, *give*, *heved* (*hed*), *snake*.

§ 123. Консонантизм. В этой области также произошли изменения. Как видно из предыдущего, среднеязычный и заднеязычный щелевые $\int$ [j] и $\int$ [ʏ] подверглись вокализации (в позиции после гласного) и слились с предшествующим гласным, образуя дифтонги или удлиняя гласные. Палатализованный («мягкий») [k'] развился в аффрикату [tʃ], обозначаемую на письме диграфом *ch*: да. *cild* 'ребенок', *cirice* 'церковь', са. *child*, *chirche*. На севере под влиянием скандинавских диалектов, в которых явления ассимиляции (перехода в шипящие) не наблюдалось, сохранился [k]: да. *mysel*, са. *mikel* 'большой'; да. *cirice*, са. *kirk*.

Сочетание согласных *sc* ассимилировалось и перешло в спирант [ʃ], обозначаемый на письме диграфом *sh*, *sch* (см. выше).

Удвоенный согласный (гемината) $\int$ [ḡ] ассимилируется и переходит в звонкую аффрикату [dʒ]. Французское *g* [ʒ], проникнув в английский язык со словами *joy* 'радость', *just* 'справедливый', *viage* 'путешествие' и др., сохраняет некоторое время произношение [ʒ], а затем переходит в звонкую аффрикату [dʒ].

В среднеанглийский период появляется новая фонема *v* (в древнеанглийском звонкий *v* был аллофоном глухого *f*, озвончавшегося в интервокальном положении). В развитии звонкого *v* как самостоятельной фонемы известную роль сыграли французские заимствования, начинающиеся с *v*: *veup* 'тщетный', *verray* 'очень' и др. В южных диалектах произошло озвончение *f* в начале слов, ср.: *fyrst* и *vürst*, *verst* 'первый', *for* и *vor* 'для'. В кентском (юго-восточном) озвончался начальный *s*: ср. *synne* и *zenne* 'грех', *silver* и *zelver* 'серебро'.

Упростились сочетания согласных *hl-*, *hn-*, *hr-* в начале слов: да. *hl̄eapan* > са. *l̄eapen* 'прыгать', да. *hnutu* > са. *nute* 'орех', да. *hrycg* > са. *ridge* 'спина'.

Звуки французского языка, не характерные для английского произношения, но имевшиеся в многочисленных заимствованиях, постепенно ассимилировались. Носовые *ĩ*, *ẽ*, *ũ* произносились англичанами как простые, и после них сохранялся носовой согласный,

который во французском языке выпадал. Носовые *ā*, *ō* произносились в заимствованных французских словах как дифтонги *au*, *ou*, что и отражалось на письме: *braunche* 'ветка', *dauncen* 'танцевать', *councel* 'совет'. Иногда это произношение переносилось и на исконные английские слова, где за долгим *ā* следовал носовой согласный: *Caunterbury* 'Кентерберн'.

§ 124. Лексика. Лексический состав английского языка претерпевает в среднеанглийский период значительные изменения. Ряд слов выходит из употребления с исчезновением некоторых старых обычаев, обрядов, понятий. Так, например, отмирают древнеанглийские слова *blōt*, *tiber* 'жертвоприношение', *blōtan* 'совершать жертвоприношение', восходящие к языческим временам. Да. *middan-geard* 'мир', 'земля', отражавшее представление древних германцев об окружающем их мире (см. § 6), вышло из употребления, а в слове *world* (да. *woguld* 'мир, век, продолжительный период времени') значение 'мир, земля, вселенная' стало основным. Многочисленные англосаксонские синонимы, существование которых было необходимо в поэзии, поскольку в ней господствовал принцип аллитерации и, следовательно, нужно было иметь большой выбор слов разного звукового оформления, стали излишними с установлением новых стихотворных традиций. Вышли из употребления сложные метафоры, характерные для древнеанглийского поэтического стиля.

Лексика среднеанглийского периода обогащается заимствованиями, которые отчасти также способствовали исчезновению ряда английских слов. Скандинавские набеги, захват англосаксонских земель, расселение данов в области датского права, а затем и завоевание всей Англии датским королем Канутом вели к постоянным контактам между скандинавами и англосаксами. Родственные по происхождению древнеанглийские и скандинавские диалекты обнаруживают большое сходство, что делало возможным взаимное понимание речи англосаксов и скандинавских пришельцев. Длительное общение этих племен, в особенности на территории области датского права, где были сосредоточены скандинавские поселения в непосредственном соседстве, а иногда и вперемешку с англскими, вело к взаимодействию их языков. Постепенно скандинавы растворились в английском населении, но скандинавская лексика заметно отразилась на словаре англичан. Прежде всего, это были заимствования, не имевшие соответствий в древнеанглийских диалектах. Многие из этих слов связаны с областью мореплавания, пиратских морских походов, воинского снаряжения, например: *barða* 'военный корабль', *florge*, *skegð*, *kneag* — слова, обозначающие разные виды (небольших) кораблей, *orrest* 'битва'. Подобные заимствования позднее выходят из употребления. Скандинавизмы были редки в древнеанглийских текстах, их ассимилирование английским языком шло длительное время, в памятниках они встречаются начиная с 11 в. Значительная их часть стала общим достоянием английского словаря.

Очень много скандинавских заимствований в диалектах северо-восточной Англии. Там сохранилось также около полутора тысяч

географических названий скандинавского происхождения. Это названия с элементами: -by (дск. byr 'поселок'): Derby, Grinsby; -toft (дск. toft 'лужайка'): Langtoft, Primtoft; -thorp (дск. þorp 'деревня, поселок'): Linthorp, Bishopthorp; -beck (дск. bekkr 'ручей'): Troutbeck, Wansbeck; -ness (дск. ness 'мыс'): Iverness, Gaithness; -thwaite (дск. þveit 'поляна'): Cowperthwaite и др.

Скандинавскими заимствованиями являются по происхождению многие обиходные слова современного английского языка: husband 'муж', sky 'небо', skin 'кожа', wing 'крыло', anger 'гнев', weak 'слабый', scant 'скудный', ugly 'безобразный', call 'звать', crawl 'ползать', take 'брать' и др.

В ряде случаев скандинавские слова вытесняют из употребления древнеанглийские. Так, например, сканд. taka 'брать' вытеснило да. pīman, сканд. vindauga 'окно' вытеснило да. eazþūgel, сканд. they 'они' вытеснило да. hie. Некоторые заимствования вошли в английский язык с более общим значением: ср. сканд. deuja > на. die 'умирать' вытеснило да. steorfan > на. starve в более узкую сферу употребления — 'умирать с голоду, голодать'; сканд. skye > на. sky 'небо' вытеснило да. heofon > на. heaven в более отвлеченную сферу — 'небеса'.

Многие скандинавские и древнеанглийские слова имели одинаковые основы, но различались по значению. В этом случае значение скандинавского слова иногда вытесняло первоначальное значение однокоренного англосаксонского слова, например, на. dream 'сон, мечта' восходит к да. dream 'радость, музыка': значение древнеанглийского слова изменилось под влиянием однокоренного скандинавского слова draumr 'сон, мечта'.

Длительное господство французского языка в Англии оказало большое влияние на лексический состав английского языка. Французские слова проникали прежде всего в те лексические сферы, где влияние господствующих нормандских кругов сказывалось наиболее непосредственно — в сферы лексики, относящейся к государственному управлению, судопроизводству, военной организации, богослужению, культуре и быту высших слоев общества и городского населения, причастного к этой культуре. Французскими заимствованиями являются, например, следующие слова современного английского языка из указанных выше сфер, а также слова обиходной лексики:

govern 'управлять'
 power 'власть'
 royal 'королевский'
 policy 'политика'
 prince 'принц'
 count 'граф'
 parliament 'парламент'
 castle 'замок'
 page 'паж'
 pleasure 'удовольствие'

judge 'судья'
 accuse 'обвинять'
 defend 'защищать'
 advocate 'адвокат'
 army 'армия'
 officer 'офицер'
 soldier 'солдат'
 regiment 'полк'
 religion 'религия'
 sermon 'проповедь'

leisure 'досуг'
art 'искусство'
ornament 'украшение'
treasure 'сокровище'
place 'место'

tailor 'портной'
barber 'парикмахер'
dance 'танец'
flower 'цветок'
branch 'ветка'

Французские заимствования 12—13 вв. проникали из нормандского диалекта — одного из северных диалектов старофранцузского языка, диалекта, на котором говорили нормандские завоеватели. В Англии этот диалект получил статус языка («англо-нормандский» язык) — языка государственного и языка литературных произведений. Англо-нормандский отличался от центральных диалектов Франции рядом фонетических особенностей, и эти особенности прослеживаются в заимствованиях того периода. Так, например, в словах *flower*, *count*, *leisure*, *garden* имеются звуки, развившиеся из звуков англо-нормандского языка. Позднее в английский язык проникали слова из центральных диалектов французского языка, звуковой состав которых обнаруживает черты, свойственные этим диалектам.

Большая часть французских слов закрепилась в памятниках 13—14 вв. В одних памятниках их встречается много, в других значительно меньше, что объясняется социальным положением авторов и уровнем их образованности. В «Уставе инокинь», например, много французских слов, в поэме «Ормулум» их почти нет, так как Орм, простой монах, был далек от французской культуры.

Подавляющее большинство слов, проникших в английский язык из французского в среднеанглийский период, закрепилось в национальном английском языке. Освоение французских заимствований принимало различные формы. Проникнув в английский язык, французские слова сталкивались в нем с английскими словами, несущими те же значения. В одних случаях это приводило к вытеснению из употребления исконно английского слова: например, фр. *paese* 'мир' вытеснило да. *frif*, фр. *beauty* 'красота' вытеснило да. *wlite*. Иногда французское слово, некоторое время употреблявшееся в английском языке, все же не закреплялось в лексике; например, фр. *amity* 'дружба' было вытеснено английским *friendship*. Многие французские слова образовали синонимические ряды с английскими словами, например: фр. *language* 'язык' и англ. *tongue*, фр. *large*, *grand*, *huge* 'большой' и англ. *big*, *great*, фр. *receive* 'получать' и англ. *get* и т. п. Французское слово могло ограничить сферу употребления английского слова или низвести его на положение диалектизма; например, фр. *succeed* 'иметь успех', 'преуспевать' вытеснило англ. *faу* (да. *fæzen*, са. *faуen*) в сферу диалектных слов. Под влиянием заимствованного слова в английском слове иногда происходил сдвиг значения; например, да. *hærfest* 'осень' стало означать 'урожай', 'жатва' (на. *harvest*), после того как в значении 'осень' укоренилось французское *autumn*. Размежевание значений могло идти в социальной плоскости. Так, например, в романе В. Скотта «Айвенго» приводится разговор двух персонажей, в котором подмечено, что те животные, которых пасут на лугах пастухи, называются английскими словами — ох 'бык',

calf 'теленек', sheep 'баран', 'овца', pig 'свинья'; когда же они попадают на стол к феодалу, то принимают французские названия — beef 'говядина', veal 'телятина', mutton 'баранина', pork 'свинина'. В ряде случаев наряду с размежеванием английских и французских слов-синонимов по оттенкам значения, французское заимствование является более абстрактным: ср. фр. commence и англ. begin 'начинать', фр. perish и англ. die 'умирать', фр. existence и англ. life 'жизнь'.

§ 125. Особенности грамматического строя. В среднеанглийский период произошли большие изменения в морфологическом строе английского языка. Уже в конце древнеанглийского периода наблюдаются процессы унификации в склонении существительных. Определяются два типа основ — индуцирующие и неиндуцирующие. Первые являются более распространенными, они оказывают влияние на другие основы и служат для них моделью в процессе унификации. Вторые не оказывают такого влияния на другие типы и сами переходят в более распространенные в языке группы. В среднеанглийский период процесс унификации идет интенсивно, тип склонения индуцирующих древнеанглийских основ на -a- распространяется на подавляющее большинство существительных сильного склонения. Индуцирующий тип слабого склонения на -n- подчиняет себе немногочисленные слова с основами на согласный.

С ослаблением древнеанглийских неударных гласных в окончаниях, которые характеризовали те или иные типы склонений, исчезает и классификация существительных по основам. В парадигме склонения существительного остаются окончание -e, которое исчезает из произношения к концу среднеанглийского периода, и -s/-es, окончание всех падежей множественного числа и родительного падежа единственного числа. В южных диалектах более распространенным, чем в других диалектах, был тип склонения на -n-. Однако в дальнейшем окончание -s утверждается в языке как показатель множественного числа существительных и родительного падежа, тогда как образование множественного числа с помощью окончания -n сохраняется лишь в единичных словах. Действие унификации распространяется и на существительные с корневыми основами: их количество уменьшается, больше половины переходит в стандартный тип; несколько слов сохраняют в форме множественного числа умлаут: man — men, fot — fet, mous — mis и др.

Процесс редукции и унификации окончаний проходил неравномерно в разных диалектах. На севере он шел интенсивнее и распространялся на центральные диалекты, в южных диалектах некоторое разнообразие флексий сохраняется дольше. Так же неравномерно происходило отмирание категории грамматического рода. В северных диалектах различие между родами исчезло еще в самом начале среднеанглийского периода, тогда как в южных это различие окончательно устраняется только к концу 14 в.

Склонение существительных можно представить в следующем виде (конец среднеанглийского периода):

Им. Дат. Вин. Род.	} stōn, word, hand, bōk	stōnes, wordes, handes, bōkes
Им. Дат. Вин. Род.	} man, gōs, fōt, mūs	men, gēs, fēt, mīs

Некоторые существительные, имеющие временную семантику, не изменяются во множественном числе: *yer* 'год', *winter* 'зима', 'год', *moneth* 'месяц', *night* 'ночь'; сохраняют единую форму для единственного и множественного числа также некоторые названия животных: *hors* 'лошадь', *sheep* 'овца', *pig* 'свинья', *der* 'олень'.

Немногочисленную группу составляют слова, образующие множественное число при помощи окончания *-en*: *ox* — *oxen* 'бык — быки', *eye* — *eyen* 'глаз — глаза', *brother* — *brethren* 'брат — братья', *doghtor* — *doghtren* 'дочь — дочери', *child* — *children* 'ребенок — дети'; элемент *r* в *children* восходит к индоевропейскому основообразующему суффиксу **-es*, *r* здесь — результат ротацизма (см. § 67).

В системе прилагательных редукция окончаний привела к еще большей унификации форм по сравнению с существительными. Падежные окончания утрачиваются, во множественном числе принимается окончание *-e*. На протяжении 14 в. сохраняется наряду с сильным слабое склонение с окончанием *-e* и в единственном, и во множественном числе. К 15 в., когда конечное неударное *-e* уже не произносится, прилагательное становится несклоняемой частью речи.

В системе личных местоимений сохранилось большинство форм, существовавших в древнеанглийском. В 12—13 вв. исчезли формы двойственного числа. Некоторые сокращения произошли в падежной системе. Исчезает родительный падеж как форма личных местоимений, и притяжательные местоимения становятся самостоятельным разрядом. Дательный и винительный падежи личных местоимений утратили различие между своими формами.

Таким образом, в парадигме склонения личных местоимений остается два падежа — именительный и объектный. Важно отметить появление новых местоимений 3-го л. мн. ч. *they*, *them* и притяжательного *their*, которые проникли в английский язык из скандинавских диалектов.

На основе личных местоимений возникает новая категория возвратных местоимений. Сначала появились сочетания объектного падежа личных местоимений с местоимением *self*; позднее объектный падеж личных местоимений был вытеснен в некоторых формах возвратных местоимений притяжательными местоимениями: ср. *myself*, *thysel*, *himself*, *hersel*.

Указательные местоимения выступают в начале среднеанглийского периода в двух функциях, а именно как местоимения, в функции которых они еще сохраняют некоторое время падежные окончания

(в южных диалектах почти до 14 в.), и как определенный артикль, который утрачивает и падежные окончания, и различие между единственным и множественным числом и становится самостоятельной (служебной) частью речи. Указательные местоимения к концу среднеанглийского периода представлены в формах *that* — *tho/those* и *thet* — *thes/thise*.

Наряду с оформлением определенного артикля развивается и неопределенный артикль из древнеанглийского числительного *ān* 'один'. Безударная позиция артикля перед существительными обусловила редукцию его фонстического состава: да. *ān* > са. *an*, *a* > на. *an*, *a* [əп, ə]. Числительное подверглось иным изменениям: да. *ān* > са. *ŋn* > *ūn* > *un* > на: [wʌп]. Произношение и написание обоих слов стали различными (*a*, *an* и *one*).

В системе глагола действуют общие тенденции этого периода — унификация различных типов и упрощение парадигм спряжения.

Ослабление окончаний и переход безударных гласных в нейтральный *-e* [ə] привели к возникновению ряда омонимических глагольных форм. Древнеанглийские окончания инфинитива *-an*, множественного числа прошедшего времени *-op*, множественного числа сослагательного наклонения *-ep* и причастия II сильных глаголов *-ep* совпадают в среднеанглийском в безударном *-ep* [əп]. Это вызывало нечеткость в различении глагольных форм, ослабляло функциональную значимость окончаний и содействовало ускорению их редукции. К концу среднеанглийского периода инфинитив утрачивает окончание *-ep*; более устойчивым оно оказалось у причастия II сильных глаголов. Формы множественного числа прошедшего времени также сохраняют окончание *-ep* до конца среднеанглийского периода.

В системе форм сильного глагола начинается унификация — как правило, частичная — корневых гласных, в результате которой у большинства сильных глаголов впоследствии сокращается число основных форм с четырех до трех. Тенденция к унификации проявилась в значительном уменьшении числа сильных глаголов. Многие из них перешли в категорию слабых, например: *birnen* 'жечь', *walkeп* 'гулять'; многие вышли из употребления под влиянием появившихся в языке заимствований (см. § 133). Число слабых глаголов продолжает увеличиваться как за счет перешедших в этот разряд сильных, так и за счет заимствований, а также за счет отыменных и отадъективных новообразований.

Личные окончания глаголов в среднеанглийском также отчасти унифицируются, но они еще выражены достаточно отчетливо, благодаря сохранению конечных согласных. Для среднеанглийского периода характерны расхождения окончаний личных форм в разных диалектах.

Причастие I имеет окончание *-ande* в северных диалектах, *-ende* — в центральных и *-inde* — в южных; в то же время в определенных сочетаниях продолжает употребляться отглагольное существительное с окончанием *-inge*. Постепенно форма на *-ing* распространяется и на причастие I, и в 14 в. эта форма становится господствующей. Под влиянием взаимодействия двух форм с суффиксом *-ing* — отглаголь-

ного существительного и причастия I — возникает новая глагольная категория — герундий. Он появляется в памятниках 12 в. и получает широкое распространение на протяжении последующих веков. В отличие от отглагольного существительного у герундия более ярко выражены глагольные свойства; так, например, от герундия могут зависеть дополнения в формах, типичных для глагольного управления.

Сочетания личных форм глагола *bēn* 'быть' с причастием I уже встречаются в конце среднеанглийского периода, хотя по немногочисленным примерам трудно определить, передают ли эти сочетания длительный вид. По-видимому, длительный вид глаголов (Continuous) еще находится в зачаточном состоянии.

В среднеанглийский период система глагола значительно обогащается за счет развития новых аналитических форм. Возникает категория будущего времени из сочетаний глаголов *shal* и *wil* с инфинитивом. В древнеанглийском описательные конструкции *sculan* и *willan* с инфинитивом передавали, прежде всего, модальное значение долженствования и волеизъявления (или желання). В дальнейшем развитии в этих конструкциях начинает доминировать временное значение, а модальное либо совсем утрачивается, либо становится второстепенным. Таким образом, *shal* и *wil* начинают выступать как вспомогательные глаголы, но в определенных условиях они сохраняют свое модальное значение.

Памятники среднеанглийского периода обнаруживают значительное количество случаев употребления перфектных времен. Уже в древнеанглийском встречались сочетания глаголов *habban* и *bēon* с причастием II. Глагол *habban* употреблялся в конструкции с прямым дополнением и причастием II переходного глагола (*he hæfd þa bōc zewriten* 'он написал ту книгу'); *bēon* — с причастием II непереходных глаголов (*he wæs ācumen* 'он пришел'). Обе конструкции передавали значение состояния как результата предшествующего действия. В среднеанглийский период глагол *haveŋ* начинает употребляться и с непереходными глаголами наряду с глаголом *bēn*, ограничивая тем самым употребление последнего. Вместе с тем лексическое значение глагола *haveŋ* в сочетаниях с причастием II ослабевает, сочетание глаголов грамматикализуется и включается в парадигму спряжения глагола на правах аналитической формы относительного глагольного времени, сохраняющего, однако, в значительной мере — вплоть до современного языкового состояния — видовое значение завершенности и, отчасти, результативности действия.

Из сочетаний глаголов *wurthen* (др. *weoþan*) и *beēn* возникают аналитические формы страдательного залога. В древнеанглийском значение пассива передавалось сочетанием глаголов-связок *weoþan* и *beon/wesan* с причастием II переходных глаголов. Это сочетание выступало как составное именное сказуемое. В среднеанглийском глаголы-связки становятся вспомогательными глаголами аналитического пассива; глагол *wurthen* к концу среднеанглийского периода выходит из употребления и в функции вспомогательного глагола пассива выступает только глагол *beēn* >на. *be*.

Изменения в морфологическом строе, имевшие место в среднеанглийский период, существенным образом отразились на синтаксисе предложения. В древнеанглийском предложении большую роль играли такие формы синтаксических связей, как падежное управление и согласование. Наряду с падежным глагольным и именным управлением аналогичные функции отмечаются и у предлога — он уже не просто уточняет значение падежа, но и управляет им. В среднеанглийский период, в связи с унификацией и редукцией окончаний, порядок слов в предложении становится более закрепленным, поскольку сохранившиеся окончания не всегда могут передавать формы падежей и, следовательно, синтаксические связи, как это было прежде. Предложное управление функционирует гораздо шире, предлоги становятся важным средством выражения синтаксических отношений, которые раньше оформлялись преимущественно при помощи флексий.

Более четкое оформление получает сложноподчиненное предложение. В древнеанглийском были широко распространены как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения с разнообразными типами подчинения. Однако связи между различными предикативными единицами в составе сложных предложений были не всегда отчетливо выражены, подчинение и сочинение разграничивались недостаточно четко. В среднеанглийский период состав грамматических средств связи между частями сложноподчиненных и сложносочиненных предложений обогащается логически дифференцированными союзами, многие из которых развились из древнеанглийских наречий и местоимений.

3) Новоанглийский период

§ 126. Ранненовоанглийский период. Общая характеристика. После окончания длившейся тридцать лет войны Алой и Белой розы (1455—1485) и воцарения династии Тюдоров, первым представителем которой стал Генрих VII, в экономической и политической жизни страны происходят значительные изменения. Расширение торговых связей, прежде всего с Фландрией, где в это время развиваются шерстяные мануфактуры, а также увеличение производства тканей в самой Англии вело к повышению спроса на шерсть. В погоне за наживой дворянство сгоняет крестьян с их земель и всемерно расширяет пастбища для овец. «Огораживание» началось еще в 13 в., но с конца 15 в. оно приобретает особый размах. Новое дворянство (джентри) и городское купечество становятся крупной силой, на которую опираются в своей внутренней и внешней политике Генрих VII и его преемники. Процесс «огораживания» ведет к обнищанию крестьян; они идут работать на фермы, на мануфактуры, пополняют ряды городских ремесленников, массами обращаются в пауперов и бродяг.

Складываются новые капиталистические отношения, которые лежат в основе дальнейшего экономического развития страны. Поиски новых торговых путей привели к великим географическим открытиям, к установлению новых торговых контактов. В борьбе за пер-

венство на море Англия одерживает победы над своими соперниками и при королеве Елизавете (годы царствования 1558—1603) становится одной из сильнейших морских держав.

Подъем экономики отразился на культурной жизни Англии. Развитие торговли и промышленности требует знаний, образование все более порывает с церковной схоластикой и все шире распространяется среди светского населения. Интерес к культурным ценностям античного мира, пробудившийся раньше всего в Италии, затем охватил другие страны Европы, в том числе и Англию. Новоанглийский период в истории английского языка совпадает с эпохой английского Возрождения.

Огромную роль в распространении достижений науки и произведений литературы сыграло книгопечатание, введенное Кэкстоном в Англии в 1476 г. Если, например, в 14 в. библиотека Чосера из 60 рукописных книг была одной из богатейших в Англии, то через столетие книгопечатание сделало возможным одновременное распространение множества экземпляров литературных и научных трудов.

16 век дал Англии много выдающихся ученых философов и писателей. На первую треть века падает творческая деятельность Томаса Мора (1478—1535), автора «Утопии», которая была написана на латинском языке в 1516 г. (в 1551 г. переведена на английский язык). В 1531 г. вышел перевод библии, сделанный Уильямом Тиндалем. С Англией связана творческая деятельность великого голландского гуманиста Эразма Роттердамского (1466—1536). В 1533 г. выходит «Искусство риторики» Томаса Вильсона — труд, который послужил руководством для многих писателей эпохи в вопросах языка и стиля. В конце 16 в.— начале 17 в. пишет свои философские труды Ф. Бэкон, основоположник философии эмпиризма.

Период конца 16 в.— начала 17 в. ознаменован расцветом английской литературы, представленной разнообразными жанрами и, в первую очередь, творчеством талантливых драматургов. Из поэтов наиболее выдающимся был Эдмунд Спенсер (1552—1599), автор поэмы «Королева фей», проповедник гуманистических идей. Вершиной творчества плеяды талантливых драматургов являются произведения великого Уильяма Шекспира (1564—1616). В них Шекспир запечатлел характер английской национальной культуры и образцы языка, на котором говорили его современники. Искусство драматургии развивается также в пьесах К. Марло (1564—1593), Бена Джонсона (1573—1637), Бомонта (1584—1616), Флетчера (1579—1625) и многих других авторов.

§ 127. Проблемы языка в трудах авторов 16—17 вв. Если в 15 в. еще создавались литературные произведения на местных диалектах, то в 16 в. лондонская норма осознается современниками как единственно правильный литературный язык. Многие авторы настоятельно рекомендуют придерживаться языка двора и Лондона как лучшего образца английской речи. Только на севере Англии, на территории Шотландии, английский язык развивался обособленно. Шотландия была

политически независимой от Англии до середины 17 в., и это обстоятельство сказалось на судьбах языка. Хотя с 16 в. в Шотландии также признавался лондонский стандарт, шотландский диалект английского языка оказался более жизнеспособным, чем все другие диалекты, и произведения на нем создавались и в последующие века.

В эпоху Возрождения в Англии начинают выходить труды, в которых ставятся различные вопросы языка и стиля. Наряду с обращением к античности, к творчеству латинских и греческих авторов, английские писатели и ученые проявляют интерес к родному языку. Это объясняется прежде всего тем, что начиная с 15 в. письменность на английском языке широко распространяется в стране, и английский язык становится не только языком литературы, но и, наряду с латынью, языком науки. Введение книгопечатания потребовало от издателей, начиная с Кэкстона, сознательного отбора языковых форм, упорядочения и унификации орфографии, что было важной проблемой, поскольку рукописные памятники более раннего времени и даже произведения Чосера отличались обилием вариантов языковых и графических форм. При выработке орфографических норм Кэкстон и его последователи ориентировались на лондонский языковой стандарт и, готовя к печати рукописи своих современников и более ранних авторов, вносили в них соответствующие исправления. И хотя деятели литературы, ученые-филологи и печатники конца 15 в.—16 в. еще не достигли полной унификации орфографии, ряд орфографических принципов, выработанных ими, во многом сохранил значение до наших дней.

Об ориентации писателей и ученых на лондонскую языковую норму свидетельствуют многочисленные высказывания. Один из крупных орфоэпистов 16 в., Дж. Харт (J. Hart), пишет, что при дворе и в Лондоне господствует «цвет английского языка». Автор «Искусства поэзии» Дж. Путтенгам (G. Puttenham) отмечает, что лучший язык Англии — это «язык двора и Лондона». Эти и другие подобные оценки имеют в виду как произношение лондонских образованных и придворных кругов, так и умение красиво и изящно выражать мысли. Переводчики классической литературы, теоретики языка и стиля, государственные и общественные деятели воспитывались на лучших образцах античной риторики, на их трудах сказалось влияние античных теорий языка и стиля, и это объясняет новые требования, которые предъявлялись к родному языку. В памфлетах, в произведениях дидактического характера, в предисловиях к литературным трудам ставятся вопросы, касающиеся орфографии, словоупотребления, необходимости установления единых грамматических норм и т. п. В отношении словоупотребления перед писателями и учеными эпохи Возрождения стояла проблема обогащения словаря в связи с необходимостью выражать новые понятия в области наук и философии. Латинский язык был очень богатым источником для необходимой новой терминологии, однако поток латинских заимствований вызывал возражения со стороны многих авторов, стоявших на позициях пуризма. Правда, не все пуристы придерживались крайних позиций в этом вопросе. Так, Лисль (W. L'Isle), Дж. Чик (J. Cheke), Путтенгам и

другие не требовали полного отказа от заимствований, но ратовали за то, чтобы эти заимствования осуществлялись в разумных пределах и только в тех случаях, когда средства английского языка оказывались недостаточными.

Широкий интерес к родному языку, стремление усовершенствовать его выразительные средства, а также нужды школьного обучения привели к появлению в 16 в. первых практических пособий — словарей и грамматик. Выходят двуязычные словари — латино-английские и англо-латинские, а затем и переводные словари новых западноевропейских языков, так как расширение экономических и культурных связей Англии с другими странами в эпоху Возрождения требовало установления действенных языковых контактов. С конца 16 в. стали появляться англо-английские словари, составители которых — Кодри (R. Cawdrey, 1604), Буллокар (J. Bullokar, 1616), Кокрам (H. Cockerham, 1623) и др. — ставили своей целью объяснение многочисленных заимствований и других «трудных» слов — архаизмов и вульгаризмов.

Первые грамматики составлялись для обучения английскому языку иностранцев и для того, чтобы облегчить изучение латинского языка в английских школах. Они строились по образцу латинской грамматики, которая на протяжении веков была единственным известным в странах Западной Европы грамматическим описанием языка, причем языка авторитетного, имеющего богатую письменную традицию, языка церкви и права, науки и государственных учреждений. Грамматисты использовали в своих трудах не только латинскую терминологию, но и принятую в латинской грамматике схему описания грамматических явлений. Уже в ранних трудах некоторые авторы отмечают разницу между латинским и английским языками, как, например, в «Латино-английской грамматике» Колета и Лили (Johannis Coleti, G. Lili. Grammatica Latino-Anglica, 1509); однако применение латинской схемы продолжалось длительное время, и лишь в 17 в. авторы английских грамматик начинают отходить от многопадежной системы и глагольных парадигм латыни и стремятся дать более объективное описание фактов своего языка.

В грамматиках первой половины 17 в. А. Гилля (A. Gill), Ч. Батлера (Ch. Butler) и других изложение грамматических явлений дается еще непоследовательно и часто противоречиво; к тому же в самом языке наблюдалось много колебаний в употреблении тех или иных форм, что было вызвано, в основном, сосуществованием ряда диалектных вариантов. В попытках ранних грамматистов изложить факты английского языка и дать им соответствующую оценку зарождаются элементы описательно-нормативной грамматики, которая была создана в более позднюю эпоху.

Кроме изложения морфологии, в ранних грамматиках делаются попытки описать звуковой состав английского языка. Дж. Харт посвятил вопросам орфографии и орфоэпии специальную работу «Орфография» (1569). Мюлкастер (R. Mulcaster) и другие авторы второй половины 16 в. формулируют в своих книгах правила чтения букв и буквенных сочетаний. В их описаниях еще не разграничиваются

буква и звук, и это приводит к многочисленным неточностям, к смешению вопросов орфографии и орфоэпии.

С начала 17 в. на литературном языке Англии сказывается обострение классовой борьбы, которая вылилась в гражданскую войну 40-х гг., завершившуюся в 1648 г. победой пуритан во главе с Кромвелем. Пуритане резко критиковали языковые традиции придворных поэтов и писателей за вычурность стиля, за оторванность языка художественных произведений от разговорного языка и языка библии, которая была для них образцом стиля. Необычайный размах получает революционная публицистика. В период революции возникает периодическая пресса, выходят регулярные «брошюры новостей»; издается много трактатов, памфлетов, язык которых предельно прост и близок к разговорной речи.

В 16 в. и в первой половине 17 в., в эпоху становления английского национального литературного языка и повсеместного распространения в стране лондонской нормы, в языковой практике еще не был достигнут такой уровень единообразия грамматики и орфоэпии, который характеризует национальный язык, когда он достигает действительной зрелости. Несмотря на стремление многих авторов выработать определенный языковой стандарт, в это время еще широко бытовала пестрая вариантность как в морфологии, так и в области произношения.

Со второй половины 17 в. английский язык обнаруживает более отчетливую тенденцию к унификации грамматических и орфоэпических норм, и на протяжении последующего столетия в основном устанавливается их единообразие.

В период реставрации Стюартов возродилась придворная литература, и в язык стали вновь проникать французские заимствования вместе с модой на все французское, а для вычурного стиля произведений придворных поэтов и писателей стал характерен искусственно усложненный синтаксис. Но и идеи пуритан оказывали влияние на дальнейшее развитие английского литературного языка. Более простые предложения, отказ от обилия французских и латинских заимствований характерны для творчества таких писателей и критиков, как Дж. Беньян (J. Bunyan), Дж. Эвелин (J. Evelyn) и многих других. В творчестве Дж. Драйдена (J. Dryden, 1631—1700), крупнейшего писателя-классика эпохи Реставрации и теоретика литературы, прослеживается сознательный отбор языковых средств, стремление оградить язык как от вычурности, так и от небрежных разговорных конструкций.

§ 128. Английское языкознание в 18 в. Эпоха Просвещения, наступившая в Англии, как и в других странах Западной Европы, в 18 в., была ознаменована развитием новых идей в науке и философии, отразившихся и в языкознании. Осознавая тот факт, что произведения Чосера уже стали непонятными, английские просветители стремятся найти пути для создания закрепленной на все времена языковой нормы, с тем чтобы язык их эпохи сохранился неизменным для будущих поколений. В стремлении воздействовать на язык с позиций разума и пред-

писывать ему законы, вплоть до исключения из него всего того, что противоречит логике, сказались влияние философии рационализма, утверждающего разум как основу познания и деятельности людей. Эти взгляды проповедаются в высказываниях многих авторов и воплощаются в трудах известных грамматистов. Дж. Уилкинс (J. Wilkins) выпускает в 1668 г. логическую грамматику английского языка, созданную по образцу французской логической грамматики Пор-Рояля (1660); автор этого труда исходит из принципа, что разум у всех людей един, как едины представления и понятия о вещах, поэтому и грамматика должна строиться только на логических основаниях. Типичным образцом логической грамматики явился и труд Р. Джонсона «Грамматические примечания» (R. Johnson. Grammatical Commentaries being an apparatus to a new national grammar, 1706).

Другое философское течение эпохи — эмпиризм — отразилось в трудах тех ученых, которые считали, что на язык невозможно воздействовать реформами и устанавливать для него законы, как предлагали логики. Единственным законодателем языка они признавали речевую практику и понимали, что грамматические правила можно формулировать лишь после тщательного изучения и описания всех фактов языка и на его основе. Это направление имело своих представителей в 17 в. в лице авторов грамматик Хауэлла (J. Howell, 1667), Уоллиса (J. Wallis, 1653), Купера (Ch. Cooper, 1687), а в 18 в. эту линию уже на более высоком научном уровне продолжают Брайтлэнд (J. Brightland, 1714), Гринвуд (J. Greenwood, 1737) и другие ученые.

В середине 17 в. в общественных и литературных кругах Англии начинается движение за создание языковой Академии. В Италии и Франции подобные учреждения уже существовали, и в 1664 г. в Лондоне была создана специальная комиссия по вопросам языка при Королевском Научном Обществе из наиболее видных писателей и ученых. В нее входили Драйден, Эвелин, Уоллис и другие авторитетные деятели культуры, представители обоих философских направлений. Была намечена обширная программа действий, предусматривавшая создание единой грамматики, словарей, реформу орфографии и ряд организационных мер по подготовке к созданию Академии. Однако комиссия скоро распалась, не осуществив своих планов. В конце 17 в. — начале 18 в. снова развернулась борьба за создание Академии. В нее включились Дефо, Свифт, Аддисон, Гринвуд и многие другие. На страницах журналов «Зритель» («Spectator») и «Болтун» («Tatler»), в специальных брошюрах, в предисловиях к грамматикам и другим работам по языку обсуждаются вопросы неустойчивости форм в английском языке и предлагаются различные проекты их нормализации. Многие настаивают на создании Академии, которая могла бы посвятить свою деятельность разрешению всех проблем, касающихся английского языка.

Идея создания Академии так и не воплотилась в жизнь. Вместе с тем, в эпоху Просвещения развитие литературы, наук, распространение периодической печати достигли такого уровня, что проблема нормы постепенно разрешилась сама собой. Ко второй половине 18 в. в английском литературном языке установилось почти полное едино-

образии морфологических форм. К этому времени вопросы морфологии и орфоэпии были уже достаточно разработаны в многочисленных трудах и, таким образом, созрели необходимые предпосылки для создания общей нормативно-описательной грамматики английского языка.

Образцами грамматических описаний такого рода явились труды Дж. Пристли (J. Priestley, 1761) и Р. Лаута (R. Lowth, 1762). Они пользовались большой популярностью и неоднократно переиздавались. В этих грамматиках формулируются правила, закрепляющие нормы языка, отмечаются отклонения от этих правил, подлежащие устранению (например, двойное отрицание, двойная сравнительная степень типа *lesser, worser* и т. п.).

Грамматика Мюррея (L. Murray, 1795) подводит итог всему предшествующему развитию нормативных описаний английского языка. Она многократно переиздавалась в Англии, Америке, Индии и принесла ее автору всеобщее признание. Отдавая должное реальной речевой практике, Мюррей не отрицает и важности логического начала в построении грамматических правил. Его труд послужил основой для дальнейшей разработки грамматической теории английского языка.

В эпоху Просвещения значительных успехов достигают английские лексикографы. В 1721 г. вышел словарь Натаниэля Бейли (N. Bailey), получивший широкое распространение. Это был уже достаточно полный словарь английского языка, построенный на этимологических принципах, в котором автор давал толкование значений слов. Словарь Бейли был взят за основу Сэмюэлем Джонсоном (S. Johnson) при составлении двухтомного словаря, который вышел в 1755 г. В словаре Джонсона объясняется значение и происхождение слов и приводится много текстовых иллюстраций, преимущественно из литературы дореставрационного периода, поскольку автор не одобрял «варваризмы и неправильности» в языке своих современников. Этот словарь явился значительным достижением английской лексикографии, и его высоко оценили еще при жизни автора. Хотя Джонсон признает, что языку свойственно изменяться и ничто не может оградить его от «порчи и упадка», он считает, что в некоторых областях можно достичь определенной стабильности, как, например, в орфографии. В отборе слов он ориентируется на лучших английских писателей и стремится не допускать в словарь нежелательные варианты и провинциализмы. В орфографии Джонсон проявляет себя консерватором, но вместе с тем добивается унификации всех случаев отклонения тех или иных написаний от определенных стандартов. Справедливо считают, что своей традиционной орфографией Англия в большой степени обязана Джонсону.

§ 129. Фонетические изменения. Основные изменения коснулись системы гласных. Кардинальную перестройку всех долгих гласных вызвал так называемый «великий сдвиг гласных» («The Great Vowel Shift»). В основе сдвига лежит сужение гласных и дифтонгизация самых узких гласных *i, ū*, а также открытых гласных *ā, ȓ*. Результаты сдвига можно проиллюстрировать следующими примерами:

$\bar{i} > ei > ai$	time, like, sky, bright ¹
$\bar{e} > \bar{i}$	meet, sleep, keen, me
$\bar{e} > \bar{e} > \bar{i}$	deal, east, read
$\bar{a} > \bar{a}i > ei$	make, late, place
$\bar{o} > \bar{o} > ou$	stone, bone, road
$\bar{o} > \bar{u}$	moon, goose, too
$\bar{u} > ou > au$	house, down, drought, ¹ cow

Сравнение со среднеанглийскими долгими гласными показывает, что, во-первых, в результате сдвига не появилось новых фонем, а, во-вторых, исчезли среднеанглийские долгие $\bar{e}$, $\bar{e}$, $\bar{a}$, $\bar{o}$, $\bar{o}$, но в то же время возникли новые долгие $\bar{a}$ и $\bar{o}$ в определенных фонетических условиях, например в словах: glass 'стекло', mast 'мачта', ask 'спрашивать', calm 'спокойный', tall 'высокий', walk 'гулять' и т. п. Долгие $\bar{a}$ и $\bar{o}$ возникают в результате вокализации г, когда этот звук стоял в конечной позиции в слове и перед согласными. В этих же условиях возник также новый гласный [ə:] из сочетаний er, ir, ur. Следующие примеры иллюстрируют это явление:

ar > a:	far, star, barn
or > o:	horn, for, short
er } > ə:	her, certain, learn
ir } > ə:	girl, bird, fir
ur } > ə:	urn, spur, fur

Вокализация г после долгих гласных отразилась на результатах сдвига следующим образом:

$\bar{i} + r > aiə$	fire, wire, iron
$\bar{e} + r > iə$	here, mere
$\bar{e} + r > \left\{ \begin{array}{l} iə \\ eə \end{array} \right.$	clear, hear, spear
$\bar{a} + r > eə$	bear, wear, stair
$\bar{o} + r > eə$	fare, share, hare
$\bar{o} + r > əə/\bar{o}$	oar, boar, tore
$\bar{o} + r > uə$	poor, moor
$\bar{u} + r > auə$	flower, flour, hour

Примеры показывают возникновение новых дифтонгов iə, eə, uə и образование дополнительного скольжения (глайда) ə у дифтонгов ai, au (aiə, auə).

В отношении времени появления и окончания изменений по сдвигу существуют различные мнения. В новейших трудах по истории английского языка сдвиг датируется концом 14 в. — концом 16 в.

Некоторые долгие гласные и дифтонги вошли в новоанглийский вследствие других изменений, и результаты сдвига совпадают с результатами ряда этих изменений. Так, например, дифтонг ei образовался по сдвигу из $\bar{a}$ (см. примеры); в этом же дифтонге совпадали среднеанглийские ai, ei в day, way из да. dæg, wez.

¹ В результате выпадения [x] перед [t] (в написании ght) долгие $\bar{i}$ и $\bar{u}$ возникли в таких позициях в период, предшествовавший новоанглийскому сдвигу гласных.

В системе кратких гласных изменения коснулись а и u: a > æ — man, lack, cat; u > ʌ — come, up, luck, sun.

В некоторых словах краткие гласные возникли в ранненовоанглийский период в результате сокращения долгих гласных: ē > e — bread, death, sweat, red; ū > u — book, food, good.

В новоанглийский период окончательно исчезает конечный гласный — неударное [ə] (буква e сохранилась). Изменения в звуковой системе новоанглийского периода почти не отразились в орфографии. В ряде случаев на конце слов с долгим гласным стали писать «неэтимологическое» -e: stone (да. stān), swine (да. swin), estate (ca. estat).

Из изменений в системе согласных самым значительным была вокализация r, результаты которой сказались на судьбе гласных (см. выше). Большинство других изменений проявилось в упрощении сочетаний согласных, не отразившемся в орфографии: ср. dumb, write, know, often, listen.

В ранненовоанглийский период произошло озвончение глухих щелевых согласных в определенных условиях, в том числе в ряде служебных слов и наречий: dessert, possess, exhibit, knowledge, the, that, there, of, his, was.

§ 130. Изменения в грамматической системе. Вследствие дальнейшего процесса распада флексии английский язык становится языком аналитического типа, в котором флективное словоизменение сведено до минимума.

В ранненовоанглийский период была полностью утрачена категория грамматического рода. Подавляющее число имен существительных образует множественное число прибавлением окончания -s; исключения составляют немногочисленные слова, частично восходящие к корневым основам древнеанглийского периода (man — men, foot — feet, ox — oxen, child — children, mouse — mice), а также поздние заимствования из греческого и латинского: crisis — crises, nucleus — nuclei, antenna — antennae и т. п.

Окончание 's образует притяжательный падеж определенной категории слов — одушевленных существительных личного значения, слов, означающих время, пространство, и некоторых других.

В системе личных местоимений к концу ранненовоанглийского периода местоимение 2-го л. ед. ч. thou было вытеснено местоимением you (эта форма восходит к винительному падежу). В 17 в. возникла новая форма притяжательного местоимения 3-го л. ед. ч. среднего рода its вместо his (относящаяся, за редкими исключениями, к неодушевленным именам и к собирательным обозначениям людей, типа people 'народ', а также, как правило, к названиям животных)

В спряжении глагола произошло значительное сокращение количества различающихся форм. Вытеснение из литературного языка местоимения thou повлекло за собою исчезновение из глагольной парадигмы формы 2-го л. ед. ч. с окончанием -st (thou doest). Окончание 3-го л. ед. ч. настоящего времени -th было вытеснено окончанием -s (из северного диалекта).

Как в настоящем (за исключением 3-го л. ед. ч.), так и в прошедшем времени глаголов исчезло различие между единственным и множественным числом.

У сильных глаголов остались три «основные формы» вместо четырех: инфинитив, прошедшее время и причастие II. Изменения, которые произошли в этих формах, вызвали известные нарушения в исторической классификации сильных глаголов; кроме того, их количество сокращается за счет перехода ряда глаголов в категорию слабых. Число слабых глаголов продолжает неуклонно расти, и продуктивной моделью новых образований (как из числа заимствований, так и по конверсии от других частей речи) является модель с суффиксом -ed в прошедшем времени и у причастия II, которая восходит к древнеанглийскому II классу слабых глаголов (да. *lufian — lufode — lufod*, са. *loven — loved(e) — loved*, на. *love — loved — loved*).

Большинство слабых глаголов I класса составляют несколько подгрупп, различающихся по типу образования прошедшего времени и причастия II. Таким образом, глаголам, принимающим «регулярный» суффикс -ed, противопоставлены разнотипные группы глаголов, восходящие как к сильным, так и к слабым древнеанглийским глаголам. Поэтому в современной английской грамматике проводится деление на «правильные» (или «стандартные») и «неправильные» («нестандартные») глаголы.

Из претерито-презентных глаголов сохранились *can — could*, *may — might*, *ought*, *dare*, *must*. Глаголы *shall*, *will* стали в основном вспомогательными для образования будущего времени и будущего в прошедшем. За ними, в особенности за их формами *should* и *would*, сохранились и модальные значения в соответствующих контекстах.

Формы перфекта настоящего и прошедшего времени закрепляются в их современном употреблении с конца 17 в. С начала 18 в. общим вспомогательным глаголом форм перфекта становится глагол (to) *have*.

Длительный вид окончательно складывается лишь в 18 в. До этого передача длительного действия осуществлялась при помощи описательных конструкций из глагола *to be* и герундия с предлогом *on*, который в ранненовоанглийский период редуцировался в *a-* (*he was a-hunting*). На протяжении ранненовоанглийского периода появляются формы перфектно-длительного вида, однако они получают широкое распространение только начиная с 18 в.

В ранненовоанглийский период расширяется употребление пассивных конструкций с непереходными глаголами. По мере развития и распространения перфектных и длительных форм в действительном залоге они начинают применяться и в пассиве.

В инфинитиве и причастиях именные свойства значительно ослабляются уже в среднеанглийском, и под влиянием личных форм в них усиливаются глагольные черты. В ранненовоанглийский период широкое развитие получают формы перфектного инфинитива, пассивного инфинитива; в 17—18 вв. распространяются формы инфинитива длительного и перфектно-длительного видов. На протяжении ранненовоанглийского периода возникают и развиваются аналитические формы

причастия I (пассивная и перфектная). В ранненовоанглийский период новые глагольные черты появляются у герундия. В 16 в. начинает употребляться пассивный, а затем и перфектный герундий. Происходит разграничение герундия и глагольного имени.

На протяжении 16—17 вв. развивается вспомогательная функция глагола *to do*; при построении вопросов и отрицаний в простом настоящем и прошедшем времени он окончательно становится нормой к концу 17 в. К этому же времени оформляется монологативный тип отрицательного предложения, и двойное отрицание выходит из употребления в литературном языке.

В области синтаксиса простого предложения продолжает развиваться такая форма связи, как примыкание, которое с исчезновением падежных окончаний почти полностью вытесняет согласование. Закрепляется твердый порядок слов как норма построения предложения. Все большее распространение получает предложное управление.

Синтаксические модели простого предложения значительно усложняются благодаря инфинитивным, причастным и герундиальным конструкциям, получающим в новоанглийском языке широкое развитие.

В синтаксисе сложного предложения происходит упорядочение системы построения сложноподчиненного предложения; складываются правила согласования времен, уточняется система союзов и союзных слов, как подчинительных, так и сочинительных.

§ 131. Лексика. В эпоху Возрождения в английский язык вошли многочисленные заимствования. Наиболее значительным был приток заимствований из классических языков — латинского и греческого. Возрождение светских наук, изучение классической литературы и подражание ее лучшим образцам стимулировали заимствование слов из классических языков. Латинские слова иногда входили в английский язык, когда в нем уже существовали однокоренные французские заимствования, восходящие к раннесредневековой «народной латыни» на территории Галлии. Они в той или иной степени различались в своих значениях и образовывали в английском языке латино-французские дублеты, ср., например: *poor* < ст. фр. *poivre* 'бедный' и *pauper* < лат. *pauperum* 'нищий'. Нередко более ранние французские заимствования подвергались изменениям под влиянием однокоренных латинских слов. Изменения могли касаться либо только орфографии, либо и орфографии и произношения. Так, изменилась только орфография в слове *debt* 'долг' (ср. са. *dette*, ст.-фр. *dette* и лат. *debitum*). В слове *advice* 'совет' изменилось, кроме орфографии, и произношение (ср. са. *avys*, ст.-фр. *avis* и лат. *ad visum*). Вначале латинские заимствования носили преимущественно книжный характер, позднее многие из них вошли в обиходный язык, например: *discuss*, *suggest*, *collect*, *fact*, *tradition*.

Во многих латинских заимствованиях ранненовоанглийского периода выделяются четко оформленные морфологические подгруппы. Это глаголы на *-ate*: *locate*, *illustrate*, *rotate*; на *-ute*: *execute*, *consti-*

tute, distribute; прилагательные на -ant/-ent, соотносящиеся по словообразовательной модели с существительными на -ance/-ence: expectant — expectance, dependent — dependence.

Греческие слова в английском носят преимущественно книжный характер и часто относятся к сфере научной терминологии. Они проникли также в другие языки и являются в большинстве случаев интернациональными: analysis, epoch, democracy, myth и др.

Из латинских и греческих корней в дальнейшем возникает много производных и сложных слов; например, гр. *phōn* «звук» вошло в состав таких слов, как *phonology*, *microphone*, *telephone*, *phonograph*.

Французские заимствования новоанглийского периода проникали в язык преимущественно из дворянских салонов и из дипломатических кругов; более поздние из них сохранили до известной степени графический и фонетический характер оригиналов, например: *attaché*, *etiquette*, *fatigue*, *caprice*, *ballet*, *ensemble*, *machine*.

Растущие контакты с другими европейскими странами также принесли в английский язык ряд новых слов.

Из итальянского вошли слова из области искусств, архитектуры, а также из повседневного быта, например: *scenario*, *cartoon*, *fresco*, *concerto*, *opera*, *gondola*, *lagoon*, *grotto*, *balcony*.

Из испанского были заимствованы некоторые военно-морские термины, а также слова, характерные для испанского быта: *armada*, *flotilla*, *parade*, *guerilla*, *castanet*, *matador*. Из немногих португальских заимствований можно назвать *madeira*, *verandah*. Кроме того, через испанский и португальский в английский язык вошли такие слова из языков американских индейцев, как *alligator*, *cacao*, *potato*, *tomato*.

Нидерландский язык также внес свой вклад в английскую лексику. Из области изобразительных искусств вошли такие нидерландские слова, как *easel*, *etch*, *sketch*; значительное число заимствований относится к лексике мореплавания: *cruise*, *buoy*, *bowsprit*, *freight*, *skipper*.

По мере расширения контактов с разными странами в английский язык проникали новые слова из языков Индии, из туземных языков Австралии, Новой Зеландии, Африки, Америки, а также из европейских языков, в том числе из русского.

§ 132. Распространение английского языка за пределами Великобритании. В истории Англии нового времени огромную роль сыграло расширение ее владений и захват колоний. Это оказало значительное влияние на судьбы английского языка.

Начиная с англосаксонского периода кельтские владения на территории самой Британии подвергались постоянным посягательствам со стороны английских королей. Уэльс сохраняет относительную самостоятельность до 16 в., когда он полностью присоединяется к Англии, но хотя английский язык стал государственным языком в Уэльсе, кельтское население Уэльса, валлийцы, продолжают придерживаться своей народной культуры и языка. На валлийском языке

создаются художественные произведения, выходит периодическая печать, в учебных заведениях также существует двуязычие.

Шотландия была окончательно присоединена к Англии в середине 17 в. Английский язык начал проникать в Шотландию с 11 в., и в среднеанглийский период разновидностью северного диалекта был шотландский диалект, на основе которого в период самостоятельного существования шотландского королевства сложился литературный шотландский язык. На нем создавалась художественная литература, преимущественно поэзия (15—16 вв.). После объединения Шотландии с Англией шотландский язык переходит на положение диалекта. Этому способствовало распространение лондонской языковой нормы через посредство официально-деловой сферы общения и через богатую литературу шекспировской эпохи, а также благодаря влиянию новых общественно-политических и культурных веяний английского Возрождения. На севере и в горных районах Шотландии продолжают существовать кельтские диалекты.

На территории Ирландии кельтское население на протяжении столетий оказывало сопротивление английским завоевателям, которые стали проникать туда начиная с 12 в. Английский язык насаждался среди населения, и хотя ирландцы упорно отстаивали свою национальную культуру и язык, английский язык завоевал господствующее положение в стране. С образованием Ирландского Свободного Государства Эйре (1937 г.) ирландский язык становится государственным языком наравне с английским. Все же английский язык продолжает играть в стране главенствующую роль.

С конца 16 в. начинается колониальная экспансия Англии и распространение английского языка за пределы Британских островов.

Первые постоянные поселения англичан на восточном побережье Северной Америки возникли в начале 17 в. В 1606 г. был основан Джеймстаун, а вся территория колонии стала называться Вирджинией в честь королевы Елизаветы (Virgin Queen — «королева-девушка»). Начало более многочисленным переселениям на американский континент было положено первой партией английских эмигрантов-пуритан, которые прибыли в Америку на корабле «Мейфлауэр» и высадились в 1620 г. в районе Плимут Рок. За двадцать последующих лет около 200 кораблей с новыми партиями иммигрантов совершили рейсы между Англией и Новой Англией, как стали именовать эту новую колонию переселенцы-англичане. С территории Массачусетса они продвигались на север и на юг по побережью океана и на запад в глубь континента, оттесняя и уничтожая индейцев — коренных жителей Америки. В завоевании и освоении новых земель участвовали колонизаторы из других европейских стран — голландцы, шведы, немцы, и англичанам приходилось конкурировать с ними в борьбе за новые пространства. На протяжении полутора веков английскими колонистами была захвачена почти вся восточная часть территории современных Соединенных Штатов. Новое государство — Соединенные Штаты Америки — образовалось в ходе успешной войны бывших североамериканских колоний Англии за независимость (1775—1783). В 1787 г. Конгресс Соединенных Штатов принял федеральную кон-

ституцию. В 1790 г. была проведена первая перепись населения нового англоязычного государства. Его население составило 4 миллиона человек. В последующее столетие население Соединенных Штатов непрерывно росло за счет иммиграции из различных стран Европы.

Английский язык США характеризуется рядом специфических черт, поскольку его развитие проходило в новых условиях, хотя контакты с англичанами-британцами и не прерывались. Отличия английского языка в США касаются главным образом произношения и лексики, но в отношении грамматического строя он по существу ничем не отличается от британского варианта, и его принято рассматривать как американский вариант английского языка.

В Канаду английские колонизаторы проникли в 17 в., когда там уже существовали французские поселения. До середины 18 в. Канада была французской колонией. Англичане утвердили там свое господство после Семилетней войны 1756—1763 гг. В 1867 г. Канада получила статус английского доминиона. Полной государственной независимости Канада добилась в период между первой и второй мировыми войнами. Англоканадцы составляют большую часть населения страны. Государственными языками Канады являются английский и французский. Английский язык Канады мало отличается от американского варианта.

Колонизация Индии была подготовлена Ост-Индской Компанией, основанной в 1600 г., которая монополизировала торговлю с Индией, вела в Индии захватнические войны и вытеснила из этой страны своих конкурентов — голландцев, португальцев и французов. Во второй половине 18 в. Индия стала колонией Великобритании, и английский язык получил широкое распространение в стране. С восстановлением независимости Индии возрастает роль ее национальных языков. Существование на ее территории около 200 языков делает языковую ситуацию в стране чрезвычайно сложной. В качестве государственного языка в Индии признан хинди (принадлежит к индийской ветви индоевропейской семьи языков); английский язык продолжает широко использоваться в функциях государственного языка. Единого национального литературного языка в Индии нет. Литературными языками являются хинди, урду, бенгальский, тамильский и некоторые другие.

Колонизация Австралии началась в конце 18 в. и в течение нескольких десятилетий ограничивалась военно-каторжными поселениями. Она резко усилилась в середине 19 в., когда в Австралии были открыты месторождения золота. Важной отраслью экономики стало овцеводство и вывоз шерсти. С массовым притоком иммигрантов и развитием капитализма к концу 19 в. сложилась англоязычная австралийская нация. Остатки коренного населения Австралии, почти полностью истребленного, влчат жалкое существование в резервациях. На протяжении истории заселения Австралии английский язык претерпевал некоторые изменения, главным образом в лексике. Литературный язык Австралии ориентируется на британскую норму, чему способствуют печать и радиовещание.

В Новой Зеландии английский язык утвердился таким же путем, как и в Австралии, и также является языком большинства населения.

§ 133. Общие сведения. Современное положение. На фризском языке в настоящее время говорят около 400 тысяч человек. Основная область его распространения (около 380 тысяч говорящих) — нидерландская провинция Фрисландия (ее континентальная часть и острова Терсхеллинг и Схирмонникоог). Здешние диалекты, легшие в основу литературного языка, объединяются под названием западнофризского. Кроме Нидерландов, фризский язык распространен также в двух районах ФРГ. Первый из них находится в земле Нижняя Саксония, в области, носящей название Затерланд. Эта область расположена между реками Эмс и Везер, к юго-востоку от г. Ольденбурга. Диалекты этих мест называют восточнофризскими; на них говорят около 1 тысячи человек. Второй район распространения фризского языка в ФРГ находится на северо-западе Шлезвиг-Гольштинии, к югу от датской границы, и охватывает как часть материка, так и острова Зильт, Фёр, Амрум, Нордмарш-Лангенес, Хооге, Аппелланд и Гельголанд. Диалекты этой местности (около 8 тысяч говорящих) объединяются под названием северофризского; характерно, что между здешними континентальными и островными диалектами существуют значительные различия, затрудняющие общение.

Помимо названных основных трех групп фризских диалектов, выделяют еще так называемый «городской фризский» — обнаруживающий известное влияние нидерландского языка особый городской говор административного центра Фрисландии, называемого по-нидерландски Лееуварден (Leeuwarden) и Льюут (Ljouwert) по-фризски. Сходные говоры представлены и в некоторых других городах Фрисландии, хотя они и меньше подверглись нидерландскому влиянию. На «городском фризском» говорят около 30 тысяч человек.

Ранее фризский язык был распространен на гораздо более обширной территории. Эта территория, видимо, тянулась сравнительно широкой полосой по всему побережью Северного моря от залива Зейдерзее (теперь Эйселмеер) в Нидерландах до южной Дании (заходя несколько к северу от нынешней границы ФРГ и Дании). Ряд исследователей считает, что в средние века фризский язык был распространен и южнее (на территории нынешней провинции Северная Голландия в Нидерландах), но это проблематично. Во всяком случае бесспорно то, что история фризского языка последнего полутора тысячелетия — это история сокращения области его распространения. Причина этого состоит в том, что примерно к началу 16 в. Фрисландия утратила самостоятельность и фризский язык был вытеснен из официальной сферы нидерландским языком. До недавнего времени он существовал фактически лишь в форме устной речи, в форме языка «бытового общения».

После второй мировой войны в положении фризского языка произошли существенные перемены. Наблюдается непрерывный рост объема печатной продукции на фризском языке, расширяется сфера его применения, чему способствуют и усилия местной администрации (10% бюджета Фрисландии расходуется на активную языковую

политику). За период с 1958 г. по 1967 г. количество выпущенных книг возросло вдвое по сравнению с предыдущим десятилетием; возросли и тиражи изданий. Начала выходить газета на фризском языке, ведутся ежедневные радиопередачи и т. д. Хотя языком преподавания в школах и сейчас является нидерландский, в части школ преподавание в первых двух классах осуществляется на фризском (в соответствии с так называемым законом Калса 1955 г.). С 1948 г. фризский язык — факультативный предмет во всех школах Фрисландии (до 4 часов в неделю).

Наиболее характерная черта языкового положения во Фрисландии — практически полное двуязычие фризского населения. Поскольку государственным языком, языком администрации, школы, церкви и, в основном, прессы и суда является нидерландский, то фризский язык — это по преимуществу язык устного общения в домашнем кругу, среди коллег-фризов на работе, отчасти язык преподавания в начальной школе; в последнее время он используется также в местной администрации. Нидерландский язык имеет значительно более широкую сферу применения. Существенно для понимания положения фризского языка и то, что нидерландский язык, являющийся на протяжении веков языком администрации, школы, науки, культуры, церкви и т. д. и к тому же государственным языком, более приспособлен для обслуживания всех этих сфер, чем фризский. Обозначения новых понятий веками попадали во фризский язык через нидерландский. Фризские лингвисты сами отмечают, что фризу часто не хватает фризских слов из области государственной жизни, науки, техники, культуры, спорта, религии.

Фризы в разной степени владеют своим родным языком. Если все они понимают фризский язык, то, как показал опрос, пользуется им в домашнем обиходе лишь 59 % фризов (в сельской местности — 71 %, в крупных городах — 41 %), да еще 8 % говорят на «городском фризском». Чем «социально выше» ступень общения, тем меньше роль фризского языка и тем больше роль нидерландского. Так, например, в магазине используют фризский язык 71 %, в разговоре с доктором, нотариусом, директором и т. п. — 46 %. По-фризски фризы читают меньше и с меньшей легкостью, нежели по-нидерландски. По-нидерландски читать предпочитают 37 %, по-фризски — 21 %, нейтральны — 42 %. Легче читать по-фризски, чем по-нидерландски лишь 2% (!) фризов, тогда как 82 % легче читать по-нидерландски. Регулярно читает по-фризски 53 % фризского населения. Но если в общем 3/4 фризов так или иначе читают на своем родном языке, то с умением писать на нем дело обстоит значительно хуже. По данным опроса, 69 % (!) фризов вообще не могут писать по-фризски, 21 % сообщили, что «немного пишут», и лишь 1 % заявил, что умеют хорошо писать на своем родном языке. Причины этого положения, очевидно, следующие. Во-первых, фризский язык стал преподаваться (в разных формах) в школах лишь в послевоенное время, так что люди среднего и старшего поколения вообще не учились писать по-фризски. Во-вторых, фризская орфография очень сложна, нелогична и непоследовательна, и поэтому даже и при су-

шествующем уровне преподавания трудно хорошо овладеть ею. В третьих, сфера применения письменного фризского языка очень узка, регулярно пишет по-фризски, видимо, всего около 1 % фризов.

Современное положение фризского языка определяется действием двух противоположных тенденций. С одной стороны, в последние десятилетия сфера его применения, как говорилось выше, бесспорно расширилась. Организовано регулярное преподавание фризского языка, резко возросло количество печатной продукции на нем и т. д. Несомненно вырос престиж фризского языка, его роль в обществе, тяга к нему, интерес к родной культуре. С другой стороны, ряд процессов объективно препятствует росту удельного веса фризского языка во Фрисландии. Здесь можно назвать движение населения из сельской местности в города, вызванное индустриализацией, отъезд значительной части молодежи в другие города Нидерландов для получения образования и на заработки и т. п. Следует также иметь в виду, что фризы — народ, игравший и играющий заметную роль в политической, научной и культурной жизни Нидерландов, но это оказывается для фризов возможным, как правило, если они покидают Фрисландию и переселяются в крупные города страны.

§ 134. Особенности англо-фризской группы. История фризского языка. Фризский язык находится в ближайшем родстве с английским, образуя с ним англо-фризскую, или североморскую, группу западногерманских языков. Ряд общих особенностей этой группы отличает ее от прочих западногерманских языков. Среди этих особенностей можно указать на следующие (в начале каждого ряда соответствий приводится фонема, представленная в других западногерманских языках):

1. Сужение гласных: а) [a] > фриз. e [ɛ], англ. a [æ], e [e]: ср. нем. Sack, нид. zak — фриз. sek, англ. sack 'мешок'; нем. Masche, нид. maas — фриз. mesk, англ. mesh 'ячея'; б) [a:] > фриз. ie [i:ə], англ. ee [i:], ea [iə]: ср. нем. Stahl, нид. staal — фриз. stiel, англ. steel 'сталь'; нем. Jahr, нид. jaar — фриз. jier, англ. year 'год'. Во фризском последний переход осуществился более последовательно, чем в английском: ср. англ. far 'далекий', was [wɔz] 'был', fathom ['fæðm] 'морская сажень' и фриз. fier, wier, fiem.

2. Делабиализация гласных одновременной меной ряда заднего на передний: а) [u:], [u] > фриз. i, ie [i:ə], y [i:], англ. ee [i:], [i]: ср. нид. groen [γruːn], нем. grün — фриз. grien, англ. green 'зеленый'; нид. zoet, нем. süß — фриз. swiet, англ. sweet 'сладкий'; нид. zoeken, нем. suchen — фриз. sykje, англ. seek 'искать'; б) [o:] > фриз. ea [i:ə], ee [e:], англ. ea [e], e [e], ee [i:]: ср. нем. Brot, нид. brood — фриз. brea, англ. bread 'хлеб'; нем. rot, нид. good — фриз. read, англ. red 'красный'; нем. Not, нид. pood — фриз. need, англ. need 'нужда', 'потребность'.

3. Выпадение -п- перед некоторыми согласными: ср. нем. fünf —

фриз. fiif, англ. five 'пять'; нем., нид. ander — фриз. oar, англ. other 'другой'; нем. Gans, нид. gans — фриз. goes, англ. goose 'гусь'.

4. Спирантизация [g] > фриз. j, англ. y [j]: ср. нем. gestern, нид. gisteren — фриз. juster, англ. yesterday 'вчера'; нем. gelten, нид. gelden — фриз. jilde 'считаться', англ. yield 'приносить, доставлять'.

5. Вокализация [g] в сочетаниях ag, eg > фриз. ei [ai], англ. ay [ei]: ср. нем. Tag, нид. dag — фриз. dei, англ. day 'день'; нем. Nagel, нид. nagel — фриз. neil, англ. nail 'гвоздь'; нем. Weg, нид. weg — фриз. wei, англ. way 'дорога, путь'.

6. Аффрикатизация [k] > фриз. tsj [tʃ], ts, англ. ch [tʃ]: ср. нем. Kirche, нид. kerk — фриз. tsjerke, англ. church 'церковь'; нем. Käse, нид. kaas — фриз. tsiis, англ. cheese 'сыр'; нем. Kalk, нид. kalk — фриз. tsjelk 'известь', англ. chalk 'мел'.

7. Выпадение [r] в некоторых позициях (во фризском прежде всего перед дентальными): ср. нем. Wort, нид. woord — фриз. wurd [vöd], англ. word [wə:d] 'слово'; нем. Morgen, нид. morgen — фриз. moarn [mo:ən], англ. morning ['mɔ:nɪŋ] 'утро'.

Историю фризского языка принято делить на два периода — древнефризский (приблизительно до 1500 г.) и новфризский. Древнефризский обнаруживает большую близость с древнеанглийским. Он характеризуется довольно богатой морфологией (в частности наличием трех грамматических родов, четырех падежей, изменением глагола по лицам и числам и т. д.). Основные источники наших знаний о нем — книги законов и документы. С 16 в., как отмечалось, фризский язык существовал в основном в форме языка бытового общения; исключение составляет творчество поэта Гисберта Япикса (Gysbert Japiks), родоначальника и одного из крупнейших представителей фризской литературы, жившего в 17 в. За исключением Япикса о литературе в обычном смысле слова до 19 в. говорить не приходится.

§ 135. Фонетика. Как уже говорилось, фризская орфография крайне сложна и непоследовательна (особенно в отношении обозначения гласных), так как она строится как на фонематическом, так и на историко-этимологическом принципах. Отдельные буквы и сочетания букв могут обозначать несколько различных фонем; с другой стороны, отдельные фонемы имеют по нескольку различных способов обозначения. Так, например, буква i может обозначать: а) краткое открытое [i] (sitte 'сидеть'); б) краткое закрытое [i] (bite 'кусать'), в) долгое закрытое [i:] (tige 'очень'), г) редуцированный звук [ə] (bistek 'план'), а в старой орфографии также д) [ö] (wird 'слово', теперь wurd). Краткое [u] может обозначаться при помощи следующих средств: а) буквы û (mûle 'рот'), б) буквосочетания oe (droech 'сухой'), в) буквосочетания ow (в слове jowp — причастии II от jaap 'давать').

Фонемный состав фризского языка весьма богат, особенно в области вокализма, и характеризуется двумя специфическими особенностями.

Первая особенность обусловлена наличием большого количества дифтонгов и трифтонгов. Во фризском языке 26 дифтонгов и 6 трифтонгов. Вторые элементы нисходящих дифтонгов — i, u, ə; восхо-

дящие дифтонги начинаются с *i*, *u*. Характерная черта фризских дифтонгов состоит в том, что в процессе словоизменения или словосложения нисходящие дифтонги могут чередоваться с восходящими: ср. *beam* [bɪ:əm] 'дерево' — *beammen* [bĕmən] 'деревья'; *stien* [sti:ən] 'камень' — *stiennen* [stiinən] 'камни'; *stienslach* ['stiislaχ] 'щебень'; *doar* [do:əɾ] 'дверь' — *doarren* [dūarən] 'двери' и т. д.

Вторая специфическая особенность фризского вокализма, характерная еще только для одного германского языка — африкаанс (см. § 145), — это назализация, т. е. носовое произношение гласного или дифтонга. Назализация представлена во фризском довольно широко (шире, чем в африкаанс) и имеет место перед *p+s*, *z*, *f*, *w*, *j*, *l*, *r* (*n* при этом не произносится), а также перед *ng* [ŋ]. Назализироваться может большинство гласных и некоторые дифтонги, например, *minske* [mĕskə] 'человек', *liepens* ['li:əpĕs] 'хитрость', *toarns* [tuū:s] 'утром'.

Во фризском, как и во всех западногерманских языках, имеются только краткие согласные (удвоенные согласные буквы обозначают лишь краткость предшествующего гласного: *wakker* [wakɛɾ] 'очень'). Глухие смычные *p*, *t*, *k* аспирированы перед ударным гласным (этим фризский язык резко отличается от нидерландского). Сонант [r] всегда переднеязычный; произношение увулярного [R] считается дефектом речи. Согласный *g* произносится как смычный [g] в начале слова и как щелевой [ɣ] — в середине (варианты одной фонемы).

§ 136. Грамматика. Морфология фризского языка несколько богаче, чем морфология близкородственного английского.

Существительное характеризуется наличием двух грамматических родов, двух чисел и двух падежей. Различавшиеся в древнефризском мужской и женский род слились в один общий род, противопоставленный среднему роду. Множественное число образуется при помощи окончаний *-(e)n* и *-s*, например: *heit* 'отец' — *heiten*; *toarne* 'шип' — *toarnen*, *fūgel* 'птица' — *fūgels*. Первоначальная четырехпадежная система начала разрушаться еще в древнефризском. В настоящее время общий падеж противопоставлен родительному, употребляемому, впрочем, ограниченно и преимущественно от односложных слов: *syn wiifs mem* 'мать его жены', *heite* (или *heits*) *klean* 'одежда отца'. Отношение принадлежности выражается, однако, чаще при помощи описательных конструкций с предлогом *fan* (*it wurk fan Fokkema* 'труд Фоккема') или местоименных конструкций (*Fokkema syn wurk*; *mem har stoel* 'стул матери', где *syn* — его, *har* — ее, т. е. дословно: «Фоккема его труд», «мать ее стул»).

Определенный артикль: *de* (общий род и мн. ч. обоих родов), *it* (ср. р.). Неопределенный артикль обоих родов — *in* (ед. ч.).

У прилагательного различается «сильная» (без окончания) форма (*mun nij boek* 'моя новая книга') и «слабая» (*leave mem* 'дорогая мама').

Глагол характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения и залога. Изменение по лицам имеет место только в ед. ч., все формы мн. ч. теперь одинаковы. Система времен — общая для

германских языков: презенс, претерит, перфект, плюсквамперфект, будущее I и II, будущее в прошедшем I и II. Наклонений два — изъявительное и повелительное (сослагательное наклонение утрачено; значения вероятности и т. п. передаются описательными конструкциями). Страдательный залог образуется при помощи вспомогательного глагола *wurde* (пассив действия) и *wêze* (пассив состояния). Как и во всех германских языках, различаются сильные глаголы, образующие «основные формы» при помощи чередования корневого гласного (например: *stjerre* — *stoar* — *stoarn* ‘умирать’), и слабые. Характерно, что слабые глаголы на *-je* (глаголы 2 класса) образуют претерит, отбрасывая *-j*: ср. *easkje* ‘требовать’ — *easke* ‘требовал’. Имеются отделяемые приставки, как в нидерландском и немецком языках, т. е. такие приставки, которые в презенсе и претерите отделяются от личной формы глагола и помещаются в конец предложения, например: *oan-komme* ‘приходить’ — *hwa komt dêr oan?* ‘кто там пришел (дословно: «приходит»)?’.

ДРЕВНЕСАКСОНСКИЙ ЯЗЫК

§ 137. Судьба древних саксов. Памятники древнесаксонского языка. Древнесаксонский — один из племенных диалектов западногерманской группы германских языков, диалект ингвеонского племени саксов, волею исторических судеб не образовавшего государства и не давшего начало самостоятельной нации.

Саксы рано утратили политическую самостоятельность в результате подчинения Франкскому государству Каролингов (в итоге войн Карла Великого против саксов в 772—804 гг.), повлекшего за собой их насильственную христианизацию. В 852 г. в рамках Восточнофранкского (Немецкого) королевства было создано Саксонское герцогство. Саксонский герцог Генрих I был в 919 г. избран немецким королем, а его сын Оттон I стал первым императором основанной им в 962 г. Священной Римской империи.

На племенном языке саксов — древнесаксонском — говорили саксы, селившиеся в эпоху раннего средневековья на территории между Рейном и Эльбой, Северным морем и Гарцем. До нас дошло лишь небольшое число письменных памятников на древнесаксонском, в основном религиозно-церковных, относящихся к 9—12 вв. Самые значительные из них восходят к 9 в. Это созданная в 830 г. по заказу Людовика Благочестивого, сына Карла Великого, евангельская гармония «Гелианд» (дс. *hēliand* ‘спаситель’), обширная (6000 стихов) анонимная поэма, написанная древнегерманским аллитерационным стихом и содержащая жизнеописание Христа. В поэме многие библейские события и факты, особенности жизни, пейзажа и климата, а также некоторые принципы христианского вероучения преломляются через понятия и образы, характерные для германского героического эпоса и более близкие и понятные саксам, среди которых христианская религия еще только распространялась.

Второй крупный памятник, также поэтический, «Генезис» («Genesis») — изложение библейских легенд о сотворении мира (ок. 300 строк). Оба памятника обнаруживают следы верхненемецкого, частично и древнеанглийского, влияния. К более мелким памятникам относятся формулы благословения, церковные грамоты, податные списки.

Для фонетической системы древнесаксонского характерно — в отличие от древневерхненемецкого — отсутствие изменений в консонантизме по второму передвижению согласных (см. § 158): ср. дс. *tunga* 'язык', *makōn* 'делать', *dag* 'день', *bōk* 'книга', *fōt* 'стопа', *ik* 'я', *gōd* 'хорошо' и двн. *zunga*, *mahhōn*, *tag*, *buoch*, *fuoz*, *ich*, *guot*. Характерным ингвеонизмом является выпадение носового перед щелевым, вызывавшее удлинение гласного: ср. дс. *ōthar* 'другой', *ūs* 'нам', *fif* 'пять' и двн. *andar*, *uns*, *finf*.

По своему грамматическому строю древнесаксонский во многом обнаруживает сходство с другими западногерманскими диалектами, особенно с древнеанглийским, также ингвеонским. Характерным ингвеонизмом является, например, наличие в древнесаксонском общего окончания глагола для всех трех лиц во мн. ч. в презенсе и претерите индикатива и конъюнктива.

Языковое влияние более развитой в культурном и экономическом отношении южной Германии на северную, начавшееся в конце 8 в., продолжалось и после распада Франкской империи в середине 9 в. Саксы оказались вовлеченными в сферу верхненемецкого влияния. Многие уроженцы северной Германии пишут уже в то время не на родном древнесаксонском (древненижненемецком), а на верхненемецком.

§ 138. Дальнейшая судьба древнесаксонского. 13—16 вв. — новый этап в истории языка населения Саксонии (Нижней Саксонии — в отличие от Верхней Саксонии в верхнем течении Эльбы), называемый «нижненемецким» (нн. *Middenedderdüütsch*). Письменные памятники этого периода в основном — городская литература, по содержанию сатирическая, дидактическая и моралистическая, а также городские хроники, уставы гильдий и цехов, документы городских и княжеских канцелярий. Из юридических памятников наиболее интересен самый ранний — «Саксонское зеркало» («*Der Sachsenspiegel*» 1233 г.), немецкое государственное право, записанное и переведенное с латинского патрицем города Галле Эйке фон Репкове (*Eike von Repkove*). Самый знаменитый памятник средненижненемецкого — животный эпос о Рейнеке Лисе «*Reynke de Vos*», распространившийся в Нижней Саксонии в нидерландском варианте и напечатанный в Любеке в 1498 г. Это острая сатира на князей, духовенство, феодальное законодательство. Предполагается, что в конце 15 в. была впервые напечатана на нижненемецком народная книга о Тиле Уленшпигеле (первое дошедшее до нас издание — верхненемецкое, увидевшее свет в 1515 г.).

Позиции нижненемецкого укрепились в 14—15 вв. в связи с расцветом северонемецких городов, создавших еще в 13 в. под главен-

ством Любека Ганзейский союз городов — Der Hansabund, Die deutsche Hanse, ср. двн. hansa '(военный) отряд', — объединявший к 1356 г. 100 городов.

В языковом отношении средненижненемецкий период характеризуется процессом формирования устной и письменной языковой нормы, возникшей на основе говора Любека, а ведущая роль этого города способствовала распространению любекской языковой нормы во всей северной Германии. Как письменный и деловой язык Ганзы средненижненемецкий вместе с Ганзейским союзом пережил подъем и упадок, оказав, в свою очередь, значительное влияние на скандинавские языки (шведский и особенно датский) в области лексики.

После упадка Ганзейского союза север Германии подпадает в экономическом и культурном отношении под все возрастающее влияние верхненемецких областей, и нижненемецкий постепенно уступает свои позиции письменного, делового и литературного языка верхненемецкому, переходя на положение диалекта, функционирующего в устном общении преимущественно сельского населения и городских низов.

§ 139. Лингвистическая характеристика нижненемецкого. Нижненемецкий обладает рядом существенных особенностей в фонетике, грамматике и лексике, отличающих его и от верхненемецкой литературной нормы, и от верхненемецких диалектов.

В области фонетики основные отличия нижненемецкого составляют: 1) отсутствие второго (верхненемецкого) передвижения согласных: ср. нн. Appel, Water, deer, maken, to, ik и нвн. Apfel, Wasser, tief, machen, zu, ich; 2) сохранение старых узких долгих гласных: ср. нн. Huus 'дом', Is 'лед', Lüüd 'люди' и нвн. Haus, Eis, Leute; 3) сохранение старого различия между звонкими (слабыми) и глухими (сильными) согласными, утраченное в областях распространения центральнонемецкого ослабления согласных (см. § 160); 4) сохранение произношения s перед согласными, как [s], а не как [ʃ]: ср. нн. Steen [ste:n] 'камень', Smit 'кузнец', Swester 'сестра', Sne 'снег' и нвн. Stein [ʃtaen], Schmied, Schwester, Schnee; 5) выпадение носовых перед спирантами с удлинением гласного: ср. нн. Gous 'гусь' (ср. англ. goose); fif 'пять' (ср. англ. five) и нвн. Gans, fünf.

К особенностям грамматического строя нижненемецкого относятся: 1) общая для всех трех лиц глагола форма мн. ч., например, окончание -et в презенсе индикатива; 2) отпадение префикса ge- в причастии II; 3) совпадение местоимений 1-го и 2-го лл. в вин. и дат. п.: ср. нн. mi(k) — нвн. mir 'мне' и mich 'меня', нн. di(k) — нвн. dir 'тебе' и dich 'тебя'.

Довольно значительны и различия в области лексики: ср., например, нн. Aust 'урожай' и нвн. Ernte; нн. Deern 'девочка' и нвн. Mädchen; нн. lüttje 'маленький' и нвн. klein. Влияние немецкого национального языка на нижненемецкий проявляется в виде верхненемецких лексических заимствований.

НИДЕРЛАНДСКИЙ ЯЗЫК

§ 140. **Общие сведения. История.** Нидерландский, или голландский, язык¹ распространен в двух сторонах. Во-первых, это язык Нидерландов, где на нем говорят около 15 с половиной миллионов человек. Во-вторых, он распространен в северных провинциях Бельгии (Западная Фландрия, Восточная Фландрия, Антверпен, Лимбург и частично Брабант), часто называемых вместе Фландрией, где на нем говорят более 6 миллионов человек; в южных провинциях Бельгии, называемых Валлонией, говорят по-французски. Нидерландский язык наряду с французским — один из двух государственных языков Бельгии. Кроме того, он государственный язык Суринама и официальный язык Нидерландских Антильских островов. Общее число говорящих на нидерландском языке превышает 21 миллион.

Нидерландский язык находится в ближайшем родстве с нижненемецкими диалектами. Вместе с ними он по многим признакам занимает промежуточное положение между верхненемецкими диалектами (и сформировавшимся на их основе немецким литературным языком) и англо-фризской группой.

Нидерландский язык складывался на основе диалектов племен, живших на территории нынешних Нидерландов и северной части Бельгии, — франков, фризов и саксов. Его основным компонентом был древнезападнонижнефранкский диалект; влияние племенных диалектов фризов и особенно саксов было сравнительно незначительным.

В истории нидерландского языка выделяют три периода — древненидерландский, средненидерландский и новонидерландский.

Границы древненидерландского периода определяют примерно с 400 г. до 1100 г. Из связанных текстов этого периода до нас дошло только одно предложение. Так называемые Каролингские псалмы 9 в. (известные также под названием Вахтендонкских — по имени каноника Арнольда Вахтендонка, владевшего этой ныне утраченной рукописью), как теперь считает большинство исследователей, не могут считаться древнезападнонижнефранкским памятником.

В древненидерландский период, видимо, произошло удлинение согласных (см. § 62). Другим важным фонетическим изменением было удлинение гласных в открытом слоге. Диалекты той эпохи характеризовались также следующими чертами: 1) Еще не произошла редукция безударных а, i, o, u в e [ə], благодаря чему морфология была богатой (много типов склонения и спряжения). Тенденция к редукции начала сказываться на вокализме безударных слогов около 10 в. 2) Происходит переход al, ol (перед t, d) в ou (ср. нем. halten 'держать' — нид. houden, нем. Holz 'дерево' — нид. hout). 3) Происходит переход р > d, ср. ertha 'земля' в близких по языку Вахтендонкских псалмах и срнид. eerde, aarde. 4) Происходит (не отразившийся на письме ни в средненидерландском, ни в новонидерландском) переход g [g] >

¹ В нашей лингвистической литературе встречаются оба названия. Оба имеют свои преимущества и недостатки: «нидерландский» соответствует современному официальному названию языка в Нидерландах и северной части Бельгии (Nederlands), «голландский» — название, за которым у нас большая традиция.

>[y]: ср. представленные в самом начале средненидерландского периода чередования *dach* 'день' — *daghe* 'дни'. Кроме того, очевидно, еще в этот период нидерландский язык начинает испытывать (усиливающееся к концу периода) влияние французского языка.

Средненидерландский период продолжался примерно до середины 16 в. До нас дошло множество произведений этой эпохи. Самые старые тексты на средненидерландском — сочинения жившего во второй половине 12 в. поэта Хендрика ван Велдеке (писавшего впоследствии также на средневерхненемецком и известного в Германии под именем Генриха фон Фельдеке). К 13—14 вв. восходят рукописи ряда переводных рыцарских романов («Фергуут», «Карл и Элегаст» и др.). Важное место занимает поэма «О Лисе Рейнарде», нидерландская обработка «Романа о Лисе». Среди представителей дидактической литературы выделяется Якоб ван Марлант (13 в.), автор «Цветов природы», «Исторического зеркала» и др. Естественно, что в средние века была распространена религиозная литература; виднейшим ее представителем был Ян ван Рёйсбрук (14 в.). Сохранилось множество хроник, документов и т. п.

В течение рассматриваемого периода несколько раз менялась диалектная основа языка литературы. В начале средненидерландского периода Фландрия с ее большими и процветающими городами Брюгге и Гентом становится ведущей в языковом отношении областью всего этого региона. Во Фландрии создают свои произведения Марлант и представители его школы, там появляется множество переводов рыцарских романов, делается перевод библии (1360 г.) и др. Во второй половине 14 в. и особенно в 15 в. гегемония в области экономики, политики и культуры переходит к Брабанту (крупнейшие торговые и культурные центры — Брюссель и Антверпен). Складывается довольно устойчивая письменная традиция, стабильности которой способствовало и то, что она включила в себя и закрепила ряд фламандских элементов. Однако говорить о единой наддиалектной норме в этот период, разумеется, еще нельзя. Голландский (т. е. относящийся к Голландии — исторической области в западной части нынешних Нидерландов) литературный вариант сформировался и утвердился позднее, нежели фламандский и брабантский, и долгое время находился под их сильным влиянием. Ведущую роль голландский вариант начинает играть лишь с 16 в. Не следует, конечно, понимать эту схему упрощенно как простую смену трех вариантов письменно-литературного языка. Процесс был гораздо более сложным. Складывались, формировались литературные и языковые традиции, они сочетались и контактировали друг с другом, сосуществовали и влияли друг на друга, а не исчезали вместе со сменой разных региональных вариантов литературного языка. Как мы увидим ниже, современная литературная норма нидерландского языка гетерогенна, т. е. сочетает в себе ряд фламандских, брабантских и голландских черт.

В средненидерландский период произошел ряд важных изменений в языке. Важнейшее из них — редукция безударных окончаний, где стал возможным лишь один гласный — *e* [ə]. Это привело к радикальной перестройке всей системы словоизменения. Существительное со-

храняет еще четыре падежа, но эта система начинает постепенно разрушаться. Бедность набора окончаний, усугубляемая характерным для Брабанта и Голландии отпадением конечного -п, приводит к постепенному разрушению (особенно в устной речи) родовой системы, точнее, к устранению различий между мужским и женским грамматическим родом.

Из других основных фонетических особенностей средненидерландского можно назвать утрату аспирации (придыхания) глухих смычных р, t, k и оглушение звонких смычных и щелевых в конце слова или перед глухими: ср. *tijt* 'время' — *tijde* 'времена'. На юге (во Фландрии и Брабанте) произошло озвончение $f > v$, $s > z$ в начале и середине слова (на севере, в Голландии, оно не произошло; современные написания *voog* 'для', *zoeken* 'искать' отражают южное произношение; ср. сказанное выше о гетерогенности современной литературной нормы).

Французское влияние на нидерландский язык, начавшееся еще задолго до средненидерландского периода, усиливается и углубляется, в особенности на юге региона, где непосредственно граничили нидерландскоязычная и франкоязычная области. Заимствования были особенно характерны для понятий рыцарской культуры, юриспруденции, управления и т. д.

Важнейшую роль в истории всего этого района сыграла Нидерландская буржуазная революция. Она началась в 1566 г. и привела к созданию Голландской республики (так называемой Республики Соединенных Провинций) в 1579 г. Юг (нынешняя Бельгия) остался под владычеством Испании (о судьбах нидерландского языка в Бельгии см. § 143). Объединение северных провинций в единое государство создало предпосылки для возникновения единого национального языка. В 17 в. Голландия становится образцовой капиталистической страной, бурно развивается культура, в частности литература, в истории которой этот век, связанный с именами Йоста Вондела, Питера Хоофта, Гербранда Бредеро, Якоба Катса, считается «золотым». В эту пору на основе голландского диалекта и под сильным влиянием южной фламандско-брабантской литературной традиции складываются основы единой наддиалектной нормы литературного языка.

Попытки нормализации языка и упорядочения орфографии начинаются во второй половине 16 в. Здесь особенно следует отметить деятельность Хендрика Спигеля, не только предложившего в своей грамматике (1584) новую экономную орфографию, но и впервые давшего свод грамматических правил, что было особенно важно на фоне диалектного разноречия. К этому же периоду относится появление первых больших словарей. Самый значительный из них — словарь Килиана (Корнелиса ван Кила), впервые вышедший в 1574 г.; наиболее известно 3-е издание — «*Etymologicum*» (1599). Важную роль в развитии нидерландской научной терминологии сыграл Симон Стевин, известный математик и инженер (в частности он первым в Европе ввел десятичные дроби, отрицательные корни уравнений и пр.), создавший употребительные и поныне термины *driehoek* 'треугольник', *middel-lijn* 'медиана', *vlak* 'поверхность', *wortel* 'корень (числа)' и др.

В 17—18 вв. продолжается и развивается деятельность грамматистов-нормализаторов. В своей оригинальной «Грамматике» (1635) Петрус Монтанус впервые указал на разницу между буквой и звуком и дал фонетическое описание языка. Важной работой явились «Заметки о роде существительных» (1700) Давида ван Хоогстратена, в которых он, стремясь положить конец разнобою в употреблении форм грамматического рода (к тому времени формальные различия между мужским и женским родом в значительной мере стерлись, что приводило к их смешению), дал списки существительных по грамматическим родам на основе анализа словоупотребления Вондела и Хоофта. Крупнейшими грамматистами 18 в. были Балтазар Хейдекопер (1695—1778) и Ламберт тен Кате (1674—1731). Хейдекопер указал на ряд ошибок у Вондела, язык которого считался образцовым. Он изучал средненидерландские памятники и начал издавать их; в средненидерландском он видел образец чистоты языка. Ламберт тен Кате — выдающийся германист, значение работ которого выходит за пределы Нидерландов. В частности, он установил основные законы аблаута и заложил основы принципов научной этимологии. Тен Кате правильно понимал задачу исследователя: языкознание должно извлекать законы из словоупотребления, а не устанавливать их по своему усмотрению. Интересным явлением была работа Йоханнеса Хиларидеса (1705), в которой он утверждал — в соответствии с реальным словоупотреблением, — что в нидерландском языке не три грамматических рода, а два (общий и средний), что падежей не шесть (другие грамматисты брали за основу латынь с ее шестью падежами, которым отыскивались параллели в голландском), а два. Хиларидес был заклеймен как «языковой еретик».

На протяжении 17—18 вв. продолжается и активная лексикографическая работа, создаются двуязычные и толковые словари. Среди них выделяется «Новый словарь нидерландского и латинского языков» (1699) Давида ван Хоогстратена.

С началом 19 в. связана деятельность нормализатора Маттейса Сигенбеeka, первого в истории страны профессора нидерландского языка. Изданные им в 1804 г. орфографические правила, несмотря на ряд несоответствий их реальному речевому узусу, долгое время считались образцом. Его идейным противником был поэт Виллем Билдердейк, выступавший за принцип «пиши, как говоришь». В середине века возникает проект создания большого толкового словаря, но до его издания следовало уточнить и модернизировать сигенбеekовскую орфографию. Новые орфографические правила (в основном действующие и сейчас, хотя и с модификациями) были изданы в 1865 г. Л. А. те Винкелом и М. де Фрисом. Дальнейшее упрощение орфографии было предложено в 1891 г. Р. А. Коллевейном, но официально новый вариант орфографии (те Винкел — де Фриз с модификациями Коллевейна) был принят только в 1947 г. (в Бельгии в 1946 г.). Следует отметить, что предложения Коллевейна касались не только чисто орфографических деталей, но и таких важных моментов, как опущение -п в склонении, т. е. затрагивали вопросы морфологии.

§ 141. **Фонетика.** Орфография нидерландского языка строится на следующих основных принципах. Долгота гласного в открытом слоге обычно специально не обозначается (gaden 'советовать', lopen 'бежать'), в закрытом слоге ее обозначают удвоением буквы (raad 'совет', loor 'бер'). Краткость гласного в закрытом слоге специально не обозначается (man 'человек', zak 'карман'), а перед гласным используется удвоение согласной буквы (mannen 'люди', zakken 'карманы'). Ср. пары: boom 'дерево' — bomen 'деревья', bom 'бомба' — bommen 'бомбы'. Наличие большого числа написаний двойных гласных букв является характерной особенностью нидерландского текста. Другой особенностью является диграф (сочетание двух букв) ij [ei]: mij 'меня', wij 'мы', tijd 'время'; в начале предложения или собственного имени обе буквы пишутся большими: IJmuiden 'Эймёйден', IJsland 'Исландия'.

С фонетической точки зрения современный нидерландский язык характеризуется следующими основными чертами. Фонематически (фонологически) нидерландские гласные делятся на краткие и долгие, но с чисто фонетической точки зрения «долгие» являются полудолгими, т. е. произносятся короче, чем, к примеру, долгие гласные ударных слогов в английском или немецком. Действительно долгие встречаются в нидерландском только перед г. У большей части гласных различия между краткой и долгой (полудолгой) фонемой не только количественные, но и качественные (краткие обычно более открытые), особенно это относится к парам [ɛ] — [eː], [ɔ] — [oː], [ɪ] — [iː]).

Как и во всех западногерманских языках, отсутствуют долгие согласные (используемые на письме удвоенные согласные обозначают лишь краткость предшествующего гласного). В противоположность всем германским языкам (кроме языка африкаанс, см. § 145) глухие смычные p, t, k не аспирированы, т. е. не имеют придыхания перед ударным гласным: ср. англ. cat [kʰæt], нем. Katze [kʰatsə], нид. kat [kat]. Нет смычного g, а есть только щелевое: liggen [ˈliɣə(n)] 'лежать'. В голландском (т. е. западнонидерландском) произношении в начале слова буквы g, v, z обозначают полувзвонкие или часто даже глухие (ср., с одной стороны, § 140, и с другой, § 143). Характерной для нидерландского языка последовательностью фонем является [sX], обозначаемая на письме как sch: school [sXoːl] 'школа', schip [sXip] 'корабль'. Звонкие согласные в конце слова или перед глухими не встречаются; в этой позиции возможен лишь глухой: ср. band [bant] 'лента' (но banden [ˈbandə(n)] 'ленты'), laag [laːX] 'низкий' (но lage [ˈlaːɣə] 'низкие').

Очень важной чертой, не отражаемой орфографией, является опадение в разговорной речи конечного -n: ср. разг. kopen [ˈkoːpə] 'покупать', huizen [ˈhœizə] 'домá', gouden [ˈɣaudə] 'золотой'. Особенностью нидерландского, восходящей еще к среднидерландскому периоду, и африкаанс является так называемая «сварабхакти», вставной гласный, появляющийся между некоторыми сонантами и согласными: wagn [ˈwarɔm].

§ 142. Грамматика. Грамматический строй нидерландского языка претерпел с конца средненидерландского периода ряд существенных изменений и подвергся значительному упрощению.

Существительное имеет сейчас фактически два грамматических рода — общий (в котором слились существовавшие ранее мужской и женский) и средний. Словари по традиции до сих пор различают три рода, но в разговорной речи практически всякое различие между мужским и женским родом утрачено. Точно так же утрачено в современной речи склонение существительных; правда, в книжном стиле у существительных женского рода и у форм множественного числа возможны формы родительного падежа (например, возможно *woordenboek der Nederlandse taal* 'словарь нидерландского языка' (где *der* — форма род. п. артикля ж. р.) наряду с обычным *woordenboek van de Nederlandse taal*)¹. Отношения, выражавшиеся ранее падежными формами, теперь передаются иными средствами — порядком слов и предложениями: *hij schrijft een brief aan zijn vriend* 'он пишет письмо своему другу'.

Основные способы образования мн. ч. — окончания *-en* (в разговорной речи [ə]!) или *-n* и *-s*. Окончание *-(e)n* присоединяется к основной массе существительных — это ведущий способ образования мн. ч. Например: *tijd* 'время' — *tijden*, *boek* 'книга' — *boeken*, *linguist* 'лингвист' — *linguisten*, *linde* 'липа' — *linden*. При этом имеют место описанные в предыдущем параграфе орфографические чередования: ср. *zaak* 'вещь' — *zaken*, *zak* 'карман' — *zakken*, *huis* 'дом' — *huizen*, *golf* 'волна' — *golven*. При помощи окончания *-s* образуют мн. ч. двусложные или многосложные существительные, оканчивающиеся, в основном, на сонанты или гласные: *koren* 'зерно' — *korens*, *lepel* 'ложка' — *lepels*, *schema* 'схема' — *schema's* (также *schemata*). Довольно много колебаний: *natie* 'нация' — *naties* или *natiën*². Несколько существительных среднего рода образуют мн. ч. при помощи окончания *-eren*: *kind* 'дитя' — *kinderen*, *ei* 'яйцо' — *eieren* и др.

Неопределенный артикль для всех родов ед. ч. — *een*, определенный общего (мужского и женского) и мн. ч. всех родов — *de*, определенный среднего рода — *het* ('t).

Прилагательные выступают в двух основных формах — краткой (*jong* 'молодой', *nieuw* 'новый') и в форме на *-e* (*jonge*, *nieuwe*). Первая форма характерна преимущественно для предикативного употребления (*hij is jong*) и при существительных среднего рода (без артикля или с неопределенным артиклем: *hoog huis*, *een hoog huis* 'высокий дом').

Глагол характеризуется категориями лица, числа, времени, склонения и залога. Различаются сильные и слабые глаголы, а также глаголы особого спряжения.

¹ Формы родительного падежа от существительных мужского и среднего рода даже в книжном стиле сейчас не употребительны и ощущаются как архаичные (они встречаются лишь в застывших оборотах типа *een steen des aanstoots* 'камень преткновения'). Любопытно, что диаметрально противоположное положение наблюдается в фарерском языке (см. § 95).

² Две точки над *e* (так называемая *trema*) указывают на то, что *e* в данном случае произносится как самостоятельный звук (е обозначает в нидерландском полудолгое *i* [iː]).

Хотя нидерландский глагол имеет всего три личных окончания: -(e)n, -(e)t и нулевое, он четко изменяется по лицам. Ср. презенс от *maaken* 'делать': ед. ч. 1-е л. *maak*, 2-е л. *maakt*, 3-е л. *maakt*; мн. ч. 1-е л. *maken*, 2-е л. *maakt* (*maken*), 3-е л. *maken*; в претерите ед. ч. во всех лицах *maakte*, мн. ч. 1-е, 3-е л. *maakten*, 2-е л. *maakte(n)*.

Система времен нидерландского глагола сходна с системой времен глаголов других германских языков. Она включает в себя презенс, претерит (имперфект), перфект, плюсквамперфект, будущее I и II, будущее в прошедшем I и II. Характерно, что в области употребления перфекта нидерландский язык близок к немецкому, тогда как правила употребления перфекта в английском и скандинавских языках отличны: ср. нид. *ik heb hem gisteren gezien* 'я видел его вчера' и нем. *ich habe ihn gestern gesehen*, с одной стороны, и англ. *I saw him yesterday* и норв. *jeg så ham i går* — с другой (в обоих последних примерах употреблен претерит). Перфект и плюсквамперфект образуются при помощи глагола *hebben* 'иметь' (*ik heb gelezen* 'я читал'); от некоторых глаголов, в том числе от глаголов движения, эти времена образуются при помощи вспомогательного глагола *zijn* 'быть' (*hij is gekomen* 'он пришел').

Пассив действия образуется при помощи глагола *worden* + причастие II, пассив состояния — при помощи глагола *zijn* и того же причастия: ср. *het brief wordt geschreven* 'письмо пишется' и *het brief is geschreven* 'письмо написано'.

Различаются три наклонения — изъявительное, повелительное (*schrijf!* 'пиши!') и сослагательное. Флективное сослагательное наклонение (конъюнктив) в современном нидерландском почти совсем утрачено, если не считать отдельных сохранившихся изолированных форм и некоторых конструкций с презенсом конъюнктива в научном стиле. Получили развитие аналитические формы кондиционалиса (условного наклонения).

Сильные глаголы изменяются по рядам аблаута, затемненным, естественно, последующим фонетическим развитием; ср., например: *blijven* — *bleef* — *gebleven* 'оставаться', *buigen* — *boog* — *gebogen* 'сгибать', *drinken* — *dronk* — *gedronken* 'пить' и т. д.

Как уже отмечалось, норма современного нидерландского языка гетерогенна по своему характеру: в ней сочетаются специфические черты южных и северных диалектов. Как показал в своих работах С. А. Миронов, в письменной норме преобладают южные черты, что заставляет пересмотреть традиционное понимание «голландской языковой базы» литературного языка. Характерно, что некоторые чисто «голландские» (специфичные особенно для провинции Южная Голландия) черты, не нашедшие отражения в литературной норме, вошли в норму языка африкаанс (апокопа *-t*, сохранение в начале слова *sk* и др.; см. § 145).

§ 143. Нидерландский язык в Бельгии. Нидерландская буржуазная революция конца 16 в., как известно, победила в северной части области распространения нидерландского языка, что привело к созданию

Голландской республики. В южных же районах (на севере нынешней Бельгии) революция потерпела поражение, и они оставались под властью Испании до 1713 г. Это имело важнейшие последствия для развития языка. Если на севере (в Нидерландах) создаются предпосылки для создания единого национального языка (§ 140), то во Фландрии и в Брабанте нидерландский вскоре низводится до языка общения низших в социальном отношении слоев населения. Немало способствовало этому и вызванное жестокостями испанцев массовое бегство на север, в Нидерланды, значительных масс интеллигенции и буржуазии (например, только в Хаарлем между 1580 г. и 1587 г. переселились с юга 600—700 семей, т. е. более трех тысяч человек). Среди южан по своему происхождению мы находим и таких крупных ученых, как Симон Стевин, и таких поэтов, как Йост Вондел, и многих других. Обезлюдение деревень и городов на юге, застой в торговле и промышленности привели к упадку некогда цветущих областей. Норма литературного языка быстро утрачивается. Уже в 17 в. значительная часть высших слоев Фландрии и Брабанта была двуязычной, причем отдавала предпочтение французскому языку. Как писал один фламандец в середине 17 в., «нидерландский должен довольствоваться ролью языка кухни и кабака».

Первая половина 18 в. для южных районов распространения нидерландского языка — период глубокого упадка. Высшие слои и администрация пользовались французским и были равнодушны к языку жившей в отсталости основной массы фламандского населения. Школ в деревне фактически не было, культурная связь с севером (Нидерландами) прервалась.

С 1713 г. по 1794 г. территория нынешней Бельгии находится под властью Австрии. Признавая французский язык официальным, австрийцы благосклонно относились к нидерландскому: они были против офранцуживания Фландрии и Брабанта, полагая, что оно не будет способствовать закреплению этих провинций в составе Австрии. Однако реально в положении языка изменений почти не произошло.

В 1795 г. Австрийские Нидерланды вошли в состав Франции, следствием чего было усиленное офранцуживание нидерландскоязычной части страны. Впрочем, высшие слои уже давно были в сильной степени офранцужены.

С 1814 г. по 1830 г. описываемая область входила в состав Нидерландов. Для нидерландского языка наступили лучшие дни, но вводимая северная норма, во многом далекая от местных диалектов, особенно в сигенбеевской орфографии (см. § 140), вызвала оппозицию среди некоторых кругов, в частности духовенства.

Лишь в 1830 г., в результате революции, Бельгия появляется на карте Европы как самостоятельное государство. При создании независимого бельгийского государства единственным официальным языком был провозглашен французский. Правда, конституция допускала «факультативное» использование нидерландского языка, но хотя нидерландскоязычное население составляло большинство, это «допущение» нидерландского языка было мертвой буквой закона. Такое положение, естественно, не могло не вызвать сопротивления, и вскоре

после создания независимой Бельгии возникает «фламандское движение». Однако прежде чем перейти к его истории, нам необходимо сделать некоторые терминологические уточнения. Мы уже видели, что название *Фландрия* используется в разных смыслах — в узком (нынешние бельгийские провинции Западная и Восточная Фландрия) и широком (как название всех нидерландскоязычных частей Бельгии, включающее, помимо только что названных провинций, еще Антверпен, Лимбург и отчасти Брабант). В современной литературе название *Фландрия* употребляется по преимуществу в этом последнем значении; в дальнейшем мы будем использовать его именно в этом смысле, противопоставляя *Фландрию Валлонии* (франкоязычной южной Бельгии); нидерландскоязычные жители Бельгии будут именоваться *фламандцами*, а франкоязычные — *валлонами*.

Возникшее в начале 1830-х гг. «фламандское движение» носило первоначально языковой характер: его сторонники ратовали за признание нидерландского языка вторым государственным, за превращение его в полноправный язык культуры. Впоследствии это движение вышло за чисто языковые рамки и превратилось в движение защиты экономических и культурных прав фламандского населения.

Вскоре после возникновения «фламандского движения» среди его сторонников началась так называемая «орфографическая война». Суть дебатов состояла в следующем: следует ли искать языкового единства с Нидерландами, признав их языковую гегемонию, или же следует создать свои «фламандские» языковые нормы. Сторонники первого взгляда выступали за сохранение сигенбековской орфографии, хотя дело, конечно, не сводилось к моментам чисто орфографическим. Они понимали, что равнение на Нидерланды, ориентация на сложившуюся норму, на язык богатой культуры поможет им противостоять влиянию французского языка и французской культуры. Это крыло фламандцев (сторонников «фламандского движения») в конечном счете одержало победу. Однако поражение партикуляристов, т. е. сторонников фламандского варианта литературного языка, в орфографической войне не сокрушило их. Они активизируют борьбу во второй половине 19 в., опираясь на авторитет Гвидо Гезелле (1830—1899), крупнейшего поэта, язык которого носит сильный западнофламандский отпечаток.

Подъем фламандской литературы начинается лишь во второй половине 19 в. Как отмечалось выше, литературная традиция к тому времени уже не существовала почти три века, так что писателям приходилось создавать свою литературную норму. В этом отношении характерна деятельность Хендрика Консьянса (1812—1883), одного из самых влиятельных и плодовитых представителей новой фламандской литературы. Как и многие фламандские писатели той поры, он владел французским языком лучше, нежели нидерландским. Язык его романов (например, романа «Лев Фландрии») изобилует галлицизмами, буквальными переводами с французского и не-

оправданными кальками. Так, несмотря на лучшие намерения, писатели-фламандцы 19 в. часто нарушали нормы литературного языка.

Несмотря на то что нидерландский язык еще в 1895 г. был признан вторым государственным языком Бельгии, ситуация до сих пор довольно сложна, что определяется рядом политических, социальных и психологических факторов.

С самого начала проблема языкового равноправия фламандцев была связана с политическими моментами. На протяжении 17—19 вв. и отчасти 20 в. высшие слои общества говорили по-французски. В 19 в., например, во Фландрии по-французски говорило 3 % населения, но это были социально привилегированные слои общества. Таким образом, противопоставление фламандцев — валлон было для Фландрии противопоставлением не только языковым, но и социальным. «Бедная Фландрия» (название, закрепившееся после выхода в 1884 г. одноименного романа Р. Стейнса и И. Тейрлинка) была аграрной областью, где царили бедность, безработица, голод и болезни. Ей противостояла богатая промышленная Валлония. Языковое неравенство было, следовательно, тесно связано с неравенством социальным. Как писал один из исследователей, «демографическое большинство было социальным меньшинством». Университет с преподаванием на нидерландском языке (в Генте) был открыт лишь в 1930 г. Языковое равноправие в известной мере не осуществлено и до сих пор; ср. следующие данные о говорящих на нидерландском языке в Бельгии: детский сад — 63 %, начальная школа — 57 %, средняя школа — 51 %.

Противоречия между фламандцами и валлонами в известной мере сохраняются и поныне. Они отнюдь не сводятся только к проблемам языковым и культурным, сложно переплетаясь с проблемами экономическими и партийно-политическими. Если ранее нищей аграрной Фландрии противостояла богатая индустриальная Валлония, то теперь положение изменилось. Во Фландрии (особенно в треугольнике Брюссель — Гент — Антверпен, а также в Лимбурге) в последние годы бурно развились современные перспективные области экономики (электроника, машиностроение, химическая промышленность), тогда как в Валлонии ее исторически сложившаяся старинная промышленность (производство стали, стекла, цемента, текстиля и т. п.) пришла в упадок, породив весьма значительную безработицу.

По конституции 1994 г. Бельгия стала федеративным государством. В ней три федеративных района: фламандский, валлонский и двуязычный регион Брюсселя. Согласно статье 4 Конституции, Бельгия включает в себя четыре языковые области: нидерландскую, французскую, двуязычную область столицы — Брюсселя и немецкую.

Нередко в лингвистической литературе, особенно популярной, бельгийский вариант нидерландского языка выделяется в особый «фламандский язык». Такое выделение неправомерно в силу ряда

причин. Официальное название нидерландского языка в Бельгии то же, что и в Нидерландах — Nederlands. Название Vlaams 'фламандский' официально не употребляется. В бельгийских школах изучается норма литературного нидерландского языка, распространенная в Нидерландах. Как население Фландрии, так и население Нидерландов считает, что несмотря на отдельные местные различия, литературный язык для обоих районов един. Характерна в этом отношении декларация 1966 г., подписанная 25 ведущими профессорами-филологами Нидерландов и Бельгии. В ней, в частности, говорится: «Нет ни „фламандского“, ни „голландского“ языка; есть только нидерландский язык, являющийся общим литературным языком для Фландрии и Нидерландов, разумеется, с оттенками, имеющимися у всех языков, также и у немецкого... Эти оттенки не дают основания говорить об особом языке». Наконец, очень важно и то, что в последнее время происходит интенсивный процесс «нидерландизации» фламандского варианта. Очевидно, здесь играет роль ряд факторов, в частности всеобщее образование с преподаванием общей нормы, развитие средств массовой коммуникации, стремление фламандцев дать выход своей книжной, журнальной и газетной продукции на нидерландский читательский рынок. Как мы видели, еще почти полтора столетия тому назад многие из первых фламандцев, деятелей «фламандского движения», понимали, что лишь языковая общность с Нидерландами, их прочной и богатой литературной традицией может противостоять влиянию французского языка и укрепить позиции нидерландского языка в Бельгии. Даже такая характернейшая черта фламандского варианта, как местоимение *gij* (2 л. ед. и мн. ч.), все чаще заменяется теперь чисто нидерландскими формами *jij* 'ты', *U* 'вы' и — правда, в меньшей степени — фамильярным *jullie*.

Сказанное, разумеется, не означает, что бельгийский (фламандский) вариант не имеет своих специфических черт. Прежде всего, имеется ряд отличий в произношении: звонкость начальных *g*, *v*, *z*, произносимых как полувзвонки/глухие в Нидерландах, особенно в Голландии; менее шумное *g*; полное отсутствие сильного приступа, широко представленного в Нидерландах; билабиальный (губно-губной) характер *w*; иной характер фразовой интонации и др. В области грамматики основное отличие фламандского варианта, как уже упоминалось — последовательное различие трех грамматических родов при помощи личных местоимений, заменяющих существительное. Так, например, в нидерландском варианте существительное *deur* 'дверь', первоначально относившееся к женскому роду, теперь заменяется местоимением мужского рода *hij*, но во фламандском варианте возможно только заменяющее местоимение женского рода *zij*. Имеется, естественно, ряд различий и в лексике. Характерно, что хотя во фламандских диалектах употребляется множество французских заимствований, в литературном языке фламандцы — большие пуристы, чем голландцы. В качестве фламандских пуристических замен можно привести, например, такие слова, как *inrichten* 'учреждать, организовывать' (нидерландское *organiseren*), *gebeurlijk* 'возможный,

эвентуальный' (нидерландское eventueel), opstelraad 'редакция' (нидерландское gedactie) и т. п. С другой стороны, во фламандском варианте часто встречаются неосознанные галлицизмы, т. е. кальки французских словосочетаний, например: hij zal gulukken (фр. il geussira) вместо нид. het zal hem gelukken 'это ему удастся' zich verwachten aan (фр. s'attendre a) вместо нид. verwachten 'ожидать', rekening houden van (фр. tenir compte de) вместо нид. rekening houden met 'считаться с чем-л., учитывать что-л.' и т. д.

Основное отличие фламандского варианта, пожалуй, все же не в его «материальных» чертах, а в его социальном статусе. До сих пор подавляющее большинство фламандцев говорит на местных диалектах. Отмечалось, что ни в одном университете Европы не распространен в такой степени, как в Гентском, диалект, хотя студенты владеют литературным языком. В общем, фламандцы не стремятся переходить в устном общении на литературный язык. В этом отличие от Нидерландов очень велико, хотя и там диалекты живы и живучи. Можно сказать, что фламандец в среднем владеет литературным языком хуже, чем голландец. Это понятно: еще до второй мировой войны фламандцы были преимущественно крестьянской нацией. За сто лет или даже меньше они проделали путь языкового развития, который Нидерланды прошли за три века.

Положительная программа нормализаторов фламандского варианта нидерландского языка, в общем, довольно нечеткая. С одной стороны, они стремятся к большей общности с нидерландской нормой, с другой — к сохранению некоторой национальной специфики. Однако в отношении того, какие именно специфические фламандские черты, помимо произносительных особенностей, должны быть сохранены, единства нет.

ЯЗЫК АФРИКААНС

§ 144. Общие сведения. История. Язык африкаанс (называвшийся ранее бурским языком) — один из государственных языков Южно-Африканской Республики. На нем говорят около 3,5 миллиона человек, из них приблизительно 2,6 миллиона африканеров (африкандеров, буров) и примерно 2,5 миллиона метисов. Этот язык распространен по всей территории ЮАР, но более всего в Трансваале и Оранжевой провинции. В Натале более распространен английский язык, в Капской провинции оба языка представлены приблизительно одинаково. Африканеры составляют 58 % белого населения ЮАР.

Язык африкаанс — самый «молодой» из всех германских языков, поскольку формироваться он начал не ранее второй половины 17 в. Колыбелью его явилось поселение на мысе Доброй Надежды, осно-

ванное в 1652 г. голландской Ост-Индской компанией. Население этой колонии с самого начала было по своему национальному составу довольно пестрым: основным элементом были голландцы (особенно выходцы из провинции Южная Голландия), но было также немало немцев, французов и пр. Очевидно, язык африкаанс формировался как язык общения этих разнородных в этническом отношении элементов, испытывая при этом влияние языков местного туземного населения (готтентотского, бушменского, зулу), а также креольского малайско-португальского языка, на котором говорили моряки, торговцы и рабы, ввезенные в Капскую колонию в 17 в.; впрочем, среди исследователей нет единства в вопросе о роли малайско-португальского в формировании языка африкаанс. Лексика языка африкаанс более чем на 99 % состоит из слов нидерландского происхождения. Ряд ученых считает, что основные черты языка африкаанс сложились еще в 17 в. Во всяком случае это произошло задолго до «великого переселения» («die Grote Trek») буров в глубь Африки, за реки Оранжевая и Вааль (1836—1839), и основания в середине 1850-х гг. Оранжевого Свободного государства и Трансвааля. Это подтверждается и полным отсутствием диалектных различий у африканеров.

До середины 19 в. язык африкаанс использовался только в быту, а языком администрации, школы, церкви, культуры был нидерландский. Движение за превращение языка африкаанс в литературный и за его официальное признание возникло в последней трети 19 в.; в 1875 г. для этой цели было основано «Общество истинных африканеров» («Genootskap van Regte Afrikaanders»). Борьба за утверждение языка, ставшего с 1806 г. официальным языком этой колонии. Толчок к активизации литературы на африкаанс дала англо-бурская война 1899—1902 гг. В 1914 г. вводится преподавание африкаанс в школах, с 1925 г. — это второй государственный язык ЮАР (тогда называвшейся Южно-Африканским Союзом).

§ 145. Фонетика. Орфография языка африкаанс строится на тех же принципах, что и нидерландская. Долгота гласного в открытом слоге обычно специально не обозначается (sewe 'семь', mening 'мнение'), в закрытом слоге она обозначается удвоением буквы (vuur 'огонь', oor 'ухо'). Краткость гласного в закрытом слоге не имеет специального обозначения (os 'бык', lig 'свет'), перед гласной на нее указывает удвоение согласной буквы (osse 'быки', botter 'масло').

Фонетика языка африкаанс близка к нидерландской (см. § 141), хотя имеются и известные отличия. Наиболее характерные отличительные черты фонетики африкаанс следующие:

1. Назализация, представленная из всех германских языков еще только во фризском (см. § 135). Носовое произношение гласных имеет место перед п+глухой щелевой (особенно s, если это не

показатель мн. ч.); п при этом не произносится, а гласный удлиняется: wens [vɛ:s] 'желание', ongeluk ['ɔ:χelœk] 'несчастье'.

2. Наличие сильного приступа, хотя и не столь энергичного, как, например, в немецком: aangeseḡ [ˈā:χesəχ] 'лицо'.

3. Ряд морфологических чередований, связанных с отпадением или выпадением некоторых звуков в определенных позициях. Так, t последовательно отпадает в конце слова, но сохраняется перед гласным, а g, и отчасти d, выпадают в позиции между гласными, но сохраняются в конце слова: ср. diens 'услуга' — dienste 'услуги', produk 'продукт' — produkte 'продукты', hoog 'высокий' — hoē¹ 'высокие', dag 'день' — dae 'дни', goed 'хороший' — goeie 'хорошие', tyd 'время' — tye 'времена'.

4. Нидерландскому сочетанию согласных [sx] (в написании sch) в африкаанс соответствует sk: ср. нид. school 'школа' — афр. skool; нид. schrijven 'писать' — афр. skryf.

5. Последовательно отпало нидерландское конечное -n (в разговорной речи большей частью не произносится и в современном нидерландском, но сохраняется на письме, см. §§ 141, 142); в инфинитиве отпало -en: нид. zelden 'редко' — афр. selde; нид. bomen 'деревья' — афр. bome; нид. wensен 'желать' — афр. wens.

6. Начальным нидерландским g, v, z соответствуют глухие [χ], [f], [s]; на письме, однако, нашло отражение только последнее: ср. groot [χro:t] 'большой', vrug [fɾœχ] 'плод', soek [suk] 'искать' (в речи населения западной части Нидерландов также слышатся глухие варианты).

Общие особенности в области фонетики для африкаанс и нидерландского следующие:

1. Отсутствие долгих согласных (черта, общая для всех западногерманских языков).

2. Отсутствие придыхания у глухих смычных p, t, k.

3. Щелевой характер g (в африкаанс в некоторых позициях возможно смычное g).

4. Появление вставного гласного [ə] в определенных позициях: нид., афр. kerk ['kerək] 'церковь'.

§ 146. Грамматика. С грамматической точки зрения язык африкаанс можно охарактеризовать как самый аналитический из всех германских и даже всех индоевропейских языков. Системы склонения и спряжения подверглись в процессе его формирования радикальнейшему упрощению.

Существительное полностью утратило родовые различия (как в

¹ Здесь e произносится как самостоятельный звук (буквы oe обычно обозначают [u], например: soek [suk] 'искать'). См. примечание 2 на с. 229.

английском). Множественное число образуется при помощи окончаний -e (wolf 'волк' — wolve, paar 'пара' — pare) и -s (vader 'отец' — vaders); несколько существительных имеют окончания -ers (kind 'дитя' — kinders), -ere (volk 'народ' — volkere) и -(e)ns (wa 'телега' — waens). Склонение отсутствует, синтаксические отношения, выражаемые в других языках падежными формами, находят выражение при помощи порядка слов и предлогов. Отношение принадлежности выражается чаще всего конструкцией с местоимением se: die boer se huis 'дом крестьянина', дословно «крестьянин его дом» (ср. аналогичную конструкцию во фризском, § 136). При личном объекте (прямом и косвенном) возможно употребление предлога vir (основное значение 'для'): ons het (vir) Piet gesien 'мы видели Пита'.

Определенный артикль — die (ед. и мн. ч.), неопределенный — 'n [ə, ɛ] (ед. ч.).

Прилагательное имеет «сильную» (нулевую) форму (guk 'богатый', vol 'полный') и «слабую» на -e (guke, volle). Правила их употребления относительно сложны.

Глагол характеризуется полной утратой форм лица и числа. Из времен имеются презент, перфект, будущее I и II, будущее в прошедшем I и II. Таким образом, утрачено (за исключением нескольких пережиточных форм) простое прошедшее время (претерит), нет также плюсквамперфекта. Форма презенса совпадает с формой инфинитива: te hoor 'слышать' — ek hoor, jy hoor . . . hulle hoor 'я слышу', 'ты слышишь' . . . 'они слышат'. Причастие II от всех глаголов образуется при помощи приставки ge- (кроме глаголов с безударными приставками, у которых форма причастия II совпадает с формой инфинитива). Таким образом, язык африкаанс — единственный из германских языков, где утрачено сильное спряжение глаголов: за исключением нескольких изолированных форм, все глаголы в африкаанс — слабые; например: ek het gehoor 'я слышал' (ср. нид. ik heb gehoord) и ek het gevind 'я нашел' (ср. нид. ik heb gevonden). Характерно, что, подвергшись столь сильному упрощению, глагол в африкаанс сохранил отделяемость ударных приставок: ср. te toedraai 'завертывать'; hy draai die kraan toe 'он завертывает кран'; hy het die kraan toegedraai 'он завернул кран' и т. д.

Из характерных особенностей синтаксиса африкаанс следует упомянуть две. Первая — это «двойное» (точнее, многократное) отрицание: ek het dit nie gesien nie 'я этого не видел'; ek hoor nooit geen woord van u nie 'я никогда не слышу от вас ни одного слова' (где nooit 'никогда', geen 'никакой', nie 'не'). Это — отражение нидерландских диалектных особенностей (такое же положение было в средненидерландском). Вторая особенность — это удвоения, выполняющие различные функции: die muis kruip in die gat in 'мышь забирается в нору'; hy sê dit so lag-lag 'он говорит это улыбаясь'; 'n ou-ou os 'старый-старый бык'.

Итак, язык африкаанс характеризуется значительным упрощением системы словоизменения: отсутствует грамматический род и склонение существительных, нет спряжения по лицам, упростилась система глагольных времен, все глаголы стали слабыми и т. д.

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

§ 147. **Немецкая народность и ее язык.** Немецкий язык относится к западногерманской подгруппе германских языков. Это второй (после английского) германский язык по числу говорящих на нем (приблизительно 100 миллионов).

Немецкая народность и немецкий язык сформировались в эпоху раннего средневековья, в 5—11 вв., из близкородственных западногерманских племен (франки, алеманны, бавары, хатты, туринги) и их племенных языков. На начальном этапе становления немецкой народности и немецкого языка ведущая роль в этом процессе принадлежала потомкам древних иствеонов — франкам (см. § 7). В недрах созданного франками государства на протяжении ряда столетий (6—9 вв.) происходило формирование как языка французской народности (на западе), так и языка немецкой народности (на востоке). Длительное время эти языки существовали как бесписьменные и служили только средством устного общения; письменным, государственным языком Франкского государства была латынь.

Язык немецкой народности развился из племенных языков западногерманских племен, населявших восточные области Франкского государства. Результатом укрепления экономических и культурных связей между племенами франков, алеманнов, баваров, хаттов, турингов был процесс взаимопроникновения и объединения (интеграции) этих племен, что и привело к возникновению немецкой народности, говорившей на ряде близкородственных и взаимодействовавших между собой диалектов.

Решающим событием в процессе становления немецкой народности явилось разделение в середине 9 в. Франкской империи Каролингов на три феодальных государства и выделение из нее Немецкого государства как самостоятельного политического образования (см. § 8).

§ 148. **Периодизация истории немецкого языка.** Развитие немецкого языка в недрах Франкского государства от его создания в конце 5 в. и до 8 в. — это дописьменный период в истории немецкого языка. О его характере в этот период, о процессах, протекавших в его лексике, грамматическом строе и звуковом составе, можно судить лишь по данным сравнительно-исторического изучения древних германских языков, а также на основании истории германских племен.

Первые письменные памятники на немецком языке появляются в 8 в. при Карле Великом. Этим временем датируется начало письменной истории немецкого языка.

Традиционная периодизация немецкого языка, впервые установленная Якобом Гриммом в его «Немецкой грамматике» (1819—1837), наметила основные вехи языкового развития. В соответствии с нею история немецкого языка делится на три основных периода: 1) древневерхненемецкий (althochdeutsch) 8—11 вв., 2) средневерхненемецкий (mittelhochdeutsch) — от середины 11 в. до середины 14 в., 3) нововверхненемецкий (neuhochdeutsch) — с середины 14 в. Более детальная периодизация выделяет в нововверхненемецком продолжительный период

становления новонемецкого национального литературного языка, так называемый ранненововерхненемецкий (frühneuhochdeutsch) — середина 14 в. — 16 в.

Термин «верхненемецкий» употребляется в германистике в двух смыслах: 1) для обозначения местных диалектов средней и южной, возвышенной, части Германии в противоположность диалектам северо-немецкой низменности (нижненемецкий — niederdeutsch); граница между верхненемецкими и нижненемецкими диалектами определяется вторым передвижением согласных (см. § 158); 2) для обозначения общенемецкой литературной формы национального языка, сложившейся в новонемецкий период на почве верхненемецких диалектов, в противоположность территориально раздробленным местным диалектам, как нижненемецким, так и верхненемецким; в этом значении термин «верхненемецкий» получает социальную окраску, характеризуя язык как более «высокий», обладающий авторитетом национальной нормы (Hochdeutsch, Hochsprache).

Предложенная Я. Гриммом периодизация истории немецкого языка имеет наряду с лингвистическим также и социально-историческое обоснование.

1) Древневерхненемецкий период

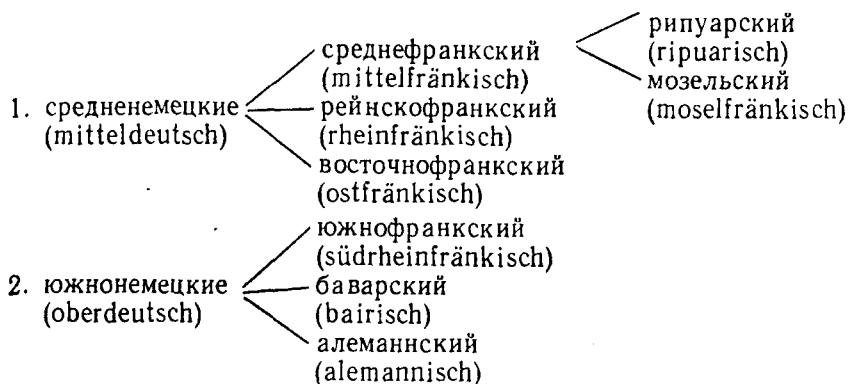
§ 149. Диалекты древневерхненемецкого. Древневерхненемецкий — это период формирования немецкой народности и ее языка сначала в рамках Франкского государства (до середины 9 в.) и, главным образом, после его распада и обособления его восточных (зарейнских) территорий — будущей Германии — в 843 г. при внуках Карла Великого.

В начале древневерхненемецкого периода еще не было общего названия народности и ее языка. Были франки, бавары, алеманны, саксы и были их племенные языки, родственные друг другу и находившиеся в постоянном взаимодействии друг с другом. На протяжении древневерхненемецкого периода складывается новая форма существования языка в виде совокупности областных, территориальных диалектов, которые формируются на основе более древних племенных диалектов, наследуя многие их черты. Однако в отличие от племенных областные диалекты постепенно все более утрачивали связь с какой-либо определенной этнической группой (племенем), закрепляясь за определенной территорией (феодалная земля, герцогство в рамках феодального государства). Со временем у каждого областного диалекта вырабатываются свои новые местные особенности, уже не связанные со старым племенным делением.

После выделения Германии из состава Франкской империи в нее входили герцогства Франкония, Бавария, Швабия и Саксония с Тюрингией. Особенно тесные связи сложились исторически к началу появления письменности (8 в.) между диалектами Франконии, Баварии и Швабии; они и составляют в совокупности древневерхненемецкий язык (das Althochdeutsche). Все памятники этого периода несут на

себе печать какого-либо диалекта (что не исключает возможности наличия в том или ином памятнике отдельных особенностей другого или других диалектов). Письменные диалекты делятся на средненемецкие и южнонемецкие. Южнофранкский и восточнофранкский диалекты занимают промежуточное положение между средненемецкими и южнонемецкими, почему их и относят то к южнонемецким, то к средненемецким диалектам.

Диалекты древневерхненемецкого периода можно представить в виде следующей схемы:

§ 150. Возникновение общего названия немецкого языка и немецкой народности — **deutsch**. Учитывая ведущую роль франков и их племенных диалектов в процессе формирования немецкой народности и ее языка, следовало ожидать, что название этого племени будет распространено на всю народность и на ее язык. Однако этого не произошло. Франки западных областей Франкского государства, ассимилировавшись с превосходившим их по численности и в культурном отношении местным галло-римским населением и переняв его язык, дали этому языку, формировавшемуся на основе средневековой латыни, название *francisc*, производное от своего племенного названия *franci* (ср. фр. *français* 'французский'). Но еще до того как родной язык был утрачен, франки стали называть его *diutisk* 'народный' (от двн. *diot* 'народ') в противоположность официальному письменному языку Франкского государства — латыни. Впервые это слово встречается в латинском тексте 786 г. в латинизированной форме *theodiscus* (последний раз эта форма встречается около 1050 г.). В дальнейшем (с конца 11 в.) слово *diutisk* стали употреблять применительно к прирейнским франкам и к соседним родственным племенам и к их стране уже в новом значении 'немцы' и 'государство немцев' в словосочетаниях *diutschiu lant* (*deutsche Lande*), *diutschiu liute*, *diutschī man* (*deutsche Leute*, *Deutsche*). В «Императорской хронике» г. Регенсбурга («*Regensburger Kaiserchronik*») в середине 12 в. это слово впервые встречается в субстантивированной форме как название народа *die Diutiscen* (*die Deutschen*). Так слово *diutisk* (*deutsch*) стало самоназванием немецкого народа. Закрепление его в этой функции в 12 в. свидетельствует о за-

вершившемся к этому времени этапе образования немецкой народности в политических границах бывшего Восточнофранкского государства. Наряду с этим с 8 в. употреблялось кельтское по происхождению слово *germanicus* 'германский', встречавшееся еще у античных авторов в 1 в. до н. э. (Посидоний, Цицерон, Цезарь). В дальнейшем, с появлением слова *diutisk*, они употреблялись как синонимы, в частности, еще и в 19 в. Я. Гриммом и Ф. Энгельсом. Корень слова *diutisk* сохранился в английском слове *dutch* 'голландский', а также во фламандском *dietsch*, которым фламандцы в Бельгии нередко называют свой родной язык.

§ 151. Причины возникновения письменности на древневерхненемецком. Письменность на немецком, «народном» (*diutisk*), языке возникла в первую очередь как вспомогательное средство при обучении в монастырских школах латинскому языку. В основу немецкого алфавита был положен латинский алфавит, причем его приходилось приспособлять к фонетическому строю немецкого языка, отличавшегося по составу фонем (особенно гласных) от латинского. Это приспособление осуществлялось стихийно, кустарно; каждая монастырская школа следовала своим правилам. Такое положение приводило к большой пестроте, к разнобою в написаниях, что стало одной из характерных особенностей большинства памятников древневерхненемецкого, еще усугубленной многочисленными диалектными особенностями. Так, например, слово со значением 'народ' встречается в следующих вариантах написания: *deot*, *thiot*, *diot*, *thiet*, *diet* в мужском и среднем роде и *thiota*, *dheotha*, *deota*, *diota* в женском роде; производное от него прилагательное со значением 'народный' — *diutisk*, *diutisc*, *diudisch*; глагол со значением 'искать' имеет варианты написания *suoh(h)en*, *suohhan*, *suochen*, *sōhhen*, *souhhen*, *suah(h)en*, *suahan*, *suahchan*, *suehhen*, *suahhen*, *sūhhen*, *siuhhen* и ряд иных.

Возникновению письменности способствовало также усиление торговых связей, вызывавших необходимость в ознакомлении с языками других народов.

И, наконец, для эффективной пропаганды новой религии — христианства, пришедшей на смену древним языческим верованиям, необходимы были тексты религиозного содержания, доступные народу, написанные на его родном языке. Эта последняя и, пожалуй, самая важная причина появления письменности на немецком языке в значительной степени определила характер древневерхненемецких памятников. Почти все они по содержанию религиозные и, как правило, переводные. Они создавались монахами, клириками в монастырях (первый монастырь, в Сан-Галлене, основан в 614 г., ряд других — в 8 в. и позже), в монастырских школах, единственных в эпоху средневековья очагах культуры и образования.

§ 152. Глоссы и подстрочные переводы. Самыми древними письменными памятниками древневерхненемецкого являются глоссы, т. е. отдельные немецкие слова или словосочетания, объяснявшие трудные для понимания латинские слова и обороты из латинских текстов, в ос-

новном церковных или богословских. Из отдельных глосс составлялись словарики — глоссарии; глоссы в них располагались либо в том порядке, в каком они встретились в тексте, либо в алфавитном порядке, либо сгруппированными по темам. Самый древний глоссарий, Керонский, или «Аброганс» (название дано по первому латинскому слову в нем — *abrogans*), относится к середине 8 в. Иногда глоссы сопровождали каждое слово оригинала, и получалось нечто вроде подстрочного перевода. Так был переведен, например, устав монахов-бенедиктинцев в 8 в. в монастыре Сан-Галлен (алеманнский диалект). В некоторых случаях глоссарии дополнялись комментариями к тексту и разговорниками. Подстрочные переводы, разговорники, комментарии знаменуют переход от перевода отдельных слов к связным текстам.

§ 153. Языческие памятники. Ориентация письменности на удовлетворение нужд церковно-христианской пропаганды приводила к тому, что все самобытное, народное, связанное с древними преданиями, песнями, обычаями, с языческими верованиями и обрядами, не только не записывалось, а, наоборот, ревностно уничтожалось, пресекалось, наказывалось. Поэтому памятников дохристианской культуры на древневерхненемецком — единицы. Эти памятники — остатки дохристианского устного поэтического творчества древних германцев, случайно избежавшие уничтожения.

Самый значительный языческий памятник — «Песня о Хильдебранте» («*Das Hildebrandslied*») — представляет собой героико-эпическую песню из цикла песен о Дитрихе Бернском (т. е. остготском короле Теодорихе, 6 в.). «Песня» дошла до нас в виде двух отрывков (68 строк), без конца. В ней рассказывается о том, как начальник дружины Дитриха Бернского старый Хильдебрант, бежавший вместе с Дитрихом от гнева Одоакра к Аттиле, возвращается после 30-летнего отсутствия на родину, где он оставил жену и сына, и встречается с войском, во главе которого стоит его сын Хадубрант. Хильдебрант, узнав в молодом военачальнике своего сына, говорит ему, что он его отец, но тот, принимая это за хитрость «старого гунна», вызывает его на поединок. На этом «Песня» обрывается. В более позднем, древнеисландском источнике — песне о смерти Хильдебранта — умирающий Хильдебрант признается в том, что некогда в поединке убил своего родного сына. В «Песне о Хильдебранте» — типичное для фольклорного произведения смещение исторических планов: Теодорих Остготский, живший во второй половине 6 в., изображается современником Аттилы, умершего в 453 г. Неверно и то, что Теодорих бежал от Одоакра. Последний был вероломно убит по его приказу в 493 г. «Песня» написана древнегерманским аллитерационным стихом (см. § 89). Следующие строки из «Песни» могут служить примером аллитерации (нем. *Stabreim*):

Hiltibrant gimahalta; her was hēhēro
man,

ferahes frōtōro; her frāgēn gistuont

fōhēm uuortum; hwer sin fater uuāri.

Хилтибрант тут молвил, мужем мудрым он был,

Старшим и сведущим, спрашивать он стал

Краткую речь, кто родитель его был.

В языке наличествуют верхненемецкие (южнонемецкие) и нижненемецкие элементы. Датировка рукописи колеблется от конца 8 до на-

чала 9 в. «Песня о Хильдебранте» представляет большую ценность как образец языческой героической поэзии древних германцев, обладающий к тому же большими художественными достоинствами.

Кроме «Песни о Хильдебранте», сохранилось еще несколько языческих заговоров. Самые древние (10 в.) и вместе с тем самые известные — это так называемые «Мерзебургские заклинания» («Merseburger Zaubersprüche»), записанные в монастыре Фульда на восточно-франкском диалекте (обнаружены в 1841 г. в рукописи религиозного содержания в библиотеке Мерзебургского собора). Одно заклинание должно помочь освободиться из плена, другое — излечить вывих у коня. Оба заклинания написаны с применением аллитерации.

§ 154. Прозаические христианские памятники. Христианские памятники древневерхненемецкого периода делятся на прозаические и поэтические. Древнейший связный прозаический текст «Isidor» представляет собой анонимный перевод богословского трактата «О католической вере» испанского епископа Исидора Севильского (ум. в 636 г.), сделанный в 8 в. на рейнскофранкском диалекте. «Исидор» — выдающийся образец переводческого мастерства, созданный в период, когда переводы осуществлялись неумело, кустарно, в основном при помощи глосс и подстрочников. Переводчик же «Исидора» пользовался продуманной и систематизированной орфографией и, не следуя слепо построению латинского предложения, сумел дать осмысленный перевод сложного религиозно-философского трактата.

К первой половине 9 в. относится еще один анонимный прозаический памятник — «Tatian» — перевод свода евангелий сирийца Татиана (создан во 2 в. н. э. на греческом языке, переведен на латинский язык в 4 в.) на восточнофранкский диалект, сделанный, очевидно, в знаменитой школе при монастыре Фульда на Майне, крупном центре клерикального просвещения. Качеством перевода «Татиан» значительно уступает «Исидору»; в синтаксических конструкциях, в построении фразы переводчик «Татиана» еще часто слепо следует за латинским оригиналом. По характеру консонантизма «Татиан» наиболее близок к современному немецкому языку, так как именно в восточнофранкском диалекте представлен тот комплекс явлений второго передвижения согласных, который в дальнейшем определил и консонантизм немецкого национального языка (см. § 158).

По распоряжению Карла Великого для обучения духовенства и народа основным положениям христианской религии в конце 8 в. — начале 9 в. с латыни были переведены основные, наиболее важные молитвы — «Отче наш», «Символ веры», «Формула крещения». Переводы были сделаны в монастырях Сан-Галлен, Вейсенбург и Фрейзинг соответственно на алеманнском, рейнскофранкском и баварском диалектах.

К концу 10 в. — началу 11 в. относится переводческая деятельность Ноткера (Notker der Deutsche, ум. в 1022 г.), руководителя монастырской школы в Сан-Галлене. Для целей школьного преподавания Ноткер перевел с латинского языка целый ряд произведений классической и религиозной литературы, которую использовали при обучении

в монастырских школах: «Риторику» и «Категории» Аристотеля (известные в то время в латинских переводах), морально-философский трактат позднеримского христианского философа-стоика 6 в. Боэция, энциклопедию знаний «Брак Филологии и Меркурия» — популярный философско-дидактический трактат в форме поэтической аллегии, созданный в начале 5 в. римским писателем Марцианом Капеллой, «Псалтырь» и ряд других. Ноткеру же принадлежат записи большого числа народных поговорок и притч. Сочинения Ноткера отличаются продуманной орфографией на южнонемецкой (алеманнской) основе и содержат попытки упорядочить знаки препинания; он стремился также приблизить написание к произношению, проставляя ударения и отмечая долготу и краткость гласных. Ноткер — один из самых выдающихся и ученых людей своего времени. Велики его заслуги в формировании немецкого письменного языка. В ходе своей переводческой деятельности Ноткер предпринял сознательную попытку создать немецкую философскую терминологию для передачи многих латинских терминов. Вместе с тем Ноткер включал в свои переводы много латинских слов и даже целые латинские предложения, что побудило немецких германистов назвать язык его переводов «Notkers Mischprosa» («Ноткерова смешанная проза»). Язык Ноткера обнаруживает значительную редукцию окончаний, знаменуя переход к следующему периоду истории немецкого языка — средневерхнемецкому.

Еще заметнее это явление в памятниках 11 в., в частности в переводах аббата Виллирама (Williram) и в анонимном переводе латинского сочинения «Физиолог» («Der ältere Physiologus», вторая половина 11 в.) — сборника фантастических рассказов, созданных в 3—4 вв. н. э. в Александрии на греческом языке и содержащих религиозно-нравоучительное и аллегорическое толкование свойств реальных (лев, змея, слон, орел и др.) и вымышленных (аспид, сирена, василиск, феникс и др.) животных. Отражая средневековые представления и сведения по естественным наукам, «Физиолог» пользовался в средние века большой популярностью и неоднократно переводился.

Образцом делового памятника является текст «Страсбургских клятв», записанных на рейнскофранкском диалекте в 842 г. (см. § 7).

§ 155.) Поэтические христианские памятники. Древнейший поэтический памятник религиозного содержания — это «Wessobrunner Gebet», молитва, написанная на баварском диалекте в южнобаварском монастыре Вессобрун и дошедшая до нас в рукописи 814 г. Молитва состоит из двух частей. Первая, написанная аллитерационным стихом, в девяти строках излагает библейский миф о сотворении мира с примесью языческих представлений (здесь содержание ее перекликается с началом «Прорицаний вельвы» из «Старшей Эдды», см. § 89); к этой стихотворной части примыкает сама молитва в прозаической форме.

К наиболее значительным религиозным памятникам относится отрывок поэмы о страшном суде «Муспилли» («Muspilli»), написанной во второй половине 9 в. на баварском диалекте аллитерационным стихом, правда, сильно разрушенным. Он начинается с типично христианского изображения борьбы за человеческую душу. Следующая за этим

картина гибели мира перекликается с языческим пророчеством из «Старшей Эдды». Отрывок заканчивается описанием страшного суда и поучением, как должен жить истинный христианин. Само слово *muspilli* — древнее, языческое, очевидно, общегерманское — означает предположительно 'гибель земли', 'конец мира' (из *tū* 'земля' (?) и *spilden* 'рассекать', 'уничтожать').

Самый обширный стихотворный памятник религиозного содержания — евангельская гармония ученого монаха Отфрида (*Otfrid*), преподавателя в монастыре Вейсенбург в Эльзасе, созданная в 60-е гг. 9 в. на рейнскофранкском диалекте. Отфрид — первый немецкий поэт, известный нам по имени. В предисловии к своему произведению Отфрид говорит, что написал свою евангельскую гармонию «*in fränkisgon*» ('по-франкски'), так как франки до этого не имели поэтического прославления бога на своем родном языке, а в письме к архиепископу Майнцкому Отфрид объясняет, что своим сочинением хотел вытеснить «беспутные суетные песни», т. е. языческую поэзию. Этим же стремлением противопоставить свое произведение языческой поэзии можно объяснить также отказ Отфрида от использования аллитерационного стиха и замену его — под влиянием латинских образцов — рифмой. В евангельской гармонии Отфрида изложение библейского сюжета перемежается с лирическими и мистико-моралистическими рассуждениями, что придает всему сочинению назидательный характер.

На рейнскофранкском диалекте написана и небольшая рифмованная поэма «Песня о Людвиге» («*Das Ludwigslied*»), созданная, очевидно, ученым монахом по свежим следам важного исторического события — победы Людовика III, короля западных франков, над норманнами в 881 г. на р. Шельде. Светская по содержанию, поэма проникнута христианской идеологией. Победа короля над язычниками-норманнами изображается как акт служения богу и исполнения его воли.

По своему содержанию примыкает к «Физиологу» сочинение «Меригарто» (двн. *merigarto* 'земля, окруженная морем'), созданное в конце 11 в. рифмованными стихами на основании латинской прозаической космогонии; оно опирается на сведения, сообщаемые Исидором Севильским в его «Этимологиях» (конец 6 в.), и содержит описание земли.

§ 156. Фонетические особенности. Вокализм. Фонетическая система древневерхненемецкого существенно отличается от общегерманской. Обнаруживает ряд изменений древневерхненемецкий вокализм, который характеризуется следующими гласными: краткие *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, долгие *ā*, *ē*, *ī*, *ō*, *ū* и дифтонги *ei*, *ou* (сужающиеся) и *uo*, *io*, *iu* (расширяющиеся). К древневерхненемецким новшествам относятся, в частности, долгое *ā*, развившееся из германского долгого *ē*: ср. гот. *slēpan* — двн. *alāfan* 'спать'; дифтонг *uo*, развившийся из германского долгого *ō*, (с первой половины 8 в.): ср. гот. *brōþar* — двн. *bruoder* 'брат'; долгие *ē* и *ō*, возникшие в результате монофтонгизации германских дифтонгов *ai* и *au* (в некоторых позициях): ср. гот. *laisjan* — двн. *lēgen* 'учить', гот. *hausjan* — двн. *hōgen* 'слышать'; краткое *e* в его более узком варианте, являющееся результатом умлаута краткого *a* (см. ниже).

ского (где это чередование отсутствует) и древневерхненемецкого различаются по огласовке корня из-за наличия преломления в последних.

Явления преломления наблюдаются также в древневерхненемецком словообразовании: ср., например, *erda* 'земля' — *irdisk* 'земной', *gold* 'золото' — *guldin* 'золотой', *diot* 'народ' — *diutisk* 'народный' (язык).

Чередования, соответствующие законам преломления (возникновение которого относят приблизительно к I в. н. э.), в древневерхненемецком имели место не во всех случаях, где их можно было бы ожидать. Из этого следует, что в рассматриваемый период преломление было чередованием историческим, а не живым (т. е. обязательным во всех случаях).

Примером живого фонетического чередования является другой тип сингармонизма — умлаут (*Umlaut*, точнее *i-Umlaut*), который имел для немецкого языка особо важное значение (см. §§ 170, 174). В древневерхненемецком умлаут представлен переходом краткого *a* в краткое *e* в корне слова, вызванным гласным *i* или полугласным *j* в следующем за корнем слоге. В принципе умлаут представляет собой переход гласного заднего ряда под влиянием *i* (*j*) в передний ряд — в основном при сохранении гласными остальных характерных признаков (сдвиг гласного *a* в передний ряд сопровождается его сужением до уровня среднего подъема: *a* > *e*). Примеры умлаута в древневерхненемецком: ед. ч. *gast* 'гость' — мн. ч. *gesti*, *man* 'человек' — *menniski* 'человечество', *kraft* 'сила' — *kreftig* 'сильный', *alt* 'старый' — *eltiro* 'более старый', *faru* 'иду' — *feris* 'идешь', *ferit* 'идет', им. п. ед. ч. *fart* 'путь' — род., дат. п. ед. ч. *ferti*. Чередование по умлауту, по своему происхождению явление фонетическое, оказалось (как и аблаут и преломление) связанным, особенно в последующие периоды истории немецкого языка, с определенными грамматическими категориями, а также со словообразованием и превратилось в явление фономорфологическое.

Умлаут появился в 8 в. в северных франкских диалектах, а затем стал распространяться к югу, так что южнонемецкие диалекты имеют много неумлаутированных форм: ср., например, франк. *ehir* 'колос' — юн. *ahir*, франк. *fellit* 'падает' — юн. *fallit*. В древневерхненемецком существовал ряд фонетических «преград» для распространения умлаута. Так, он не появлялся перед сочетаниями согласных *hs*, *ht*, *hh*, *gw*. Еще больше таких преград было в южнонемецких диалектах, где умлаут не появлялся также перед сочетанием сонорных *l* и *r* с другими согласными и перед *h*.

К чередованиям гласных относится и так называемый «обратный умлаут» («*Rückumlaut*»). Этим термином Я. Гримм назвал чередование гласных *e*—*a* в формах инфинитива и претерита слабых глаголов I класса (на *-jan*), например: *sezzen* 'сажать' — *sazta*, *brennen* 'гореть' — *branta*. Я. Гримм считал, что *a* в претерите — результат устраниения в этой форме умлаута. На самом деле это явление имеет другое объяснение: в инфинитиве этих глаголов был суффиксальный элемент *j*, вызывавший умлаут (ср. гот. *satjan*, *branjan*), а в претерите сохранялось исконное корневое *a*.

§ 157. Консонантизм. Древневерхненемецкий консонантизм существенно отличается от общегерманского. Основные отличия вызваны так называемым вторым передвижением согласных, которое по-разному отразилось в отдельных древневерхненемецких диалектах (см. § 158). Сохраняются во всех диалектах и являются для них общими следующие общегерманские согласные: глухие щелевые *f*, *s*¹, *h*, сонорные *m*, *n*, *l*, *r*, а также полугласные *j* и *w*.

Для древневерхненемецкого характерно наличие долгих согласных, частично унаследованных от германского, например, в словах *swimman* 'плыть', *wessa* 'знал', *wolla* 'шерсть' (ср. гот. *swimman*, *wissa*, *wulla*), а частично возникших 1) в результате западногерманского удлинения согласных (в интервокальном положении, см. § 62); 2) в ходе изменения германских смычных *p*, *t*, *k* в спиранты *ff*, *zz*, *hh* в интервокальном положении (после краткого гласного) по второму передвижению согласных; 3) в результате стяжения согласных при выпадении гласного (часто в претерите слабых глаголов I класса на *-jan*), например: *garita* > *ratta* 'спас', *hēriro* > *hērro* 'господин'. К историческим чередованиям согласных относится так называемое «грамматическое чередование» (см. § 40) — чередование согласных *d — t*, *f — b*, *h — g*, *s — r*, главным образом в грамматических формах сильных глаголов и в связанном с ними словообразовании. Ср., например, инфинитив и 3 л. мн. ч. прош. вр. глаголов *snīdan* 'резать' — *snitun*, *ziohan* 'тянуть' — *zugun*, *wesan* 'быть' — *wagun*, *heffen* 'поднять' — *huobun*, а также существительные *kuri* 'выбор', *zugil* 'вожжи' от глаголов *kiosan* 'выбирать', *ziohan* 'тянуть'; ср. также однокоренные глаголы *durfan* 'нуждаться (в чем-либо)' и *darben* 'терпеть нужду'. Это явление объясняется разным распределением ударения в формах одного слова в германском языке-основе (закон Вернера, см. § 39).

§ 158. Второе передвижение согласных. Древневерхненемецкий отличается от всех других германских языков, включая и остальные западногерманские, наличием второго (верхненемецкого) передвижения («перебоя») согласных, в значительной степени определившего судьбу немецкого консонантизма. Второе передвижение касается шести германских смычных (глухих и звонких), являющихся, в свою очередь, результатом первого (германского) передвижения согласных (см. § 37). Второе передвижение согласных включает следующие ряды явлений:

1. Глухие смычные *p*, *t*, *k* после гласных переходят в глухие спиранты *f*, *z*, *h*, причем после краткого гласного проявлялась тенденция к орфографическому удвоению согласного: *ff*, *zz*, *hh* (а также *ch*, которое, однако, могло обозначать и аффрикату *kh*). Ср.: 1) гот. *slēpan* 'спать', *skip* 'корабль', дс. *oran* 'открытый' — днв. *slāfan*, *scif*, *offan* (на. *sleep*, *ship*, *open* — нвн. *schlafen*, *Schiff*, *offen*); 2) гот. *þata* 'это', *itan* 'есть', *wato* 'вода' — днв. *daẓ*, *eẓzan*, *wazẓar* (на. *that*, *eat*, *wa-*

¹ В древневерхненемецких памятниках буква *s* обозначала исконное германское (шепелявое) [s], тогда как буква *z* обозначала «свистящее» [s], возникшее в результате второго передвижения согласных.

ter — нвн. das, essen, Wasser); 3) гот. juk 'иго', brikan 'ломать', sokjan 'искать' — двн. joh, brehhan, suochen (на. yoke, break, seek — нвн. Joch, brechen, suchen).

2. Глухие смычные p, t, k в начале слова, после согласных или при наличии удвоения (которое, в частности, вызывал j после p, t, k) переходят в аффрикаты pf/ph, z/zz, ch/kh. Это явление распространяется не на все древневерхненемецкие диалекты, образуя с юга на север ряд ступеней. Ср.: 1) дфриз. path, да. ræþ 'тропа', дфриз. appel 'яблоко' — двн. pfad, aphul (на. path, apple — нвн. Pfad, Apfel); аффриката pf встречается в большом числе слов латинского происхождения, заимствованных в период, предшествовавший второму передвижению согласных: ср. лат. piper 'перец', pondo 'фунт' — двн. pheffar, phunt (на. pepper, pound — нвн. Pfeffer, Pfund); 2) гот. twai 'два', hairto 'сердце', гот. satjan и да. settan 'сажать', гот. nati и да. nett 'сети' — двн. zwei, herza, sezzen, nezzi (на. two, heart, set, net — нвн. zwei, Herz, setzen, Netz); удвоенный согласный в sezzen и nezzi — одно из явлений западногерманского удлинения согласных (см. § 62), по которому удлинению подвергались согласные (кроме r), за которыми следовал j; при этом j как бы ассимилировался предшествующим согласным, а сам, как правило, исчезал: ср. также гот. bidjan 'просить' — двн. bitten, гот. wilja 'воля' — двн. willo; 3) гот. drigkan 'пить', kaurn 'зерно' — двн. (юн.) trinkan, chorn (на. drink, corn — нвн. trinken, Korn).

3. Звонкие смычные b, d, g переходят в соответствующие глухие p, t, k (это явление также захватывает не всю территорию древневерхненемецкого, образуя ряд ступеней; новонемецкий только при удвоении имеет gg > ck). Ср.: 1) гот. giban 'давать', дс. gibba 'ребро' — двн. (юн.) keran, двн. girra (нвн. geben, Rippe); 2) гот. aldus 'старый', dags 'день' — двн. alt, Tag (на. old, day — нвн. alt, Tag); 3) гот. gasts 'гость', giban 'давать', дс. hruggi 'спина' — двн. (юн.) kast, keran, двн. rucki (на. guest, give, ridge — нвн. Gast, geben, Rücken).

Исключения из второго передвижения согласных составляют группы согласных sk, sp, st, tr, ht, ft, в которых глухие смычные p, t, k остаются без изменений: ср. дфриз. skelda 'бранить', гот. spinnan 'прясть', gasts 'гость', triggws 'верный', nahts 'ночь', да. cræft, дс. kraft 'сила', 'уменье' — двн. sceltan, spinnan, gast/kast, triuwi, naht, craft (на. skold, spin, guest, true, night, craft — нвн. schelten, spinnen, Gast, treu, Nacht, Kraft).

§ 159. Датировка и распространение второго передвижения согласных. Второе передвижение согласных возникло предположительно в 6 в. на юге, в области распространения лангобардского (исчез к 10 в.) и алеманнского, и распространялось на протяжении ряда столетий в направлении с юга на север, постепенно ослабевая. Охватив со временем в большей или меньшей степени всю область южнонемецких и средненемецких диалектов, второе передвижение не затронуло область нижненемецких диалектов. Условная граница между нижненемецкой и верхненемецкой областями проходит в настоящее время по линии Дюссельдорф на Рейне — Магдебург на Эльбе — Франкфурт на Одере, по так называемой «линии Бенрата» (Benrather Linie).

Полностью второе передвижение осуществилось только в южнонемецких диалектах — алеманнском и баварском. Все франкские говоры обнаруживают большее или меньшее число колебаний и «непередвинутых» звуков. Новонемецкий литературный язык в основном имеет ту степень передвижения, которая представлена в восточнофранкском, и охватывает 6 случаев из 9, ср.:

герм.	нем.
t, p, k	s, f, h
t, p, k	z, pf, kh
d, b, g	t, p, k

На схеме показаны светлыми буквами те три звука, которые не подверглись изменению. Исключение составляют удвоенные p и k (см. выше).

В письменных памятниках древневерхненемецкого периода нашла отражение неравномерность распространения второго передвижения (характерная также и для современных диалектов), что побудило немецких германистов положить классификацию древневерхненемецких диалектов по признаку второго передвижения согласных в основу распределения современных немецких диалектов по наречиям и группам наречий, которые к тому же рассматривались как результат развития древневерхненемецких племенных диалектов в порядке прямой преемственности. Построенная на одном, возникшем относительно поздно фонетическом признаке, эта классификация не учитывает целого ряда аспектов конкретного исторического развития диалектов. На существенные, имеющие принципиальное значение недостатки этой классификации обратил внимание еще Ф. Энгельс в своей работе «Франкский диалект» (написана в 1880-е гг., но впервые опубликована в 1935 г. в СССР). Энгельс показал, что все франкские говоры, разорванные по признаку второго передвижения на три группы, обнаруживают в большинстве своих признаков тесную связь, основанную как на древнем племенном единстве франков, так и на многовековой общности исторической судьбы франкских племен. Этот вывод Энгельса в дальнейшем получил полное подтверждение в современной немецкой диалектографии, особенно в работах Т. Фрингса (Th. Frings, 1886—1968).

Объяснение явлений второго передвижения согласных представлено двумя гипотезами. Среди представителей немецкой лингвистической географии (Ф. Вреде, Т. Фрингс и др.) больше всего защитников имеет теория субстрата (см. § 38). Многие германисты, в частности отечественные, не отвергая полностью возможности влияния артикуляторных навыков неизвестного этнического субстрата на южнонемецкие диалекты, склонны видеть основную причину в их внутренних фонетических законах.

Ко второму передвижению согласных примыкает переход германского глухого спиранта f в звонкий смычный d , распространившийся с юга на север на протяжении 8—11 вв. в верхненемецкой области (а с начала средненижненемецкого периода, в 12—14 вв., и в нижненемец-

немецкого) было написание в латино-романских заимствованиях *b* вместо *p*: свн. *babes* 'папа (Римский)', *bredigen* 'проповедовать', реже *d* и *g* вместо *t* и *k*: свн. *don* 'тон', *gumran* 'дружок'. В новонемецком из таких колебаний закрепились *Birne* 'груша' (двн. *birā* из лат. *pīrum*), *Bischof* 'епископ' (двн. *biscof* из лат. *episcopus*), *bunt* 'пестрый' (лат. *punctus*), *Glocke* 'колокол' (лат. *clocca*, ср. англ. *clock*), а также *Graue* (слав. крупа) и некоторые другие.

Совпадением произношения звонких и глухих согласных объясняются также многочисленные случаи смешения в орфографии и в произносительной норме современного немецкого языка согласных *d* (из герм. *þ*) и *t* (из герм. *d*). Ср.:

1) *d* вместо *t*:

на.	свн.	нвн.
<i>dumb</i> 'глупый'	<i>tump</i>	<i>dumm</i>
<i>damp</i> 'пар'	<i>tampf/dampf</i>	<i>Dampf</i>
	<i>tunkel</i>	<i>dunkel</i>

2) *t* вместо *d*:

на.	свн.	нвн.
<i>thousand</i> 'тысяча'	<i>tūsent</i>	<i>tausend</i>
<i>thaw</i> 'таять'	<i>touwen</i>	<i>tauen</i>

§ 161. Особенности грамматического строя. Флективный характер грамматического строя древневерхненемецкого проявляется главным образом в значительном фонетическом разнообразии и полнозвучности неударных окончаний и аффиксов. Так, например, современной многозначной форме *junger* прилагательного *jung* 'молодой' соответствовали в древневерхненемецкий период четыре формы: им. п. ед. ч. м. р. *jun-gēr*, род. п. ед. ч. ж. р. *jungera*, дат. п. ед. ч. ж. р. *jungeru*, род. п. мн. ч. всех родов *jungero*.

В окончаниях и аффиксах (суффиксах и префиксах) встречаются самые разнообразные гласные, как краткие, так и долгие, например: *erda* 'земля', *supu* 'сын', *hōch* — *hōhīro* 'высоко — выше', *manlīh* 'мужественный', *habēn* 'иметь', *lērāri* 'учитель', *biginnan* 'начинать', им. п. ед. ч. *tag* 'день', *gast* 'гость', *zunga* 'язык' — дат. п. мн. ч. *tagum* (-om, -un, -on), *gestim* (-in, -en), *zungōm* (-ōn). На протяжении древневерхненемецкого периода происходит постепенная редукция неударных гласных в направлении к слабому [ə], завершающаяся в средневерхненемецкий период (см. § 170).

В предударном слоге, в префиксах, до 10 в. можно встретить все краткие гласные, например: *iug-*, *for-*, *far-*, *fir-*, *fer-*, *ga-*, *gi-*, *ge-*, *ug-*, *ag-*, *ig-*, *eg-*. К концу древневерхненемецкого периода в префиксах остаются только варианты *e* в одних и *i* в других диалектах.

Начиная с 10 в. в результате редукции неударных гласных (реже согласных) стало сокращаться число фонетически различавшихся служебных морфем, многие падежные, а также личные окончания совпали. Это, в свою очередь, вызвало унификацию типов склонения и спряжения, что привело в дальнейшем к существенным изменениям в мор-

фологической системе — к разрушению системы склонения существительных по основам, к утрате старого подразделения слабых глаголов на классы и т. д.

Грамматическая категория времени представлена простыми временами — презенсом и претеритом; аналитические временные формы, как и категория залога, только зарождаются.

Существительные делятся, как и в современном немецком языке, на имена мужского, женского и среднего рода. Наблюдаются колебания грамматического рода некоторых существительных; так, например, слова *list* 'ум', 'хитрость' и *gewalt* 'сила', 'власть' относятся и к мужскому, и к женскому роду.

Грамматическая категория падежа представлена пятью падежами. Это именительный, родительный, дательный, винительный и инструментальный, причем последний встречается редко, а с 10 в. он полностью вытесняется дательным падежом с предлогом.

С 9 в. из указательного местоимения начинает развиваться определенный артикль *der*, *diu*, *das*.

Прилагательные и наречия оформляются разными словообразующими морфемами: первые имеют суффикс *-i*, вторые — *-o*. Ср., например, прилагательные *spāti* 'поздний', *skōni* 'красивый' и наречия *spāto*, *skōno*.

Для строя предложения в древневерхненемецком характерно наличие наряду с двусоставными также и односоставных предложений (результат бесподлежащего оформления личных предложений). Твердый порядок слов отсутствует; спрягаемый глагол может стоять и на втором, и на первом, и на последнем месте в предложении; определение, выраженное прилагательным или родительным падежом существительного, — и перед определяемым, и после него.

Употребление беспредложных падежей значительно преобладает над предложными конструкциями. Чаще, чем в новонемецком, в функции обстоятельств выступают причастия. Отрицательная частица *nī* стоит перед глаголом и иногда сливается с ним. Возможно двойное отрицание.

Инфинитив употребляется в предложении как в неизменной, так и в склоняемой форме — в дательном или винительном падежах, причем дательный падеж всегда сочетается с предлогом *zi* и имеет целевое значение.

Число моделей сложного предложения незначительно, а их структура не строго фиксирована. Связь между компонентами сложного предложения может быть союзной и бессоюзной. К наиболее употребительным сочинительным союзам относятся *inti*, *ouh*, *doh*, *abur*, *odo/odar* (нвн. *und*, *auch*, *doch*, *aber*, *oder*).

Каждому члену предложения может функционально соответствовать придаточное предложение. В бессоюзных придаточных предложениях глагол стоит на первом месте. Конечная позиция глагола в придаточном предложении встречается наряду с другими позициями. Атрибутивные предложения вводятся относительными местоимениями или частицей *sō*. Число подчинительных союзов незначительно, например: *ibu/oba* 'если' (ср. англ. *if*), *uanta* 'потому что', *zi thiu thaz*

‘чтобы’. Большая часть этих союзов со временем вышла из употребления и была заменена другими.

Почти все древние временные и местные союзы могли также вводить придаточные причины, условия и уступительные. Наиболее общее значение имел союз *thaz* (нвн. *daß*), введивший придаточные подлежащие, объектные и атрибутивные, а также обстоятельственные придаточные цели.

Поскольку письменный язык древневерхненемецкого периода испытывал влияние латыни (почти все памятники древневерхненемецкого — переводы с латинского), в нем прослеживаются аналогии с синтаксическими конструкциями латинского языка, в частности, в области сложноподчиненного предложения в использовании конструкций с абсолютным дательным и так называемого «винительного с инфинитивом» (*accusativus cum infinitivo*).

§ 162. Лексика и словообразование. Словарный состав языка по сравнению с его грамматическим строем более подвижен, он чутко реагирует на изменения в производственной и любой другой деятельности человека, общества и потому постоянно обогащается новыми словами и отбрасывает всё устаревшее, ставшее ненужным. Но есть слой лексики, называемый основным словарным фондом, который отличается чрезвычайной устойчивостью. В него входят слова, выражающие жизненно необходимые для всего общества понятия. Этим объясняется то, что большое количество слов древневерхненемецкого периода сохранилось в языке до настоящего времени, практически не изменив своего значения. Это слова, относящиеся непосредственно к человеку, к его жизнедеятельности, к его мыслительной деятельности и чувствам, к окружающей его природе, слова, обозначающие цвета, физические свойства и т. д. Например: *fatar* ‘отец’, *brudar* ‘брат’, *muotar* ‘мать’, *ōra* ‘ухо’, *finger* ‘палец’, *fuoz* ‘стопа’, *ezzan* ‘есть’, *trinkan* ‘пить’, *gangan* ‘идти’, *standan* ‘стоять’, *sehan* ‘смотреть’, ‘видеть’, *bringan* ‘приносить’, *denken* ‘думать’, *himil* ‘небо’, *erda* ‘земля’, *boum* ‘дерево’, *tior* ‘животное’, *pferit* ‘лошадь’, *fisc* ‘рыба’, *hūs* ‘дом’, *fenstar* ‘окно’, *tisc* ‘стол’, *brot* ‘хлеб’, *hemidi* ‘рубашка’, *fridu* ‘мир’, *lang* ‘длинный’, *tiof* ‘глубокий’, *brūn* ‘коричневый’, *wīz* ‘белый’, *alt* ‘старый’, *scōpi* ‘красивый’, *guot* ‘хороший’, *frī* ‘свободный’.

В древневерхненемецкий период система словообразования пополнилась рядом суффиксов существительных — *-heit*, *scaf(t)*, *-tuom* и прилагательных — *-lih*, *-sam*, *-bāri*, *-haft*. Их появление было вызвано необходимостью выразить новые отвлеченные понятия, главным образом богословские и философские, с которыми сталкивались ученые монахи, клирики, делавшие переводы с латинского языка на свой родной, еще совсем недавно бесписьменный язык. В основе этих суффиксов лежат знаменательные слова — существительные и прилагательные. Поэтому их семантика легко восстанавливается, хотя обобщенно-грамматическое значение суффикса, естественно, не может точно совпадать со значением самостоятельной лексической единицы — слова. Ср. *heit* — ‘лицо’, ‘качество’ и *gotheit* ‘бог’, ‘божество’, *frīheit* ‘свобода’; *scaf* — ‘форма’, ‘свойство’ и *bruderscaf* ‘братство’, *frīuntscaf*

'дружба'; tuom — многозначное слово, в сложных словах означавшее 'состояние', 'положение', и wīstuom 'мудрость', rihtuom 'богатство'; lih — 'тело' (ср. нвн. Leiche 'труп') и gotlih 'божественный'; haft — 'связанный с . . .', 'имеющий' и sigihaft 'победоносный'; samo 'то (же) самый', sama 'так же' и minnesam 'прелестный'; unbāri 'бесплодный' (ср. глагол bēgan 'носить') и trōstbāri 'утешительный'. Явившись источником новых словообразовательных морфем, сами эти знаменательные слова выходят из употребления, приобретая в системе языка новое качество.

Превращение бесписьменного языка древневерхненемецкого периода в литературный письменный язык проходило под влиянием средневековой, в основном церковной, латыни, из которой в немецкий язык устремился поток заимствований, главным образом из области религиозно-церковной и школьного обучения, например:

лат.	двн.	нвн.	
claustrum	klōstar	Kloster	'монастырь'
templum	tempal	Tempel	'храм'
monachus	munih	Mönch	'монах'
nonna	nunna	Nonne	'монахиня'
crucem (вин. п.)	krūzi	Kreuz	'крест'
signare	seganōn	segnen	'благословлять'
feria	fira	Feier	'праздник'
sobris	sūbar	sauber	'чистый'
praedicare	bredigōn	predigen	'проповедовать'
scola	scuola	Schule	'школа'
tincta	tinkta	Tinte	'чернила'
scribere	scriban	schreiben	'писать'
rosa	rōsa	Rose	'роза'
petrosilium	petersilia	Petersilie	'петрушка'
biber	bior	Bier	'пиво'
archiater	arzāt	Arzt	'врач'

Наряду с прямыми заимствованиями в древневерхненемецких переводных текстах появилось большое число калек, например:

лат.	двн.	нвн.	
salvator	heilant	Heiland	'спаситель'
conscientia	giwizzani	Gewissen	'совесть'
communio	gimeinida	Gemeinde	'община'
beneficium	wolatāt	Wohltat	'благодеение'
argentum vivum	quec-silbar	Quecksilber	'ртуть'
spiritualis	geistlih	geistlich	'духовный'

Таким образом, новая лексика древневерхненемецкого периода в значительной своей части возникла в рамках письменного языка.

2) Средневерхненемецкий период

§ 163. Общая характеристика эпохи. К 12 в. завершается процесс формирования феодальных государств на территории Европы. В социально-экономическом отношении 12—14 вв. в Германии — это эпоха развитого феодализма. Устраняя последние следы родового строя, феодальное общество строилось на четком разграничении и противопоставлении классов, что повлекло за собою и социальное расслоение культуры. Феодальная Германия представляла собою к этому времени конгломерат поместий-государств, иерархически подчиненных одно другому и в значительной степени независимых от центральной власти императора Священной Римской империи, основанной Оттоном I в 962 г. Города, центры ремесла и торговли, в этот период еще не оказывали определяющего влияния на культурную жизнь страны.

Господствующий класс — феодальная знать — образует особое привилегированное сословие. Из конной свиты феодала формируется рыцарство. Для нового понятия «рыцарь» в языке появляется слово *ritter* (восходящее к средненидерландскому *riddere* 'всадник', 'рыцарь'). Новое сословие породило новую, узко-сословную идеологию и культуру. Эта рыцарская идеология и культура с ее куртуазной (ср. ст.-фр. *courtois* 'придворный' от *court* 'двор') литературой, нравами и обычаями приходит в Германию из соседней Франции, классической страны феодализма, приходит через Рейн, причем важную роль посредника сыграли Нидерланды, особенно двуязычная Фландрия, опережавшая Германию в своем развитии. Светская рыцарская литература, преимущественно стихотворная по своей художественной форме, была по существу первой светской литературой на немецком языке. В результате ее расцвета религиозно-церковная литература оказалась оттесненной на задний план.

§ 164. Классический период средневерхненемецкого. Героический эпос. 12—13 вв. были временем расцвета литературы, основные жанры которой — героический эпос, куртуазный эпос (рыцарский роман) и рыцарская любовная лирика (миннезанг). Еще один жанр — шпильманский эпос — соединял в себе черты героического и куртуазного эпоса с примесью сказочных мотивов и восточной экзотики.

Героический эпос является по происхождению древним народным жанром, который уходит своими корнями в 4—6 вв., в эпоху Великого переселения народов (см. § 7). Его сюжеты восходят к племенным эпическим песням этого периода. В этих песнях франкские сказания о Зигфриде, бургундские о Гунтере, готские о Дитрихе и Эрманарихе сближаются, их герои живут и действуют в рамках одного эпического произведения, например «Песни о Нибелунгах».

С формированием феодального общества древние эпические сказания, существовавшие в течение длительного времени в устной традиции, постепенно трансформируются, подвергаясь влиянию рыцарской и христианской идеологии, а древнегерманский аллитерационный стих (см. § 89) сменяется рифмованной строфой. В таком виде героические песни впервые записываются в 12 в. Их литературная обработка и за-

пись осуществялялись почти исключительно на юге и юго-востоке Германии, в придунайских землях — Австрии и Баварии, где новая рыцарская культура складывалась несколько позже, чем в прирейнских областях. Наиболее значительным произведением героического эпоса является «Песня о Нибелунгах» («Das Nibelungenlied»; свн. «Der Nibelunge liet») — самая обширная (10 000 стихотворных строк) из германских героико-эпических песен. Она была записана в начале 13 в. в Австрии и распадается на 39 глав-авентюр. О ее большой популярности свидетельствует тот факт, что до нас дошли 10 полных списков и около 20 отрывков в рукописях 13—16 вв. В «Песне» повествуется о бургундах и франках, о готах и гуннах. Исторической канвой является разгром римским полководцем Аэцием в союзе с гуннами в 436 г. бургундского королевства короля Гундикария. При этом в «Песне» действуют исторические персонажи, жившие в разное время (Гунтер, т. е. Гундикарий, и Дитрих Бернский, т. е. остготский король Теодорих) или в действительности не встречавшиеся друг с другом (Гунтер и Этцель, т. е. гуннский вождь Аттила). Такой сдвиг хронологических рамок — одна из характерных особенностей народного творчества.

«Песня о Гудруне» («Das Gudrunlied», свн. «Küdrün») — второй крупный памятник средневерхненемецкого героического эпоса. Он создан в первой половине 13 в. в Палермо (Италия) автором из австрийско-баварской языковой области и известен по единственной рукописи 16 в. По содержанию «Песня о Гудруне» относится к саксонско-скандинавским сказаниям, проникшим в начале 12 в. в южную Германию.

Цикл поэм о Дитрихе Бернском составляют поэмы «Бегство Дитриха», «Равеннская битва» и некоторые другие, записанные в 13 в. и имеющие ярко выраженный демократический характер по сравнению с куртуазной литературой и даже с «Нибелунгами», испытавшими значительное влияние рыцарского романа.

Шпильманский эпос — эпические поэмы, широко распространенные в этот период и получившие свое название от свн. *spilman* 'бродячий (профессиональный) певец'. Перенимая эпический репертуар дружинного певца, шпильманы вносили в древние сказания значительные изменения. В шпильманском эпосе причудливо сочетаются черты народно-демократические, духовные и светские, рыцарские, сюжетные героические, куртуазные, восточные, сказочные. Например, в поэме «Герцог Эрнст» («Herzog Ernst», 12 в.) повествуется о невероятных приключениях пасынка германского императора Конрада II, Эрнста, изгнанного отчимом по злему навету; поэма «Король Ротер» («König Rother», середина 12 в.) рассказывает о похищении невесты, которое совершается на фоне крестового похода и византийской экзотики.

§ 165. Куртуазный эпос, или рыцарский роман. Этот жанр проникает в Германию в 70-х гг. 12 в. из Франции, где феодально-рыцарская идеология и культура сложились раньше, чем в других странах Европы. Все произведения этого жанра в Германии представляют собой переработки французских рыцарских романов, главным образом романов Крестьяна де Труа. Темы и сюжеты этих произведений заимствовались

из так называемого «артуровского цикла» — цикла сказаний о британском короле Артуре и его рыцарях, в основе которых лежат древние кельтские легенды эпохи родового строя в их ирландском варианте. В своих романах Кретъен изобразил утопический мир подлинной рыцарственности и создал образы таких прославленных героев европейской литературы, как Эрек, Ивен, Ланселот, Персеваль. Круглый стол при дворе короля Артура — средоточие и школа идеального рыцарства. В романах артуровского цикла нашел отражение и новый рыцарский идеал высокой любви к благородной даме. Крупнейшими представителями немецкого куртуазного эпоса были Генрих фон Фельдеке, Гартман фон Ауэ, Готфрид Страсбургский, Вольфрам фон Эшенбах.

Генрих фон Фельдеке (Heinrich von Veldeke или Hendrik van Veldeke, вторая половина 12 в.) — фламандский рыцарь, основоположник куртуазного стиля в немецкой и нидерландской литературе, автор обширного романа в стихах «Энеида» («Eneide»), в котором он в духе куртуазного эпоса воспевает приключения и подвиги легендарного родоначальника римлян Энея (ср. «Энеиду» Вергилия). Его язык — нижнефранкский диалект, но Генрих фон Фельдеке во многих случаях заменяет нижне немецкие формы верхне немецкими.

Гартман фон Ауэ (Hartmann von Aue, конец 12 в.) — швабский поэт, автор рыцарских романов «Эрек» («Egес») и «Ивен» («Iwein»). Ему принадлежат также обработки житий святых и стихотворная новелла «Бедный Генрих» («Der arme Heinrich»), в которой сочетаются черты религиозно-нравоучительной повести и чисто светского куртуазного романа. По формальным признакам новелла относится к куртуазному эпосу, по содержанию же она примыкает к рифмованным новеллам церковной литературы. В ней рассказывается история чудесного исцеления прокаженного рыцаря полюбившей его простой девушкой, готовой ради его исцеления на жертвенную смерть.

Готфрид Страсбургский (Gottfried von Straßburg, ум. ок. 1220 г.) — уроженец северного Эльзаса, по своему происхождению не принадлежавший к рыцарскому сословию. Выдающийся представитель куртуазного жанра, отличавшийся своей образованностью, Готфрид создал между 1205—1215 гг. единственный, оставшийся незавершенным, роман «Тристан и Изольда» («Tristan und Isolde», около 20 000 строк), сюжет которого восходит к англо-нормандскому роману Томаса Бретонского. Готфрид воспекает в этом романе радости земной любви в изысканной форме, доведенной им до совершенства, непревзойденного в средневековой немецкой поэзии. В центре повествования — история любви, страданий и гибели Тристана и Изольды. Знаменуя собой вершину развития куртуазного эпоса, роман Готфрида Страсбургского одновременно свидетельствует о преодолении его автором условностей этого жанра, об обращении к более значительным темам, к изображению любви во всей ее глубине и трагической неотвратимости.

Вольфрам фон Эшенбах (Wolfram von Eschenbach, ум. после 1220 г.), выходец из знатного, но обедневшего баварского рода, был, как и Готфрид Страсбургский, выдающимся мастером куртуазного эпоса. Самое значительное творение Вольфрама — созданный в начале 13 в. рыцарский роман «Парцифаль» («Parzival», ок. 30 000 строк),

в котором рыцарский кодекс сочетается с религиозной идеей «очищения», что находит выражение в наличии двух сюжетных линий — истории юноши Парцифалья и легенды о святом Граале, христианской реликвии, охрана которой поручена рыцарству в знак его избранности. В служении святому Граалю сливаются воедино светско-рыцарские и христианско-религиозные добродетели. Легенда о святом Граале, рыцарем-хранителем которого становится Парцифаль, — наиболее мистический и вместе с тем наиболее фантастический по таматике цикл куртуазного эпоса.

Второй, неоконченный рыцарский роман Вольфрама — «Виллехальм» («Willehalm», 20-е гг. 13 в.), созданный также по французскому образцу, но на историческом фоне (борьба франкских рыцарей-христиан с сарацинами-мусульманами на юге Франции в 9 в.), отображает попытку поместить героев куртуазного эпоса в конкретно-историческую обстановку. Здесь Вольфрам прославляет веротерпимость, гуманизм, супружескую любовь и верность. К этому же времени относятся два дошедших до нас отрывка рыцарского романа «Титурель» («Titurel»), единственного примера куртуазного эпоса, написанного в строфической форме. По содержанию это дальнейшее развитие темы рыцарей святого Грааля; излагается их родословная и история семьи Парцифалья. Вольфрам фон Эшенбах был мастером психологической характеристики. Его манера изложения отличается глубиной мысли и яркой образностью, стиль часто усложненный, труднодоступный.

§ 166. Лирика миннезингеров. Миннезанг — второй по обилию произведений новый жанр в литературе средневерхнемецкого периода. Это лирическая поэзия, преимущественно любовная. Ее расцвет падает на период со второй половины 12 в. до середины 13 в., главным образом на 1160—1170 гг. Большинство представителей поэтического искусства миннезанга — рыцари, и сам миннезанг имеет ярко выраженный сословный, феодально-рыцарский характер. Название этого жанра восходит к свн. *mîppe*, многозначному существительному ('воспоминание о ком-либо', 'дружба', 'чувственная любовь') в новом значении 'высокая, возвышенная любовь' (свн. *hōhe mîppe*, ср. пров. *fîl amog* 'любовь рыцаря к даме', 'любовь-служение', часто 'любовь-тоска по недостигаемой любимой'). Для обозначения предмета любви поэта-рыцаря употреблялось многозначное слово свн. *vgo(u)we* (нвн. *Frau*), из ряда значений которого — 'замужняя женщина', 'женщина или девушка благородного происхождения', 'госпожа' — на первый план выдвинулись последние два.

Поэты-миннезингеры обогатили немецкую поэзию и по форме, и по содержанию. Их поэтические произведения, в которых впервые в центре внимания оказался мир индивидуальных чувств и переживаний, представляют собою большие многострофные стихотворения со строфой, отличающейся сложным строением, с точной рифмой и постоянным числом не только ударных (как в древнегерманской аллитерационной поэзии), но и неударных слогов.

В лирике миннезанга выделяются две струи, возникшие почти одновременно. Одна — более архаическая, древняя по своим корням и

вместе с тем более народная, естественная. Это направление развивалось преимущественно на юге Германии, наиболее отдаленном от французского влияния. Его основные представители — рыцарь Кюренберг (Der von Kurenberg) и Дитмар фон Аист (Dietmar von Aist). Второе направление — собственно рыцарское, куртуазное. Основное его содержание — любовные переживания и лирические излияния. Это направление представлено целым рядом превосходных поэтов; среди них основоположник куртуазного стиля в немецкой литературе, упомянутый выше Генрих фон Фельдеке, Фридрих фон Хаузен (Friedrich von Hausen), один из первых провозвестников нового идеала, Генрих фон Морунген (Heinrich von Morungen), Рейнмар фон Хагенау (Reinmar der Alte von Hagenau), уже упоминавшийся Гартман фон Ауэ. Все они жили во второй половине 12 в. и в начале 13 в.

Вершиной развития рыцарской поэзии миннезанга является творчество Вальтера фон дер Фогельвейде (Walther von der Vogelweide), крупнейшего из миннезингеров, соединившего в своем творчестве оба направления миннезанга. В его поэзии художественное мастерство куртуазного стиля сочетается с естественностью, искренностью и живостью чувств, с демократизмом, свойственным народному творчеству. В одном из стихотворений он выступает в защиту социально обесцененного слова *wîr* и говорит о том, что далеко не всякая *vrouwe* 'дама, госпожа' достойна высокого звания *wîr* 'женщина'. Любовная лирика Вальтера пронизана идеей высокой нравственности и чистоты. Всеобъемлюща его любовь к родине, он пламенный провозвестник идей патриотизма, автор ряда политических стихов-шпрухов, служивших ему орудием политической пропаганды.

29 песен Вальтера фон дер Фогельвейде (больше, чем какого-либо другого поэта-миннезингера) содержится в самом полном собрании миннезанга — рукописи «Die Große Heidelberger Liederhandschrift», или «Die Manessische Handschrift», созданной ок. 1340 г. в Швейцарии на основе ряда более ранних сборников (в том числе сборника, составленного цюрихскими патрициями Конрадом и Иоганнесом Манессе) и включающей стихи 140 авторов и 130 высокохудожественных акварельных миниатюр.

С середины 13 в. обозначаются признаки упадка феодально-рыцарской системы, а с ней и ее идеологии и культуры. Произведения куртуазного эпоса и лирики миннезанга, которые продолжают возникать, несут на себе печать подражательности, эпигонства. Это относится к творчеству как наиболее крупных авторов рыцарского романа этого времени — Рудольфа Эмского, автора романов «Alexander» (об Александре Македонском) и «Willehalm von Orleans» (о Вильгельме Завоевателе), и Конрада Вюрцбургского, создавшего по французским образцам обширный роман о Троянской войне «Buch von Troje», так и миннезингеров — Тангейзера, Ульриха фон Лихтенштейн и др.

§ 167. Другие литературные жанры. С военным, экономическим и культурным упадком рыцарства оно постепенно уступает ведущую роль в области литературы бюргерству, влияние которого на развитие культуры возрастает с экономическим развитием городов как центров тор-

говли, ремесла и денежного хозяйства. Распространению грамотности среди городского населения способствовали городские школы, с появлением которых в 13 в. пришел конец монополии церкви в области образования.

В литературе бюргерство все решительнее обращается к проблемам политической и духовной жизни, к вопросам своего быта и морали. В 13 в. получает развитие дидактическая литература, нередко обладавшая ярко выраженной социально-критической и сатирической направленностью. Острые сатиры и критики направлялось против феодально-рыцарского общества и его идеологии, против духовенства — попов и монахов.

С развитием городской сатирической литературы особую популярность завоевал жанр басни о животных, истоки которой восходят еще к античности (Эзоп, 6 в. до н. э.). На базе бытовавших в народе басен, а также под влиянием французского «Романа о Лисе» (12—13 вв.) и эпической поэмы на латинском языке «*Ekbasis captivi*» («Бегство пленника», середина 12 в.) в конце 12 в. возник первый вариант животного эпоса о Рейнеке Лисе на немецком языке — «Беды волка Изегрима» («*Isegrimes pōt*»). Его автор — эльзасский шпильман Генрих Выдумщик (Heinrich der Gleisner).

Особенно ярко социально-критическая направленность проявилась, помимо басен, также в других малых эпических формах — сказках, шванках, рассказах. Основоположителем и выдающимся мастером шванка был Штриккер (der Stricker, первая половина 13 в.), создатель образа попа Амиса, предшественника Тиля Уленшпигеля. Из жизни низших сословий почерпнул сюжет и героев Вернер Садовник (Wernher der Gärtner) в своей поэме «Мызник Хельмбрехт» («*Meier Helmbrecht*», вторая половина 13 в.), в которой нашел отражение упадок феодального общества и впервые показано пробуждение самосознания угнетенного крестьянства.

В 13 в. как бы заново, независимо от клерикальной прозы древневерхненемецкого периода, получает развитие религиозная литература — жития святых, проповеди и т. д. Автором первых дошедших до нас проповедей на немецком языке был странствующий монах-проповедник Бертольд Регенбургский.

В 14 в. на смену рыцарям-миннезингерам пришли бюргеры-мейстерзингеры, создававшие свои стихотворения на бытовые, дидактические и религиозные темы. На рубеже 14 и 15 вв., в 1400 г., городской писарь Иоганн Саацкий (или Тепльский) из Богемии (Johannes von Saaz od. von Tepl) создал прозаическое сочинение «Землепашец из Богемии» («*Der Ackermann aus Böhmen*»), в котором уже в духе нового времени ставятся вопросы о смысле и ценности жизни.

§ 168. Распространение немецкого языка. Восточная колонизация. В средневерхненемецкий период существенно расширились границы немецкой языковой области. На западе ее границы определились еще в 9 в. в результате завершения романизации западных франков в пределах Западнофранкского королевства, на юго-востоке в 9—11 вв. эта граница продвинулась от р. Эмс приблизительно до нынешней

австрийско-венгерской границы. Швейцария была заселена алеманнами и бургундами еще во времена Великого переселения народов. В 6 в. почти вся территория современной Швейцарии вошла в состав Франкского государства. В 1003 г. Швейцария была присоединена к Священной Римской империи.

Наиболее важное значение для дальнейшего развития немецкого языка принадлежит захвату и освоению земель к востоку от Эльбы и ее притока Салы (Заале). Здесь с 6 в. жили балтийские и славянские племена — полабские (от славянского названия реки Эльбы — Лаба) и поморские славяне, сорбы, поляки, древние пруссы, литовцы, латыши. Начало восточной экспансии относится еще к 10 в., но систематическое освоение и заселение этих земель началось в 12 в. В 1170 г. на землях славян-ободритов между Эльбой и Одером было образовано герцогство Мекленбургское, в 13 в. маркграфство Бранденбургское, к востоку от Одера было захвачено польское Поморье, между нижним течением Вислы и Немана — земли литовского племени пруссов (ср. *Preußen* — Пруссия). Восточная экспансия немцев особенно усилилась с образованием в 13 в. духовных рыцарских орденов, объединившихся в 1237 г. в Тевтонский, или Немецкий, орден (*Deutscher Orden*) и осуществлявших колониальную экспансию под знаменем христианизации языческих славянских и прибалтийско-финских племен. Захваченные земли заселялись крестьянами, ремесленниками, торговцами из густонаселенных западных областей Германии. Местное население частично уничтожалось, частично подвергалось онемечиванию. Избежать этой участи, сохранить свой язык и культуру удалось лужицким сорбам на р. Шпрее — в Лужице (*Lausitz*), составляющим в наше время национальное меньшинство на территории ФРГ. В захваченных Тевтонским орденом Курляндии и Ливонии, землях литовцев, латышей, ливов, эстонцев, онемечиванию подверглись города, в сельской же местности население сохранилось. Немецкие поселения возникали при благоприятном для Тевтонского ордена соотношении сил также в западной части польских земель. В середине 14 в. в состав Германской империи была включена Чехия (Богемия).

О том, что предшественниками немцев на землях к востоку от Эльбы были славяне, свидетельствуют многочисленные топонимы славянского происхождения, например, названия городов Дрезден (ср. слав. дреждане 'лесные жители'), Лейпциг (ср. Липецк), Росток (ср. слав. росток 'развилка рек') и др. Славянскими по происхождению являются также многочисленные немецкие фамилии на -ow, -in, -ien, -iz, например: *Basedow*, *Virchow*, *Zeppelin*, *Tauentzien*, *Leibniz*, также *Lessing* (ср. рус. лесник). Заимствованиями этого периода из славянских языков являются, например, *Schmand* (ср. рус. сметана), *Grenze* (ср. чеш. hranice), *Petschaft* (ср. чеш. pečet).

§ 169. Особенности языкового развития в средневерхненемецкий период. В условиях экономической и политической раздробленности Германии, закрепившейся в 12—13 вв., каждая феодальная территория-княжество живет своей замкнутой жизнью. В итоге различия между диалектами в пределах одного княжества сглаживаются, а отличия

от диалектов других княжеств углубляются, расхождений становится больше.

Ни в 12 в., ни в 13 в. в Германии не сформировалась и не могла сформироваться единая наддиалектная норма литературного языка. Единство языка народности в эту эпоху, как и в предыдущую, проявляется в общности грамматического строя и лексического состава, а также основных внутренних законов развития — факторов, общих для всех диалектов, носителей которых объединяла принадлежность к одному народу и одному государству. Даже в условиях ослабления связей между отдельными политическими образованиями, входившими в состав Священной Римской империи в 13 в., несмотря на ее экономическую и политическую раздробленность, немцы, тем не менее, все явственнее ощущают себя как представителей одного, единого — немецкого — народа. Это сознание этнической общности, непосредственно связанное с общностью языковой и в известной мере обуславливаемое ею, находит отражение в литературе. Старым (восходящим к племенным) названиям «швабы», «баварцы», «саксы», «франки» и др. противопоставляется объединяющее всех жителей Германии название свн. *tiutsche liute*, возникшее еще в 11 в. Множественному числу свн. *diu lant* 'земли', отражающему сепаратизм княжеств, противопоставлено словосочетание свн. *Diutisk lant*. Местным, областным языкам феодальных земель, осознание которых нашло отражение в свн. *lantsprachen* 'языки земель', противопоставлено свн. *tiutsche spräche*, отражающее осознание немецкого языка как единства.

В первой половине 19 в., изучая литературные памятники «классического» средневерхненемецкого периода (12—13 вв.), некоторые немецкие ученые выдвинули положение о наличии в этот период единого письменного литературного языка, а многочисленные расхождения в рукописях объясняли ошибками переписчиков. Но в 1870-е гг. видный представитель младограмматической школы германистов Г. Пауль (Hermann Paul) в статье, которую он озаглавил «*Gab es eine mittelhochdeutsche Schriftsprache?*» («Существовал ли средневерхненемецкий литературный язык?»), дал отрицательный ответ на поставленный в заголовке этой работы вопрос. В дальнейшем была высказана мысль, что относительное единообразие языка средневерхненемецких памятников объясняется не существованием единого средневерхненемецкого литературного языка, а стремлением поэтов избегать резко выраженных диалектных слов и форм, чтобы быть понятыми и за пределами распространения своих родных диалектов. Некоторой унификации литературного языка способствовало также наличие традиций поэтического стиля, побуждавшее отдельных авторов заимствовать у наиболее авторитетных поэтов готовые рифмы, поэтические образы, обороты речи и т. д. Грамматические описания средневерхненемецкого языка опираются в основном на этот «сглаженный» язык куртуазного эпоса и поэзии миннезингеров.

§ 170. Фонетические изменения. В средневерхненемецкий период наблюдаются значительные сдвиги в фонемном составе языка и прежде всего в его вокализме. Это связано с дальнейшим распространением

умлаута (см. §§ 34 и 156), в результате чего система фонем обогащается передними вариантами всех задних гласных: вследствие нейтрализации гласных в неударных слогах, где теперь встречается только гласный [ə], позиционные варианты гласных корня, возникшие в результате умлаута, превращаются в самостоятельные фонемы. Так появляются противопоставленные друг другу пары фонем [a:] — [ɛ:], [ɔ] — [œ], [o:] — [ø:], [ɪ] — [ʏ], [i:] — [y:], а также пары дифтонгов, в состав которых входили эти гласные. Ср., например:

двн.	свн.	нвн.
mohti	möhte	möchte
skōni	schoene	schön
nahti	nähte	Nächte
spāti	spæte	spät
wurfil	würfel	Würfel
hūsir	hiuser [ʏ:]	Häuser
ouga	äugelīn	Äuglein
gruoni	grüene	grün

В средневерхненемецкий период завершилась начавшаяся еще в древневерхненемецком редукция безударных гласных, в результате которой все гласные окончаний превратились в [ə] или, реже, совсем отпали. Ср.:

двн.	свн.	нвн.	двн.	свн.	нвн.
biginnan	beginnen	beginnen	ladōn	laden	laden
erda	erde	Erde	scōni	schoene	schön
fridu	vride/vrit	Friede	spāto	spæte	spät
habēn	haben	haben	sunu	sun/son	Sohn

В средневерхненемецком начался процесс дифтонгизации ряда долгих гласных, а к концу этого периода в некоторых диалектах начинает действовать тенденция к монофтонгизации старых дифтонгов (примеры см. в § 174).

Состав согласных почти не изменился, пополнившись лишь фонемой [ʃ], возникшей из сочетания sk/sc; она передается на письме буквосочетанием sch: ср. двн. skif > свн. schif, нвн. Schiff 'корабль', двн. fisk > свн. fisch, нвн. Fisch 'рыба', двн. waskan > свн., нвн. waschen 'мыть', двн. scōni > свн. schoene, нвн. schön 'красивый'. Для передачи лабио-дентального звонкого спиранта [v] вводится новая буква w, явившаяся в немецкой графике результатом слияния двух u (uu), которыми в древневерхненемецком, и в большинстве случаев еще и в средневерхненемецком, обозначался этот звук.

С 13 в. начал распространяться переход [s] в [ʃ] перед согласными l, m, n, w, p, t и после r: ср. slange > schlange 'змея', smerze > schmerz 'боль', snē > schne 'снег', swingen > schwingen 'качаться', sprechen [spreçən] > sprechen [ʃpreçən] 'говорить', stechen

[stɛçən] > stechen [ʃtɛçən] 'колоть', kirse > kirsche 'вишня'. Звонкие взрывные b, d, g в конце слова оглушились, превратившись в глухие p, t, k: ср. двн. wīb 'женщина', rad 'колесо', tag 'день' и свн. wīp, rat, tac (род. п. wībes, rades, tages).

Характерные для древневерхненемецкого долгие согласные сохранялись и в средневерхненемецком; правда, крайне неупорядоченная графика этого периода не позволяет выделить долгие согласные с полной определенностью. В дальнейшем в литературном языке различие долгих и кратких согласных исчезло, сохранившись в той или иной мере в ряде диалектов.

В средневерхненемецком периоде начался процесс совпадения в произношении свистящего [s] (в написании z), возникшего в результате второго передвижения согласных (см. § 158) и «шепелявого» германского [ʃ], что, в частности, проявилось на письме в некотором расширении употребления буквы z за счет s.

Получила также распространение тенденция к выпадению ряда согласных в интервокальном положении с последующим «стяжением» — часто двух слогов в один. При этом старая форма нередко продолжала сосуществовать с новой, стяженной, например: sehen — sēn 'видеть', müejen — müen 'стараться', haben — hān 'иметь', eiger — eier 'яйца' (мн. ч.).

§ 171. Особенности грамматического строя. По морфологическому строю язык средневерхненемецкого периода мало чем отличается от предшествующего, сохраняя свой преимущественно флективный характер. Вместе с тем в средневерхненемецком сократилось число фонетически различавшихся служебных морфем, в результате чего значительно возросла их омонимия. Так, из 43 окончаний имени существительного, фонетически различавшихся в древневерхненемецком, в средневерхненемецком осталось только 9. Ср., например, склонение двн. tag и свн. tac 'день':

Падеж	двн.		свн.	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им., вин.	tag	tagā, -a	tac	tage
Род.	tagas, -es	tago	tages	tage
Дат.	taga, -e	tagum, -om, -un, -on	tage	tagen

Унификация окончаний привела к стиранию формальных различий между типами гласных основ (и между падежами) в пределах единственного числа, с одной стороны, и множественного числа, с другой. В итоге система склонения существительных значительно упростилась. Из нее окончательно выпал инструментальный падеж. Его функции перешли к дательному падежу с предлогами, особенно с mit. Одновре-

менно возросло грамматическое значение чередований звуков в корневой морфеме — внутренней флексии. Возникает потребность в новых, дополнительных средствах выражения множественного числа существительных. Важную роль здесь играет умлаут корневого гласного, превращавшийся из чисто фонетического явления в морфологический показатель множественного числа. Широкое распространение как показатель множественного числа получил также суффикс -er.

Функции окончаний, утративших в результате редукции или отпадения гласного способность четко и однозначно выражать падеж и число имени, частично перешли к артиклю. Потребность выражения синтаксической функции существительного способствовала тем самым оформлению в языке этой новой категории, в частности появлению неопределенного артикля ein.

В системе имени прилагательного также наблюдается — при сохранении двух типов склонения, сильного и слабого, — редукция окончаний. Ср., например, сильное склонение прилагательного мужского рода двн., свн. blint 'слепой':

Падеж	двн.		свн.	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им. п.	blint, blinter	blinte	blinder, blint	blinde
Род. п.	blintes	blintero	blindes	blinder(e)
Дат. п.	blintemu, -emo	blintēm	blindem(e)	blinden
Вин. п.	blintan	blinte	blinden	blinde

Употребление сильного и слабого типа склонения прилагательных несколько изменилось, приближаясь к норме современного языка и подготавливая ее становление. Слабый тип склонения закрепляется при определенном артикле, частично при неопределенном артикле и при притяжательном местоимении. Одновременно в атрибутивной функции широко используется краткая форма прилагательного.

В системе степеней сравнения произошла унификация форм суффиксов. Ср., например, формы степеней сравнения от прилагательных двн. reini 'чистый', lieb 'милый' и свн. rein(e), lieb:

Сравнит. степень		Превосх. степень	
двн.	свн.	двн.	свн.
reiniro liebōro	reiner(e) lieber(e)	reinisto liebōsto	reinste liebeste

Исчезают отличительные признаки в оформлении наречия, которое по форме теперь совпадает с кратким прилагательным, ср., например:

	Прилагательное	Наречие
двн.	scōni 'красивый'	scōpo 'красиво'
свн.	schœne 'красивый' и 'красиво'	
двн.	spāti 'поздний'	spāto 'поздно'
свн.	spæte 'поздний' и 'поздно'	

В системе глагола сохранилось старое подразделение на сильные; слабые и претерито-презентные глаголы. Морфологическое строение слабых глаголов претерпевает некоторые изменения: их основообразующий суффикс окончательно переосмысливается, превращаясь из самостоятельной морфемы в часть дентального суффикса. Вместе с тем в системе глагола появляются важные новшества. Завершается грамматикализация перфекта и плюсквамперфекта, а также описательного словосочетания с пассивным значением (werden + причастие II). В системе спряжения резко сокращается число фонетически различавшихся окончаний (с 19 до 9). Ср., например, формы 1-го л. мн. ч. двн. helfen 'помогать' и свн. helfen в презенсе и претерите индикатива и конъюнктива:

	двн.	свн.
През. инд.	helfumēs, -amēs, -emēs, -ēm, -ēn	helfen
Прет. инд.	hulfum, -umēs, -un, -en	hulfen
През. конъюнкт.	helfēm, -amēs, -emēs, -ēn	helfen
Прет. конъюнкт.	hulfim, -īmēs, -īn	hülfen

Гораздо бóльшую роль, чем в древневерхненемецком, теперь играет — благодаря широкому развитию умлаута — внутренняя флексия. Так, умлаут становится показателем конъюнктива в системе сильных глаголов, ср. формы hulfen (прет. инд.) и hülfen (прет. конъюнкт.).

Совпадение глагольных флексий сделало обязательным употребление местоимения-подлежащего при глаголе-сказуемом как грамматического средства преодоления омонимии флексий. Для предложения становится характерной двусоставность.

Место членов предложения по-прежнему не фиксировано строго, в том числе и место сказуемого, хотя уже имеется тенденция к его закреплению за вторым местом в предложении. На первом или последнем

месте сказуемое (в противоположность древневерхненемецкому) стоит редко, на последнем — главным образом в поэзии.

В качестве отрицания употребляется частица *ne* (ср. двн. *ni*), стоящая перед глаголом; иногда она в форме *en-* присоединяется к глаголу или личному местоимению. Однако как единственное средство отрицания эта частица встречается редко, обычно ее «усиливают» другими словами-отрицаниями, такими, как *nie* или *nieman*, образованными в результате слияния частицы *ne* с местоимением или наречием. Особенно часто встречается наряду с *ne* частица *nihit* (двн. *niwihit* из *ni eo wihit* 'ничего'). К концу средневерхненемецкого периода *nihit* вытесняет старое *ne*, сохраняя при этом свое место после спрягаемой формы глагола.

В синтаксисе наблюдается тенденция к дифференциации структур простого и сложного предложений. Увеличилось число союзов, причем новые союзы вытеснили большинство союзов, употреблявшихся в древневерхненемецком. К сочинительным союзам относятся, например, *aber*, *dannoch*, *doch*, *sō*, *eintweder — oder*, *weder — noch*, к подчинительным — *als*, *daz*, *sit daz*, *ob*. Грамматическое подчинение бессоюзного придаточного предложения часто выражается при помощи конъюнктива. Наряду с конечной позицией сказуемого в придаточном предложении оно в массе случаев отмечается в неконечной позиции.

§ 172. Лексика и словообразование. Для средневерхненемецкого периода характерно существенное развитие и обогащение словарного состава. В период расцвета рыцарской культуры некоторые немецкие слова получают новое значение. Так, свн. *mīnne* приобрело значение 'возвышенная любовь' (ср. двн. *mīnna* 'воспоминание о ком-либо с любовью'; у Отфрида *mit mīnne* 'с удовольствием, с радостью'; ср. также гот. *gamiñfi* 'память о ком-либо' и англ. *mind* 'разум, ум, память'); свн. *hōch(ge)zīt* наряду со старым значением 'праздник' стало значить 'свадьба' (в дальнейшем старое значение исчезло, ср. нвн. *Hochzeit*); свн. *edele* наряду со старым значением 'благородного происхождения' получило значение 'благородный по душевным качествам' (ср. нвн. *adlig* 'дворянский' и *edel* 'благородный').

Вместе с феодально-рыцарской культурой в Германию проникает большое количество заимствованной из французского языка лексики, относящейся к новой культуре и связанным с нею обычаям и обрядам, быту и нравам. Эта лексика имела ограниченное распространение, так как обслуживала только феодально-рыцарскую верхушку общества. Поэтому в язык прочно вошла — в ряде случаев с переосмыслением — относительно небольшая часть заимствований того времени. Пережили упадок феодально-рыцарской культуры, например, средневерхненемецкие слова: *banier(e)* 'знамя', *turnei* 'турнир', *palas(t)* 'дворец', *tanz* 'танец', *fīn* 'тонкий, изящный', *āventiure* 'приключение', *fasan* 'фазан', *dīemant* 'бриллиант', *berille* 'бирилл' (ср. нвн. *Brille* 'очки'), *samīt* 'бархат'. Наряду с прямыми заимствованиями появились и кальки. Так, ст.-фр. *chevalier* 'рыцарь — обладатель коня' соответствует свн. *ritter*, ст.-фр. *courtois* 'придворный' передается свн. *hövesch*, *hübesch* (от двн., свн. *hof* 'двор'; в нвн. — *höfisch* 'придворный' и

hübsch 'красивый'); ст.-фр. vilain 'деревенский житель' передается свн. существительным *dograre* (от снн. *dogr* 'деревня') 'крестьянин', 'грубый, неотесанный человек', 'мужлан', отражающим пренебрежительно-ироническое отношение рыцарства к крестьянам (в новонемецком оно развилось — с утратой социальной окраски — в *Tölpel* 'увалень, неловкий человек').

С разложением рыцарства и упадком его культуры многие заимствования этого периода выпали из языка, например: *salviren* 'приветствовать', *parligen* 'беседовать', *partiren* 'делить', *feitiure* 'облик'. В 13—14 вв. поток французских заимствований иссякает.

Словарный состав немецкого языка пополняют некоторые заимствования из латыни, которая продолжает безраздельно господствовать в церкви и в науке, где ее авторитет еще более возрастает с основанием в 14 в. первых университетов в городах Священной Римской империи (в 1348 г. в Праге, в 1365 г. в Вене, в 1386 г. в Гейдельберге, в 1388 г. в Кёльне), становящихся оплотом латинской учености. В немецком языке появляются такие слова, как *copie/copeu*, *disputiren*, *fantasie*, *juriste*, *studente*, *puls*. Вместе с тем, с конца 13 в. практикуется оформление юридических и деловых документов и на немецком языке и начинается процесс постепенного вытеснения латыни из официальной сферы, завершившийся уже на следующем этапе развития немецкого языка.

Политические и торговые связи рыцарской эпохи (в частности крестовые походы) повлекли за собою заимствования из восточных языков (персидского, арабского, индийских), проникавшие в средненемецкий отчасти через романское посредничество. Сюда относятся такие слова, как, например: *schäch*, *amiral*, *soldän*, *schraffe*, *spinat*, *zucker* (нвн. *Schach*, *Admiral*, *Sultan*, *Giraffe*, *Spinat*, *Zucker*).

В системе средневерхненемецкого словообразования сохраняются древневерхненемецкие префиксы существительных и глаголов. Для словообразовательных суффиксов характерно — при общей тенденции к редукции неударных гласных — сохранение известного разнообразия нередуцированных гласных; ср., например: *-unge*, *-heit*, *-haft*, *-lich*. Некоторые суффиксы существительных и наречий выходят из употребления, но появляются и новые, например: *-rich*, ср. *wüeterich* 'злодей', *-bolt*, ср. *trunkenbolt* 'пьяница', а также заимствованные, например: *-ie*, ср. *melodie* 'мелодия', *-teit*, ср. *magesteit* 'величие'. Широкое распространение получают заимствованные из французского языка глаголы на *-igen*. Этот суффикс прочно обосновался в немецком языке и встречался не только в заимствованных глаголах, например: *galopiren* 'скакать галопом', *passiren* 'случаться', но присоединялся и к немецким основам, например: *stolziren* 'гордо выступать', *halbiren* 'делить пополам'.

3) Нововержненемецкий период

§ 173. Ранненоверхненемецкий период. Общая характеристика. Период с 14 в. по 16 в. включительно (некоторые ученые принимают условную датировку 1350—1650 гг., т. е. до середины 17 в.) является

эпохой формирования единого национального немецкого литературного языка. На этом основании его принято выделять из новонаемецкого периода под названием ранненовонаемецкого (*das Frühneuhochdeutsche*). Начиная со второй половины 17 в. немецкий язык предстает в разнообразной литературе, которая создается и печатается на всей территории его распространения, как уже обладающий основными особенностями звукового строя, морфологии и синтаксиса, характерными для его современного состояния.

Намечавшиеся в эпоху Реформации процессы политической консолидации не привели к национальному объединению Германии. В дальнейшем эти процессы приняли в основном региональный характер. Они протекали гораздо медленнее, чем в передовых странах Европы и растянулись в целом на период от 16 в. до 19 в. Германия, таким образом, отстала от других европейских стран на 200—300 лет не только в плане социально-экономическом, но и в отношении формирования национального литературного языка. Отсутствие в Германии единого политического, экономического и культурного центра, каким, например, являлся Лондон для Англии и Париж для Франции, привело к тому, что немецкая языковая норма в своем становлении не могла ориентироваться на какой-либо один языковой центр. Политически раздробленный запад страны был в 14—16 вв. особенно ослаблен феодальным «мелкодержавием», и поэтому более влиятельными в экономической, политической и культурной жизни страны становятся крупные политические образования в восточной и юго-восточной части империи, ставшие немецкими или в значительной мере онемеченными в результате колонизации славянских и полуславянских земель: в 14 в. — Чехия (Богемия), в 15—16 вв. — Саксония и Австрия. Особенно важную роль в становлении немецкой национальной нормы сыграла Саксония — курфюршество Мейсенское, объединившее в 15—16 вв. под своей властью основные восточнонемецкие территории — Верхнюю Саксонию с большей частью Тюрингии, Фогтланд, славянскую Лужицу.

В колонизованных землях возникли новые немецкие диалекты, в основном отличающиеся смешанным характером. Это объясняется тем, что в освоении новых земель участвовали переселенцы из разных частей Германии, носители разных диалектов — нижненемецких, средненемецких и южнонемецких. Среди новых диалектов на передний план выдвигается группа верхненемецких диалектов, которые объединяются обычно под названием восточносредненемецкого (*das Ostmitteldeutsche*). Представление о «посредничестве» восточносредненемецкого между противостоящими друг другу диалектными областями уже в 14 в. отразилось в выражении *das mittelste deutsch* (впервые засвидетельствовано в рукописном евангелии 1343 г.).

На основе этих диалектов в 14 в. — первой половине 15 в. начинает развиваться восточносредненемецкий наддиалектный вариант письменного языка (наряду с баварско-австрийским на юго-востоке, швабско-алеманнским на юго-западе и нижненемецким на севере). Смешанный характер восточносредненемецкого, «мейсенского» диалекта так называемых «саксонских земель», вобравшего в себя главным обра-

зом диалектные особенности средненемецких и южнонемецких диалектов, его «срединное» положение между диалектами,— все это впоследствии выдвинуло восточносредненемецкий на ведущее положение в процессе формирования единой нормы национального немецкого языка.

§ 174. Фонетические особенности. В ранненововерхненемецкий период в восточносредненемецком диалектном регионе получает широкое распространение и письменную фиксацию ряд существенных фонетических изменений, частично зародившихся еще в диалектах средневерхненемецкого периода. Эти изменения в дальнейшем определили звуковую систему общенемецкого национального языка. К ним относятся: 1) удлинение кратких гласных в открытом слоге и переход долгих в краткие в закрытом слоге: ср. *name* [namə] > *name* [na:mə] 'имя'; *tac* [tak], *tages* [tagəs] > *tag* [ta:k], *tages* [ta:gəs] 'день', 'дня'; *brächte* > *brachte* 'принес'; *lêrche* > *lerche* 'жаворонок'; *slōz* > *schloß* 'замок'; 2) дифтонгизация узких долгих гласных *i*, *ū*, *iu* [y:] > *ei*, *au*, *eu/äu*: ср. *mīn* > *mein* 'мой', *īs* > *eis* 'лед', *hūs* > *haus* 'дом', *ūf* > *auf* 'на', *liute* > *leute* 'люди', *hiute* > *heute* 'сегодня'; 3) преобразование узких дифтонгов в долгие монофтонги (монофтонгизация): *ie*, *uo*, *üe* > *ie* [i:], *u* [u:], *ü* [y:]: ср. *tief* [tiəf] > *tief* [ti:f] 'глубокий', *guot* > *gut* 'хороший', *buoch* > *buch* 'книга', *müede* > *müde* 'усталый', *süeze* > *süß* 'сладкий'; сохранившись в написании, *ie* становится графическим способом обозначения долгого [i:]; 4) расширение дифтонгов *ei* > *ei*/ai [ae] и *ou* > *au*: ср. *kleit* > *klaid* [klaet] 'платье', *breit* > *breit* [braet] 'широкий', *ouge* > *auge* 'глаз', *koufen* > *kaufen* 'покупать'; 5) употребление аффрикаты *pf* по второму передвижению согласных (см. § 158), явившееся отражением влияния южнонемецких диалектов на складывавшуюся в восточносредненемецкой области языковую норму: ср. *pund* > *pfund* 'фунт', *appel* > *apfel* 'яблоко', *korp* > *kopf* 'голова'; 6) переход *s* в *sch* перед некоторыми согласными в начале слова (примеры см. в § 170); 7) озвончение *s* в начале слова перед гласными и в интервокальном положении, а также после *m* и *n* в словах типа *silber* 'серебро', *lesen* 'читать', *amsel* 'дрозд', *hanse* 'гильдия купцов'.

В ранненововерхненемецком продолжается выравнивание (устранение) ряда фонетических чередований по аналогии. Так, в большинстве глаголов выравнивается грамматическое чередование (см. §§ 40, 157), причем старые формы еще нередко продолжают употребляться наряду с новыми, ср., например, формы инфинитива и причастия II в свн. *slahen* 'ударять' — *geslagen* и в рвнв. *s(ch)lahen/s(ch)lagen* — *ges(ch)lagen*. В большинстве глаголов с «обратным умлаутом» (см. § 156) он также устраняется; ср., например: свн. *hœren* 'слышать' — *hôrte* — *gehôrt* и рвнв. *hören* — *hörte* — *gehört*.

Чередования по умлауту (см. § 170), напротив, грамматикализуясь, приобретают все большее значение в оформлении ряда морфологических категорий (множественное число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий, спряжение сильных глаголов, особенно в конъюнктиве).

Характерное для средневерхненемецкого обозначение оглушения смычных на конце слова теперь постепенно уступает место тенденции к унифицированному написанию разных форм одного слова: ср. свн. *tac*—*tages* и ривн. *tag*—*tages*. В середине и в конце слова перестает произноситься согласный [h] (и в ряде случаев согласный [x]), но в написании буква h сохраняется, превратившись в знак долготы предшествующего гласного: ср. свн. *sehen* [sehən] 'видеть', *nahe* [na:hə] 'близко', *schouch* [ʃoux] 'башмак', *sach* [sax] 'видел' и ривн. *sehen* [ze:ən], *nahe* [na:ə], *schuh* [ʃu:], *sah* [za:].

§ 175. Особенности грамматического строя. В ранненововерхненемецкий период продолжается развитие морфологической и синтаксической систем немецкого языка. Складываются основные особенности системы форм множественного числа существительных — его показателями становятся в основном специальные суффиксы и часто умлаут, который одновременно исчезает из единственного числа. Завершается длительный процесс перераспределения имен существительных по родам и по типам склонения.

В связи с выравниванием корневого гласного в формах единственного и множественного числа претерита сильных глаголов число основных форм глаголов с четырех сокращается до трех: ср. свн. *helfen* 'помогать' — *half* — *hulfen* — *geholfen*, *riten* 'ехать верхом' — *reit* — *riten* — *geriten* и ривн. *helfen* — *half(en)* — *geholfen*, *reiten* — *ritt (en)* — *geritten*. Система глагола обогащается за счет включения в глагольную парадигму аналитических форм будущего времени с *werden* (футурум I и II). Более широко используются сложные временные формы прошедшего — перфект и плюсквамперфект с *haben* и *sein*, а также формы страдательного залога с *werden*. Окончательно закрепляются аналитические формы инфинитива II активного залога и инфинитива I и II пассивного залога.

В простом предложении глагол в личной форме уже, как правило, стоит на втором месте. Рамочная конструкция широко распространяется как ведущая тенденция структурной организации предложения, хотя наблюдаются и многочисленные отклонения от нее.

Отрицание с помощью частицы *ne/en* (ср. двн. *ni*) к 15 в. вытесняется частицей *nicht*. С 14 в. получает большое распространение, особенно в переводах с латинского, конструкция *accusativus cum infinitivo*. В 16 в. распространяется конструкция *im ... zu + Infinitiv*.

Получает дальнейшее развитие сложное предложение, особенно формы сложноподчиненного комплекса. Появляются новые сочинительные и подчинительные союзы с четко дифференцированными значениями логических отношений, например: *denn*, *sowohl — als (auch)*; *indem*, *damit*, *während*, *falls*, *obgleich*, *je — je*.

Многие новые грамматические явления складывались в литературном письменном языке как бы независимо от диалектов (например, включение аналитического будущего времени и страдательного залога с *werden* в систему спряжения глагола). Подчеркивая роль письменной формы литературного языка в становлении немецкой национальной нормы, германисты выдвинули понятие *Schriftsprache* 'письменный

язык', противопоставляя его нормы диалектной пестроте народно-разговорной речи. Для единого немецкого национального языка более позднего времени стали пользоваться термином *hochdeutsche Schriftsprache*.

§ 176. Лексика и словообразование. Словари. Развитие экономики, культуры, социальных и политических отношений в Германии в 14—16 вв. значительно расширило сферу применения немецкого языка, что явилось мощным стимулом пополнения словарного состава новой лексикой, обозначающей понятия из области религии и церкви, права и науки, образования и культуры, торговли и ремесел, военного дела и государственного устройства. Особенно заметно обогащение языка новыми абстрактными существительными, образованными при помощи суффиксов *-heit*, *-(ig)keit*, *-ung*, *-schaft*, *-erei*, например: *roheit* 'грубость', *persönlichkeit* 'личность', *helligkeit* 'ясность', 'свет', *mitteilung* 'сообщение', *barschaft* 'наличные деньги', *spielerei* 'игра, забава', *hexerey* 'колдовство'. Абстрактные понятия нередко передаются также при помощи субстантивации инфинитивов, например: *bedenken* 'размышлять' и 'размышление', *verlangen* 'требовать' и 'требование'. Широко используется словосложение (ставшее в немецком языке основным способом словообразования существительных), например: *dreieck* 'треугольник', *feldherr* 'полководец', *handschrift* 'рукопись', *landsknecht* 'ландскнехт', *postbote* 'почтальон, курьер'. Появляются многочисленные производные глаголы с приставками, например: *anzugehen* 'извещать', *berücken* 'пленять', *einweihen* 'освящать, торжественно открывать', *ertragen* 'терпеть', *verzeichnen* 'записывать', *vorbeugen* 'предупреждать (что-либо)', *zuwachsen* 'зарастать', и с суффиксами *-igen*, *-ieren*, например: *beherzigen* 'принимать к сердцу', *buchstabieren* 'читать по складам', а также производные и сложные прилагательные, например: *gelehrig* 'понятливый', *gemeinnützig* 'общепользительный', *verbindlich* 'обязательный'.

Уступая свои позиции письменного литературного языка немецкому языку, латынь в то же время наводняет его заимствованиями из области религии и церкви, науки, образования и т. д., например: *reformation*, *protestant*, *prozession*, *academie*, *examen*, *facultät*, *professor*, *präsident*, *studium*, *datum*, *exemplar*, *original*, *patient*, *diät*. Проникновению в немецкий язык греческих и латинских заимствований способствовала переводческая деятельность гуманистов. Большинство этих заимствований вошло в дальнейшем в разряд интернационализмов. Усилилась также тенденция к образованию калек с латинского, например: *accidens* — *zufall* 'случай', *superstitio* — *aberglaube* 'суетверие', *raritas* — *seltenheit* 'редкость'.

Развитие торговли и других контактов со странами Европы и Ближнего Востока (Леванта) также привело к обогащению ранненовонемецкого словарного состава. Так, в лексику торговли и денежных отношений, а также музыкальной культуры проникают, особенно с 15 в., слова итальянского происхождения, например: *kasse*, *muster*, *tara*, *alt*, *baß*. Небольшое число нижненемецких слов пришло из делового языка Ганзейского союза, например: *fracht*, *kran*, *stapel*. Развитие тор-

говых связей с Ближним Востоком открыло путь в Европу новым товарам, а в европейские языки — их названиям, например: *zitron*, *marzipan*, *damast*, *atlas*, *kaffee*. У славян были заимствованы такие слова, как *gurke* (ср. польск. *ogurek*), *preißelbeere* (ср. дчеш. *bruslina*), *quark* (ср. польск. *tvarog*) и некоторые другие.

Развитие торговли с Новым Светом и Индией обогатило немецкий язык словами *ananas*, *kakao*, *mais*, *tabak* и рядом других.

Большую роль в отборе и фиксации лексики сыграли словари этого периода. Их характер изменяется начиная с 14 в. и особенно радикально в 16 в. На смену латинско-немецким словарям-гlossариям средневековья, привязанным к определенному тексту, приходят общие латинско-немецкие и немецко-латинские словари, в которых лексикографические задачи значительно усложняются и лексикография начинает приобретать научный характер. Таковы, например, словари швейцарца П. Дазиподиуса (P. Dasypodius) «*Dictionarium latino-germanicum*» (1535) и «*Dictionarium germanico-latinum*» (1536). Другой швейцарец, И. Малер (J. Maaler), выпустил в 1561 г. словарь немецкого языка «*Die Teutsch Sprach. Alle Wörter, Namen und Arten zu reden in hochdeutscher Sprach*», о котором Я. Гримм заметил, что это был «первый истинно немецкий словарь». Обогащение немецкого языка иностранной лексикой нашло отражение в первом словаре иностранных слов «*Teutscher Dictionarius*», выпущенном в 1571 г. в Аугсбурге Симоном Роте (S. Rothe) и содержащем 2000 иностранных слов. Этот словарь отразил обогащение лексики немецкого языка в 14—16 вв. словами иностранного происхождения, главным образом латинскими и греческими. И в настоящее время в немецких словарях иностранных слов около 2/3 заимствований приходится на слова латинского и греческого происхождения.

В лексикографической деятельности в 16 в. делаются первые шаги к сознательному противопоставлению литературной и диалектной лексики. Интерес к народно-разговорному языку проявился в опубликовании И. Агриколой (Joh. Agricola) сборника общеупотребительных пословиц и поговорок «*Drey hundert Gemeynen Sprichwörter*» (1529).

§ 177. Особенности языка канцелярий. До 14 в. деловая переписка, как государственная, так и частно-правовая, велась преимущественно на латыни, официальном языке государственных актов, канцелярских документов, судебных решений и т. д. Проникновение немецкого языка в канцелярии было обусловлено главным образом расцветом городов и городской культуры, усилением влияния бюргерства, в своей массе чуждого латинской учености. С середины 13 в. на немецком языке начинают составлять завещания, акты купли-продажи, цеховые уложения, вести городские книги и переписку между городами. Первыми на немецкий язык стали переходить канцелярии в городах южной Германии — Страсбурге, Аугсбурге, Базеле, Цюрихе, Вене, Регенсбурге, а также на северо-западе — в Кёльне. Если деловых документов на немецком языке, относящихся к первой половине 13 в., насчитываются единицы, то, например, только от 15 лет — 1280—1295 гг. — до нас дошло свыше 1500 таких документов. Первой королевской канцеля-

рией, перешедшей на немецкий язык, была канцелярия Рудольфа Габсбургского (король в 1273—1291 гг.).

Начиная с 14 в. немецкий язык стал интенсивно вытеснять латынь из сферы делового общения, все решительнее проникая в канцелярии городов на севере и востоке Германии — Любека, Гамбурга, Лейпцига и др. С 1300 г. на немецкий язык перешла канцелярия баварского герцога Людвига. Став в 1328 г. германским императором, Людвиг Баварский ввел немецкий язык и в имперской канцелярии, видя в нем орудие борьбы империи с папством и католической церковью. Примеру имперской канцелярии вскоре последовали княжеские и епископские, а также городские канцелярии. В 14 в. появляется и ряд городских хроник на немецком языке, первая — в Страсбурге, затем в Нюрнберге, Майнце, Кёльне, Регенсбурге, Любеке. После избрания чешского короля Карла I из немецкой династии Люксембургов германским императором Карлом IV (правил в 1356—1378 гг.) имперская канцелярия обосновалась в Праге.

В 19 в. — начале 20 в. в зарубежной германистике господствовала точка зрения, согласно которой язык документов пражской канцелярии 14 в. положил начало становлению письменной формы немецкого литературного языка (К. Мюлленгоф, К. Бурдах). Более поздние исследования в этой области показали, что унификаторская роль пражской канцелярии переоценивалась¹. Языковой нормы в строгом смысле слова в языке пражской канцелярии не было. Слишком сильны были в то время языковые традиции различных областей Германии, носителями которых были, в частности, и многочисленные писцы имперской канцелярии в Праге. Теория Бурдаха не учитывала роли народно-разговорного языка как первоосновы его письменной формы.

14 в. — первая половина 15 в. — это период сосуществования ряда областных письменных вариантов немецкого языка; теснейшим образом связанных со своей диалектной основой. Эти областные варианты наложили в 14 в. свой отпечаток на язык деловых документов различных немецких территорий. Так, в деловом языке пражской канцелярии нашли отражение диалектные особенности восточнореднемецкой области, в частности сочетание в ней юго-восточной по происхождению дифтонгизации и средненемецкой монофтонгизации (см. § 174).

Во второй половине 15 в. Люксембургскую династию на императорском престоле сменяет южнонемецкая династия Габсбургов. Новый император Альбрехт II в 1438 г. переносит столицу империи в Вену. Здесь, в языке венской канцелярии, наряду с основными новыми чертами, совпадавшими с восточнореднемецкими (новые дифтонги и монофтонги, аффриката *pf*), большой удельный вес принадлежит южнонемецким элементам: оглушение *b* в *p*, например: *pruder* 'брат', *punt* 'пестрый'; написание *ai* вместо *ei*, соответственно южнонемецкому произношению, например: *stain* 'камень', *klaid* 'платье'; отпадение конечного *-e* у некоторых существительных, например: *sach* 'вещь', *kron* 'корона'

¹ Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1965, с. 76; Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Часть I. М., 1955, с. 136.

(это последнее явление удерживалось в южнонемецких текстах до 18 в., а в произношении нелитературном и «полулитературном» оно сохраняется до сих пор).

В 16 в. конкурентом венской имперской канцелярии стала канцелярия курфюрста Саксонского в столице курфюршества Мейсене. В языке саксонской (мейсенской) канцелярии с конца 15 в. получают отражение характерные признаки восточнореднемецкого типа письменного немецкого языка. В связи с политической ролью Саксонии язык ее канцелярии приобретает особый авторитет и за ее пределами, оказывая влияние на канцелярскую практику ряда городов на юге и западе Германии — Аугсбурга, Майнца, Франкфурта, Вормса, Шпейера.

Соперничество двух наддиалектных типов формирующейся нормы немецкого языка — австрийского (южнонемецкого) и восточнореднемецкого — продолжалось до середины 18 в., являясь отражением соперничества двух крупных центров Германской империи — Австрии и Саксонии в сфере экономики, политики и культуры. Имперская канцелярия в Вене и канцелярия курфюрста Саксонского в Мейсене сыграли немаловажную роль, фиксируя и распространяя те изменения в немецком языке, которые, постепенно накапливаясь, характеризовали его развитие в эпоху становления его общенациональной литературной формы.

§ 178. Основные факторы становления национальной языковой нормы. Языковая политика печатников. В условиях феодальной раздробленности и отсутствия единого политического и культурного центра в Германии особо важная роль в формировании национальной языковой нормы принадлежала письменной форме речи. Возникнув из живой устно-разговорной речи и находясь с ней в постоянном взаимодействии, письменная форма, поднимаясь над диалектами, приобретала авторитет регулирующей нормы в области орфографии, грамматики, лексики.

К факторам, определившим становление немецкого национального литературного языка в его письменной форме, следует отнести языковую политику печатников (с 16 в.), Реформацию и деятельность Лютера (первая половина 16 в.), деятельность грамматистов и языковых обществ (с 16 в.), периодическую печать 17—18 вв. и классическую немецкую литературу (со второй половины 18 в.).

В хронике города Кёльна за 1499 г. впервые упоминается об изобретении книгопечатания в 1440 г. патрищем Майнца И. Гутенбергом (Joh. Gutenberg, ум. в 1468 г.). Самое известное издание Гутенберга — напечатанная в Майнце в 1455—1456 гг. 42-строчная латинская библия в двух томах («Die Gutenberg-Bibel», 1286 страниц), являющаяся шедевром полиграфического искусства. Тираж изданий Гутенберга составлял 100—200 экземпляров. До 1468 г., года смерти Гутенберга, типографии, возникшие в ряде городов, выпустили несколько сот книг, главным образом на латинском языке. К 1480 г. число изданий достигло 8000; правда, на рубеже 15 и 16 вв. на 20 латинских изданий приходилось всего одно немецкое.

Период до 1500 г. в истории книгопечатания, быстро распространившегося в большинстве стран Европы, получил название «эпохи инкунабул» (от лат. *incunabula* 'колыбель, начало'). До нашего времени дошло около 40 000 книг-инкунабул (из общего числа 30 млн. экземпляров около тридцати тысяч изданий). Эти цифры дают представление о той революции, которую произвело изобретение книгопечатания в распространении знаний, бывшем одной из главных задач гуманистического движения эпохи Возрождения, в распространении и обмене информацией, в объединении культурных достижений многих народов, без чего невозможна была бы современная цивилизация. Одним из важнейших условий, подготовивших книгопечатание, была бумага, проникшая в Европу с Востока (из Китая) в 13 в. и заменившая дорогостоящий и тяжелый пергамент. Бумажные мельницы в 13—14 вв. распространились в Германии, Италии, Франции, Нидерландах. Давая оценку книгопечатанию как важному культурно-историческому фактору, В. М. Жирмунский писал: «...изобретение книгопечатания (в середине 15 в.), совпавшее с начальным периодом формирования национальных языков, впервые создает техническое средство распространения стереотипного письменного текста в любом количестве экземпляров, преодолевающее любое расстояние, при условиях, исключающих возможность непосредственного общения. В то же время печатная книга становится предпосылкой для более широкого развития грамотности, школьного обучения чтению, письму и правилам грамматики, тем самым — мощным орудием распространения письменно фиксированной нормы национального языка и вытеснения диалектов как отклонений от этой нормы»¹.

К 1500 г. свыше 30 городов Германии стали центрами книгопечатания, среди них Майнц, Бамберг, Страсбург, Базель, Кёльн, Аугсбург, Нюрнберг, Лейпциг, Мейсен, Любек, Гамбург. На немецком языке печатались книги духовного и светского содержания — библия, жития святых, псалтыри, сборники текстов для богослужения, проповеди, религиозные трактаты, хроники, риторика, книги по естествознанию, лечебники, поэмы, описания путешествий, календари, словари и т. д.

Деятельность печатников и все расширявшаяся сеть городских школ способствовали распространению грамотности и образования. В качестве переводчиков с латинского, редакторов, консультантов выступали выдающиеся представители немецкого Возрождения, ученые-гуманисты конца 15 в. — первой половины 16 в. Ульрих фон Гуттен, И. Рейхлин, Эразм Роттердамский, Ф. Меланхтон. С расширением социального диапазона использования немецкого языка, со значительным ростом числа грамотных людей изменялось отношение к родному языку, возрастал его авторитет.

Изобретение книгопечатания создало новое могучее орудие языковой унификации. Каждый печатник был непосредственно заинтересован в том, чтобы его продукция была доступна по своей языковой форме и за пределами города, на языке которого говорил автор или печатник (нередко выступавший и как автор). Начиная с 16 в. печатники соз-

¹ Жирмунский В. М. *Немецкая диалектология*. М.—Л., 1956, с. 29—30.

нательно и последовательно осуществляют нормализацию языка, главным образом в области орфографии. При этом они ориентируются на авторитетные наддиалектные варианты литературного языка. С 1476 г. в печатных изданиях встречается понятие *gemein/gemein deutsch/teutsch* (*Gemeindeutsch* 'общенемецкий') как название аугсбургского варианта литературного языка, отличавшегося наличием, наряду со швабскими (юго-западными) особенностями, также и баварско-австрийских (юго-восточных). Понятие *Gemeindeutsch* не было непосредственно связано с появлением книгопечатания, оно было вызвано к жизни интенсивным процессом вытеснения латыни в 15 в. и особенно в 16 в. и возрастающим значением литературного языка, а также интересом к языковым проблемам, который принес гуманизм и который отображал пробуждение народного самосознания и стремление к объединению немецких земель. Именно в 15 в. появляются такие слова и словосочетания, как *deutsche Nation*, *Deutschland*, *Vaterland*, а латинское название *Sacrum Imperium Romanum* сменилось немецким *Heiliges Römisches Reich deutscher Nation*.

За пределами распространения *Gemeindeutsch* оставались, помимо всей нижненемецкой области, также и кельнский (северо-западный) ареал, алеманнский юго-запад и восточнореднемецкая диалектная область.

Отражая в основном особенности соответствующих региональных вариантов немецкого литературного языка 15—16 вв., печатные издания по своему языку (так называемые *Druckersprachen* или *Drucker-dialekte*) отличались большой пестротой как в области грамматики и лексики, так и в области фонетико-орфографической.

§ 179. Реформация в Германии и роль Лютера. Особенно большое значение в истории формирования немецкого национального языка имеет 16 в., эпоха Реформации, Крестьянской войны 1524—1525 гг. и других политических движений в Германии, ставших стимулом своеобразного обновления литературного языка. В эту эпоху немецкий язык впервые стал орудием политической борьбы, языком агитации и пропаганды. Он широко использовался в религиозно-политических памфлетах, агитационных брошюрах, сатирических сочинениях, воззваниях, листовках. Необычайно возросший интерес к религиозно-политическим проблемам создавал благоприятные условия для воздействия печатного слова на широкие массы населения. Революционное движение, охватившее всю Германию, способствовало также установлению тесных связей между различными областями Германии, преодолевая тем самым замкнутость отдельных феодальных «земель» и их территориальных диалектов.

Тяга к образованию, характерная для эпохи раннекапиталистического развития, нужда в грамотных людях привели к тому, что в 16 в. немецкий язык стал теснить латынь в школьном образовании, а во многих школах полностью заменил ее. Стремление быть понятным широким массам побуждало и ученых-гуманистов Гуттена и Рейхлина к переходу на немецкий язык в их сочинениях. Влиянием гуманистов объясняется начавшееся в 16 в. применение латинского алфавита (ан-

тиквы) вместо принятого в то время готического алфавита (см. §§ 13 и 14) при печатании немецких текстов. Правда, в ту пору эта инициатива еще не получила широкого распространения, так же как неудачей окончилась и попытка врача и естествоиспытателя Парацельса, автора ряда сочинений по медицине, написанных по-немецки, читать в Базельском университете лекции на немецком языке (1526—1528); за это он был изгнан из Базельского университета.

Политическим очагом реформации стала Саксония, переживавшая в это время экономический подъем. С ростом торговли и ремесла возростала роль городов Галле, Лейпцига и других как центров культуры и науки. Возглавил реформацию Мартин Лютер (Martin Luther, 1483—1546), уроженец Эйслебена в Тюрингии, профессор Виттенбергского университета (основан в 1502 г., в 1817 г. объединен с университетом в Галле, в настоящее время Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg).

Особенно важную роль в создании основ немецкого национально-го языка сыграл перевод Лютером библии в 1522—1534 гг. Лютер был отнюдь не единственным и не первым переводчиком библии на немецкий язык. С 1461 по 1520 г. было напечатано 14 верхненемецких и 4 нижненемецких перевода библии. Но только Лютер сумел освободить немецкий язык от канцелярских штампов и канонов латинской риторики, разрушить стилевую замкнутость, отличавшую прежние переводы. Новые выразительные средства, образность и живость языка Лютер черпал из народно-разговорной речи, одновременно сокращая тем самым разрыв между письменной и устной формами языка.

Опираясь на сложившуюся традицию восточноевропейского варианта письменного языка, Лютер в области звукового строя, орфографии и форм словоизменения был популяризатором этой письменной традиции. Подлинным же новатором он показал себя в области отбора лексики и словообразовательных средств, в области синтаксиса предложения и выработки стиля немецкой прозы, свободного от латинизмов. Лютер понимал важность языковой унификации и сознательно пропагандировал «die gemeinste Deutsche Sprache» — «единый общенемецкий язык», — основой которого он считал восточноевропейский письменный язык саксонской канцелярии. В немецком языке Лютер (как и вождь крестьянского движения в Германии Томас Мюнцер) видел важное средство воздействия на широкие массы.

М. М. Гухман так говорит о роли Лютера: «Победа реформации означала одновременно победу того варианта литературного языка, который был представлен произведениями Лютера... Благодаря Лютеру этот вариант литературного языка был поднят до уровня наддиалектной нормы»¹. Лютеровская библия очень быстро, благодаря книгопечатанию, стала настольной книгой во всех областях Германии, принявших реформацию. До 1546 г. она полностью или частично переиздавалась 336 раз. Широчайшее распространение получили и другие

¹ Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Часть II. М., 1959, с. 158.

произведения Лютера — катехизис, псалмы, церковные гимны, трактаты, проповеди, а также его послания, направленные против папы и католической церкви и излагающие основы учения реформированной церкви. В 16 в. Лютер был самым читаемым автором в Германии. Свыше трети всех изданий между 1520 и 1540 гг. выходило с его именем на титульном листе. Катехизис и церковные гимны заучивались наизусть в школах. Марсельзой 16 века назвал, вслед за немецким поэтом Г. Гейне, Ф. Энгельс лютеровский гимн «Ein feste Burg ist unser Gott» («Господь наш истинный оплот»). Высоко оценив заслуги Лютера перед немецким языком, Ф. Энгельс писал: «Лютер вычистил авгиевы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того проникнутого уверенностью в победе хора, который стал «Марсельзой» 16 века»¹.

Следствием Реформации и Крестьянской войны, охватившей всю Германию, был повышенный интерес к родному немецкому языку. Не случайно, очевидно, именно в сочинениях Лютера 1523—1524 гг. впервые было использовано и прочно вошло в литературный язык слово *Muttersprache* 'родной язык', до того бытовавшее только в области нижнегерманского (*modersprake*) и вытеснившее *lantsprache* 'язык (своей феодальной) земли'.

§ 180. Особенности процессов языковой унификации в ранневерхнегерманский период. Этот период в истории немецкого языка проходил под знаком борьбы с латынью, чуждым и мертвым, но в то же время единственным общим письменным литературным языком, за единый литературный язык на народной основе, за *Gemeinsprache*, в чем, в частности, проявилось пробуждавшееся национальное самосознание немецкого народа.

Развитие немецкого литературного языка, точнее, его областных вариантов, шло в направлении все усиливавшегося обособления его от диалектов. При этом ни один немецкий диалект в чистом виде не стал основой современной литературной нормы, как и языковой нормы Лютера. Восточносреднегерманский вариант литературного языка, ставший в эпоху Реформации наддиалектной нормой, не был простой фиксацией какого-либо из восточносреднегерманских диалектов.

Развитие городов, куда стекались носители разных местных диалектов, возникновение новой, городской культуры приводило к сдвигам в разговорной речи, к появлению городского просторечия («полудиалекта»), создавая почву для смешения диалектных признаков. В итоге литературный письменный язык Лейпцига, как и других крупных центров городской культуры — Аугсбурга, Нюрнберга и т. д., обособляется от местных диалектов, а носителями местных диалектов в их наиболее чистом виде во все большей степени оказываются крестьяне.

Закончившись поражением крестьянства и городской бедноты, национально-революционное движение 1524—1525 гг. не разрушило устоев феодализма и не привело к национально-политическому объеди-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 346—347.

нению Германии. Но и в условиях сохранения феодальных отношений процесс языковой унификации не остановился, а продолжал хотя и медленно, но неуклонно развиваться и во второй половине 16 в., и в 17 в. Его развитие было связано с распространением умеренной лютеранской реформации.

Реформация и деятельность Лютера укрепили в протестантской части Германии языковой авторитет Саксонии и «мейсенского» варианта немецкого литературного языка. Но и на протяжении 16—17 вв. и даже в 18 в. продолжалась конкуренция ряда местных вариантов письменного языка, поддерживаемая политической и экономической раздробленностью Германии. Формирование единого для всей Германии национального литературного языка происходило медленно и трудно и было завершено в основных чертах только к середине 18 в.

§ 181. Немецкая литература 16 в. К причинам, замедлявшим становление немецкого национального языка в 16—17 вв., относится также отсутствие в Германии подлинно авторитетной национальной литературы. Литература 16 в., в основном морально-дидактическая и сатирическая, была порождением новой, городской культуры. Развитие книгопечатания и распространение грамотности было предпосылкой для ее демократизации. Наиболее популярными жанрами стали народные драмы, шванки (особенно шванки нюрнбергского сапожника и поэта Ганса Сакса — Hans Sachs, 1494—1576), сатиры, памфлеты, а также народные книги (Volksbücher). Источники многих народных книг — средневековые эпические поэмы, рыцарские романы, христианские легенды (часто французские по происхождению, например, «Прекрасная Магелона», «Мелюзина», «Тристан», «Святая Генофефа») или же прозаические переложения произведений героического и шпильманского эпоса 13—14 вв., а также комических шванков.

Особый интерес представляют оригинальные народные книги «Тиль Эйленшпигель» («Till Eulenspiegel»), «Доктор Фауст» («Historia von D. Johann Fausten»), «Шильдбюргеры» («Schiltbürgerbuch») и др.

Творчество даже лучших писателей 16 в., например Ганса Сакса, отражая слабость «третьего сословия» Германии, отличается бюргерской ограниченностью, наивным реализмом, прямолинейной назидательностью. Тем не менее литература 16 в. представляет большой интерес как ценный языковой материал ранненововерхненемецкого периода.

§ 182. Роль художественной литературы 17 в. в процессе становления немецкого национального языка. 17 в., первая половина которого прошла в условиях Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.), принесшей стране разруху, а немецкому народу неисчислимые бедствия, был периодом величайшего унижения Германии и вместе с тем падения престижа немецкого языка. Господствующие классы страны мало пользовались своим родным языком, предпочитая ему «салонные» французский и итальянский, а низшие классы говорили на своих родных диалектах или городских полудиалектах. Однако и в этих неблагоприятных условиях создавалось немало произведений художественной

литературы — поэзия, драмы, романы. Правда, эта литература имела, как правило, ограниченную социальную сферу распространения. Находясь в зависимости от вкусов и потребностей княжеских дворов и их окружения, она предназначалась для правящей верхушки феодально-абсолютистского общества.

Значительное развитие получила поэзия. Создавая свои в основном подражательные произведения в стиле барокко с его склонностью к напыщенности, вычурному языку и тяжеловесному синтаксису, поэты 17 в., опираясь на теоретические положения и рекомендации М. Опица (см. § 185), впервые создали особый поэтический язык в собственном смысле этого слова с характерными для него лексико-стилистическими и синтаксическими особенностями. В поэзии барокко нашла также отражение тенденция к унификации языка поэзии. Немецким поэтам так называемой Силезской школы — Гофмансвальдау, Грифиусу, Флемингу и др. — принадлежала значительная роль в усилении влияния и все большем распространении восточносреднемецкого варианта литературного языка.

Задачу писать для всех, а не для избранных, преследовал самый крупный писатель 17 в. Гриммельсхаузен (H. J. Ch. Grimmelshausen), автор социально-критического реалистического романа «Simplicius Simplicissimus», а также католический священник из юго-восточной языковой области Абрагам а Санта Клара (Abraham a Santa-Clara) в своих многочисленных прозаических произведениях. В творчестве этих писателей нашел отражение народно-бытовой язык с его естественностью, живостью, выразительностью.

Заложив основы главных литературных жанров, а с ними и единого немецкого литературного языка в его письменной форме, литература 17 в. создала тем самым предпосылки для появления немецкой национальной литературы.

§ 183. Распространение верхненемецкого литературного языка (на восточносреднемецкой основе) на севере Германии. Самым важным завоеванием немецкого языка в 16—17 вв. становится обширная область нижненемецких диалектов. Победа реформации совпала с упадком в начале 16 в. ганзейских городов и торговли, с ликвидацией хозяйственно-политической обособленности нижненемецких городов с их деловым нижненемецким языком. Все это вместе с географической близостью восточной части северной Германии к Верхней Саксонии создало благоприятные предпосылки для проникновения восточносреднемецкого варианта немецкого литературного языка в практику письменной речи и в разговорный обиход нижненемецких городов. Постепенно прекращается развитие письменности на нижненемецком, и он все больше оттесняется на положение устного средства общения масс. Уже в первой половине 16 в. городские канцелярии Берлина и Магдебурга переходят на верхненемецкий, а на протяжении 16—17 вв. их примеру следуют и другие города северной Германии. С середины 16 в. «язык Лютера» стал распространяться в северных протестантских землях и в начальном школьном образовании, а к середине 17 в. нижненемецкий окончательно исчезает из школьного обихода.

Для языковых отношений 16 в. в нижненемецкой области характерно употребление смешанного полудиалекта, так называемого «Mischingsch» (букв. 'латунный', т. е. 'смешанный' — слово, возникшее, очевидно, как переосмысление «Meißnisch»).

Северонемецкая драматическая литература конца 16 в. — начала 17 в. использует нижненемецкий только для речевой характеристики социально «низких» комических персонажей. В 1621 г. издается последняя библия на нижненемецком, а к концу 17 в. нижненемецкий как литературный язык перестает существовать.

Пока нижненемецкий был письменным языком и на нем издавалась литература, его называли «sassisch» 'саксонский', «neddersassisch» 'нижнесаксонский', «nedderdüdisch» 'нижненемецкий'. В конце 17 в. возник термин «Plattdeutsch» — название, означавшее 'нижненемецкий', но одновременно и 'низкий, простонародный' и свидетельствовавшее о снижении социальной значимости нижненемецкого языка до положения диалекта.

То, что нижненемецкий вполне мог лечь в основу письменного и литературного языка, доказывает творчество ряда крупных писателей и поэтов 19 в., особенно поэта К. Грота (Klaus Groth, 1818—1899) и Ф. Ройтера (Fritz Reuter, 1810—1874), бытописателя Мекленбурга, автора ряда социально-критических произведений и сборника шуточных стихов, ставшего классиком немецкой литературы. Однако творчество этих писателей не внесло в статус нижненемецкого как диалекта каких-либо существенных изменений.

Процесс вытеснения нижненемецкого верхненемецким особенно интенсивно протекает в 20 в. в связи с ростом образования, развитием техники и промышленности, усилением роли больших городов как культурных центров. Все больше уступая позиции верхненемецкому языку, общенациональной немецкой языковой норме, нижненемецкий, в свою очередь, влияет на него, обогащая его своей лексикой; нижненемецкая область оказала также существенное воздействие на немецкое литературное произношение (см. § 190).

§ 184. Деятельность грамматистов. С появлением наддиалектных форм письменного литературного языка возникла потребность в описании их грамматической структуры и в их кодификации. Важная роль в унификации национального немецкого языка принадлежала в 16—17 вв. усилиям грамматистов-нормализаторов. Первые грамматики немецкого языка создавались как руководства для писцов канцелярий, как школьные учебники, как пособия для иностранцев. Первые попытки нормализации письменного языка в 16 в. были направлены прежде всего на упорядочение орфографии. Сюда относится пособие, изданное анонимно в Кёльне в 1527 г., и вышедшая в 1531 г. «Orthographia» Ф. Франка (F. Frangk). Франк впервые сознательно противопоставляет нормированный письменный язык, «das rechte reine Deutsch», диалектам, «Landsprachen». Он же, тоже впервые, высказывает мысль о необходимости создания полной грамматики немецкого языка, что, по его мнению, обеспечило бы немецкому языку равноправное положение среди других языков и повысило бы его авторитет по сравнению с

«Gelehrtenſprache» («языком ученых»), т. е. латынью. Образцами для писцов канцелярий и школьного обучения Франк считает язык документов императорской канцелярии в Вене, сочинения Лютера и издания печатников Аугсбурга.

Потребностями обучения чтению в школе вызваны к жизни труды В. Иккельзамера (V. Ickelsamer) — руководство по чтению «Истинный способ научиться читать в кратчайший срок» («Die rechte weis auffſ kurzist lesen zu lernen», 1520-е гг.) и грамматика «Teutsche Grammatica» (1534), содержащая главным образом правила орфографии.

В 1537 г. в Тюбингене выходит также написанное по-немецки руководство по немецкой орфографии и грамматике И. Мейхснера (Joh. E. Meichsner). Преследуя цель сделать грамматику немецкого языка объектом изучения и преподавания, Мейхснер первым из грамматистов строит немецкую морфологию по схеме латинской грамматики, используя при этом латинскую терминологию. В деятельности Мейхснера и других грамматистов 16 в. делаются первые шаги к созданию немецкой грамматической терминологии, в основном на латинской основе. Появляются такие термины, как Vokal, Konſonant, Akzent, Diphthong, Punkt, Deklination, Orthographie, а также калька с этого последнего — Rechtschreibung.

Создавая свою написанную на латинском языке и опубликованную в 1573 г. немецкую грамматику, Л. Альбертус (Laurentius Albertus Ostrofrancus) ориентировался на язык венской канцелярии императора Карла V, распространению и развитию которого способствовала обширная литература, издававшаяся в южнонемецких городах, особенно сочинения Г. Сакса, Ф. Франка и И. Фишарта, а также деятельность печатников Нюрнберга и Аугсбурга. Грамматика Альбертуса — первое полное описание морфологии немецкого языка. Второе, принадлежащее А. Элингеру (A. Oelinger) и вышедшее в 1574 г., предназначалось для иностранцев. Оно ориентировалось на язык печатных изданий Страсбурга, только отдельными эльзасско-швейцарскими диалектными элементами отличавшийся от наддиалектного варианта немецкого письменного языка, принятого в южной, католической, части Германии. Понятие «Hochteutsche Sprach» у Элингера впервые приобретает социальную окраску, выступая как обозначение общего «высокого» языка в противоположность «низменным» диалектам.

Особой популярностью и влиянием пользовалась написанная по-латыни и изданная в Лейпциге в 1578 г. грамматика И. Клаюса (Joh. Clajus). В своем описании грамматического строя немецкого языка Клаус ориентировался на перевод Библии, сделанный Лютером, и на другие его сочинения. Поэтому его грамматика сыграла важную роль в деле распространения лютеровской языковой нормы на католическом юге Германии, где ее переиздавали иногда без ссылки на Лютера, фигуру в католическом мире одиозную. В период с 1578 по 1720 г. грамматика Клаюса выдержала 11 изданий, т. е. издавалась чаще, чем все остальные грамматики 16 и 17 вв.

Инициатором освобождения грамматики немецкого языка от принципов построения латинских грамматик выступил в начале 17 в. педагог и языковед В. Ратке (W. Ratke). Он ратовал также за использова-

ние немецкого языка, а не латыни, как основы школьного обучения. Ему немецкая грамматика обязана такими терминами, как Sprachlehre 'языкознание', Wortbildung 'словообразование', Ausrufungszeichen 'восклицательный знак', einsilbig 'односложный'. В 1618 г. была издана первая полная немецкая грамматика на немецком языке — «Deutsche Grammatica» И. Кромайера (Joh. Kromayer).

Новым важным этапом в процессе унификации языка была нормализаторская деятельность Ю. Шоттеля (J. G. Schottelius). В своем основном сочинении «Подробный труд о главном немецком языке» («Ausführliche Arbeit von der Teutschen Haubtsprache», 1663) он первым выступил как грамматист-теоретик. Будучи сторонником «наддиалектной» формы речи, Шоттель заложил основы нормирования общенемецкого языка, сформулировав ряд теоретических положений, на основе которых можно было создавать упорядоченную систему правил. Он внес значительный вклад в создание немецкой грамматической терминологии. Ему принадлежат термины Wörterbuch 'словарь', Zeitwort 'глагол', Zahlwort 'числительное', Fragezeichen 'вопросительный знак' и др. Шоттель был крупным грамматистом-теоретиком своего времени, он первым высказал мысль о языке как исторической категории, ему же принадлежит первая попытка периодизации истории немецкого языка. Однако полного развития эти идеи из-за отсутствия теоретического осмысления истории как процесса в 17 в. получить не могли. Реализация их стала возможной лишь в первой половине 19 в. с возникновением сравнительно-исторического языкознания (см. § 16).

Особый авторитет нормализаторской деятельности Шоттеля получила поддержка его идей и устремлений со стороны выдающегося философа и математика Г. Лейбница (G. W. Leibniz), опубликовавшего в 1679—1680 гг. две работы в защиту немецкого языка с предложениями по его «улучшению».

§ 185. Деятельность языковых обществ. В сложных условиях отсутствия в Германии 16—17 вв. подлинно авторитетной национальной литературы, а также экономической и культурной деградации во время и после Тридцатилетней войны особое значение приобретали сознательные усилия, направленные на совершенствование национального языка. Эта деятельность была начата грамматистами 16 в., ее продолжили на более высоком уровне теоретики так называемых «языковых обществ» («Sprachgesellschaften»), созданных по примеру «языковых академий» Италии и Франции. В 1617 г. в Веймаре возникло общество под названием «Fruchtbringende Gesellschaft» («Плодоносное общество»), в 1633 г. было основано языковое общество в Страсбурге, в 1643 г. — в Гамбурге, в 1644 г. — в Нюрнберге. В своей нормализаторской деятельности языковые общества ставили себе целью создание единого «чистого» литературного языка и фиксацию его норм в грамматиках, словарях и поэтиках. Именно в 17 в. впервые появляется понятие нормы, а с ним и понятие «Gemeindeutsch» — единого наддиалектного языка.

Из языковых обществ вышли грамматисты Шоттель и Гвейнц, поэты и писатели Мошерош, Грифиус, Логау, авторы поэтник Опиц и

Харсдерфер. Особую ценность представляет поэтика М. Опица (M. Opitz) «Buch von der deutschen Poeterey» (1624), в которой он выступает как реформатор немецкого стихосложения, требует чистых рифм, совпадения ударения в слове и в стихе, рекомендует использование эпитетов, поэтических метафор и неологизмов. Опиц был нормализатором не только немецкой метрики, но и языка, влиятельным теоретиком языка, ратовавшим за чистоту и красоту поэтического языка, свободного от диалектизмов, архаизмов и иностранных слов, за логическую ясность и грамматическую правильность.

В 17 в. наметились также первые шаги к нормализации устной формы языка. Так, Шоттель не ограничивает проблему единого языка сферой *Schriftsprache* как письменной формы языка. Он пишет о *Hochsprache*, *Gemeinsprache*, ставя вопрос не только о правильном написании, но и о правильном звучании. Новым в 17 в. было и то, что литературный язык стали рассматривать как средоточие общезыковой нормы, противопоставляемой диалектам (Шоттель, позже Готшед).

17 век внес существенный вклад в становление единой языковой нормы. Однако ни орфоэпическая, ни грамматическая, ни, тем более, лексическая норма в этот период еще не сложилась.

§ 186. Пуризм. В результате неумолимой деятельности грамматистов и языковых обществ в 17 в. было не только создано описание грамматической системы немецкого языка, но произошла и переоценка взгляда на родной язык как на язык второстепенный, «низкий»; вырос общественный авторитет немецкого языка. Это проявилось, прежде всего, в борьбе с засильем иностранных слов — в пуристическом движении и в стремлении заменить латынь немецким языком в области школьного обучения и науки. Пуристическому движению способствовало усиление патриотических настроений во время Тридцатилетней войны (1618—1648 гг.), а также пример соседних стран, более передовых, в которых уделялось большое внимание национальным языкам.

В 17 в., в условиях политической и экономической раздробленности, когда норма немецкого языка еще не устоялась, для него представлял большую опасность поток иностранных, особенно французских, слов, наводнивших немецкий язык в так называемую «эпоху модников» («A-la-Mode-Zeit»), когда французский язык становится языком двора и чиновничьей верхушки, а как образец для подражания почитаются иностранные (французские, итальянские, испанские) моды и придворный этикет, литература, музыка и театр. Засорение, грозившее еще не окрепшему национальному языку, вызывало противодействие передовых кругов Германии еще до начала Тридцатилетней войны.

Пуристическое движение, имевшее в 17 в. прогрессивный характер, связано с деятельностью языковых обществ. Пуристы боролись с высокомерно-пренебрежительным отношением к родному языку, доказывая его способность не хуже других языков выражать в стихах и в прозе мысли и чувства. Пуристы обогатили немецкий язык многочисленными словами, которыми они заменяли иностранные заимствования, например: *Bücherei* 'библиотека' вместо *Liberey* (от лат. *liber*),

Leidenschaft 'страсть' вместо фр. passion, Zeitschrift 'журнал' вместо гр. chronographikon, Gesichtspunkt 'точка зрения' вместо фр. point de vue, beobachten 'наблюдать' вместо observiren (от фр. observer).

Иногда пуристы допускали ошибки из-за незнания истории языка, или им изменяли чувство меры и вкус, и они предлагали заменить то германские по происхождению слова, например, Nase — Gesichtserker 'выступ на лице', Soppe — Tagleuchter 'дневное светило', то ранние, вполне освоенные немецким языком заимствования, например, Natur — Zeugemutter (zeugen 'порождать'), Fieber — Zitterweh (zittern 'дрожать' + Weh 'боль', 'болезнь'), Papst — Obererzvater 'высший архиепископ', то имена античных божеств, например, Venus — Liebinne (от Liebe 'любовь'), Aurora — Rötinne (от röten 'румянить'). Подобные неудачные замены, конечно, не приживались в языке.

Немало заимствований, несмотря на появление заменяющих их слов, не исчезло из языка, продолжая сосуществовать с новыми словами как их синонимы, например: Adresse — Anschrift, Duell — Zweikampf, Autor — Verfasser, Tragödie — Trauerspiel, или же семантически обособляясь от иностранного заимствования, которое они должны были заменить, ср., например: Horizont — Gesichtskreis 'поле зрения', Universität — Hochschule 'высшая школа', Journal — Tagebuch 'дневник'.

Образуя новые слова, грамматисты-нормализаторы и писатели обращались к лексике территориальных диалектов, противопоставляя заимствованиям внутринемецкие источники пополнения и обогащения языка, способствуя этим сближению национального языка и диалектов, из которых он вырос.

С 17 в. лексика литературного языка пополнялась в основном не за счет заимствований из диалектов, а за счет слов, создаваемых путем словосложения и словопроизводства (нередко это были кальки), а также за счет прямых заимствований из других языков.

Благодаря языковой практике основных научных центров — университетов — латынь дольше всего удерживала свои позиции как язык науки. Но и здесь сказались веяния времени. В 1687—1688 гг. юрист и философ-просветитель, профессор Лейпцигского университета Х. Томазиус (Ch. Thomasius), впервые после аналогичной попытки Парацельса в Базеле в 1526—1528 гг., читает свои лекции по-немецки и ратует за преподавание на немецком языке. Его пример находит все более широкий отклик сначала в других университетах, а затем и в гимназиях. Об активном наступлении немецкого письменного языка на позиции латыни свидетельствует и тот факт, что в 1681 г. — впервые со времени изобретения книгопечатания почти 250 лет тому назад — количество немецких изданий превысило количество латинских. На протяжении 18 в. латынь была почти полностью вытеснена из университетов. В 1800 г. вышло только 4% книг на латинском языке. Ученик Лейбница философ Х. Вольф писал свои труды по-немецки, став основоположником языка немецкой философии.

§ 187. Роль периодической печати Обогащение словаря немецкого языка в 17 в. было обусловлено и тем немаловажным обстоятельством,

что в этот период применение немецкого языка в области общественно-политической существенно расширяется. В 17 в. в Германии начинается эра периодической печати. Зачатки периодических изданий на немецком языке появились еще в 16 в. Это были информационные листки тиражом в 100—200 экземпляров, выпускавшиеся нерегулярно. С начала 17 в. на первый план выдвигаются газеты-еженедельники. Первый такой еженедельник выходил с 1609 г. в районе Кёльн — Франкфурт-на-Майне, затем их стали издавать в целом ряде городов Германии, Австрии, Швейцарии. Первая ежедневная газета стала издаваться с 1661 г. в Лейпциге.

В конце 17 в. ведущей формой периодической литературы становятся журналы, например, ученый журнал «*Monatsgespräche*» («Ежемесячные беседы»), издававшийся в Галле с 1688 г. Х. Томазиусом.

В начале 18 в. на немецком языке выходили уже несколько десятков газет и сотни журналов. Ведущими центрами периодической литературы были крупные города средней и нижней Германии. Велика была роль Лейпцига, где в первые десятилетия 18 в. выходило около трети всех немецких журналов. Тираж журналов, как правило, не превышал 1000 экземпляров. Об особой популярности гамбургского журнала «*Patriot*» (1724—1726) свидетельствует его тираж — 6000 экземпляров. Длительность издания журналов обычно не превышала нескольких лет и только в отдельных случаях достигала нескольких десятилетий. Так, например, журнал «*Die Europäische Fama*» («Европейские вести») выходил с 1705 по 1735 г.

В первой половине 18 в. значительно возрастает также тематическое и жанровое разнообразие периодики. По тематическому признаку можно выделить три основных типа изданий: политическую печать (газеты и историко-политические журналы), ученую журналистику (журналы энциклопедического характера) и литературную журналистику (журналы морально-дидактические и развлекательные, филологические и литературно-критические). Самыми популярными были морально-дидактические и развлекательные журналы. Первый такой журнал «*Der Vernünftler*» («Разумник») издавался в Гамбурге с 1713 г. Готшед с 1725 г. издавал журнал для женщин «*Die vernünftigen Tadelrinnen*» («Разумные порицательницы»), он же в 1727—1728 гг. выпускал журнал «*Der Biedermann*» («Честный человек»).

Постепенно периодические издания, и в первую очередь газеты, распространились на всей немецкоязычной территории, проникая и в маленькие провинциальные города, завоевывая все более широкие круги читателей. Все это определяло известную демократизацию периодической литературы, и особенно журналов как ведущего типа периодики.

Массовость, регулярность появления и многожанровость периодики, в первую очередь журналов, определили длительность и устойчивость влияния ее языка на различные слои читателей в разных областях распространения немецкого языка. Основная масса периодических изданий выходила на востоке средней Германии, а также на севере немецкой языковой области, что укрепляло авторитет формы литературного языка этих областей Германии. Средненемецкая перио-

дика часто служила примером для научных изданий на севере и юге, являясь тем самым проводником влияния восточнореднемецкого типа литературного языка на всю территорию распространения немецкого языка. В периодической печати нормализаторская и пуристическая деятельность грамматистов и языковых обществ получила существенную поддержку и широкий общественный резонанс.

В периодической печати нашли отражение два типа наддиалектных письменных языков — восточнореднемецкий и южнонемецкий. Эти две территориальные подсистемы представляли собой в совокупности литературный немецкий язык этого периода, отличаясь друг от друга некоторыми частными проявлениями общих для обоих вариантов структурных тенденций, главным образом в области морфологии. Ср., например: всн. Seele 'душа', Affe 'обезьяна' — юн. Seel, Aff; всн. ед. ч. Tag 'день' — мн. ч. Tage — юн. ед. ч. Tag — мн. ч. Täg(e); всн. er hält 'он держит' — юн. er haltet.

Особый признак нормы литературного языка в этот период — наличие вариантов отдельных морфологических, фонетических и лексических явлений, различавшихся нередко и по частотности употребления. Ср., например: всн., юн. ед. ч. Wagen 'телега', 'каре́та' — мн. ч. всн. Wagen/Wägen — юн. Wägen; всн. 1, 3 лл. ед. ч. наст. вр. sind/seyn/seynd — юн. seynd/sind/seyn; всн. Sonnabend/Samstag 'суббота' — юн. Samstag; в восточнореднемецком у атрибутивного прилагательного преобладало во мн. ч. слабого склонения окончание -(e)n, в южнонемецком — -e.

В восточнореднемецком процесс нормализации и тенденция к ограничению вариантности проявлялись более последовательно и полно, чем на юге и западе Германии. Особенно это касается языка литературных журналов.

Процесс становления литературной письменной нормы немецкого языка в основном касался норм орфографических и грамматических. Различия в лексических средствах обозначения одних и тех же понятий в разных диалектных областях, проникавшие и в региональные формы литературного языка, были сравнительно немногочисленными, хотя и отличались большой устойчивостью.

До последнего времени роль периодической печати 17—18 вв. в формировании норм немецкого литературного письменного языка из-за неисследованности материала почти совсем не принималась во внимание. Этот пробел был восполнен исследованием Н. Н. Семенюк¹, в котором вскрывается роль газет и журналов первой половины 18 в. не только как распространителей культуры и общественных идей, но и как весьма существенного фактора языкового объединения и стабилизации языковых норм.

§ 188. Проблема языковой нормы во второй половине 18 в. К середине 18 в. в Германии возникли более благоприятные условия для за-

---

¹ Семенюк Н. Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII столетия. М., 1967.

вершения процесса языковой унификации. В стране, преодолевшей к тому времени тяжелые последствия Тридцатилетней войны, начался подъем экономики и культуры, сопровождавшийся развитием мануфактур и ремесленного производства, оживлением торговли, ростом молодого класса буржуазии. Сохраняется политическая раздробленность, но усиливаются процессы региональной политической консолидации и укрепления централизованной власти типа абсолютных монархий в ряде королевств и княжеств, входящих в состав Германской империи, таких, как Австрия, Саксония (Верхняя Саксония), Бавария, Вюртемберг и др. Началось возвышение королевства Пруссии (столица — Берлин), которая вела при Фридрихе II войны, имевшие целью расширение ее границ и установление прусской гегемонии в Германии; ярким примером является Семилетняя война 1756—1763 гг., в которой участвовали почти все европейские государства.

Несмотря на слабость позиций буржуазии в Германии этого периода и ее полное подчинение господствующим феодально-абсолютистским и военно-бюрократическим режимам, она продолжает оставаться главным выразителем тенденции к национальному единению страны, носителем национального самосознания и выступает за языковую консолидацию Германии, против рабского подражания дворянско-аристократической культуре абсолютистской Франции и, вместе с тем, испытывает значительное влияние со стороны прогрессивного французского Просвещения, рационализма в философии и в области теории языка, литературной критики, поэтики и т. д.

18 веку принадлежит решающая роль в формировании национальной нормы немецкого языка. Только в этот период преобладавшие до того сепаратистские тенденции в языковом развитии окончательно отступили перед процессом языкового объединения и в основном завершилось становление письменной нормы литературного немецкого языка. Особую актуальность проблема языковой нормы приобретает также в связи с тем, что с первой половины 18 в. немецкий язык, отвоевав у латыни новые позиции, почти повсеместно становится языком, на котором осуществляется преподавание, а также самостоятельной учебной дисциплиной. В течение 18 в. происходило и формирование устной формы общенемецкого литературного языка, прежде всего в сфере лексики и грамматического строя.

В середине 18 в. наиболее авторитетным защитником языковой унификации был лейпцигский профессор, теоретик литературы и языка И. Готшед (J. Ch. Gottsched). Сторонник французского классицизма и рационализма, Готшед видел главные достоинства литературного языка в рассудочной ясности, логической последовательности, грамматической правильности и единообразии. Он отвергал напыщенность и витиеватость барокко в языке 17 в. Своим основным трудом «Grundlegung einer Deutschen Sprachkunst» (1784) — сводом правил по орфографии, морфологии, синтаксису и поэтике немецкого языка «соответственно образцам, заимствованным у лучших писателей прошлого и настоящего столетий», Готшед продолжал нормализаторские традиции языковых обществ. При этом он ориентировался на «верхнесаксонскую» (мейсенскую) норму (obersächsisch-meißnisch), понимая ее в со-

циально-ограниченном смысле как «образцовый» язык феодально-аристократической верхушки общества.

В духе просветительских идей создал свой двухтомный словарь «Teutsch-Lateinisches Wörterbuch», изданный в Берлине в 1741 г., И. Фриш (Joh. L. Frisch). В этом словаре, в который вошла наряду с общелитературной также архаичная, диалектная и профессиональная лексика, каждое слово сопровождалось соответствующими грамматическими пометами.

Продолжателем дела Готшеда во второй половине 18 в. был крупный грамматист и лексикограф И. Аделунг (Joh. Ch. Adelung), деятельность которого сыграла громадную роль в нормализации и унификации литературного языка. Его целью было установить «die eine richtige Sprechart», «единую и общеобязательную норму» языка, который он называл «die hochdeutsche Schriftsprache» и возникновение которого он приписывал высшим классам «самой культурной провинции» — Саксонии. Несмотря на социально-ограниченное понимание истоков общенемецкого языка и доктринерский подход к вопросам нормы, основные труды Аделунга, его грамматика «Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache» (1782) и особенно его пятитомный словарь «Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der Hochdeutschen Mundart» (1774—1786), пользовались огромным авторитетом и стали заключительным этапом грамматической и лексической унификации немецкого языка в 18 в. Труды Аделунга непосредственно предшествовали развитию в Германии в начале 19 в. научного языкознания.

Нормализаторские устремления Аделунга были подхвачены лексикографом и пуристом И. Кампе (J. H. Campe). Создавая свой обширный словарь «Wörterbuch der deutschen Sprache» (его 2-е издание 1807—1812 гг. содержит 140 000 слов), Кампе обогатил немецкий язык большим количеством удачных и укоренившихся в языке слов (не избежав, однако, как и другие пуристы, слов неудачных и просто нелепых).

В результате кропотливого труда грамматистов и лексикографов 17—18 вв. была достигнута ясность в отношении нормы нововерхненемецкого литературного языка и были сформулированы правила его употребления. Через среднюю школу эти правила становились достоянием всей нации.

История немецкого литературного языка в его письменной форме в 15—18 вв. — это «история обособления литературного языка от диалектов и тем самым история формирования нового наддиалектного типа языка — носителя единой языковой нормы. К этому типу языка стремились печатники 15 в. На создание его были направлены усилия Лютера, Меланхтона, Агриколы. Эта же цель стояла перед грамматиками-нормализаторами и создателями немецких толковых словарей Аделунгом и Кампе»¹.

§ 189. Роль классической немецкой литературы. Со второй половиной 18 в. связана деятельность выдающихся писателей и поэтов Лессинга,

¹ Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Часть II. М., 1959, с. 179.

Гёте, Шиллера — создателей классической немецкой национальной литературы. В их творчестве, особенно в творчестве Лессинга и в ранних произведениях Гёте и Шиллера, нашли отражение оппозиционные настроения и национальное самосознание нарождающейся немецкой буржуазии, позиции которой к этому времени усилились в связи с укреплением ее экономического положения. Существенное влияние на идеологию немецкой буржуазии оказывали идейно-политические веяния, которые проникали в Германию из соседней Франции, переживавшей период революционного подъема.

В создании классической немецкой литературы участвовала целая плеяда писателей и поэтов, историков и теоретиков литературы и искусства, таких, как Виланд, Клопшток, Винкельман, Гердер.

Широкую популярность приобрел М. Виланд (Ch. M. Wieland, 1733—1813), сумевший выразить свои прогрессивно-гуманистические, антифеодальные настроения в увлекательных по содержанию, остроумно-ироничных произведениях, отличавшихся невиданной до того благозвучностью языка и изяществом стиля. Важную роль сыграл и издававшийся им с 1772 г. журнал «Teutscher Mercur». Творчество Виланда в значительной мере способствовало укреплению авторитета общенемецкой национальной нормы литературного языка в южных районах Германии, в Австрии и в Швейцарии.

Цюрихские ученые И. Бодмер (Joh. J. Bodmer, 1698—1783) и И. Брейтингер (Joh. B. Breitinger, 1701—1776), так называемые «швейцарцы», противопоставлявшие рассудочному языковому идеалу Готшеда более эмоциональный, субъективно-окрашенный подход к языку и требовавшие оживления и обогащения поэтического языка за счет народно-бытовой, диалектной и архаичной лексики, оказали значительное влияние на литературу своего времени, в частности на Ф. Клопштока (F. G. Klopstock, 1724—1803). Поэзия Клопштока, воплотившего свои антифеодальные настроения и идею патриотизма в исполненных пафоса поэтических произведениях, язык и стиль которых отличается эмоциональностью, музыкальностью, выразительностью, в свою очередь, оказала большое влияние на немецкую поэзию второй половины 18 в. (поэты и драматурги «Бури и натиска», «Гайнбунда») и первой половины 19 в. (Ф. Гельдерлин — F. Hölderlin, 1770—1843).

Значительное влияние на формирование эстетических взглядов немецких писателей оказал историк античного искусства, видный представитель эстетики классицизма 18 в. И. Винкельман (Joh. J. Winkelmann, 1717—1768), отразивший в трактовке античного искусства передовые идеалы своего времени.

Национально-патриотические и демократические идеи, протест против произвола феодально-аристократической верхушки и церкви, против сословных привилегий составляют пафос многогранного творчества Г. Лессинга (G. E. Lessing, 1729—1781), самого выдающегося писателя и мыслителя немецкого Просвещения. В своих литературно-критических и эстетических сочинениях Лессинг обосновал теорию реализма, боролся за общенемецкую национальную литературу и театр; он первым создал пьесы антифеодального и демократического со-

держания. Язык и стиль Лессинга отличаются логической ясностью и отточенностью, образностью и живостью.

Теоретик литературного направления «Буря и натиск» («Sturm und Drang») И. Гердер (J. G. Herder, 1744—1803) своим обращением к народной поэзии и к поэзии прошлого, подходом к языку как к исторически развивающемуся явлению, своим требованием свободы языкового выражения также привлек внимание поэтов и писателей к таким важным источникам поэтического языка, как народная и средневековая поэзия.

Все языковое, стилистическое и жанровое «многоголосье» немецкой литературы второй половины 18 в. было синтезировано и нашло всеобъемлющее воплощение в творчестве И. Гёте (Joh. W. Goethe, 1749—1832) и Ф. Шиллера (F. Schiller, 1759—1805), являющих собой вершину немецкой национальной литературы.

Зрелость и идейная глубина классической немецкой литературы, ее непреерекаемый авторитет и широкое распространение на всей территории Германии обусловили ее особую роль завершающего этапа в длительном процессе становления немецкого национального литературного языка. Его дальнейшее развитие протекало в рамках установившейся нормы. В 19 в. всестороннему развитию и обогащению немецкого национального языка способствовало растущее разнообразие его жанров и стилей, расцвет классической немецкой философии, творчество романтиков, Г. Гейне (H. Heine, 1797—1856) и писателей «Молодой Германии» («Das Junge Deutschland»), широкое распространение злободневной политической литературы, сыгравшее большую роль в период буржуазной революции 1848 г., в особенности основополагающие труды К. Маркса и Ф. Энгельса.

§ 190. Нормализация немецкого литературного произношения.
К концу 19 в. можно считать в основном завершённой унификацию и устной, разговорной формы немецкого языка, процесса, начало которому было положено еще в 18 в. На протяжении 19 в. была также достигнута некоторая унификация в области немецкого литературного произношения.

В установлении единообразной произносительной нормы немецкого языка большая роль принадлежит северной Германии. Здесь процесс усвоения верхненемецкого произношения из-за его существенных расхождений с местными нижненемецкими говорами имел в основном книжный характер. Поэтому в северной Германии установилось ориентированное на письменную норму более «чистое» произношение, которого нет ни в средней, ни в южной Германии, где местные верхненемецкие говоры, близкие к литературному языку, накладывают более или менее значительный отпечаток на литературную разговорную речь. Еще в 18 в. грамматисты отмечали «образцовый» характер произношения образованных людей на севере Германии. Этот северонемецкий тип литературного произношения в условиях экономического и культурного влияния северной Германии в 19 в. постепенно приобретает через книгу и школу авторитет образцового также и в других частях Германии.

Нормы немецкого литературного произношения (Hochlautung) были установлены в конце 19 в. В 1898 г. специальная комиссия из филологов-германистов и деятелей сценического искусства выработала нормы так называемого «сценического немецкого произношения» («*Bühnenaussprache*», «*Bühnendeutsch*»). Итоги работы комиссии были опубликованы ее секретарем Т. Зибсом (Th. Siebs) в книге «*Deutsche Bühnenaussprache*». Комиссия приняла формулу образцового немецкого произношения, выдвинутую фонетистом В. Фиетором (W. Viëtor): «hochdeutsche Sprachform in niederdeutscher Aussprache» — «северонемецкое произношение верхненемецкого литературного языка». Его особенности — четкое произнесение звонких b, d, g, обязательная лабиализация ö, ü, eu/äu, произнесение глухих p, t, k с придыханием.

В условиях характерной для Германии культурной децентрализации, отсутствия единого культурного центра многие предложения комиссии натолкнулись на критику и сопротивление. Все же за истекшие десятилетия 20 в. унификация произношения образованных слоев общества в Германии сделала благодаря «сценическому немецкому» большие успехи. Существенную помощь в распространении произносительной нормы оказали и продолжают оказывать такие массовые средства информации, как радио, кино и телевидение. Однако и в настоящее время полной унификации произношения нет; до сих пор в обиходной устной форме литературного языка (*gebildete Umgangssprache*) сохраняется, как следствие длительной языковой раздробленности, диалектальная окраска.

Отсутствие полного единообразия и стабильности в сфере орфоэпии и стойкий характер некоторых расхождений между декретируемой нормой и широко распространенными произносительными навыками со временем вызвал необходимость критического пересмотра и уточнения отдельных правил «сценического немецкого».

В 1964 г. в Лейпциге германистами ГДР был издан новый фонетический словарь «*Wörterbuch der deutschen Aussprache*». В нем дается системное описание произношения, которое отражает реализацию произносительной нормы, характерную для общепризнанных, наиболее авторитетных дикторов радио и телевидения ГДР и воспринимаемую большинством слушателей как образцовая. Новый фонетический словарь — значительный вклад германистов-фонетистов, немецких педагогов, работников радио и телевидения, деятелей кино и театра ГДР в нормализацию литературного произношения. В ФРГ в 1969 г. вышло 19-е издание фонетического словаря Зибса: Theodor Siebs. *Deutsche Aussprache. Reine und gemäßigte Hochlautung mit Aussprachewörterbuch*. Его издатели пошли на компромисс. Признавая норму «сценического немецкого», зафиксированную в издании словаря Зибса от 1922 г., как «*reine Hochlautung*», т. е. «чистую», идеальную норму, издатели словаря одновременно формулируют принцип и правила некоей «умеренной нормы» — «*gemäßigte Hochlautung*».

§ 191. Нормализация немецкой орфографии. К началу 19 в. унификация в области орфографии еще не была достигнута. Процесс нормализации орфографии затруднялся отсутствием политической консолидации немецкой нации.

В эпоху раннего средневековья, в условиях отсутствия языкового нормирования и существования языка немецкой народности в виде конгломерата близкородственных диалектов, упорядочение орфографии дальше первых попыток не пошло и не могло пойти (переводчик «Исидора» Ноткер, см. § 154). Не изменилось положение и в средневерхне-немецкий период. Требование нормализации орфографии было выдвинуто впервые в начале 16 в. грамматистами, учителями, печатниками. Именно в этот период, одновременно со становлением звуковой системы новонемецкого языка, сформировался и ряд основных черт современной орфографии (графическое изображение долготы и краткости гласных, единый способ обозначения умлаута и др.). Однако и для ранненововерхнемецких текстов весьма характерна неупорядоченность орфографии. В 16 в. в орфографии еще царил полный произвол. В текстах отсутствовала последовательность в обозначении долготы и краткости гласных, наблюдались беспорядочные удвоения и скопления букв, в первую очередь согласных. Так, например, аффриката [ts] изображалась в виде буквосочетаний tz, zc, cz, tcz, tzc, czc, czz и т. д. Часто встречается h при согласных, особенно после t, например:

theil, thun, rath. Написание двух готических букв **f** и **s**, обозначающих звук [s], со временем вытесняется и появляется буква **ß**,

которая затем из готического алфавита была перенята и в латинский в виде **ß** (например, в союзе daß 'что'). Из греческого алфавита через латинский заимствуется буква **y**, до 18 в. часто заменявшая **i**. Это написание по традиции сохраняется во многих фамилиях и некоторых географических названиях, например: Heuse, Meyer, Jacoby; Bayern.

В 15—16 вв. впервые появляется также большинство знаков препинания: запятая, вопросительный и восклицательный знаки, двоеточие (часто в функции точки). Реже встречаются кавычки и точка с запятой.

К середине 16 в., к Лютеру и традиции печатников эпохи Реформации, восходит обычай выделять при помощи заглавной (прописной) буквы наиболее важные для понимания текста слова, чаще всего существительные. Он объясняется стремлением облегчить понимание смысла читаемого текста выделением слов — носителей логического ударения. В 16 в. эта тенденция еще не получила широкого распространения. Подхватил и расширил ее, сделав написание существительных с заглавной буквы практически правилом, 17 век с его приверженностью к пышности и «украшательству» в духе барокко.

В 18 в. Готшед сформулировал ряд правил орфографии и узаконил, в частности, написание существительных с заглавной буквы. Это было связано отчасти и с тем, что Готшед неправомерно подчеркивал особую роль существительного в предложении; он же ввел в грамматический обиход наряду с заимствованным латинским термином *Substantivum* немецкий термин *Hauptwort* 'главное слово'. Создание орфографических правил и норм осуществлялось, таким образом, в основном уже в новое время как одна из сторон унификации национального литературного языка. Особенно большие заслуги в нормализации орфографии принадлежат Шоттелю, Готшеду и Аделунгу, в частности работе последнего «*Полное руководство по немецкой орфографии*» («*Vollständige Anweisung zur Deutschen Orthographie*», 1788). Показательно, что взгляды этих трех ведущих нормализаторов немецкого языка 17 — 18 вв. совпадали по всем основным вопросам орфографической нормы.

В 19 в., с развитием сравнительно-исторического языкознания, Я. Гримм выдвинул исторический принцип в орфографии, учитывающий в написании слов факторы исторической фонетики. Против этого принципа возражали сторонники фонетического принципа, полностью отвергавшие орфографическую традицию.

Естественно, что неупорядоченность орфографии отрицательно сказывалась на школьном обучении. Начиная с середины 19 в. по инициативе школьных учителей в разных городах стали издаваться пособия по орфографии с орфографическими словариками. Это был первый шаг к практической выработке единых орфографических правил.

После политического объединения Германии в 1871 г. вопрос о создании единых, общих для всей страны орфографических норм приобрел особое значение. В 1876 г. в Берлине была созвана I Орфографическая конференция. Итоги ее работы были опубликованы К. Дуденом (Konrad Duden, 1829—1911) в его словаре «*Orthographisches Wörterbuch der deutschen Sprache*», 1880. Этот словарь заложил основы для нормализации орфографии, осуществленной II Орфографической конференцией в 1901 г. и зафиксированной в новом словаре Дудена «*Orthographisches Wörterbuch*», изданном в 1902 г. С тех пор все изменения в написании слов находят отражение в очередных изданиях орфографического словаря «Дуден». В 1954—1991 гг. эти словари издавались в Лейпциге (ГДР) и Мангейме (ФРГ).

В 1996 г. в Вене представители Германии, Австрии, Швейцарии и ряда других стран подписали заявление о введении с 1 августа 1998 г. новых орфографических правил для немецкого языка, которые должны, по мнению авторов реформы, не затрагивая основных принципов правописания, облегчить его в ряде частных случаев (Отмены написания существительных с заглавной буквы новые правила не предусматривают.). С учетом новых правил уже переиздаются школьные учебники, а издательство «Дуден» выпустило новое, 21-ое издание орфографического словаря, пере-

работанное с учетом новых правил правописания и пунктуации (Duden. Rechtschreibung der deutschen Sprache. Dudenverlag Mannheim-Leipzig-Wien-Zurich).

§ 192. Немецкий язык после 1945 г. После разгрома фашистской Германии в 1945 г. на территории Германии возникли два германских государства: на востоке — Германская Демократическая Республика, на западе — Федеративная Республика Германии. Принципиальные различия в социально-экономических, политических и культурно-идеологических основах и характере развития обоих государств не могли не отразиться на языке, и прежде всего на новой лексике, непрерывно пополнявшей с конца 40-х гг. словарный состав.

В языке населения ГДР нашли отражение демократические преобразования в стране в виде многочисленных лексических неологизмов, например: Arbeiter-und-Bauernstaat 'государство рабочих и крестьян', Staatsrat 'Государственный совет', Volkskammer 'Народная палата', Volkerfreundschaft 'дружба народов', volkseigen 'народный, являющийся собственностью народа'. Много новых понятий заимствовано из действительности СССР, например: Kulturhaus 'дом культуры', Neuerer 'новатор, рационализатор', verdienter Lehrer 'заслуженный учитель', Elternausschuß 'родительский комитет', vorfristig 'дострочно'. В настоящее время, после осуществленного в 1991 г. воссоединения обоих германских государств, эта лексика в большинстве своем вышла из употребления вместе с ушедшими в прошлое понятиями.

В ФРГ возникли такие понятия, как Wohlstandsgesellschaft 'общество всеобщего благосостояния', soziale Marktwirtschaft социально ориентированная рыночная экономика, Arbeitnehmer 'работающий по найму', (вместо 'рабочий' или 'служащий'). После 1945 г. в немецкий язык, главным образом в Западной Германии, хлынул поток англо-американизмов, например, Container 'контейнер', Crew 'команда (самолета, судна)', Party 'вечеринка, вечер, компания', Job 'работа, служба', Image 'имидж', Center 'торговый центр', Streß 'стресс', Chips 'чипсы', Okay 'окей'.

§ 193. Диалекты немецкого языка. В Германии, продолжительное время сохранявшей территориальную раздробленность феодальной эпохи и завершившей свое национально-политическое объединение лишь во второй половине 19 в., местные, территориальные диалекты сохранялись более прочно, чем где бы то ни было в Европе, и играли более значительную роль в жизни широких слоев населения. И в наше время процесс поглощения местных диалектов национальным немецким языком еще не завершен. Диалекты сохраняются не

только в деревне, но и в городе, накладывая более или менее значительный отпечаток на разговорную речь городского населения.

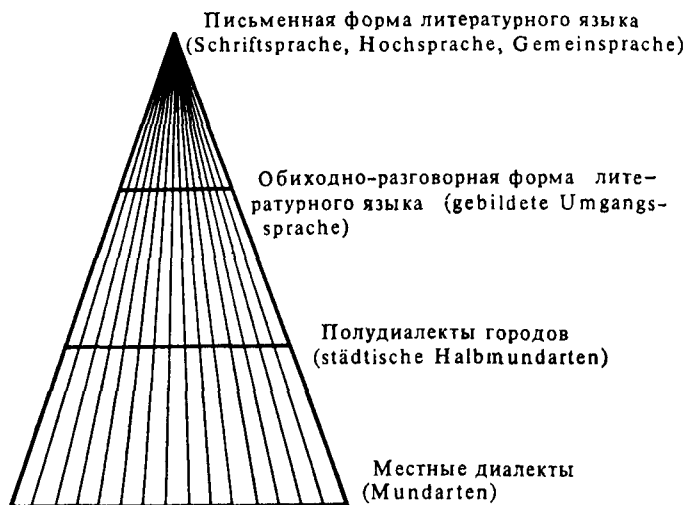
Другая существенная особенность территориальных диалектов немецкого языка — значительные различия между ними, настолько глубокие, что баварец не понимает гессенца, шваб — саксонца и т. д. Немецкий национальный язык сформировался на основе верхне-немецких диалектов, которые подразделяются на две группы: 1) средненемецкую, с наречиями среднефранкским, рейнско-франкским, восточнофранкским и восточносредненемецким и 2) южнонемецкую, с наречиями южнофранкским, швабско-алеманнским и баварским. Немецкий литературный язык противостоит, как и верхненемецкие диалекты, нижненемецким диалектам — нижнефранкскому, нижнесаксонскому, восточнонижненемецкому, а также фризскому (см. § 133). Границей между нижненемецкими и верхненемецкими диалектами является линия Бенрата (см. § 159).

Нижненемецкие диалекты (за исключением нижнефранкского) восходят к племенным языкам ингвеонской группы древнегерманских племен (саксов, фризов), а не к иствеонской (франкской) и гермионской (алеманнско-баварской), как верхненемецкие. Не принимавшие активного участия в длительном процессе формирования немецкой национальной нормы нижненемецкие диалекты обнаруживают существенные отличия от верхненемецкого национального языка в грамматическом строе, лексике и особенно в фонетике (см. § 139), хотя многие исконно ингвеонские черты в них и оказались устраненными в результате «оверхненемечения» («Verhochdeutschung»).

Большой ролью местных диалектов в жизни широких слоев общества в Германии в 19 в. объясняется развитие — наряду и параллельно с литературой на нормированном национальном языке — областной литературы на диалектах. Среди писавших на диалекте особо выделяется И. Гебель (Joh. P. Hebel, 1760—1826), автор стихотворных идиллий из жизни шварцвальдских крестьян «Alemannische Gedichte» (1803) и сборника назидательно-юмористических анекдотов и шванков «Сокровищница рейнского друга дома» («Schatzkästlein des Rheinischen Hausfreundes», 1811), написанных на алеманнском диалекте. Значительное развитие получила также литература на нижненемецком (см. § 183).

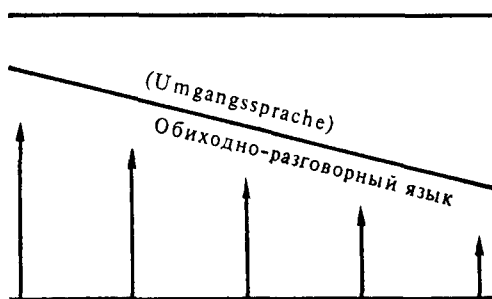
Указывая на незавершенность процессов унификации немецкого национального языка, В. М. Жирмунский¹ сравнивает сложившуюся языковую ситуацию с пирамидой, основание которой образуют местные диалекты, а вершину — унифицированная письменная форма литературного языка. Пирамида несколько сужается в полудиалектах городов (городских говорах), более существенно — в обиходно-разговорной форме литературного языка. Графически это можно изобразить следующим образом:

¹ Жирмунский В. М. История немецкого языка, 5-е изд., М., 1965, с. 110.

В схеме, предложенной лейпцигским германистом Р. Гроссе¹, наглядно отражены взаимоотношения между письменной формой литературного языка, обиходно-разговорным языком и диалектами в области произношения, морфологии, лексики, словообразования и синтаксиса; на схеме отображается различная степень приближения отдельных аспектов обиходно-разговорного языка к соответствующим аспектам письменной формы литературного языка:

Письменная форма
литературного языка
(Schriftsprache)

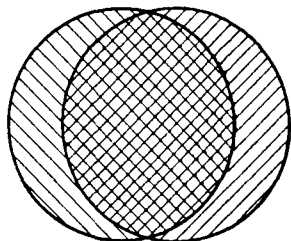
Диалект
(Mundart)

произно- шение Laute	морфоло- гия Formen	лексика Wort- schatz	словооб- разование Wortbil- dung	синтак- сис Syntax
----------------------------	---------------------------	----------------------------	---	--------------------------

§ 194. **Немецкий язык в Австрии.** Заселение «Восточной марки» («Ostmark») при Каролингах в 9—10 вв. переселенцами-баварцами определило на века тесные связи внутри баварско-австрийского языкового ареала. В 996 г. впервые засвидетельствовано название див. *Ostarrîchi*. С 1156 г. Австрийская марка (Mark Österreich), отделившись от

¹ Grosse R. Mundarten und Schriftsprache im obersächsischen Raum. In: Sächsische Heimatblätter, 1967, S. 167.

Баварии, стала самостоятельным герцогством, а в 1282 г. перешла во владения Габсбургов. Постепенное расширение владений Габсбургов (1526 г.— Богемия и Западная Венгрия, 1699 г.— Трансильвания, в 18 в.— вся Венгрия, Буковина, Галиция, Хорватия, Босния, Далмация, в 1814 г.— Ломбардия и Венето) сделало Австрию центром многоязычного государства. Официальным языком и языком образования в нем оставался немецкий язык, в который со временем проникло множество заимствований из венгерской, славянских и итальянской частей государства; заимствования явились также следствием тесных культурных связей венского двора с Римом, Парижем и Мадридом. Кроме того, письменный литературный язык Австрии пополнялся за счет лексики диалектов и городских говоров, особенно венского. В итоге немецкий язык Австрии стал в области лексики со временем обнаруживать все больше отклонений от немецкого языка Германии (Binnendeutsch). Однако в основном письменный язык Австрии под влиянием языка канцелярий и печатников в 14—16 вв., а также ведущей в 17—18 вв. литературы северной и средней Германии оставался общенемецким.

Развиваясь как национальный язык самостоятельного государства (подобно английскому языку в США), австрийский вариант немецкого языка оставался в рамках общенемецкой системы литературного языка; он обнаруживает вместе с тем ряд своеобразных черт в словообразовании, грамматическом строе, звуковой системе, орфографии и особенно в лексико-семантической системе. Соотношение двух частных языковых систем — немецкой и австрийской — можно представить себе, следуя А. И. Домашневу¹, как два круга, которые накладываются друг на друга таким образом, что основные их площади образуют общую для обоих языков «зону идентичности», а внешние участки сегменты соответствуют зонам расхождения между ними.

§ 195. Немецкий язык в Швейцарии. В Швейцарии представлены четыре национальных языка — немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Первые три являются государственными языками в соответствии с конституцией 1848 г. В 1938 г. государственным языком был объявлен и ретороманский, но официальными, деловыми языками остаются первые три. Многоязычие на территории Швейцарии восходит к далеким временам. Ко 2 в. до н. э. относится покорение римлянами кельтов-гельветов (ср. латинизированное название Швейцарии *Helvetia*, например, на швейцарских марках). В последующий период романизации римская культура широко внедряется в Швейцарии, появляются города *Geneva* (Женева, *Genf*, *Genève*), *Lausonium* (Лозанна, *Lausanne*), *Turicum* (Цюрих, *Zürich*) и др., также монастыри, дороги и т. д.

¹ Домашнев А. И. Очерк современного немецкого языка в Австрии. М., 1967, с. 11.

В 5 в. н. э. восточная Швейцария была завоевана алеманнами, а западная — бургундами, что повлекло за собой германизацию покоренного населения. Иллирийские племена ретов были оттеснены в высокогорные районы восточной Швейцарии (кантон Граубюнден). Сохранился большой западный ареал романизованных гельветов, так называемая «французская Швейцария». Таким образом, распределение языковых групп, характерное для современной Швейцарии, установилось еще в 5—6 вв. В 6 в. Швейцария вошла в состав Франкского государства. После его распада в 843 г. ее западная и южная части отошли по Верденскому договору к Лотарю, восточная (алеманнская) — к Людовику Немецкому. Позже Швейцария стала частью Бургундии, вместе с которой входила в состав Германской империи. В ходе борьбы с Габсбургами в 1291 г. была основана Швейцарская конфедерация: кантоны Швиц, Ури и Унтервалден заключили между собой оборонительный Вечный союз. В течение 14 в., начиная с 1332 г., к Швейцарской конфедерации присоединились кантоны Люцерн, Цюрих, Берн и др.

Хотя политическое обособление Швейцарии от Германской империи и завершилось фактически уже к началу 16 в., оно все же не привело к языковому обособлению вследствие прочности и интенсивности экономических и культурных связей, объединявших крупные швейцарские города Базель, Цюрих, Берн с южной Германией. Так, швейцарский писатель-сатирик эпохи Реформации С. Брант свою сатиру «Корабль дураков» («Narrenschiff») напечатал в 1494 г. на верхнерейнском (алеманнском) варианте литературного языка, но в дальнейшем стремился печатать свои произведения на «общенемецком» («Gemeindeutsch»).

Бургерская реформация в Швейцарии возглавлялась цюрихским реформатором Цвингли. Его перевод библии (1524) примыкает к верхнерейнскому варианту письменного языка. Однако в конце 16 в. — начале 17 в. в швейцарские городские канцелярии проникают новые, восточносреднемецкие формы письменного языка. Библия Цвингли в 1660 г. переводится на этот — приобретающий все больший вес как общенемецкий — вариант немецкого литературного языка.

В течение 17 в. немецкий литературный язык вытесняет из употребления швейцарский вариант литературного языка. Объявление Швейцарского союза в 1648 г. по Вестфальскому миру самостоятельным государством ничего не изменило в языковой ситуации. Швейцарские писатели и ученые 18 в. Галлер, Геснер, Бодмер и Брейтингер, Лафатер, Песталоцци и др. принимают деятельное участие в литературной и научной жизни Германии. Язык крупных швейцарских писателей-реалистов 19 в. Г. Келлера (G. Keller) и К.-Ф. Мейера (C.-F. Meyer) практически свободен от местных швейцарских особенностей.

В период господства в Германии фашизма (1933—1945) в Швейцарии возникло движение за полное языковое обособление немецкой Швейцарии от Германии. Оно выражало противодействие фашистской политике «аншлюса» (Anschluß) — насильственного включения в состав «Третьей империи» — под предлогом «воссоединения нации» — всех территорий в Европе с немецкоязычным населением. Созданный в

это время «Союз защитников швейцарско-немецкого языка» («Bund für Schwyzertütsch») продолжает существовать и в наши дни. Сейчас он выдвигает требование сознательной заботы о развитии швейцарско-немецкого наряду с немецким литературным языком. В 1948 г. была издана обширная «Цюрихско-немецкая грамматика», основанная на серьезных диалектологических исследованиях и вместе с тем задуманная как руководство для усвоения центрального и наиболее авторитетного швейцарско-немецкого диалекта Цюриха, самого большого города и крупного промышленного и культурного центра страны. Цюрих является также главным центром изучения швейцарских диалектов.

Языковые отношения в Швейцарии характеризуются самостоятельностью и равноправием четырех национальных языков страны. Вместе с тем, эти языки, находясь на протяжении многих веков в непрерывном и тесном контакте друг с другом, оказывают влияние друг на друга не только в виде лексических заимствований, но и на других уровнях — фонетическом, грамматическом и даже стилистическом.

Немецкий язык распространен более чем на 70% территории страны; на нем говорит более двух третей населения — 3,5 млн. На трех романских языках вместе взятых говорит около 30% населения.

В быту швейцарцы в сельской местности говорят на диалекте, в городах — на литературном языке. Как правило, швейцарец владеет более чем одним литературным языком своей страны.

Немецкий язык представлен в Швейцарии не тремя (как в обоих германских государствах и в Австрии), а двумя основными формами существования — швейцарскими диалектами (Schwyzertütsch) и литературным языком (Schweizerhochdeutsch). Диалект выполняет здесь функции обиходно-разговорного языка, и для него характерна большая, чем в Германии, социальная престижность и большая функциональная масштабность. В определенных сферах общения он вступает в конкуренцию с литературным языком, обнаруживая тенденцию теснить этот последний даже в сфере общественных функций (деловая переписка, судопроизводство, публичные выступления и т. п.). Schwyzertütsch как общенациональный тип обиходно-разговорного языка (Verkehrssprache) имеет также богатые традиции в качестве языка художественной литературы, которая в 1944 г. насчитывала более двухсот авторов. Швейцарцы пользуются также устно-разговорной формой немецкого национального языка в его швейцарском варианте, в частности в общении с немцами, австрийцами и другими иностранцами.

Не обнаруживая резких структурных расхождений с немецкой, швейцарская национальная форма литературного языка Schweizerhochdeutsch характеризуется вместе с тем автономией, которая осознается и поддерживается ее носителями. Немецкий литературный язык Швейцарии — язык науки, прессы и литературы. За пределами Швейцарии широко известны такие писатели, пишущие на Schweizerhochdeutsch, как Ф. Дюрпенматт (F. Dürrenmatt), М. Фриш (Max Frisch), В. Диггельман (W. M. Diggelmann) и некоторые другие. На этом языке ведутся также передачи радио и телевидения, он введен как учебная дисциплина в школах и университетах. В обиходной же речи

он решительно уступает Schwyzertütsch, хотя школа, церковь, армия и другие социальные институты и противятся этому.

Таким образом, современная лингвистическая ситуация швейцарско-немецкого ареала характеризуется процессом взаимодействия и взаимопроникновения обеих форм существования языка — Schwyzertütsch и Schweizerhochdeutsch, возникших один — на базе верхнеалеманнских диалектов, другой — первоначально на базе смешанного восточнореднемецкого, утвердившегося в Швейцарии в качестве формы немецкого литературного языка, впоследствии — на основе общенационального немецкого литературного языка.

§ 196. Немецкий язык в Люксембурге. Великое Герцогство Люксембург — небольшое государство (территория — 2586 км², около 360 000 жителей), расположенное в Западной Европе между ФРГ, Францией и Бельгией.

С 963 г. Люксембург — самостоятельное графство, владение графов Лютцельбургских (Lützelburg, ср. свн. lützel 'маленький'); в 1354 г. Люксембург был провозглашен герцогством, в 1815 г. — великим герцогством. На протяжении своей истории Люксембург неоднократно, начиная с 15 в., утрачивал независимость. Изменялись и его границы. Части его территории в разное время отошли к Франции и Бельгии. В 1867 г. Люксембург получил государственно-политическую самостоятельность. В первую и вторую мировые войны страна была оккупирована немецкими войсками.

Срединное положение Люксембурга на стыке романского и немецкого языковых ареалов и тесные экономические и культурные связи с Францией, и с Германией определили сложную языковую ситуацию в стране. Родной язык люксембуржцев — люксембургский, или, точнее, летцебургский — Letzeburgesch. В его основе лежит диалект мозельской группы франкских диалектов — западномозельско-франкский. Он является основным средством повседневного устного общения и как таковой обнаруживает тенденцию к языковой унификации и к выработке устойчивой письменно-литературной формы. В 20 в. получила некоторое развитие литература на люксембургском, главным образом поэзия и драматургия, ограниченная местной тематикой, с народно-фольклорными элементами.

В 1868 г. в конституции было зафиксировано двуязычие страны. Государственными, официальными языками были объявлены французский и немецкий. В период немецко-фашистской оккупации родной язык стал для люксембуржцев знаменем сопротивления насильственному онемечиванию, а после разгрома фашистской Германии люксембургский получает официальное признание как один из трех государственных языков. Однако успешному развитию люксембургского языка препятствует прочное положение во всех сферах культурной и общественной жизни французского и немецкого языков, причем французский безраздельно господствует в официальной и деловой сфере общения и вообще характерен для социальной верхушки общества. Немецкий язык преобладает в богослужении, в периодической печати; так, соотношение немецкого и французского языков в прессе состав-

ляет 5 : 1. Люксембургские писатели пишут либо по-французски, либо по-немецки. В культурной жизни страны преобладают литература, периодика, радио- и телепередачи, пластинки, фильмы, «импортируемые» из Франции и ФРГ. Отрицательно сказывается и отсутствие в Люксембурге своего университета. Люксембургская молодежь получает высшее образование за границей.

Все люксембуржцы практически трехязычны. Обучение немецкому языку начинается с поступления в начальную школу, позже вводится французский. Преподавание ведется сначала на люксембургском, затем на немецком, а в старших классах — на французском языке. По употребительности люксембургский преобладает над немецким, немецкий — над французским. У 90% люксембуржцев на втором месте после родного люксембургского — немецкий, затем уже — французский. «Смешение» всех трех языков характерно для судопроизводства, где допрос свидетелей ведется на люксембургском языке, обвинительное заключение прокурора составляется на французском, а приговор — на немецком языке.

§ 197. Немецкие поселения в иноязычном окружении. Немецкий язык имеет некоторое распространение за пределами стран, где он является государственным или одним из государственных языков. Еще в 12—13 вв. в ходе освоения придунайских земель и создания там Восточной марки (будущей Австрии) часть немецких колонистов продвинулась дальше на юг и юго-восток, образовав отдельные немецкоязычные «острова» («Sprachinseln»). Наиболее обширными являются поселения на территории нынешней Румынии — в Трансильвании (Семиградии). Это поселения так называемых Siebenbürger Sachsen, хотя по языку эти «саксы» — франки со среднего Рейна. С 12—13 вв. немецкие поселения возникали также в Венгрии, Югославии, Чехословакии, Италии (Тироль). С конца 17 в. немецкие поселения появляются в Новом Свете — Северной Америке. Старейшие из них возникли в штате Пенсильвания. Язык немецких переселенцев в Пенсильвании (их около 750 000), в основе которого лежит западнофальцский диалект, носит название Pennsylvfaanisch, или Pennsylvaniendeutsch 'пенсильванско-немецкий'.

С 18 — начала 19 в. довольно многочисленные немецкие поселения существовали в Польше и в России. Их жители (как правило, выходцы из западных регионов Германии) продолжали говорить на своих родных диалектах (швабских, гессенских и др.) или на смешанных говорах (если поселенцы происходили из разных регионов Германии). Население таких немецкоязычных «островов» было, как правило, двуязычным. Вторая мировая война 1939—1945 гг. внесла существенные коррективы в судьбу немецких поселений в Восточной Европе. Так, население Автономной республики немцев Поволжья было насильственно переселено в Казахстан и в Алтайский край. После воссоединения Германии десятки тысяч этнических немцев выехали из России и из Казахстана в Германию, на свою историческую родину. Процесс этот продолжается. После оккупации Польши и республик Прибалтики немецко-фашистскими войсками все проживавшие там не-

мцы (так наз. Volksdeutsche) были вывезены в Германию. Таким образом в странах Восточной Европы в настоящее время почти не осталось «островов» компактного проживания немецкоязычного населения.

ИДИШ

§ 198. **Общие сведения.** Идиш (jidiš) — родной язык еврейского населения ряда стран — бывшего СССР, США, Израиля и др., один из двух (наряду с русским) официальных языков Еврейской АО. На идише в ряде стран издается литература, а также учебники и словари.

Идиш образовался на территории Германии (где евреи впервые появились еще в 1 в. н. э. вместе с римскими завоевателями) на базе смешения некоторых средненемецких и южнонемецких диалектов. В 13 в. в связи с усилением преследований евреев, с еврейскими погромами в Германии и с возникновением в ряде городов на западе Германии еврейских кварталов — гетто, усилилась изоляция еврейского населения, вызывавшая его религиозное и культурное обособление. Это, в свою очередь, привело к обособлению идиша от его диалектной основы, в результате чего и возник так называемый «идиш-тайч» — язык, отличный от немецких диалектов и ставший на протяжении последующих пяти столетий родным языком еврейского населения Германии, а также Чехии, Моравии, Австрии, Швейцарии, Эльзаса-Лотарингии и Нидерландов. Как следствие преследования евреев, особенно в 14—16 вв., происходила массовая миграция евреев из разных областей Германии в славянские страны Восточной Европы — в Польшу, затем в Россию с Украиной и Белоруссией. Здесь, на славянской почве, под влиянием славянского субстрата, осуществилось развитие и становление идиша как нового языкового единства, возникшего в результате смешения различных по происхождению конструктивных элементов. В его немецкую основу внедрились многочисленные семитические (древнееврейские и арамейские) элементы. Взаимопроникновение этих разнородных элементов захватило все сферы языка — лексический состав, словообразование, словоизменение, звуковой состав и синтаксис.

Литература на идише возникла как литература религиозная. Религиозные произведения издавались вплоть до середины 19 в. Начиная с 16 в. появлялись также сказки, легенды, стихотворные рыцарские романы. В эпоху Просвещения были созданы светские поэтические и прозаические произведения, драмы. Со второй половины 19 в. возникали театры на идише (в Варшаве, Буэнос-Айресе, Нью-Йорке и других городах). Одним из классиков литературы на идише является писатель-гуманист Шолом-Алейхем 1859—1916, уроженец Переяслава на Украине.

Центры еврейской литературы на идише после второй мировой войны находятся в Северной и Южной Америке и в Израиле. Государственным языком в Израиле является, однако, не идиш, а иврит, в основе которого лежит классический древнееврейский.

В настоящее время число говорящих на идише сокращается, так как младшее поколение предпочитает пользоваться языком страны обитания (англо-американским, ивритом, русским, немецким и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В учебнике были рассмотрены общие черты языков германской группы, история и характерные особенности отдельных языков. Как было показано, на современном этапе развития германские языки обнаруживают определенное сходство между собой, но в то же время между ними существуют весьма существенные различия. Эти различия касаются статуса языков и числа говорящих на них, особенностей фонетического и грамматического строя, а также лексического состава. Многие из особенностей объясняются спецификой исторического развития того или иного языка, той ролью, которую играли в нем экстралингвистические факторы. Формирование национальных языков и сложение языковой нормы были одним из элементов общего исторического процесса сложения наций. Развитие науки, литературы, введение книгопечатания сыграли большую роль в закреплении и распространении языковой нормы. Большая часть современных германских языков обладает устойчивой, давно сложившейся нормой. Таковы, например, языки английский, шведский, датский, исландский, нидерландский (в Нидерландах). Позднее завершилось формирование литературной нормы немецкого языка, что объясняется политической и экономической раздробленностью Германии вплоть до второй половины 19 в. Не закончился процесс установления единой литературной нормы в Норвегии; долгое существование этой страны как колонии Дании создало своеобразную языковую ситуацию, которая не имеет параллели в мире. Особенности развития нидерландского языка в Бельгии в условиях двуязычия объясняют причины некоторых колебаний в норме, процесс окончательного формирования которой еще продолжается.

Было, далее, показано, что некоторые из германских языков не получили статуса полноправного литературного языка. Так, фарерский язык используется на Фарерских островах наряду с датским. Фризский язык, несмотря на заметное возрастание его роли во Фрисландии, все же до сих пор остается по преимуществу языком устного общения. Однако устойчивость или, напротив, неустойчивость нормы не всегда следствие «молодости» языка в качестве литературного. Как было показано, именно нидерландоязычные области современной северной Бельгии (Фландрия и Брабант) явились очагом возникновения письменной нормы в среднидерландский период, но длительный перерыв в литературной традиции в 16—19 вв. привел к утрате нормы. Напротив, язык африкаанс, еще сто лет тому назад практически бесписьменный и признанный государственным лишь в 1925 г., обладает устойчивой нормой. То же относится и к фарерскому языку, орфография которого была создана в середине 19 в. и который был признан основным языком Фарерских островов только в 1948 г. Несмотря на то, что фриз-

ский язык стал регулярно использоваться в качестве литературного совсем недавно, его норма отличается устойчивостью.

Очень сильно различаются германские языки по числу говорящих на них. Самый распространенный из них — английский, на котором говорят около 400 миллионов человек, в то же время на исландском говорят около 270 тысяч, а на фарерском всего около 50 тысяч человек. Общее же количество говорящих на германских языках превышает 500 миллионов.

Естественно, что многие характерные черты германских языков не могут быть непосредственно связаны с внешней историей, а объясняются внутриязыковыми законами и тенденциями, действующими в отдельных языках. Это касается грамматического и, в еще большей мере, фонетического строя.

Некоторые языки обладают весьма специфическими фонетическими особенностями (ср. назализованные гласные в африкаанс и фризском, глухие сонанты в исландском и фарерском, альвеолярные согласные в английском, тоническое ударение в норвежском и шведском, сильный приступ в немецком и отчасти в нидерландском и т. д.). Поэтому интересно проследить, что является общим для всех или, по крайней мере, большей части германских языков с точки зрения их звукового состава.

Для германского вокализма характерно наличие — разумеется, с известными вариантами — фонем а, е, і, о, u. Во всех без исключения германских языках имеются долгие и краткие гласные, причем различие это выполняет смыслоразличительную функцию, или фонематически релевантно. Для германских языков характерно также наличие дифтонгов (единственное исключение — шведский язык). Как было показано, далеко не все эти дифтонги восходят к древним, в большинстве случаев они представляют собою продукт более или менее недавней дифтонгизации монофтонгов. Очень неравномерно представлена редукция окончаний в германских языках, но в целом можно сказать, что для большинства из них не характерно наличие в грамматических показателях каких-либо иных звуков, кроме [ə] (ср. английский, немецкий, нидерландский, датский, фризский, африкаанс). Всего далее редукция зашла в английском и африкаанс, где в ряде случаев апокопе (отпадению) подверглось и конечное [ə] (например, в инфинитиве). Практически не затронуты редукцией исландский, фарерский и шведский.

Поразительно живучим оказался аблаут. Помимо древних случаев словообразования, он лучше всего сохранился у сильных глаголов, которые остались — при всех упрощениях грамматического строя — во всех германских языках, кроме африкаанс. Правда, в большинстве современных германских языков сохранилось лишь три ступени аблаута (не различается единственное и множественное число претерита); четыре ступени сохраняются лишь в исландском языке и отчасти в шведском.

Умлаут всего отчетливее представлен в немецком (умлаут на і) и исландском (умлаут на і и u), а также в фарерском (где, однако, много случаев выравнивания). В большинстве же германских языков умлаут представлен во многих изолированных словоформах (ср. англ. *man — men, teach — taught*) и в словообразовании (ср. англ. *long — length*).

В области консонантизма современных германских языков можно отметить следующие особенности. В общем, для большинства германских языков не характерны долгие согласные; они имеются только в норвежском, шведском, исландском и фарерском. В последней группе языков структура многих ударных слогов резко отличается от структуры ударных слогов в западногерманских и датском языках (об этом см. ниже).

Во всех германских языках есть глухие смычные (p, t, k), щелевые (f, s, j, v, h) и сонанты (l, m, n, r, г или R). В большинстве языков есть также звонкие смычные (b, d, g); в части языков — в исландском, фарерском и датском — все смычные глухие, но различаются сильные аспирированные, т. е. придыхательные (p, t, k), и слабые неаспирированные, т. е. произносимые без придыхания: они обозначаются буквами b, d, g, но произносятся, следовательно, совсем не так, как, например, в немецком или английском. В общем для германских языков характерна аспирация звуков p, t, k в большей части позиций; исключением являются нидерландский и африкаанс, где глухие смычные всегда неаспирированы. Явление оглушения концов характерно лишь для части германских языков; здесь в первую очередь надо назвать немецкий, где происходит оглушение даже конца слога (ср. *abdecken* [ʼʼap,dekən] 'открывать', *endlich* [ʼentlic] 'наконец'). Напротив, звонкие концы слов характерны для английского, фризского, шведского и норвежского. Аффрикаты представлены только в части западногерманских языков: в немецком [ts], [pf], английском [tʃ], [dʒ], фризском [tʃ], [dʒ], а также в шведском [tʃ] и фарерском [tʃ], [dʒ].

Ударные слоги в большей части германских языков могут быть краткими (краткий гласный + краткий согласный) или долгими (обычно долгий гласный + краткий согласный или краткий гласный + группа согласных). В норвежском, шведском, исландском и фарерском, с другой стороны, возможны только долгие ударные слоги (краткий гласный + долгий согласный или группа согласных, долгий гласный + краткий согласный), т. е. эти языки характеризуются так называемым слоговым равновесием.

Основная масса германских языков обладает динамическим (словым) ударением; лишь в норвежском и шведском динамическое ударение сочетается с тоническим, причем акцент (тоническое ударение) выполняет в этих языках смыслоразличительную функцию.

В области грамматики, как мы видели, современные германские языки характеризуются значительным разнообразием. Некоторые из них подверглись в процессе исторического развития значительному упрощению, утратив большую часть флексий. Всего дальше пошли по этому пути английский и, особенно, африкаанс — последний полностью утратил род и падеж существительного, изменение глагола по лицам и числам. Напротив, немецкий, фарерский и, особенно, исландский отличаются большим богатством морфологии. В этих языках сохраняются три грамматических рода, четыре падежа (правда, в фарерском родительный падеж употребляется лишь в книжном стиле). Для основной же массы германских языков характерно упрощение родовой системы и системы склонения.

Во всех германских языках есть артикли — определенный (в скандинавских языках он суффиксированный, т. е. присоединяется к концу существительного) и неопределенный (отсутствует в исландском).

Глагол обнаруживает значительное сходство у всех германских языков. Все они, в общем, характеризуются одной системой времен, включающей презенс, претерит (имперфект, простое прошедшее), перфект, плюсквамперфект (давнопрошедшее), будущее I и II, будущее в прошедшем I и II. Характерно, что наиболее велики различия в области употребления перфекта/претерита: употребление этих времен в английском и скандинавских языках, с одной стороны, значительно отличается от их использования в немецком и нидерландском. Выпадает из этой схемы лишь африкаанс, где нет претерита и плюсквамперфекта. В исландском нет специальной формы будущего времени. Система длительных времен характерна лишь для английского языка. В континентальных скандинавских языках имеется два страдательных залога — флективный и аналитический.

Если сравнить древнегерманские языки, известные нам по письменным памятникам, с их современным состоянием, можно видеть, насколько ближе между собой они были в прошлом. В древних текстах легко прослеживаются их родственные черты, особенно в области лексики и грамматического строя. Дальнейший ход истории определил судьбу каждого германского народа. Когда-то близкородственные германские языки все более и более обособлялись, в развитии каждого из них появились новые тенденции. Многие общие черты скрылись под слоями многовековых изменений. Сравнительно-исторический метод помогает нам устанавливать закономерности языкового развития, которые определили индивидуальный характер каждого из германских языков.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Берков В. П. Современные германские языки. СПб, 1996.

Гамкрелидзе Т. В. Глоттальная теория: новая парадигма в индоевропейском сравнительном языкознании. ВЯ. 1987. № 4.

Гухман М. М. Готский язык. М., 1958.

Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. I. М., 1955; Ч. II. М., 1959.

Древние германцы. Сборник документов под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937.

Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.—Л., 1964.

Жирмунский В. М. История немецкого языка. М., 1965.

Иванова И. П., Чахоян Л. П. История английского языка. М., 1977.

Ильиш Б. А. История английского языка. М., 1968.

Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М., 1952.

Москальская О. И. История немецкого языка. М., 1959.

Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954.

Сравнительная грамматика германских языков. Т. I—IV. М., 1962—64.

Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979.

Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.—Л., 1953.

Хлебникова И. Б. Введение в германскую филологию. М. 1996.

Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М., 1969.

Hutterer C. J. Die germanischen Sprachen. Budapest, 1975.

The Germanic Languages. Ed. by E. König and J. van der Auwera. L. and N. Y., 1994.

* * *

История зарубежной литературы. Раннее средневековье и Возрождение. М. 1978.

Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. М., 1974—1975.

Зарубежная литература средних веков. М., 1974.

Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Л., 1971.

- авест. — авестский
англ. — английский
арм. — армянский
араб. — арабский
афр. — африкаанс
- брет. — бретонский
- вед. — ведический
вестгот. — вестготский
всн. — восточносредне немецкий
- галл. — галльский
герм. — германский
гр. — греческий
гр.-лат. — греко-латинский
гот. — готский
- да. — древнеанглийский
дат. — датский
ддат. — древнедатский
дирл. — древнеирландский
дисл. — древнеисландский
длит. — древнелитовский
диорв. — древненорвежский
дор. — дорический
дпрус. — древнепруссский
дс. — древнесаксонский
дск. — древнескандинавский
дфриз. — древнефризский
дчеш. — древнечешский
дшв. — древнешведский
- зап.-герм. — западногерманский
- и.-е. — индоевропейский
ирл. — ирландский
исл. — исландский
- кельт. — кельтский
кимр. — кимрский
крым.-гот. — крымско-готский
- лат. — латинский
латыш. — латышский
лит. — литовский
- на. — новоанглийский
нвн. — нововерхненемецкий
- нем. — немецкий
нид. — нидерландский
нисл. — новоисландский
ни. — нижненемецкий
ниид. — новонидерландский
норв. — норвежский
«новонорв.» — «новонорвежский»
нфранк. — нижнефранкский
- оск. — оскский
остгот. — остготский
- перс. — персидский
польск. — польский
пров. — провансальский
- рна. — ранненовоанглийский
рнвн. — ранненововерхненемецкий
рун. — рунический
рус. — русский
- са. — среднеанглийский
свн. — средневерхненемецкий
сканд. — скандинавский
скр. — санскрит
слав. — славянский
снид. — средненидерландский
снн. — средненижненемецкий
ст.-сл. — старославянский
ст.-фр. — старофранцузский
срав. — сравните
- укр. — украинский
умбр. — умбрский
- фар. — фарерский
фин. — финский
фр. — французский
франк. — франкский
фриз. — фризский
- хет. — хеттский
- чеш. — чешский
- шв. — шведский
- юн. — южнонемецкий

В большинстве случаев транскрипционные знаки, использованные в книге, не требуют специальных пояснений, поскольку буквы обозначают звуки, которые обычно обозначаются ими в языках, пользующихся латинским алфавитом. Ниже перечисляются специфические транскрипционные знаки или обычные буквы в специфическом значении:

- [i] — закрытое i
- [ɪ] — открытое i
- [e] — закрытое e
- [ɛ] — открытое e
- [æ] — звук, средний между [e] и [a]
- [ə] — редуцированный гласный (смешанного ряда среднего подъема),
- [ə:] — нередуцированный долгий гласный сходной артикуляции (в английском языке)
- [ʌ] — звук, сходный с русским [a] в первом предударном слоге, например, в *закат*
- [y] — огубленное [i]
- [ʏ] — огубленное [ɪ]
- [ø] — огубленное [e]
- [œ] — огубленное [ɛ]
- [ɥ] — огубленное ы
- [o] — закрытое o
- [ɔ] — открытое o
- [ŋ] — носовое g
- [ɸ] — глухой шелевой звук, при котором кончик языка помещается между передними зубами
- [ð] — звонкое [ɸ]
- [ç] — глухое [j]
- [χ]. [x] — глухой шелевой заднеязычный, сходный с русским [x]
- [ɣ] — звонкое [x]
- [ʃ] — глухой шелевой переднеязычный двухфокусный, сходный с русским [ш]
- [w] — губно-губной сонант

Двоеточие после знака обозначает долготу звука: [a:]. Точка после знака обозначает полудолготу звука: [a·]. Тильдой (волнистой черточкой) над буквой обозначается назализация (носовое произношение): [ẽ]. Дужка над буквой означает, что гласный не образует слога: [I]. Кружок под (над) буквой обозначает глухость: [ɸ], [g̊]. Точка под буквой указывает на какуминальное произношение: [t̚].

Следует иметь в виду, что транскрипционные знаки обозначают типы звуков; так, звуки двух разных языков, обозначаемые в транскрипции одним и тем же знаком, могут несколько различаться, например, нидерландское [ɣ] более шумное, чем датское [ɣ] и т. д.

<i>Предисловие</i>	3
<i>Введение</i>	5
§ 1. Современные германские языки и их распространение на земном шаре	5
§ 2. Теория «германской расы» и ее несостоятельность	6
 ЧАСТЬ I. ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ И ИХ ЯЗЫКИ	
Глава I. История древних германцев	
§ 3. Первые сведения о германцах	7
§ 4. Германцы эпохи Цезаря и Тацита	8
§ 5. Общественный строй и быт древних германцев	10
§ 6. Обычаи, нравы и верования древних германцев	13
§ 7. Великое переселение народов	15
§ 8. Формирование варварских королевств	17
 Глава II. Древнегерманские племена и их языки	
§ 9. Классификация древнегерманских племен	19
§ 10. Классификация древнегерманских племенных языков	20
 Глава III. История германской письменности	
§ 11. Свидетельства о германских языках в дописьменный период	21
§ 12. Руническое письмо	22
§ 13. Латинское письмо	25
§ 14. Готическое письмо	26
 ЧАСТЬ II. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ	
Глава I. История германской филологии	
§ 15. Начало изучения германских языков	28
§ 16. Возникновение сравнительно-исторического метода	30
§ 17. Понятие родства языков и языка-основы	30
§ 18. Дальнейшее развитие сравнительно-исторического метода	33
§ 19. Методика сравнительно-исторического анализа	35
 Глава II. Общенноевропейские черты германских языков	
1. Ударение и система фонем	
§ 20. Ударение	38
§ 21. Гласные	39
§ 22. Согласные	40

2. Морфологическая система	
§ 23. Морфологическая структура слова в общиндоевропейском	41
§ 24. Общиндоевропейские черты в системе германского имени	43
§ 25. Общиндоевропейские черты в системе германского глагола	44
3. Лексика	
§ 26. Общиндоевропейская лексика	46

Глава III. Общие особенности германского языкового ареала

1. Ударение и система фонем	
§ 27. Ударение	50
§ 28. Краткие гласные	51
§ 29. Долгие гласные	52
§ 30. Аблаут	54
§ 31. Аблаут в древнегерманских сильных глаголах	56
§ 32. Другие случаи аблаута в словоизменении	58
§ 33. Аблаут в словообразовании	58
§ 34. Умлаут	59
§ 35. Согласные	60
§ 36. Сонорные	60
§ 37. Первое передвижение согласных	61
§ 38. Датировка и причины первого передвижения согласных	63
§ 39. Закон Вернера	64
§ 40. Грамматическое чередование по закону Вернера	66
2. Основные черты морфологического строя	
§ 41. Морфологическая структура слова	67
§ 42. Склонение имени существительного	68
§ 43. Именные основы	69
§ 44. Основы на гласные	69
§ 45. Основы на согласные	70
§ 46. Склонение имен прилагательных. Сильное склонение	72
§ 47. Слабое склонение прилагательных	72
§ 48. Степени сравнения прилагательных	73
§ 49. Морфологическая классификация глаголов	74
§ 50. Сильные глаголы VI и VII классов	74
§ 51. Слабые глаголы	75
§ 52. Претерито-презентные глаголы	76
§ 53. Неправильные глаголы	77
§ 54. Грамматические категории глагола	77
3. Общегерманская лексика	
§ 55. Общегерманские этимологические параллели	78
§ 56. Ранние заимствования из кельтских и латинского языков	79
4. Ареальные особенности древнегерманских языков	
§ 57. Взаимосвязи между германскими языками	80
§ 58. Гото-скандинавские фонетические изоглоссы	81
§ 59. Гото-скандинавские морфологические изоглоссы	82
§ 60. Гото-скандинавские лексические изоглоссы	82
§ 61. Западногерманские изоглоссы	82
§ 62. Западногерманские фонетические изоглоссы	83
§ 63. Западногерманские морфологические изоглоссы	83
§ 64. Западногерманские лексические изоглоссы	84
§ 65. Общие черты западногерманского и северогерманского ареалов	84
§ 66. Фонетические изоглоссы. Преломление	84
§ 67. Ротацизм	85
§ 68. Морфологические изоглоссы	85

ЧАСТЬ III. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ ИСТОРИЯ

Глава I. Основные этапы развития германских языков

§ 69. Общие закономерности в развитии племенных языков	86
§ 70. Формирование языков народностей	88
§ 71. Образование наций и развитие национальных языков	89

Глава II. Восточногерманская группа языков. Готский язык	
§ 72. Первые сведения о восточногерманских племенах	91
§ 73. Готы	92
§ 74. Сведения о восточногерманских языках	94
§ 75. Значение готского языка для германистики	94
§ 76. Готская письменность и готские письменные памятники	95
§ 77. Система фонем готского языка. Гласные	96
§ 78. Согласные	97
§ 79. Особенности готской орфографии	99
§ 80. Характеристика морфологического строя готского языка	99

Глава III. Скандинавские языки	
§ 81. Древнескандинавские племена	111
§ 82. Эпоха викингов	113
§ 83. Причины и последствия походов викингов	114
§ 84. Язык надписей старшими рунами	116
§ 85. Язык надписей младшими рунами	117
§ 86. Языковое развитие до 11—12 вв.	119
§ 87. Классификация скандинавских языков	121

Исландский язык	
§ 88. Общие сведения. История	123
§ 89. Древнеисландская литература	124
§ 90. Фонетика	130
§ 91. Грамматика	134
§ 92. Лексика	136

Фарерский язык	
§ 93. Общие сведения. История	139
§ 94. Фонетика	141
§ 95. Грамматика	142

Норвежский язык	
§ 96. Общие сведения. История норвежского языка до 19 в.	143
§ 97. Норвежский язык в 19 в.	144
§ 98. Норвежский язык в 20 в.	147
§ 99. Фонетика	149
§ 100. Грамматика	150

Датский язык	
§ 101. Общие сведения. История	151
§ 102. Фонетика	156
§ 103. Грамматика	156

Шведский язык	
§ 104. Общие сведения. История	158
§ 105. Фонетика	162
§ 106. Грамматика	164
§ 107. Шведский язык в Финляндии	165

Глава IV. Западногерманские языки	
§ 108. Введение	166
Английский язык	
§ 109. Общие сведения и периодизация истории английского языка	166

1) Древнеанглийский период	
§ 110. Древняя история Британии	167
§ 111. Захват Британии англосаксами и сложение англосаксонской народности	168
§ 112. Древнеанглийский язык и его диалекты. Возникновение письменности	172
§ 113. Памятники древнеанглийского языка	173
§ 114. Фонетические особенности древнеанглийского языка. Вокализм	177

§ 115. Консонантизм	178
§ 116. Лексика и словообразование	179
§ 117. Грамматический строй	181

2) Среднеанглийский период

§ 118. Англия после нормандского завоевания	183
§ 119. Языковая ситуация в Англии после нормандского завоевания	185
§ 120. Письменные памятники	186
§ 121. Особенности орфографии среднеанглийских памятников	190
§ 122. Фонетические изменения. Вокализм	191
§ 123. Консонантизм	194
§ 124. Лексика	195
§ 125. Особенности грамматического строя	198

3) Новоанглийский период

§ 126. Ранненовоанглийский период. Общая характеристика	202
§ 127. Проблемы языка в трудах авторов 16—17 вв.	203
§ 128. Английское языкознание в 18 в.	206
§ 129. Фонетические изменения	208
§ 130. Изменения в грамматической системе	210
§ 131. Лексика	212
§ 132. Распространение английского языка за пределами Великобритании	213

Фризский язык

§ 133. Общие сведения. Современное положение	216
§ 134. Особенности англо-фризской группы. История фризского языка	218
§ 135. Фонетика	219
§ 136. Грамматика	220

Древнесаксонский язык

§ 137. Судьба древних саксов. Памятники древнесаксонского языка	221
§ 138. Дальнейшая судьба древнесаксонского	222
§ 139. Лингвистическая характеристика нижненемецкого	223

Нидерландский язык

§ 140. Общие сведения. История	224
§ 141. Фонетика	228
§ 142. Грамматика	229
§ 143. Нидерландский язык в Бельгии	230

Язык африкаанс

§ 144. Общие сведения. История	235
§ 145. Фонетика	236
§ 146. Грамматика	237

Немецкий язык

§ 147. Немецкая народность и ее язык	239
§ 148. Периодизация истории немецкого языка	239

1) Древневерхненемецкий период

§ 149. Диалекты древневерхненемецкого	240
§ 150. Возникновение общего названия немецкого языка и немецкой народности — deutsch	241
§ 151. Причины возникновения письменности на древневерхненемецком	242
§ 152. Глоссы и подстрочные переводы	242
§ 153. Языческие памятники	243
§ 154. Прозанческие христианские памятники	244
§ 155. Поэтические христианские памятники	245
§ 156. Фонетические особенности. Вокализм	246
§ 157. Консонантизм	249
§ 158. Второе передвижение согласных	249

§ 159. Датировка и распространение второго передвижения согласных	250
§ 160. Центральное немецкое ослабление согласных	252
§ 161. Особенности грамматического строя	253
§ 162. Лексика и словообразование	255

2) Средневерхненемецкий период

§ 163. Общая характеристика эпохи	257
§ 164. Классический период средневерхненемецкого. Героический эпос	257
§ 165. Куртуазный эпос, или рыцарский роман	258
§ 166. Лирика миннезингеров	260
§ 167. Другие литературные жанры	261
§ 168. Распространение немецкого языка. Восточная колонизация	262
§ 169. Особенности языкового развития в средневерхненемецкий период	263
§ 170. Фонетические изменения	264
§ 171. Особенности грамматического строя	266
§ 172. Лексика и словообразование	269

3) Нововержненемецкий период

§ 173. Ранневерхненемецкий период. Общая характеристика	270
§ 174. Фонетические особенности	272
§ 175. Особенности грамматического строя	273
§ 176. Лексика и словообразование. Словари	274
§ 177. Особенности языка канцелярий	275
§ 178. Основные факторы становления национальной языковой нормы. Языковая политика печатников	277
§ 179. Реформация в Германии и роль Лютера	279
§ 180. Особенности процессов языковой унификации в ранневерхненемецкий период	281
§ 181. Немецкая литература 16 в.	282
§ 182. Роль художественной литературы 17 в. в процессе становления немецкого национального языка	282
§ 183. Распространение верхненемецкого литературного языка (на восточносредненемецкой основе) на севере Германии	283
§ 184. Деятельность грамматистов	284
§ 185. Деятельность языковых обществ	286
§ 186. Пуризм	287
§ 187. Роль периодической печати	288
§ 188. Проблема языковой нормы во второй половине 18 в.	290
§ 189. Роль классической немецкой литературы	292
§ 190. Нормализация немецкого литературного произношения	294
§ 191. Нормализация немецкой орфографии	296
§ 192. Немецкий язык после 1945 г.	297
§ 193. Диалекты немецкого языка	298
§ 194. Немецкий язык в Австрии	300
§ 195. Немецкий язык в Швейцарии	301
§ 196. Немецкий язык в Люксембурге	304
§ 197. Немецкие поселения в иноязычном окружении	305

Идиш	306
§ 198. Общие сведения	306

Заключение	307
------------	-----

Список рекомендуемой литературы	312
---------------------------------	-----

Список сокращений	313
-------------------	-----

Пояснения к транскрипции	314
--------------------------	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГИС»

Предлагает учебники и самоучители, книги для чтения на иностранных языках.

Приглашаем к сотрудничеству авторов учебников, самоучителей по иностранным языкам, литературы для внеклассного чтения, развивающей литературы для детей.

Заинтересованным лицам обращаться:
129090, Москва, а/я 31, Издательство «ГИС»
или по телефону: (095) 281 6760
e-mail: www.gisbook@mail.ru

Учебное издание

Маргарита Георгиевна АРСЕНЬЕВА
Светлана Пантелеймоновна БАЛАШОВА
Валерий Павлович БЕРКОВ
Лия Николаевна СОЛОВЬЕВА

ВВЕДЕНИЕ В ГЕРМАНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Подписано в печать 26.10.2000 г. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Объем 20 п. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 2004.

Гигиеническое заключение № 77.ФЦ.8.953.П.206.1.99 от 22.01.99 г.

ЛР № 040018 от 5 августа 1996 г.

Издательство «ГИС»
129090, Москва, а/я 31

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ISBN 5-8330-0102-1

9 785833 001028

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГИС»

Предлагает учебники и самоучители, книги для чтения на иностранных языках.

Приглашаем к сотрудничеству авторов учебников, самоучителей по иностранным языкам, литературы для внеклассного чтения, развивающей литературы для детей.

**Заинтересованным лицам обращаться:
129090, Москва, а/я 31, Издательство «ГИС»
или по телефону: (095) 281 6760
e-mail: www.gisbook@mail.ru**

Учебное издание

**Маргарита Георгиевна АРСЕНЬЕВА
Светлана Пантелеймоновна БАЛАШОВА
Валерий Павлович БЕРКОВ
Лия Николаевна СОЛОВЬЕВА**

ВВЕДЕНИЕ В ГЕРМАНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Подписано в печать 26.10.2000 г. Формат 60 × 90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Объем 20 п. л. Тираж 5000 экз. Заказ № 2004.

Гигиеническое заключение № 77.ФЦ.8.953.П.206.1.99 от 22.01.99 г.

ЛР № 040018 от 5 августа 1996 г.

Издательство «ГИС»
129090, Москва, а/я 31

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

ISBN 5-8330-0102-1

